

А. Богдановъ.

КРАТКІЙ КУРСЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Изданіе 10-ое вновь переработанное и дополненное

Ш. М. ДВОЛАИЦКИМЪ

при участіи автора.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Москва, — 1920.

Россійская Коммунистическая Партія (большевиковъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

А. Богдановъ. (псевд. A. A. Malinovskii)

КРАТКІЙ КУРСЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Изданіе 10-ое, вновь переработанное и дополненное

Ш. М. ДВОЛАЙЦКИМЪ

при участіи автора.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Москва.—1920.

МОСКВА.
17-я ГОСУДАРСТВЕННАЯ типография (бывш. Кушнерева), Пименовская ул.
1920.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Промышленный капитализмъ.

Эпоха финансоваго капитализма.

Соціалистическое общество.

Въ настоящее время, кромѣ этого курса, имѣются построенные по тому же типу «Начальный курсъ», изложенный въ вопросахъ и отвѣтахъ, А. Богданова, и большой, двухтомный курсъ А. Богданова и И. Степанова (второй томъ котораго, въ четырехъ выпускахъ, долженъ выйти почти одновременно съ этой книгой). «Краткій курсъ» явится среднимъ звеномъ между ними, какъ систематическій учебникъ, сжато охватывающій главнѣйшіе факты и основы теоріи.

Главы объ идеологіи въ этомъ курсѣ, какъ и въ двухъ другихъ, отнюдь не представляютъ какого-то приложенія къ основному предмету. Идеологія есть орудіе организаціи экономической жизни, и слѣдовательно—важное условіе экономическаго развитія. Только въ этихъ рамкахъ, въ этой связи она здѣсь и затрагивается. Какъ предметъ самостоятельный, она разсматривается въ спеціальномъ учебникѣ «Наука объ общественномъ сознаніи», который написанъ по тому же типу.

Среди бурныхъ событій революціонной эпохи болѣе чѣмъ когда-либо необходимо твердое и цѣлостное экономическое знаніе. Безъ него невозможна планомѣрность ни въ общественной борьбѣ, ни въ общественномъ строительствѣ.

А. Богдановъ.

24 августа, 1919 г.

Введеніе.

I. Опредѣленіе экономической науки.

Всякая наука представляетъ систематизированное познаніе явленій опредѣленной области человѣческаго опыта. Познаніе явленій сводится къ тому, чтобы овладѣть ихъ взаимной связью, установить ихъ соотношенія и тѣмъ самымъ имѣть возможность использовать ихъ въ интересахъ человѣка. Подобныя стремленія возникаютъ на почвѣ хозяйственной дѣятельности людей, въ процессѣ трудовой борьбы человѣчества,—борьбы, которую оно неизмѣнно ведетъ съ природой за свое существованіе и развитіе. Въ своемъ трудовомъ опытѣ человѣкъ наталкивается, напримѣръ, на то, что треніе сухихъ кусковъ дерева другъ о друга при достаточной силѣ и длительности даетъ огонь, что огонь обладаетъ замѣчательной способностью производить такого рода измѣненія въ пищѣ, которыя облегчаютъ работу зубовъ и желудка, а вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ возможность довольствоваться меньшимъ количествомъ пищи. Практическія потребности человѣчества, такимъ образомъ, толкаютъ его къ установленію связи между этими явленіями,—къ ихъ познанію; уяснивши себѣ ихъ связь, человѣчество уже начинаетъ пользоваться ею, какъ орудіемъ въ своей трудовой борьбѣ. Но такого рода познаніе явленій, конечно, еще не представляетъ собою науки,—она предполагаетъ систематизированное познаніе всей суммы явленій опредѣленной отрасли трудового опыта. Въ этомъ смыслѣ познаніе связи между треніемъ, огнемъ и пр. можетъ разсматриваться только какъ зародышъ науки, именно той науки, которая въ настоящее время объединяетъ физико-химическіе процессы.

Спеціальнымъ предметомъ нашей экономической науки, или политической экономіи [1]), является область общественно-трудо-

[1]) Экономическую науку называютъ еще „національной экономіей“ (нѣмецкое „Nationaloekonomie“). Наиболѣе распространенный терминъ „политическая экономія“ слагается изъ греческихъ словъ „экономія“, что значитъ наука о хозяйствѣ, и „политическая“, т.-е. „гражданская“. Послѣднее слово употреблено здѣсь въ смыслѣ „общественный“ или „соціальный“, что одно и то же.

выхъ отношеній между людьми. Въ процессѣ производства люди въ силу естественной необходимости становятся въ извѣстныя отношенія между собой. Исторія человѣчества не знаетъ такого періода, когда люди вполнѣ разрозненно, по-одиночкѣ, добывали бы себѣ средства къ жизни. Уже въ самыя незапамятныя времена охота на дикаго звѣря, перенесеніе тяжестей и т. п. требовали простого сотрудничества (коопераціи); усложненіе хозяйственной дѣятельности повлекло за собой раздѣленіе труда между людьми, при которомъ въ общемъ хозяйствѣ одинъ выполняетъ одну необходимую для всѣхъ работу, другой—другую, и т. д. Какъ простое сотрудничество, такъ и раздѣленіе труда ставятъ людей въ опредѣленную связь между собою и представляютъ первичныя, элементарныя производственныя отношенія. Область такихъ отношеній не исчерпывается, конечно, простымъ сотрудничествомъ и раздѣленіемъ труда; она гораздо сложнѣе и шире.

Переходя отъ низшихъ ступеней развитія человѣчества къ высшимъ, мы сталкиваемся съ такими фактами: крѣпостной часть продукта своего труда отдаетъ помѣщику, рабочій работаетъ на капиталиста; ремесленникъ производитъ не для личнаго потребленія, а въ значительной долѣ для крестьянина, который, со своей стороны, часть своего продукта прямо или черезъ торговцевъ передаетъ ремесленнику. Все это—общественно-трудовыя связи, которыя образуютъ цѣлую систему производственныхъ отношеній въ широкомъ смыслѣ этого слова. Они охватываютъ, слѣдовательно, и присвоеніе, и распредѣленіе продуктовъ въ обществѣ.

Сложность и широта производственныхъ отношеній проявляются особенно сильно въ развитомъ мѣновомъ хозяйствѣ. Такъ, напримѣръ, при господствѣ капитализма устанавливаются постоянныя общественныя отношенія между людьми, никогда не видавшими другъ друга и часто не имѣющими даже никакого представленія о тѣхъ прочныхъ нитяхъ, которыя связываютъ ихъ между собой. Берлинскій биржевикъ можетъ имѣть акціи какого-нибудь южно-американскаго завода. Въ силу одного только факта владѣнія этими акціями онъ получаетъ ежегодную прибыль съ этого предпріятія, т.-е. часть продукта, созданнаго трудомъ южно-американскаго рабочаго, или, что практически равносильно этому, часть цѣнности его продукта. Между берлинскимъ биржевикомъ и южно-американскимъ рабочимъ устанавливаются, такимъ образомъ, невидимыя общественныя отношенія, которыя и должна изслѣдовать экономическая наука.

«Въ общественномъ отправленіи своей жизни люди вступаютъ въ извѣстныя, отъ ихъ воли независящія, отношенія—производственныя; отношенія эти всегда соотвѣтствуютъ данной достигнутой ступени разви-

тія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ» [1]), т.-е. общественно-техническихъ или общественно-трудовыхъ отношеній людей къ внѣшней природѣ. Это значитъ, что люди въ процессѣ борьбы съ внѣшней природой необходимо становятся въ такія отношенія между собой, которыя соотвѣтствовали бы условіямъ и способамъ этой борьбы: охота, напримѣръ, требуетъ другихъ способовъ сотрудничества, чѣмъ грандіозныя оросительныя работы скудныхъ влагой мѣстностей; современное машинное производство ставитъ рабочихъ въ другія взаимныя отношенія, чѣмъ основанная на ручномъ трудѣ мануфактура. «Совокупность этихъ производственныхъ отношеній, продолжаетъ Марксъ, образуетъ экономическое строеніе общества; оно есть реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Способъ производства обусловливаетъ собой процессъ жизни соціальной, политической и духовной вообще».

Съ точки зрѣнія этихъ идей, составляющихъ сущность теоріи историческаго матеріализма, экономическія отношенія жизненно-необходимы; они неизбѣжно складываются въ зависимости отъ степени развитія производительныхъ силъ и образуютъ поэтому основное строеніе общества,—канву, на которой вышиваются всѣ многообразные и сложные узоры общественно-трудовой жизни человѣчества. Политическую экономію можно, поэтому, съ полнымъ правомъ назвать наукой объ основномъ строеніи общества.

Говоримъ ли мы о широкихъ историческихъ перспективахъ или о развитіи общественнаго сознанія, обсуждаемъ ли мы вопросы внѣшней политики или религіи,—мы никакъ не можемъ оторваться отъ экономическихъ связей общества, отъ его основного строенія: мы неизмѣнно должны пользоваться выводами экономической науки. Нашу науку, вслѣдствіе этого, можно считать основной въ системѣ соціальныхъ наукъ. Въ этихъ наукахъ она играетъ такую же роль, какъ физика и химія при изученіи всѣхъ органическихъ и неорганическихъ процессовъ. И если ботаникъ, зоологъ, астрономъ и агрономъ окажутся безоружными, не усвоивъ выводовъ физики и химіи, то въ такое же положеніе попадутъ соціологъ, историкъ и юристъ, если имъ чужда политическая экономія.

Болѣе того. Въ такое же положеніе попадаетъ въ этомъ случаѣ каждый гражданинъ, желающій активно участвовать въ общественной борьбѣ и работѣ.

Какъ и всякая наука, политическая экономія возникаетъ первоначально изъ практическихъ потребностей человѣчества въ его тру-

[1]) Карлъ Марксъ. Къ критикѣ политической экономіи.

довой борьбѣ съ природой. На извѣстной ступени развитія общества, создается такое положеніе, что люди попадаютъ подъ власть своихъ общественно-трудовыхъ отношеній. Надъ человѣкомъ, надъ его трудомъ и благосостояніемъ начинаютъ господствовать рынокъ, конкуренція, колебанія цѣнъ и цѣлый рядъ другихъ экономическихъ явленій; къ нимъ онъ принужденъ во что бы то ни стало приспособляться, они какъ-бы обращаютъ его въ своего раба. Понятно, что это должно порождать стремленіе къ познанію всѣхъ этихъ явленій,—къ познанію, которое дало бы возможность ихъ предвидѣнія и цѣлесообразнаго воздѣйствія на нихъ. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что политическая экономія, какъ наука, стала развиваться лишь въ XVI—XVII вв., какъ разъ тогда, когда ростъ мѣнового хозяйства принесъ съ собою стихійную власть рынка и денегъ надъ людьми.

По своей основной задачѣ, экономическая наука занимается изученіемъ общественно-трудовыхъ отношеній между людьми. Но она не можетъ, однако, не касаться при этомъ другихъ сторонъ процесса производства: она необходимо должна принимать во вниманіе его техническую и идеологическую сторону, поскольку отъ той и другой зависитъ его развитіе.

Мы уже указали, что именно развитіемъ техническихъ способовъ производства опредѣляются экономическія отношенія вообще. Ясно, до какой степени важны для нашего изслѣдованія факты технической жизни. Если мы не примемъ въ расчетъ такихъ явленій, какъ техническій переворотъ конца XVIII вѣка, какъ изобрѣтеніе паровой машины и механическаго ткацкаго станка, или какъ примѣненіе пара къ мореплаванію и т. п., то мы не поймемъ цѣлаго ряда экономическихъ явленій первостепенной важности.

То же самое относится къ идеологіи. Всѣ ея формы: рѣчь, познаніе, нормы обычая, права, морали, политическій строй и т. д., представляютъ на дѣлѣ въ жизни общества организаціонныя орудія. Такимъ орудіемъ является въ процессѣ производства, напримѣръ, рѣчь, при помощи которой работнику указывается его мѣсто и роль въ трудѣ и безъ которой этотъ трудъ приносилъ бы плоды вавилонскаго столпотворенія. Такую же организующую роль играютъ нормы права, когда онѣ устанавливаютъ и закрѣпляютъ барщину, даже ритмическая музыка или пѣніе «дубинушки», когда они координируютъ трудовыя усилія людей.

Сами идеологическія формы возникаютъ, какъ сказано выше, изъ техническихъ условій производства и экономическихъ отношеній; но разъ появившись, онѣ, какъ орудія организаціи, въ свою очередь, оказываютъ вліяніе на технику и экономику, именно—онѣ способствуютъ или же накладываютъ путы на развитіе производства. Экономической

наукѣ, вообще говоря, нѣтъ никакого дѣла до догматовъ католической церкви; но коль скоро эта церковь становится опорой отживающихъ феодально-крѣпостническихъ отношеній, коль скоро она этимъ самымъ становится поперекъ пути болѣе прогрессивнымъ, съ точки зрѣнія политической экономіи, отношеніямъ капиталистическимъ, наша наука не можетъ не учитывать этого факта.

Общественныя отношенія не представляютъ чего-либо постояннаго, неизмѣннаго; они непрерывно измѣняются, какъ все въ природѣ. Въ ихъ измѣненіяхъ выражается или прогрессъ, или упадокъ силы общества, побѣда общества надъ природой или природы надъ обществомъ. Было время, когда люди жили маленькими, тѣсно сплоченными общинами, независимыми другъ отъ друга; тогда производственныя отношенія были очень узки и несложны, а распредѣлительныя сводились къ прямому распредѣленію; теперь человѣческія общества громадны, экономическія отношенія въ высшей степени сложны; но между прошлымъ и настоящимъ устанавливается непрерывная цѣпь развитія. Бывали факты и другого рода—когда сила общества въ борьбѣ съ природой падала, обширныя общественныя связи порывались, экономическія отношенія становились болѣе узкими и несложными; тутъ наукѣ приходится прослѣживать другую непрерывную цѣпь измѣненій, цѣпь не развитія, а упадка, деградаціи. Въ вопросахъ развитія и деградаціи—весь интересъ науки, потому что наука есть одно изъ орудій человѣчества въ борьбѣ за жизнь, за развитіе.

Этимъ намѣчается въ существенныхъ чертахъ и порядокъ дальнѣйшаго изложенія.

II. Методы экономической науки.

Экономическая наука, какъ и другія науки, пользуется двумя основными методами изслѣдованія: это—1) индукція, методъ обобщающій, идущій отъ частнаго къ общему, и 2) дедукція—методъ примѣняющій обобщенія, дѣлающій выводы отъ общаго къ частному.

Методъ индукціи выражается, прежде всего, въ обобщающихъ описаніяхъ. Имѣя рядъ явленій, мы отыскиваемъ то, что въ нихъ есть общаго, и получаемъ этимъ путемъ первыя обобщенія. Отыскивая далѣе черты сходства уже между ними, мы приходимъ къ обобщеніямъ второго порядка, и т. д. Если мы взяли рядъ, напримѣръ, хозяйствъ кузнецовъ, то мы можемъ найти въ нихъ общія черты и, выдѣливъ это общее, составить себѣ понятіе о хозяйствѣ кузнеца вообще. То же самое мы можемъ продѣлать съ хозяйствами переплетчиковъ,

булочниковъ, портныхъ и т. д. Сопоставляя полученныя такимъ образомъ первыя обобщенія и выдѣливъ то, что есть сходнаго между ними, мы можемъ получить понятіе о хозяйствѣ ремесленника вообще. Передъ нами тогда будетъ обобщеніе второго порядка. Выдѣляя общія черты изъ этого и изъ другого обобщенія, именно относящагося къ хозяйству крестьянъ, мы можемъ прійти къ болѣе широкому обобщенію—«хозяйство мелкаго производителя». Если мы отмѣтимъ общія черты такого ряда сходныхъ явленій, то мы тѣмъ самымъ дадимъ обобщенное описаніе.

Процессы жизни такъ сложны и разнообразны, что простое описаніе легко запутывается въ нихъ: въ явленіяхъ очень близкихъ между собою одни и тѣ же признаки то имѣются на-лицо, то отсутствуютъ, выражены то сильнѣе, то слабѣе; все это часто чрезвычайно затрудняетъ обобщеніе и усложняетъ описаніе. Въ этихъ условіяхъ приходится прибѣгать къ другому методу, къ индукціи статистической.

Статистическій методъ выясняетъ, насколько часто встрѣчаются тѣ или иные признаки въ данной группѣ явленій, и въ какой степени они при этомъ выражены. При помощи обобщающаго описанія мы по признаку обладанія имуществомъ выдѣляемъ изъ общества «собственниковъ» и «не-собственниковъ». Методъ подсчета, статистики, можетъ внести въ наше изслѣдованіе ясность и точность, т.-е. показать, насколько часто повторяется въ обществѣ людей указанный нами признакъ, и въ какой мѣрѣ. Пользуясь статистическимъ методомъ, мы можемъ прійти къ заключенію, что изъ 100 милліоновъ человѣкъ, положимъ, 80 мил. сходны между собой въ томъ, что они имѣютъ собственность, а 20 мил.—въ томъ, что они таковой не имѣютъ,—а также сколько среди собственниковъ милліонеровъ, богатыхъ, бѣдныхъ людей и пр. Но этимъ роль нашего метода не ограничивается. Такіе же подсчеты могли, напримѣръ, установить, что въ томъ же обществѣ 10 лѣтъ тому назадъ на 100 членовъ было 85 собственниковъ, и еще на 10 лѣтъ раньше—90. Устанавливается, такимъ образомъ, и тенденція развитія, т.-е. направленіе, въ которомъ совершаются измѣненія наблюдаемыхъ фактовъ. Но откуда взялась эта тенденція, и какъ далеко она можетъ итти, это остается неизвѣстнымъ: наши подсчеты не могли показать, почему число людей, которые разоряются, больше, чѣмъ число неимущихъ, которые за тотъ же промежутокъ времени становятся собственниками.

Дѣло въ томъ, что статистическій методъ, давая болѣе совершенное описаніе фактовъ, не даетъ, однако, ихъ объясненія. Каждое явленіе, а въ особенности экономическое, представляетъ сложный результатъ многихъ причинъ. Статистическій методъ не въ состояніи

выдѣлить эти причины изъ ихъ сцѣпленія, онъ не можетъ опредѣлить, какія изъ нихъ болѣе общія, основныя, какія изъ нихъ второстепенныя, случайныя и, наконецъ, какъ тѣ и другія соединяются въ дѣйствительности. Въ разсмотрѣнномъ нами примѣрѣ можетъ оказаться, что число собственниковъ, которое въ ряду лѣтъ уменьшалось, затѣмъ постепенно или вдругъ начнетъ увеличиваться: это можетъ случиться, напримѣръ, вслѣдствіе аграрной революціи, которая подѣлила огромныя помѣстья нѣсколькихъ тысячъ владѣльцевъ между милліонами батраковъ и превратила ихъ въ собственниковъ. Статистическій методъ не въ силахъ найти основу явленій, и мы должны для этой цѣли прибѣгнуть къ методу абстрактно-аналитическому.

Сущность этого метода заключается въ упрощеніи фактовъ путемъ ихъ разложенія (анализа). Изъ изучаемыхъ фактовъ выдѣляются и устраняются разныя усложняющія условія, такъ, чтобы обнаружилась самая основа явленія. Выдѣлить, абстрагировать («абстрагировать»—значитъ «отвлекать») эти условія приходится либо практически, либо мысленно. Практически абстрагированіе производится очень часто въ естественныхъ наукахъ. Оно заключается въ томъ, что изслѣдуемое явленіе природы воспроизводится искусственно, лабораторнымъ путемъ, который и даетъ возможность изолировать это явленіе отъ цѣлаго ряда обычно осложняющихъ его условій. Обратимся, напримѣръ, къ паденію тѣлъ. Большинство изъ нихъ падаетъ вертикально, иныя быстрѣе, другія медленнѣе, нѣкоторыя тѣла падаютъ по кривой или зигзагомъ, а нѣкоторыя не только не падаютъ, а летятъ даже вверхъ. Наблюдая зависимость всѣхъ этихъ явленій, напримѣръ, отъ движенія вѣтра, нетрудно догадаться, что сопротивленіе воздуха играетъ здѣсь роль усложняющаго условія. Отсюда сама собою вытекаетъ задача; отвлечься, по возможности, отъ этого условія. Мы воспроизводимъ процессы паденія въ искусственно созданной нами обстановкѣ: заставляемъ тѣла падать въ трубкѣ, изъ которой выкачанъ воздухъ. Тогда оказывается, что и свинецъ, и пухъ, и бумага падаютъ вертикально и съ одинаковой скоростью. Такимъ образомъ мы находимъ основную и постоянную тенденцію данной группы явленій, ихъ основу; мы говоримъ: всѣ тѣла падаютъ по направленію къ центру земли съ одинаковой скоростью. Владѣя этой закономѣрностью, можно далѣе изслѣдовать вліяніе сопротивленія воздуха—главную усложняющую тенденцію, а затѣмъ вліяніе вѣтра, случайныхъ толчковъ, и явленіе «объясняется» все полнѣе, все точнѣе.

Но осуществлять практически подобнаго рода абстрагированіе можно не всегда и не при всѣхъ явленіяхъ. Оно недоступно, напримѣръ, такимъ наукамъ, какъ небесная механика; оно недоступно и нашей наукѣ. Ей приходится прибѣгать къ мысленному отвлеченію услож-

няющихъ условій наблюдаемыхъ фактовъ. Лучше всего сущность этого метода выяснить на примѣрѣ. Статистика устанавливаетъ, что въ капиталистическихъ странахъ, за большой промежутокъ времени, крупные капиталы растутъ, что количество среднихъ и, особенно, мелкихъ капиталовъ уменьшается и что количество пролетаріевъ, лишенныхъ капитала, при этомъ возрастаетъ. Скорость этого процесса, однако, различна въ разныхъ странахъ, въ одномъ случаѣ онъ развивается быстрѣе, въ другомъ медленнѣе, въ третьемъ наблюдаются и обратныя явленія, въ четвертомъ они даже временно получаютъ перевѣсъ. Данныя, напримѣръ, статистики убѣждаютъ насъ, что въ общемъ указанныя явленія имѣютъ мѣсто во всѣхъ капиталистическихъ странахъ; но чистаго капитализма нигдѣ не существуетъ: къ нему всюду примѣшиваются остатки феодально-крѣпостническаго строя, ремесленно-цеховаго хозяйства и даже формъ гораздо болѣе отдаленнаго прошлаго. Для изучаемаго явленія—это, несомнѣнно, осложняющія обстоятельства. Чтобы отвлечься отъ нихъ, мы располагаемъ свои данныя въ рядъ слѣдующимъ образомъ: на первомъ мѣстѣ мы ставимъ страны, въ которыхъ пережитки прежнихъ формъ хозяйства наиболѣе сильны, напр., Персію и Турцію; на второмъ мѣстѣ мы помѣщаемъ страны, гдѣ эти пережитки менѣе значительны, напр., Россію и Японію,—и т. д., вплоть до странъ, гдѣ капитализмъ, какъ въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, меньше всего осложняется остатками прежнихъ экономическихъ отношеній. Оказывается, что разсматриваемый процессъ (процессъ концентраціи капиталовъ) протекаетъ наиболѣе отчетливо и правильно, въ наиболѣе чистой формѣ именно тамъ, гдѣ слабѣе всего остатки отживающихъ докапиталистическихъ формъ. Продолжая мысленно нашъ рядъ вплоть до полнаго отвлеченія отъ этихъ остатковъ, мы приходимъ къ представленію о чистомъ капитализмѣ, и мы дѣлаемъ слѣдующій выводъ: основной и постоянной тенденціей капитализма является концентрація капиталовъ. Этотъ абстрактный выводъ есть абстрактный законъ капитализма.

Таковы сущность и значеніе трехъ видовъ индуктивнаго метода: точно описывая явленія, опредѣляя ихъ количественно и устанавливая ихъ основныя закономѣрности, они даютъ имъ «объясненіе»; а вмѣстѣ съ тѣмъ они подготовляютъ прочную основу для научнаго предвидѣнія, которое осуществляется посредствомъ дедуктивнаго метода.

Этотъ методъ состоитъ въ томъ, что обобщенія и законы, добытые индукціей, прилагаются къ частнымъ случаямъ, и такимъ образомъ выводятся ихъ «объясненіе» и относящіяся къ нимъ предсказанія. «Предсказанія» и «предвидѣнія»—не что иное, какъ подобные выводы.

Дедукція бываетъ простая и сложная. Если, напр., установлено, что развитіе капитализма связано съ процессомъ концентраціи

капиталовъ, то мы можемъ примѣнительно къ Японіи, вступившей на путь капиталистическаго развитія, утверждать, что тамъ должна происходить гибель мелкихъ производителей, ростъ пролетарскихъ массъ и т. д. Мы примѣняемъ здѣсь только одно индуктивно добытое положеніе; это случай простой дедукціи.—Но для пониманія и предвидѣнія опредѣленнаго частнаго случая наукѣ гораздо чаще приходится примѣнять нѣсколько индуктивныхъ обобщеній или законовъ сразу. Это будутъ случаи сложныхъ дедукцій. Если намъ нужно, напримѣръ, предсказать движеніе цѣнъ на товары, то мы должны принять въ разсчетъ цѣлый рядъ обобщеній и абстрактныхъ законовъ, относящихся къ измѣненію трудовой стоимости этихъ товаровъ, къ измѣненію стоимости самихъ денегъ, къ вліянію частно-капиталистическихъ монополій и т. д., и т. д.

Совершенно ясно, что надежность и точность всякой дедукціи зависитъ отъ тѣхъ общихъ положеній, изъ которыхъ дѣлаются наши выводы. Поэтому сила дедукцій покоится всецѣло на надежности того, что даетъ намъ индуктивный методъ. Въ этомъ смыслѣ выводъ (дедукція), сдѣланный изъ обобщающаго описанія, менѣе надеженъ, чѣмъ выводъ изъ статистически установленныхъ положеній; наиболѣе же строгіе и точные выводы тѣ, которые основываются на общихъ законахъ явленій. Но такъ какъ послѣдніе получаются методомъ абстрактно-аналитическимъ, то именно онъ и является главной и лучшей опорой для метода дедуктивнаго.

Когда установлены абстрактные законы явленій, т.-е. выдѣлены главнѣйшія ихъ тенденціи и дана связь послѣднихъ съ опредѣленными условіями, то достаточно знать основныя изъ этихъ условій, чтобы въ существенныхъ чертахъ предвидѣть ходъ соотвѣтственныхъ событій. Въ этомъ вся сила науки вообще и экономической въ частности.

III. Система изложенія.

Общественныя отношенія производства и распредѣленія измѣняются постепенно, послѣдовательно, мало-по-малу. Быстрыхъ переходовъ не бываетъ, рѣзкихъ границъ между предыдущимъ и послѣдующимъ не наблюдается. Тѣмъ не менѣе, изучая экономическую жизнь какого-нибудь общества, ее по большей части возможно бываетъ раздѣлить на нѣсколько періодовъ, значительно различающихся строемъ общественныхъ отношеній, хотя и не рѣзко отдѣленныхъ одинъ отъ другого.

Наибольшій интересъ для насъ представляетъ—и въ то же время наиболѣе изслѣдованъ наукою—ходъ развитія тѣхъ обществъ, которыя вошли въ составъ «цивилизованнаго» человѣчества нашихъ временъ.

Въ основныхъ чертахъ путь развитія этихъ обществъ оказывается повсюду сходнымъ. Намѣчаются до настоящаго времени двѣ главныхъ фазы, протекавшія въ различныхъ случаяхъ неодинаково въ частностяхъ, но въ существенномъ почти одинаково, и одна фаза, которой принадлежитъ будущее.

1. Первичное натуральное хозяйство. Его отличительныя особенности: слабость общественнаго человѣка въ борьбѣ съ природой, узость отдѣльныхъ общественныхъ организацій, несложность общественныхъ отношеній, отсутствіе или ничтожное развитіе обмѣна, крайняя медленность происходящихъ измѣненій въ общественныхъ формахъ.

II. Мѣновое хозяйство. Размѣры общественнаго производства и разнородность его элементовъ возрастаютъ. Общество представляется сложнымъ цѣлымъ, состоящимъ изъ отдѣльныхъ хозяйствъ, которыя лишь въ относительно малой или въ ничтожной степени удовлетворяютъ свои потребности собственными продуктами, въ наибольшей же части—продуктами другихъ хозяйствъ, именно при посредствѣ обмѣна. Развитіе идетъ черезъ борьбу интересовъ и соціальныя противорѣчія; скорость его возрастаетъ.

III. Соціально-организованное хозяйство—еще не достигнутая ступень развитія. Размѣры и сложность производства продолжаютъ непрерывно возрастать, но разнородность его элементовъ переходитъ на орудія и методы труда, сами же члены общества развиваются въ сторону однородности. Производство и распредѣленіе планомѣрно организованы самимъ обществомъ въ единую, цѣлостную систему, чуждую дробленія, противорѣчій, анархіи. Процессъ развитія все болѣе ускоряется.

При анализѣ общественныхъ отношеній каждаго періода необходимо выяснить, почему и какимъ образомъ они возникли, почему и какимъ образомъ измѣнялись, переходя въ новыя отношенія.

Благодаря неразрывной связи экономическихъ явленій съ правовыми и идейными, экономическая наука не можетъ обойти вопроса о той взаимной связи, въ которой находится развитіе этихъ трехъ областей общественно-человѣческой жизни.

Натуральное хозяйство.

I. Первобытный родовой коммунизмъ.

Данныя, на основаніи которыхъ приходится изучать жизнь первобытныхъ людей, нельзя назвать богатыми. Никакой литературы отъ времени первобытнаго человѣка не осталось, такъ какъ ея тогда и быть не могло. Единственными памятниками этого періода являются находимыя въ землѣ кости, орудія и проч., а также слѣды доисторическихъ общественныхъ отношеній, сохранившіеся въ обычаяхъ, культѣ, сказаніяхъ, корняхъ словъ и т. д.

Есть еще важный источникъ, которымъ можно пользоваться при изслѣдованіи жизни первобытнаго человѣчества, это—жизнь, отношенія, обычаи современныхъ дикарей, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые стоятъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія. Но, прибѣгая къ этому источнику, необходимо соблюдать большую осторожность въ выводахъ. Теперь уже не найдется дикарей, которымъ никогда не приходилось бы имѣть сношеній съ болѣе развитыми народами; и легко впасть въ серьезную ошибку, принявъ за остатокъ первобытныхъ обычаевъ то, что на самомъ дѣлѣ заимствовано въ сравнительно недавнее время. Возможны также ошибки другого рода. Иное племя, уже до извѣстной степени развившее культуру, вновь утрачиваетъ большую часть ея пріобрѣтеній вслѣдствіе неудачно сложившейся исторической жизни. Принимая такое одичавшее племя за первобытно-дикое, можно сдѣлать много невѣрныхъ выводовъ.

Во всякомъ случаѣ, и того запаса данныхъ о жизни первобытныхъ людей, какой имѣется въ настоящее время, достаточно, чтобы выяснить основныя черты общественныхъ отношеній «доисторической» эпохи.

1. Первобытныя отношенія человѣка къ природѣ.

Въ борьбѣ съ природой первобытный человѣкъ вооруженъ до крайности плохо, хуже многихъ звѣрей. Природныя орудія—руки, ноги, зубы—у него гораздо слабѣе, чѣмъ, напр., у большихъ хищныхъ жи-

вотныхъ. Орудія же искусственныя, тѣ, которыя теперь даютъ человѣку рѣшительный перевѣсъ надъ остальной живой и мертвой природой, тогда были плохи, грубы, и слишкомъ мало ихъ было въ распоряженіи человѣка, такъ что они не могли значительно облегчать ему борьбу за существованіе.

Въ этой тяжелой борьбѣ первобытный человѣкъ далеко не является царемъ природы. Совсѣмъ напротивъ: первый періодъ жизни человѣчества есть періодъ угнетенія, рабства человѣка. Только угнетателемъ и господиномъ является не другой человѣкъ, а природа.

Первыми орудіями были, несомнѣнно, камень и палка. Орудія эти, взятыя прямо изъ природы, можно, повидимому, найти даже у высшихъ обезьянъ. Но уже теперь нигдѣ не осталось такихъ дикарей, которые не знали бы иныхъ орудій.

Мозгъ первобытнаго человѣка слабъ, неразвитъ. Для умственной работы у него не остается времени среди постоянной, изнуряющей борьбы, въ которой ни на минуту не прекращается опасность смерти.

И тѣмъ не менѣе человѣкъ развивается. Тупой, угнетенный рабъ природы, добывая средства къ жизни, борясь за свое существованіе, онъ въ процессѣ труда знакомится съ предметами и силами природы, изъ поколѣнія въ поколѣніе передаетъ и накопляетъ опытность, улучшаетъ орудія. Со страшной медленностью, въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ дѣлаются одно за другимъ изобрѣтенія и открытія. Изобрѣтаются все такія вещи, которыя человѣку нашихъ временъ кажутся чрезвычайно простыми. Но онѣ очень недешево достались первобытному человѣку. Путемъ соединенія камня и палки, обработки ихъ, приспособленія къ разнымъ цѣлямъ, изъ этихъ первобытныхъ орудій произошли многія другія—каменные топоры, молотки, ножи, копья и т. п.

Къ самымъ раннимъ ступенямъ существованія человѣчества надо отнести и открытіе огня. Человѣкъ могъ первоначально познакомиться съ огнемъ благодаря молніи, изверженіямъ вулкановъ или лѣснымъ пожарамъ, которые нерѣдко возникаютъ безъ всякаго участія людей. Осмотръ пожарища могъ познакомить нашихъ отдаленныхъ предковъ съ согрѣвающими свойствами огня; при этомъ имъ случалось на опытѣ подмѣчать, что фрукты и мясо подъ дѣйствіемъ умѣреннаго огня становятся вкуснѣе и мягче, и практически использовать эти полезныя его свойства. На первыхъ порахъ огонь, надо думать, не добывался искусственнымъ путемъ, а попросту поддерживался. Добываніе его посредствомъ тренія и высѣканія искръ изъ кремня стало примѣняться лишь на болѣе высокой ступени развитія техники.

Постояннаго жилища первобытный человѣкъ не имѣлъ. Отъ стужи, зноя, дождя онъ укрывался подъ густыми лиственными деревьями, въ кустарникахъ и въ пещерахъ. Этой цѣли могли служить и дупла де-

ревьевъ, и покрытыя хворостомъ ямы, на днѣ которыхъ теплился нераздуваемый вѣтромъ огонь. Разнаго рода шалаши, переносныя и постоянныя жилища, несомнѣнно, были продуктомъ болѣе поздняго времени.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ запасъ тѣхъ средствъ, которыми пользовался человѣкъ въ борьбѣ за существованіе. Болѣе совершенныя, но съ точки зрѣнія современнаго человѣка безусловно примитивныя орудія явились позже. Къ ихъ числу можно отнести, напримѣръ, крючокъ изъ рыбьихъ костей, плотъ, развившійся затѣмъ въ лодку, и, наконецъ, лукъ и стрѣлы, поставившія человѣка на одинъ уровень съ самыми сильными животными.

Такъ шелъ мало-по-малу прогрессъ производительнаго труда въ этотъ ранній періодъ жизни человѣчества.

Промышленность сводилась къ добыванію плодовъ съ деревьевъ, охотѣ за мелкими звѣрями, рыбной ловлѣ, приготовленію грубыхъ орудій изъ камня, дерева и кости, и грубой одежды изъ шкуръ. Этотъ типъ производства можно обозначить какъ охотничій, подразумѣвая подъ охотою добываніе изъ внѣшней природы непосредственно предлагаемыхъ ею средствъ къ жизни, будутъ ли это звѣри въ лѣсу, рыбы въ водѣ или плоды на дикихъ растеніяхъ. Главная черта такой промышленности заключается въ томъ, что она никогда не обезпечиваетъ человѣческой жизни вполнѣ. Собираніе плодовъ, охота, рыбная ловля—все такія занятія, въ которыхъ слишкомъ большую роль играетъ случайность. Первобытный человѣкъ не умѣлъ и, благодаря своей бродячей жизни, не могъ дѣлать запасовъ, а до тѣхъ отраслей производства, которыя даютъ человѣку увѣренность въ завтрашнемъ днѣ—до земледѣлія и скотоводства—онъ тогда еще не дошелъ.

Всѣ силы человѣка уходили на добываніе необходимыхъ средствъ къ жизни. Его дневной трудъ едва былъ достаточенъ для того, чтобы прокормитъ его. Все рабочее время человѣка поглощалось борьбою за жизнь; не оставалось лишняго (прибавочнаго) рабочаго времени, которое онъ могъ бы употребитъ на работу для другого или на улучшеніе условій своей жизни. Трудъ не создавалъ прибавочнаго, т.-е. лишняго, продукта, сверхъ необходимаго для жизни.

Если сегодня охотникъ-дикарь и добылъ больше, чѣмъ ему на сегодняшній день нужно, то завтра онъ, можетъ быть, ничего не добудетъ, а то и погибнетъ въ неравной борьбѣ съ какимъ-нибудь сильнымъ звѣремъ.

При такихъ условіяхъ, очевидно, невозможна эксплоатація, т.-е. невозможно присвоеніе плодовъ чужого прибавочнаго труда, такъ какъ самого прибавочнаго труда нѣтъ. Здѣсь возможенъ только самый грубый, первобытный способъ извлечь выгоду изъ другого человѣка—это съѣсть его.

2. Строеніе первобытно-родовой группы.

Современная наука ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ не знаетъ такихъ людей, которые бы жили не въ обществѣ. Въ первобытную эпоху уже существовали связи между людьми, хотя гораздо менѣе широкія, чѣмъ теперь. Обходиться безъ помощи другихъ людей въ борьбѣ за существованіе человѣку тѣхъ временъ было такъ же невозможно, какъ нынѣшнему. Лицомъ къ лицу съ враждебной природой, отдѣльная личность была бы обречена на скорую, неминуемую гибель.

Однако и сила общественныхъ союзовъ была крайне ничтожна. Основная причина этого заключалась въ очень слабомъ развитіи техники; а оно, въ свою очередь, порождало и другую причину—чрезвычайную узость общественныхъ связей, незначительность размѣровъ отдѣльныхъ обществъ.

Чѣмъ ниже техника, чѣмъ менѣе совершенны способы борьбы за существованіе, тѣмъ большее требуется на каждаго человѣка пространство земли, «площадь эксплоатаціи», для добыванія средствъ къ жизни. Первобытная охота настолько малопроизводительное занятіе, что на одной квадратной милѣ земли при среднихъ природныхъ условіяхъ умѣреннаго пояса можетъ прокормить не болѣе 20 человѣкъ. Сколько-нибудь значительная группа людей должна была бы раскинуться на такое громадное пространство, что поддержаніе общественной связи стало бы дѣломъ въ высшей степени труднымъ; а если принять во вниманіе первобытную технику сообщеній между людьми—отсутствіе какихъ бы то ни было дорогъ, отсутствіе прирученныхъ животныхъ, на которыхъ можно было бы ѣздить, громадныя опасности, связанныя съ самымъ незначительнымъ путешествіемъ,—то становится очевиднымъ, что размѣры общественнаго союза достигали тогда самое большее нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ.

Соединяться для совмѣстной борьбы за жизнь въ тѣ времена было возможно только для людей, которыхъ уже сама природа связала единствомъ происхожденія, родственными отношеніями. Люди, чуждые другъ другу по крови, не вступали въ свободные союзы для производственной дѣятельности: первобытному человѣку не выдумать такой сложной вещи, какъ договоръ; а главное—страшная суровость борьбы за существованіе пріучила его враждебно относиться ко всякому человѣку, съ которымъ не связали его родство и совмѣстная жизнь. Поэтому общественная организація первобытнаго періода имѣла форму *родового союза* или *рода*. Предѣлами этой формы и ограничивались экономическія отношенія.

Основное производственное отношеніе родовой группы есть *простое сотрудничество*. Общественно-трудовая дѣятельность такъ

ограничена и несложна, что каждый умѣетъ дѣлать все, что умѣютъ другіе, и всѣ выполняютъ, каждый въ отдѣльности, приблизительно сходныя работы. Это—наиболѣе слабая форма связи сотрудничества. Въ извѣстныхъ случаяхъ на сцену выступаетъ связь болѣе тѣснаго характера: коллективное выполненіе дѣлъ, непосильныхъ для отдѣльнаго человѣка, но осуществимыхъ съ помощью той механической силы, которая создается въ сплоченной дѣятельности цѣлой группы, напр., совмѣстная защита отъ какого-нибудь сильнаго звѣря, охота за нимъ.

Далѣе, внутри родовой группы уже весьма рано появилось нѣкоторое раздѣленіе труда. Первоначально оно основывается на физіологическихъ различіяхъ пола и возраста. Охота представляетъ занятіе взрослыхъ мужчинъ, собираніе плодовъ—дѣло женщинъ и дѣтей, и т. д.

Распредѣленіе труда между особями не могло быть дѣломъ ихъ личнаго произвола; тяжелая борьба съ природой не допускала этого: дѣйствія работниковъ необходимо было строго согласовать, чтобы не было безплодной растраты силъ. Трудъ былъ организованъ общею волею родовой группы сообразно съ ея общими интересами.

Ходъ развитія первобытнаго родового союза въ настоящее время можетъ быть возстановленъ только приблизительно и въ самыхъ общихъ чертахъ. Въ своемъ первоначальномъ видѣ родовая группа состояла, вѣроятно, изъ женщины-матери и ея дѣтей, которымъ въ раннемъ возрастѣ необходима ея помощь. Съ теченіемъ времени выгоды сотрудничества дѣлали связь такой семьи все болѣе прочною; дѣти не уходили отъ матери и по достиженіи возмужалости. Привычка къ совмѣстной жизни развивалась, люди все больше стремились держаться вмѣстѣ. Родовыя группы возрастали, конечно, только до тѣхъ предѣловъ, которые ставило развитіе техники. Переходя въ своихъ размѣрахъ за эти предѣлы, родъ неминуемо распадался.

Производственнымъ отношеніямъ первобытно-родовой группы вполнѣ соотвѣтствовали ея формы распредѣленія. Если распредѣленіе труда въ производствѣ зависѣло не отъ личной, а отъ коллективной воли, то и распредѣленіе продукта этого труда должно было являться дѣломъ всей группы. Группа давала каждому по его потребностямъ. Давать кому-нибудь изъ членовъ меньше необходимаго было для нея невозможно, потому что такой образъ дѣйствій приводилъ бы къ гибели членовъ рода и къ ослабленію самой группы; а удѣлять кому-нибудь больше необходимаго было возможно развѣ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, вообще же этого не допускало ничтожное развитіе производства и отсутствіе прибавочнаго труда (т.-е. труда, производящаго излишки сверхъ необходимыхъ средствъ къ жизни).

Слѣдовательно, первобытное распредѣленіе имѣло организованный,

коммунистическій характеръ. Не было и слѣдовъ частной личной собственности. Что сообща производилось, то сообща распредѣлялось, и затѣмъ немедленно потреблялось. Не было и накопленія.

3. Возникновеніе идеологіи.

Первичнымъ идеологическимъ явленіемъ была рѣчь, которая начала складываться въ тотъ отдаленный періодъ жизни человѣка, когда онъ сталъ выходить изъ зоологическаго состоянія. Возникновеніе рѣчи тѣсно связано съ процессомъ труда: она произошла изъ такъ называемыхъ трудовыхъ криковъ.—Когда человѣкъ дѣлаетъ какое-нибудь усиліе, то это отражается на его голосовомъ и дыхательномъ аппаратѣ, и у него непроизвольно вырывается опредѣленный крикъ, соотвѣтствующій этому усилію. Звукъ «га», который вырывается у дровосѣка, ударяющаго топоромъ, звукъ «ухъ», сопровождающій усилія натягивающаго канатъ волжскаго бурлака, крикъ «ай-а», который можно услышать у тунисскихъ мостовщиковъ, когда они поднимаютъ и опускаютъ тяжелую «бабу»—все это «трудовыя междометія» или трудовые крики.

Организмы отдѣльныхъ членовъ родовой группы были чрезвычайно сходны между собой, потому что они были связаны тѣснымъ родствомъ и жили совмѣстной жизнью среди одной и той же природной обстановки. Вполнѣ естественно поэтому, что соотвѣтствующіе трудовые звуки были одинаковы для всѣхъ членовъ первобытной родовой коммуны, и сами собою стали обозначеніемъ тѣхъ трудовыхъ дѣйствій, къ которымъ относились. Такъ возникли немногочисленныя первобытныя слова. Измѣняясь и усложняясь съ развитіемъ и усложненіемъ ихъ основы—трудовыхъ дѣйствій, они лишь на протяженіи тысячелѣтій развились въ массу позднѣйшихъ нарѣчій, которыя сводятся филологами къ немногимъ корнямъ нѣсколькихъ исчезнувшихъ языковъ.

Первобытныя слова обозначали, такимъ образомъ, коллективныя человѣческія усилія. Ихъ значеніе, какъ организующей формы для трудового процесса, не подлежитъ здѣсь никакому сомнѣнію: они регулируютъ вначалѣ трудъ, придавая движеніямъ дружный и правильный характеръ, и воодушевляютъ работниковъ, затѣмъ пріобрѣтаютъ смыслъ повелительнаго наклоненія или призыва къ труду.

Мышленіе—болѣе позднее идеологическое явленіе. Оно представляетъ собой какъ бы внутреннюю рѣчь. Мышленіе слагается изъ понятій, выражаемыхъ словами и сочетающихся въ «мысли» или идеи. Для него, слѣдовательно, необходимы слова, символы, которые обозначали бы тѣ живые образы, которые имѣются въ сознаніи человѣка. Другими словами, мышленіе возникаетъ изъ рѣчи. Если бы мы допустили обрат-

ное, что рѣчь есть продуктъ мышленія, что отдѣльные индивидуумы «мыслятъ» слова, прежде чѣмъ они произнесены между людьми, то мы пришли бы къ совершенно нелѣпому выводу: такой рѣчи никто не сталъ бы понимать, она была бы доступна только тому, кто ее создалъ. А если это такъ, то надо признать несомнѣннымъ, что не только слова, но и мышленіе возникло изъ общественнаго процесса производства.

Слова и понятія служили, какъ мы видѣли, для призыва къ труду и для сочетанія трудовыхъ усилій, но роль ихъ этимъ не ограничивалась. Слова очень рано стали способомъ передачи и сохраненія въ группѣ непрерывно накопляющагося трудового опыта. Взрослый членъ первобытной коммунистической группы объясняетъ ребенку его хозяйственныя функціи. Для этого онъ, напримѣръ, указываетъ ему съѣдобное растеніе и прибавляетъ рядъ словъ, выражающихъ извѣстную послѣдовательность дѣйствій («найти», «сорвать», «принести», «изломать», «съѣсть»). Ребенокъ запоминаетъ сдѣланное ему указаніе, и въ дальнѣйшемъ можетъ пользоваться сообщеннымъ ему техническимъ правиломъ,—результатомъ накопленнаго опыта болѣе старыхъ членовъ своей общины.

Въ дальнѣйшемъ тѣ же слова примѣняются и къ дѣйствіямъ нечеловѣческимъ, стихійнымъ движеніямъ животныхъ и неодушевленныхъ предметовъ. Отсюда возникаетъ описаніе явленій внѣшней природы. Въ процессѣ борьбы съ природой человѣкъ подмѣчаетъ извѣстную послѣдовательность въ ея событіяхъ; онъ усвоиваетъ эту послѣдовательность и, выражая ее соотвѣтственнымъ сочетаніемъ словъ, создаетъ себѣ и своимъ сородичамъ какъ-бы «техническое правило» явленій природы, которое облегчаетъ его борьбу за существованіе. Къ техническимъ правиламъ надо отнести и «обычаи», т.-е. установившіяся жизненныя отношенія между членами родовой группы; сюда относятся, напримѣръ, способъ распредѣленія добычи, порядокъ, устанавливаемый при совмѣстной охотѣ, и т. д.

Таковы въ общихъ чертахъ формы первобытной идеологіи, которыя, какъ видимъ, и были организующими формами производства.

Нелѣпо было бы искать у первобытнаго человѣка «міровоззрѣнія» въ современномъ смыслѣ этого слова. Міровоззрѣніе предполагаетъ прежде всего систематизацію идей, а у первобытнаго человѣка онѣ оставались разрозненными, отрывочными; онѣ связывались только съ тѣми трудовыми процессами и явленіями природы, къ которымъ онѣ непосредственно относились. Но если не было міровоззрѣнія, то нельзя, конечно, говорить и о религіи, которая представляетъ собою систему, и всегда основывается на опредѣленной закономѣрности бытія.

Съ точки зрѣнія нашей науки особенно важно отмѣтить коллекти-

визмъ первобытнаго мышленія. Человѣкъ не выдѣлялъ себя мысленно изъ той группы, къ которой онъ принадлежалъ; онъ не разсматривалъ себя, какъ особый центръ интересовъ и стремленій; онъ не мыслилъ своего «я», какъ современный человѣкъ, а сливался съ родовой группой, какъ часть съ цѣлымъ. Само мышленіе, какъ и первобытный коллективизмъ, было стихійнымъ, «сплошнымъ», т.-е. одинаковымъ для всѣхъ членовъ группы. Не было индивидуальности, личности; поколѣнія вѣками повторяли другъ друга, и подражаніе лишь укрѣпляло застойныя, инертныя жизненныя формы.

Первобытное мышленіе имѣло въ высшей степени консервативный характеръ. Это вытекало изъ условій той трудовой жизни, въ которой это мышленіе выросло. Для развитія жизни необходимъ избытокъ энергіи, а его, какъ мы видѣли, не было въ первобытной коммунѣ.

Вполнѣ понятно поэтому, что консерватизмъ мышленія и идеологіи вообще, какъ организующихъ формъ производства, долженъ былъ обусловливать необыкновенную медленность экономическаго развитія. Преодолѣвать инертность и консерватизмъ первобытной идеологіи и вынуждать къ дальнѣйшему развитію могли только стихійныя и властныя силы, господствовавшія надъ человѣкомъ. Такова была тогда сила абсолютнаго перенаселенія.

4. Силы развитія въ первобытномъ обществѣ.

Размѣры родовой группы строго ограничиваются уровнемъ производительности труда: при данныхъ способахъ производства группа необходимо должна распадаться, какъ только сила размноженія увеличитъ ея численность дальше извѣстнаго предѣла. Вмѣсто одной группы оказываются двѣ, и каждая изъ нихъ, занимая отдѣльную площадь эксплоатаціи, можетъ опять размножаться до прежняго предѣла, чтобы опять распасться на двѣ, и т. д. Такимъ образомъ, размноженіе стремится безконечно увеличивать число обитателей данной страны. Но площадь страны ограничена, и при данныхъ способахъ производства можетъ дать средства къ жизни только опредѣленному количеству людей. Когда плотность охотничьяго населенія страны достигла, напр., 20 человѣкъ на квадратную милю, то дальнѣйшее размноженіе оказывается уже чрезмѣрнымъ, и у возрастающаго населенія возникаетъ недостатокъ въ жизненныхъ средствахъ. Это—такъ называемое абсолютное перенаселеніе.

Абсолютное перенаселеніе влечетъ за собой голодъ, болѣзни, усиленную смертность—цѣлую массу страданій. Сила страданія понемногу побѣждаетъ тупую неподвижность обычая, и прогрессъ техники становится возможнымъ. Голодъ заставляетъ преодолѣть отвращеніе ко всему но-

бому, и начинаютъ развиваться зародыши новыхъ способовъ борьбы за жизнь, какъ тѣ, которые уже раньше были извѣстны, но не находили общаго примѣненія, такъ и тѣ, которые открываются вновь.

Одно препятствіе къ развитію, наиболѣе важное, оказывается устраненнымъ. Остается другое препятствіе—недостаточность познанія, неспособность сознательно искать новыхъ способовъ борьбы съ природой. Благодаря этому, развитіе идетъ безсознательно, стихійно, съ такою медленностью, которую современный человѣкъ съ трудомъ можетъ себѣ представить.

Улучшеніе техники только временно облегчаетъ тѣ страданія, которыя возникаютъ вслѣдствіе абсолютнаго перенаселенія. Новые пріемы общественнаго труда, въ свою очередь, оказываются недостаточными, когда населеніе увеличится еще болѣе; и вновь сила голода заставляетъ людей сдѣлать шагъ по пути развитія.

Однимъ изъ первыхъ слѣдствій абсолютнаго перенаселенія выступаетъ обыкновенно ожесточенная взаимная борьба родовыхъ обществъ, и затѣмъ переселеніе цѣлыхъ племенъ въ новыя страны. Подобное переселеніе есть настолько же трудное дѣло для тупой психики первобытныхъ людей, какъ всякое измѣненіе техники.

Таковы причины развитія въ первобытномъ обществѣ. Неподвижность формъ производства—рано или поздно—неминуемо ведетъ къ абсолютному перенаселенію, и оно въ свою очередь подрываетъ эту неподвижность. При огромномъ консерватизмѣ первобытной общественной психологіи прогрессъ техники почти всегда сильно опаздывалъ по сравненію съ численнымъ прогрессомъ населенія, и недостатокъ въ жизненныхъ средствахъ являлся, вообще говоря, хроническимъ.

II. Авторитарная родовая община.

1. Зарожденіе земледѣлія и скотоводства.

Сила абсолютнаго перенаселенія заставляла первобытныхъ людей совершенствовать мало-по-малу орудія и пріемы первобытно-охотничьяго производства; и она же съ теченіемъ времени заставила ихъ выйти изъ предѣловъ этого производства и перейти къ новымъ способамъ борьбы за жизнь, такимъ способамъ, которые въ значительной степени устраняютъ зависимость человѣческаго существованія отъ стихійныхъ капризовъ внѣшней природы.

Земледѣліе и скотоводство возникали въ различныхъ странахъ, повидимому, самостоятельно, и вначалѣ по отдѣльности одного отъ другого, въ зависимости отъ мѣстныхъ природныхъ условій.

Открытіе земледѣлія съ наибольшей вѣроятностью можно представить себѣ, какъ результатъ цѣлаго ряда «случайныхъ» фактовъ, которые необходимо должны были отъ времени до времени повторяться. Нечаянно просыпавши собранныя въ запасъ зерна дико растущихъ хлѣбныхъ растеній, человѣкъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ находилъ на томъ же самомъ мѣстѣ выросшіе колосья. Тысячи разъ это должно было оставаться непонятымъ; но рано или поздно связь двухъ явленій установилась въ умѣ дикаря, и необходимостъ породила мысль воспользоваться этой связью. Открытіе всего скорѣе могло быть сдѣлано женщинами, которыя изъ-за дѣтей вели менѣе бродячую жизнь, чѣмъ охотникъ-мужчина, и больше занимались собираніемъ плодовъ и зеренъ [1]).

Первобытное земледѣліе очень мало похоже на современное по грубости и ненадежности своихъ пріемовъ. Соха, напр., представляетъ изъ себя довольно позднее изобрѣтеніе; еще въ сравнительно недавнія, далеко не первобытныя времена операція паханья выполнялась помощью дерева, очищеннаго отъ всѣхъ сучьевъ, кромѣ одного, который былъ заостренъ на концѣ и который проводилъ борозду, когда дерево тащили по полю; самымъ же раннимъ орудіемъ земледѣлія была заостренная палка, съ помощью которой дѣлали ямки для зеренъ. Съ подобнаго рода обработкой земли мы сталкиваемся еще въ настоящее время въ южной Африкѣ, именно въ Анголѣ, гдѣ довольно сильно распространено воздѣлываніе одного хлѣбнаго растенія, носящаго названіе маніока. Вскапывая заостренной палкой землю, женщины сажаютъ туда стебли маніока, которые въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ даютъ обильный урожай. О болѣе совершенныхъ способахъ обработки земли на первой ступени развитія земледѣлія говорить, конечно, не приходится. Столь распространенное среди славянъ хлѣбопашество тоже, надо думать, первоначально велось тѣми пріемами, которые употребляютъ по сіе время ангольскія женщины: недаромъ самое слово «соха» означаетъ въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ попросту палку или жердь.

Что касается скотоводства, то оно произошло, по всей вѣроятности, изъ прирученія звѣрей для забавы. И теперь еще многіе дикари, бродячіе охотники, стоящіе на самой низкой степени развитія и не имѣющіе никакого понятія о настоящемъ скотоводствѣ, приручаютъ не мало дикихъ животныхъ, изъ которыхъ не извлекаютъ никакой матеріальной пользы и которыя служатъ для нихъ скорѣе даже обузою. Въ даль-

---

[1]) У нѣкоторыхъ американскихъ муравьевъ обнаружены зародыши земледѣлія въ такой формѣ: муравьи сами не сѣютъ, но тщательно выпалываютъ травы вокругъ дикихъ злаковъ, зерна которыхъ ѣдятъ. Возможно, что и у людей аналогичны были первые шаги земледѣлія.

нѣйшемъ, конечно, выяснялась полезность нѣкоторыхъ изъ этихъ животныхъ, и ихъ прирученіе примѣнялось уже систематически.

Подобно земледѣлію, скотоводство дало людямъ извѣстную обезпеченность существованія и, освободивъ нѣкоторую долю человѣческихъ силъ, облегчило тѣмъ дальнѣйшее развитіе. Первобытныя формы земледѣлія и скотоводства даже въ отдѣльности повышали въ 3—4 раза предѣльную величину населенія страны (при среднихъ условіяхъ умѣреннаго пояса—человѣкъ до 70 на квадратную милю).

Земледѣліе на первыхъ порахъ своего развитія мало измѣняетъ бродячій образъ жизни дикихъ племенъ: оно играетъ тогда роль дополненія къ охотѣ, и родовая группа, подчиняясь потребностямъ охоты, обыкновенно продолжаетъ переходить съ одного мѣста на другое, оставаясь на каждомъ мѣстѣ не дольше, чѣмъ требуется для посѣва, созрѣванія хлѣба и жатвы. Что касается скотоводства, то оно вначалѣ даже необходимо ведетъ къ кочевой жизни: для скота нужны пастбища, ихъ приходится мѣнять, когда они истощаются.

Съ теченіемъ времени ростъ населенія заставлялъ людей перейти къ соединенію земледѣлія со скотоводствомъ и къ осѣдлой жизни. Это давало возможность усовершенствовать земледѣльческія орудія и примѣнять къ земледѣлію силу животныхъ. Возрастаніе производительности труда еще раза въ три повышало наибольшую плотность населенія (въ среднемъ климатѣ—человѣкъ до 200 на квадратную милю). Существованіе человѣка съ тѣхъ поръ является сравнительно обезпеченнымъ. Ему уже не приходится подобно первобытному человѣку затрачивать все свое рабочее время на добываніе средствъ, необходимыхъ для непосредственнаго поддержанія жизни. Трудъ земледѣльца и скотовода становится болѣе производительнымъ: въ опредѣленный промежутокъ времени онъ начинаетъ давать все большее и большее количество продуктовъ. У людей тогда появляется свободное время, которое они могутъ затрачивать на улучшеніе средствъ производства и техники вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ создаются такія условія, когда часть членовъ общины освобождаются отъ физическаго труда. Средства существованія доставляются имъ другими членами общины.

Такъ сверхъ необходимаго труда на сцену выступаетъ прибавочный трудъ, который прежде могъ встрѣчаться лишь какъ случайное и временное явленіе, а съ этой эпохи становится явленіемъ постояннымъ [1]).

---

[1]) „Необходимымъ трудомъ“ называется вся та часть общественнаго труда, которая служитъ для возстановленія и поддержанія рабочихъ силъ общества; „прибавочной“ называется остальная доля общественнаго труда, которая производитъ излишки, „прибавочный продуктъ“.

2. Развитіе производственныхъ отношеній родовой группы.

Повышеніе производительности общественнаго труда дѣлало возможнымъ значительное возрастаніе размѣровъ родовой группы; а скотоводство, въ частности, создавая болѣе совершенные способы передвиженія (ѣзда на оленяхъ, лошадяхъ, верблюдахъ), допуская, слѣдовательно, поддержаніе общественныхъ связей на болѣе значительныхъ, чѣмъ прежде, пространствахъ, еще болѣе содѣйствовало расширенію границъ рода. Такимъ образомъ, размѣры общества стали нерѣдко измѣряться уже не десятками, а сотнями человѣкъ, и, напр., патріархъ Авраамъ могъ насчитывать въ своей кочевой группѣ 417 человѣкъ, способныхъ носить оружіе.

Возрастающая во много разъ обширность и сложность производства порождала новыя формы раздѣленія труда. Одна изъ нихъ имѣетъ наибольшее значеніе для дальнѣйшаго развитія: это—выдѣленіе труда, организующаго производство.

Когда групповое производство было ничтожно по размѣрамъ, крайне несложно и разсчитано только на непосредственныя потребности самаго близкаго будущаго, тогда организаторскій трудъ еще могъ быть общимъ дѣломъ, могъ совмѣщаться съ трудомъ исполнительскимъ, такъ какъ не превышалъ мѣры средняго пониманія членовъ группы. Но когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сотни различныхъ работъ распредѣлить цѣлесообразно между отдѣльными работниками, чтобы разсчитать потребности группы на цѣлые мѣсяцы впередъ, тщательно соразмѣрить съ ними затраты общественно-трудовой энергіи и внимательно контролировать эти затраты, тогда организаторская дѣятельность необходимо отдѣляется отъ исполнительскаго труда, совмѣщеніе того и другого въ каждой отдѣльной личности становится невозможнымъ—оно далеко превосходитъ среднюю мѣру умственной силы тогдашнихъ людей; организаторская дѣятельность становится спеціальностью наиболѣе опытныхъ, наиболѣе знающихъ лицъ. Въ каждой отдѣльной группѣ она, наконецъ, сосредоточивается въ рукахъ одного человѣка, обыкновенно старшаго въ родѣ—патріарха.

На первыхъ ступеняхъ развитія организаторскаго труда роль исполняющаго этотъ трудъ руководителя еще слабо выдѣляется надъ дѣятельностью остальныхъ членовъ рода. Организаторъ еще продолжаетъ заниматься тѣми же работами, что и они. Какъ болѣе опытному, ему скорѣе подражаютъ, чѣмъ подчиняются. Но по мѣрѣ развитія раздѣленія труда и усложненія родового хозяйства организаторскій трудъ совершенно обособляется отъ труда исполнительскаго: патріарху, оторванному отъ непосредственнаго процесса производства, начинаютъ безпрекословно повиноваться. Такимъ образомъ, въ сферѣ производства за-

рождаются личная власть и подчиненіе—особая форма раздѣленія труда, имѣющая громадное значеніе въ дальнѣйшемъ развитіи общества.

Войну, съ точки зрѣнія отдѣльныхъ группъ, слѣдуетъ разсматривать какъ особую отрасль производства, общественно-трудовой борьбы съ внѣшней природой, потому что люди-враги представляютъ элементъ внѣшней для общества природы точно такъ же, какъ волки или тигры. Въ патріархально-родовую эпоху эта область производства пріобрѣтаетъ важное значеніе, потому что бо́льшая, чѣмъ прежде, плотность населенія сдѣлала болѣе частыми столкновенія между людьми; особенно между кочевниками-скотоводами почти постоянно идетъ борьба изъ-за пастбищъ. Войны сильно способствовали усиленію и упроченію власти организатора: онѣ требуютъ сплоченной организаціи, строгой дисциплины. Безусловное повиновеніе вождю на войнѣ переносится мало-по-малу и на мирное время. Очень вѣроятно, что именно въ сферѣ войны и охоты возникла первоначально организаторская власть, которая затѣмъ постепенно распространялась на другія отрасли производства, по мѣрѣ возрастанія его сложности. Такому расширенію сферы организаторской власти особенно долженъ былъ содѣйствовать тотъ фактъ, что отъ организатора войны и охоты зависѣло распредѣленіе добычи того и другого рода предпріятій: а это само по себѣ давало ему значительную экономическую силу и авторитетъ среди группы.

Организаторскій трудъ, повидимому, представляетъ изъ себя исторически самую раннюю форму сложнаго (квалифицированнаго) труда вообще. Въ первобытно-коммунистической группѣ, гдѣ каждый умѣлъ дѣлать все, что другіе, трудъ каждаго можно разсматривать какъ простой трудъ; такимъ же является исполнительскій трудъ большинства въ патріархально-родовой группѣ. Только роль организатора не можетъ выполняться безразлично тѣмъ или другимъ лицомъ. Она требуетъ особенной опытности, отчасти, быть можетъ, и не вполнѣ обычныхъ способностей. Это трудъ сложный, «квалифицированный»; онъ представляетъ повышенную затрату энергіи, равносиленъ умноженному простому труду [1].

Организаторъ въ своихъ дѣйствіяхъ всецѣло руководствуется, вначалѣ по крайней мѣрѣ, общими интересами рода. Основываясь, съ одной стороны, на общей суммѣ потребностей группы, съ другой стороны—на общей суммѣ труда, которой группа располагаетъ, онъ распредѣлялъ работы, устанавливалъ формы сотрудничества и раздѣленія труда. Само собой разумѣется, что всю эту сложную дѣятельность онъ выполнялъ

[1] Простымъ трудомъ называется такой, къ которому способенъ, безъ спеціальной подготовки, средній по силѣ и развитію работникъ даннаго общества. Съ прогрессомъ экономической и культурной жизни простой трудъ, конечно, также прогрессируетъ.

въ наибольшей части вполнѣ стихійно, слѣдуя установившемуся обычаю, примѣру предковъ; лишь въ сравнительно мелкихъ частностяхъ производства, въ которыхъ обычай не даетъ прямыхъ указаній, организаторъ принужденъ былъ дѣйствовать самостоятельно, по собственному соображенію.

Возраставшая сложность организаторской дѣятельности вызвала съ теченіемъ времени новыя измѣненія въ строеніи родовой группы. Расширеніе группы и ея производства дѣлало невозможнымъ для одного человѣка выполненіе всей организаторской работы въ цѣломъ; часть ея, по необходимости, переходила мало-по-малу къ другимъ членамъ группы, людямъ обыкновенно пожилымъ и опытнымъ. Каждый изъ нихъ являлся организаторомъ, хотя второстепеннымъ и подчиненнымъ, для нѣкоторой части родовой группы и, въ силу понятныхъ причинъ, именно для той части, съ которой его связывали наиболѣе тѣсныя родственныя отношенія. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ рода начали понемногу обособляться семьи, группировавшіяся вокругъ частныхъ организаторовъ, во главѣ которыхъ стоялъ патріархъ. Однако это обособленіе въ патріархальную эпоху никогда не достигало значительной степени; единство группы преобладало надъ отдѣльностью ея частей.

Особенное значеніе пріобрѣла постепенно семья патріарха. Члены этой семьи всѣхъ ближе стояли къ общей организаторской дѣятельности и всѣхъ легче могли воспитываться пригодными къ ней. Поэтому изъ ихъ среды чаще всего избирался новый организаторъ рода, когда умиралъ или приходилъ въ негодность старый. Естественно, что патріархи стремились закрѣпить такое положеніе вещей и заранѣе подготовляли своихъ ближайшихъ родственниковъ къ организаторской роли, а прочихъ членовъ группы—къ избранію ихъ для этой роли. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше такія старанія увѣнчивались успѣхомъ; избраніе новаго организатора понемногу обращалось въ пустую формальность, а патріархъ сталъ фактически самъ назначать себѣ преемника: организаторская роль стала наслѣдственной въ одной семьѣ.

Таковы внутреннія производственныя отношенія патріархальнаго рода. Кромѣ нихъ, въ патріархальномъ періодѣ пріобрѣтаютъ немалое значеніе и междуродовыя связи человѣческаго труда.

Съ распаденіемъ рода связь между вновь образовавшимися группами обыкновенно обрывалась далеко не вполнѣ. Въ извѣстныхъ случаяхъ, когда силы отдѣльной группы могли оказаться недостаточными, родственныя другъ другу (одноплеменныя) группы объединялись для совмѣстной дѣятельности—защиты отъ вторгающихся иноплеменниковъ, охоты за большими стадными животными и т. п. Во главѣ подобныхъ предпріятій становился либо совѣтъ старѣйшинъ-организаторовъ, либо особо выбранный ими вождь.

На ряду съ подобнымъ организованнымъ сотрудничествомъ понемногу выступаетъ на сцену иная форма производственной связи между группами—неорганизованное общественное раздѣленіе труда. Такъ какъ прибавочный трудъ становится довольно обычнымъ, а при соединеніи земледѣлія со скотоводствомъ—даже постояннымъ явленіемъ, то возникаютъ излишки производства, запасы. Благодаря различнымъ природнымъ условіямъ, въ которыхъ живутъ отдѣльныя группы, или благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, запасы эти оказываются у различныхъ группъ различными. Быть можетъ, изъ обычая взаимно родственныхъ группъ уступать другъ другу подобные излишки возникаетъ первоначальный обмѣнъ. Въ обмѣнѣ выражается неорганизованная производственная связь между группами: фактически одна группа производитъ продукты не для себя одной, но отчасти и для другихъ группъ, а тѣ—также отчасти для нея; производство является до нѣкоторой степени общимъ между ними; но нѣтъ организаціи для этого общаго производства—трудъ каждой группы организованъ вполнѣ самостоятельно.

Эта форма общественнаго раздѣленія труда въ эпоху патріархально-родовыхъ отношеній не играетъ большой роли въ жизни отдѣльныхъ общинъ: наибольшую часть необходимыхъ продуктовъ каждое родовое хозяйство производитъ для себя самостоятельно. Продукты, какъ общее правило, производятся для удовлетворенія потребностей данной общины. О товарномъ производствѣ, при которомъ весь трудовой процессъ сводится къ производству для продажи, здѣсь, конечно, говорить не приходится. Патріархальный или авторитарный родъ относится поэтому къ періоду натуральнаго хозяйства.

Такимъ образомъ, основныя черты производственныхъ отношеній, отличающія родъ патріархальный отъ первобытно-коммунистическаго, сводятся къ слѣдующему: обособленіе труда организаторскаго отъ исполнительскаго, расширеніе сотрудничества и раздѣленіе труда какъ внутри группъ, такъ—въ меньшей мѣрѣ—и между ними, при чемъ, благодаря наличности прибавочнаго труда, впервые начинаетъ играть сколько-нибудь замѣтную роль та неорганизованная форма раздѣленія труда, которая выражается въ обмѣнѣ.

Всѣ эти формы складываются очень медленно, и ихъ полное развитіе наступаетъ лишь въ эпоху осѣдлой жизни, основанной на соединеніи земледѣлія со скотоводствомъ. Тамъ, гдѣ такое сочетаніе еще не достигнуто, черты эти выступаютъ менѣе рѣзко. Въ частности кочевники-скотоводы быстрѣе развивали новыя формы жизни, чѣмъ чистые земледѣльцы: явленіе это зависитъ, во-первыхъ, отъ большей производительности скотоводства по сравненію съ первобытнымъ земледѣліемъ; во-вторыхъ, отъ болѣе подвижной жизни кочевниковъ, порождающей болѣе частыя столкновенія и болѣе частыя сношенія между людьми.

3. Развитіе формъ распредѣленія.

Въ той мѣрѣ, какъ организаторская дѣятельность въ производствѣ переходила отъ группы въ ея цѣломъ къ отдѣльному лицу—патріарху, необходимо совершалась также передача въ его руки власти, организующей распредѣленіе. Только организаторъ способенъ былъ безошибочно, согласно съ общими интересами, рѣшать вопросы: какую часть общественнаго продукта можно потреблять немедленно, какую надо затратить на дальнѣйшее производство и какую сохранить въ видѣ запаса на будущее время; только онъ могъ, принимая во вниманіе роль отдѣльныхъ членовъ группы въ общемъ производствѣ, удѣлять каждому именно столько, сколько было необходимо для успѣшнаго выполненія этой роли.

Чѣмъ болѣе отвыкало большинство родовой группы отъ фактическаго участія въ организаторской дѣятельности и отъ контроля за распредѣленіемъ, тѣмъ болѣе безусловнымъ становилось право патріарха распоряжаться прибавочнымъ продуктомъ. По мѣрѣ того, какъ возростала общая сумма прибавочнаго труда, все болѣе значительной оказывалась та доля продукта, которую организаторъ употреблялъ на свое личное пользованіе,—возрастало, слѣдовательно, неравенство въ распредѣленіи между нимъ и остальными членами группы. Это уже нѣкоторый зародышъ эксплоатаціи, но только зародышъ: на человѣкѣ, занятомъ выполненіемъ такой сложной работы, какъ организаторская, лежало въ сущности гораздо большее количество труда, чѣмъ на комъ-либо другомъ, и у него необходимо развивались сравнительно болѣе широкія потребности. Размѣры эксплоатаціи были чрезвычайно ограничены уже въ силу общей незначительности производства и малаго разнообразія продуктовъ: самъ организаторъ долженъ былъ довольствоваться тѣми же средствами потребленія, какъ другіе; а если онъ и выбиралъ себѣ лучшее изъ всего произведеннаго, то не могъ все-таки съѣсть вдесятеро больше мяса или хлѣба, чѣмъ всякій другой членъ группы. Правда, онъ могъ вымѣнять у другой группы часть общаго прибавочнаго продукта на какія-нибудь особенныя средства потребленія; но это случалось сравнительно рѣдко, благодаря ничтожному развитію обмѣна.

Далѣе, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отдѣльныя родовыя группы объединялись въ общую племенную организацію для какихъ-либо особенно обширныхъ предпріятій, продуктъ общаго труда (добыча общей охоты, военнаго грабежа) распредѣлялся тѣми же лицами, которыя организовали самыя предпріятія, обыкновенно—совѣтомъ старѣйшинъ; распредѣленіе между группами совершалось тогда сообразно степени участія каждой изъ нихъ въ общемъ трудѣ.

4. Развитіе идеологіи.

Выдѣленіе среди родовой группы организатора ея производства постепенно измѣняетъ отношеніе личности къ группѣ и ея психологію.

Если власть природы надъ людьми уменьшилась, то возникла зато новая власть—одного человѣка надъ другими. Въ сущности, то была прежняя власть группы надъ отдѣльнымъ ея членомъ, только перенесенная на отдѣльную личность—патріарха.

Равенство въ распредѣленіи утратилось: весь продуктъ прибавочнаго труда оказывается въ распоряженіи организатора. Но и неравенство не имѣетъ еще рѣзкаго характера: организаторъ продолжаетъ, какъ прежде дѣлала группа, удѣлять каждому необходимыя средства для поддержанія его жизни и выполненія его роли въ производствѣ. Самъ организаторъ въ развитіи своихъ потребностей недалеко ушелъ отъ прочихъ членовъ группы.

Связь взаимной помощи, сплоченность группы въ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ еще возрастаетъ по сравненію съ предыдущимъ періодомъ. Во-первыхъ, болѣе совершенныя формы сотрудничества и раздѣленія труда внутри группы болѣе тѣсно сближаютъ ея членовъ, чѣмъ прежде, когда наибольшую часть обыденныхъ работъ каждый могъ выполнять независимо отъ другихъ, когда преобладала простая «совмѣстность труда»; во-вторыхъ, единство рода выигрываетъ отчасти и благодаря тому, что находитъ себѣ конкретное, живое воплощеніе въ личности патріарха.

Въ то же время и въ силу тѣхъ же условій возникаютъ въ родовой группѣ зародыши индивидуализма, сущность котораго заключается въ томъ, что *себя* и *свое* человѣкъ отдѣляетъ въ своемъ сознаніи отъ группы; что появляются *личные* интересы, тогда какъ раньше существовали только общинные.

Роль организатора въ производствѣ была *особенной* ролью и принадлежала *только ему одному*; такова основная причина, порождавшая въ его психикѣ индивидуалистическія чувства и представленія. Изъ этой основной причины вытекали иныя, которыя дѣйствовали въ томъ же направленіи.

Организаторъ распоряжался всѣми общественными запасами, всей суммой прибавочнаго продукта, что давало ему возможность расширять свои потребности и тѣмъ еще болѣе выдѣляться среди своей группы. При обмѣнѣ онъ неизмѣнно выступалъ какъ дѣйствительный владѣлецъ всего имущества своей общины и, имѣя при этомъ дѣло съ другимъ подобнымъ организаторомъ, онъ привыкалъ смотрѣть на этого послѣдняго, а затѣмъ и на себя самого, какъ на *собственниковъ* тѣхъ товаровъ, которые идутъ въ обмѣнъ. Такъ постепенно развивалась частная собственность: вначалѣ обмѣнъ между группами, въ которомъ

онѣ выступаютъ какъ владѣльцы своихъ товаровъ, долженъ былъ создать понятіе о родовой частной собственности, а потомъ особенная роль организаторовъ въ обмѣнѣ, преобразуя психику людей далѣе, порождаетъ идею личной частной собственности.

Однако, сколько-нибудь прочно утвердиться въ головѣ организатора идея личной частной собственности могла лишь тогда, когда роль его стала наслѣдственной, когда группа перестала выбирать своего патріарха, когда, слѣдовательно, исчезли слѣды происхожденія его власти изъ общей родовой воли. Тогда индивидуализмъ нашелъ устойчивую точку опоры для своего развитія. Въ головѣ организатора все прочнѣе складывалось отношеніе къ родовому имуществу, какъ личной его собственности, и все болѣе стушевывалось старое представленіе, по которому онъ являлся только подчиненнымъ общинному контролю распорядителемъ этого имущества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ того какъ исчезалъ всякій фактическій контроль группы надъ организаторской дѣятельностью ея главы, этотъ послѣдній требовалъ все болѣе безусловнаго повиновенія себѣ и проникался идеей о своей безусловной личной власти надъ родичами. Въ своемъ развитіи воззрѣнія эти не могли не встрѣтить противорѣчія со стороны другихъ членовъ группы; не разъ, вѣроятно, родовыя общины переживали тяжелую внутреннюю борьбу; однако, рано или поздно, стремленія организатора одерживали побѣду, потому что они соотвѣтствовали фактическимъ отношеніямъ: организаторъ обладалъ дѣйствительной властью надъ продуктами и надъ людьми, и власть эта была необходима для группы. Такъ патріархъ обратился въ единственнаго собственника и полнаго господина своей группы.

Въ сущности, возникшія психологическія различія между организаторомъ и другими членами рода были еще не слишкомъ велики, потому что основы душевнаго склада оставались общія: полное безусловное подчиненіе обычаю и представленіе о группѣ, какъ единомъ, нераздѣльномъ цѣломъ, внѣ котораго немыслимо никакое личное существованіе. Даже самъ патріархъ, несмотря на относительно большее богатство своей психики, не могъ сознательно возвыситься надъ вѣковыми устоями родовой жизни, не имѣлъ никакихъ побужденій стать въ противорѣчіе съ ними. Организаторъ былъ не геній, не человѣкъ исключительныхъ способностей, а старѣйшій въ родѣ, человѣкъ многолѣтняго опыта. Его организаторская дѣятельность основывалась прежде всего и главнымъ образомъ на воспоминаніи о томъ, что дѣлали его предшественники, и только въ ничтожной степени—на личномъ творчествѣ, на соображеніи. Обычай царилъ въ его душѣ почти настолько же безусловно, какъ въ душѣ его отдаленнаго предка—первобытнаго коммуниста. Представленіе о нераздѣльности группы точно также владѣло психикой

организатора, потому что и для него ни при какихъ условіяхъ не было возможности жить одному внѣ своего рода, потому что иныхъ общественныхъ связей, кромѣ родовыхъ, онъ не зналъ, а внѣ-общественная жизнь означала смерть. Къ остальнымъ членамъ группы тѣ же соображенія примѣнимы еще въ большей степени. Вообще, консерватизмъ обычая еще не былъ поколебленъ новыми отношеніями, а личное сознаніе только начинало выдѣляться изъ группового. Исчезло только представленіе объ однородности группы.

Итакъ, по общему складу психологія патріархальной группы мало отличается отъ первобытно-родовой. Слѣдовательно, прежнія препятствія, стоявшія на пути всякаго развитія, въ значительной мѣрѣ остались въ силѣ. Но все же зародились и такія силы, которыя уменьшали эти препятствія: слабыя, непостоянныя сношенія и связи между группами все же расширяли горизонтъ личности за предѣлы ея рода, а столкновеніе различныхъ формъ обычая ослабляло его консерватизмъ.

Теперь другой вопросъ: насколько богатый и насколько подходящій матеріалъ для развитія представляло въ ту эпоху человѣческое познаніе?

Само собой разумѣется, что многія тысячелѣтія жизни родовыхъ обществъ прошли не даромъ, что умственный запасъ людей сдѣлался обширнѣе, разнообразнѣе. Значительно подвинулось впередъ развитіе рѣчи. У первобытнаго человѣка, словъ, какъ мы видѣли, было очень немного, да и слова эти имѣли крайне неопредѣленное значеніе. Въ ту пору это было совершенно достаточно. Но новая ступень развитія человѣчества принесла съ собой усложненіе трудовыхъ дѣйствій и орудій, а главное, раздѣленіе труда—цѣлую систему хозяйства, которой руководитъ глава авторитарно-родовой общины, патріархъ. Рѣчь стала крайне необходимымъ организующимъ орудіемъ, въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ раньше; она должна была обогатиться словами и ихъ сочетаніями. Прежнія слова дифференцировались и видоизмѣнялись, мало-по-малу пріобрѣтая болѣе опредѣленный смыслъ. Такое развитіе рѣчи стало могучимъ идеологическимъ орудіемъ для прогресса вообще и для облегченія организаціи труда въ частности. Это орудіе было въ особенности необходимо организатору авторитарно-родовой общины: при расширеніи хозяйства и увеличеніи общины руководство всѣмъ процессомъ труда при помощи жестовъ и мимики стало, конечно, невозможнымъ. Помимо того, развитіе рѣчи дѣлается чрезвычайно драгоцѣннымъ средствомъ для сохраненія всего накопленнаго трудового опыта. Чтобы онъ могъ сколько-нибудь прочно сохраняться въ памяти рода въ видѣ воспоминаній или устныхъ преданій, для этого опять таки необходима болѣе или менѣе развитая рѣчь.

Врядъ ли будетъ ошибкой признать, что именно въ изучаемомъ періодѣ человѣкъ впервые началъ объяснять себѣ природу, искать связи явленій; и впервые возникло то, что сколько-нибудь подходитъ подъ терминъ «міровоззрѣніе». Сущность этого міровоззрѣнія составлялъ натуральный фетишизмъ.

Во всѣ времена мышленіе человѣка стремилось объяснять себѣ отдаленное — ближайшимъ, непривычное — обыденнымъ, странное — понятнымъ. Новое явленіе кажется выясненнымъ, когда его удалось уложить въ рамки старыхъ наблюденій. Всего ближе, всего обыденнѣе для человѣка—его отношенія къ окружающимъ людямъ. Благодаря этому, во всѣ эпохи общій складъ міровоззрѣнія людей носилъ на себѣ отпечатокъ ихъ общественныхъ отношеній, отпечатокъ въ однихъ случаяхъ болѣе, въ другихъ—менѣе ясный и очевидный. То же слѣдуетъ сказать и объ авторитарно-родовомъ періодѣ: натуральный фетишизмъ представлялъ изъ себя именно такой взглядъ на природу, для котораго отношенія вещей представлялись какъ отношенія людей.

Отдѣленіе организаторскаго труда отъ исполнительскаго создало своеобразную двойственность во внутреннихъ отношеніяхъ родового общества: умственная сила какъ-бы отдѣлилась отъ грубо-физической, сознательное начало—отъ стихійнаго; первое приняло форму власти, второе—подчиненія; первое воплотилось въ лицѣ патріарха, второе—въ остальныхъ членахъ группы. Въ то же время оба элемента были совершенно нераздѣльны и немыслимы одинъ безъ другого: исполнительская дѣятельность теряетъ всякую цѣлесообразность безъ организующей воли, а эта послѣдняя безполезна тамъ, гдѣ нѣтъ первой.

Въ дѣйствіяхъ окружающихъ людей человѣкъ привыкалъ видѣть результатъ вліянія организующей воли на болѣе грубую силу—исполнительскую. По такому же типу онъ объяснялъ себѣ иныя дѣйствія, которыя наблюдалъ во внѣшнемъ мірѣ. Всякое явленіе превращается для него въ неразрывное сочетаніе двухъ элементовъ: воли, которая приказываетъ, и матеріальной силы, которая подчиняется. Пусть ему замѣтна только вторая; онъ все равно не въ силахъ понять ее безъ первой, и предполагаетъ организующее начало тамъ, гдѣ не видитъ его. Такъ возникаютъ «души вещей». Онѣ замѣняли собой причины явленій, на нихъ познаніе могло временно успокоиться. Человѣкъ одинаково искалъ ихъ всюду—въ камнѣ и растеніи, въ звѣрѣ и человѣкѣ, въ пламени и въ водѣ. Природа во всѣхъ своихъ проявленіяхъ представлялась ему однородно-двойственной.

Мы видѣли, что при дальнѣйшемъ развитіи авторитарной общины въ самой организаторской функціи появляется извѣстное раздѣленіе тру-

да,—создается цѣлая система организаторовъ, съ патріархомъ во главѣ. Фетишистическое мышленіе неизбѣжно переноситъ эти дѣйствительныя отношенія на окружающую человѣка природу. Члену авторитарно-родовой общины весь міръ представляется вслѣдствіе этого управляемымъ богами-организаторами съ высшимъ богомъ во главѣ. Это сущность его религіознаго міровоззрѣнія.

Религія возникаетъ изъ почитанія предковъ-организаторовъ. Послѣдующій патріархъ признаетъ авторитетъ предыдущаго; онъ признаетъ его превосходство и передаетъ такое отношеніе къ патріархамъ предыдущихъ поколѣній своимъ преемникамъ. Умершіе патріархи, благодаря этому, кажутся тѣмъ выше, чѣмъ дальше они въ прошломъ; и самые отдаленные превращаются въ божества, которыя возносятся неизмѣримо высоко надъ людьми и повелѣваютъ всей совокупностью явленій окружающей среды. Всѣ завѣты предковъ, всѣ устныя преданія, хранящіяся въ общинѣ, разсматриваются, какъ откровенія этихъ боговъ, и образуютъ «религію» той эпохи. Религія, слѣдовательно, являлась тогда всеобщей организаціей опыта. Объединяя въ одно цѣлое разрозненныя и разбросанныя данныя трудового опыта, она способствовала сохраненію въ памяти людей массы практическихъ знаній. Религіозный миѳъ, устанавливающій причинную связь между рядомъ явленій природы, давалъ возможность гораздо легче запоминать связь и послѣдовательность явленій.

Въ тѣсной связи съ религіей находится и другое организаціонное орудіе, именно соціальныя нормы,—правила общежитія или обычаи. Обычаи вначалѣ существовали просто какъ завѣты предковъ; но потомъ, съ развитіемъ религіознаго культа, они превращаются въ велѣнія боговъ, непреклонной волѣ которыхъ теперь подчиняются такъ же, какъ раньше авторитету умершаго патріарха.

Организуя опытъ, давая техническія правила и нормы обычая, религія является вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, и тормазомъ для дальнѣйшаго развитія. «Завѣты предковъ» и «велѣнія боговъ»—все это руководящія указанія, освященныя консервативнымъ мышленіемъ въ продолженіе вѣковъ, а можетъ быть, и тысячелѣтій. Всякое новшество должно обязательно преодолѣть укоренившееся преклоненіе передъ старымъ. И если при отступленіи отъ обычныхъ нормъ еще въ нашу эпоху нерѣдко необходима борьба со старшими поколѣніями, которыя предпочитаютъ жить, «какъ жили дѣды и отцы», то можно себѣ представить, какой силы должно достигать сопротивленіе всякому нововведенію при авторитарно-родовомъ укладѣ жизни.

Требуются стихійныя силы, съ одной стороны, и громадное обогащеніе опыта, съ другой, чтобы преодолѣть этотъ идеологическій консерватизмъ.

5. Силы развитія и новыя формы жизни въ патріархально-родовомъ періодѣ.

Такъ какъ общественное сознаніе въ изучаемую эпоху представляло тѣ же по существу стихійныя препятствія всякому развитію, какъ на предшествующей стадіи жизни человѣчества, то, очевидно, что двигателемъ общественнаго развитія должна была являться та же стихійная сила абсолютнаго перенаселенія. По мѣрѣ того какъ съ возрастаніемъ населенія возникалъ недостатокъ въ жизненныхъ средствахъ, консерватизмъ обычая долженъ былъ отступать,—техника понемногу улучшалась, и общественныя отношенія измѣнялись. Возникновеніе и постепенное расширеніе обмѣна было въ высшей степени важнымъ пріобрѣтеніемъ этого развитія. Прогрессъ обмѣна, т.-е. точнѣе—общественнаго раздѣленія труда, совершаясь на почвѣ развитія техники, самъ представлялъ могучій двигатель для всего послѣдующаго развитія.

Другое, менѣе существенное, пріобрѣтеніе изучаемой эпохи заключается въ появленіи «р а б о в ъ». Благодаря возникновенію прибавочнаго труда, для организатора родовой группы во многихъ случаяхъ являлось выгоднымъ увеличить число членовъ группы: при этомъ возрастала сумма прибавочнаго продукта, которою располагалъ организаторъ. Поэтому въ патріархальныхъ обществахъ нерѣдкими становятся такіе случаи, когда побѣжденнаго на войнѣ врага уже не убивали, а присоединяли къ данной группѣ и заставляли участвовать въ ея производствѣ. Такіе присоединенные члены группы и были ея рабами.

Не слѣдуетъ, однако, представлять себѣ рабовъ патріархальнаго періода въ видѣ людей, сведенныхъ до положенія вещи. Они были п о ч т и равноправными членами той общины, которая ихъ къ себѣ присоединила, общность работы тѣсно связывала ихъ съ остальными и постепенно изглаживала воспоминаніе о прежней борьбѣ. Организаторъ «эксплоатировалъ» ихъ врядъ ли болѣе, чѣмъ своихъ кровныхъ родственниковъ—они работали, какъ другіе. Ихъ не продавали, и вообще къ нимъ относились приблизительно такъ, какъ американскіе индѣйцы къ усыновленнымъ плѣнникамъ.

Возникновеніе обмѣна и появленіе рабства—два на первый взглядъ очень разнородные факта—заключаютъ въ себѣ одну очень важную общую черту: и то, и другое представляло изъ себя нарушеніе старой системы сотрудничества, основанной исключительно на кровномъ родствѣ и вытекающемъ изъ него громадномъ психическомъ сходствѣ особей. Связи кровнаго родства необходимо проникнуты духомъ крайней исключительности, духомъ нетерпимости по отношенію ко всему, выходящему за ихъ предѣлы; новыя формы жизни стояли въ нѣкоторомъ

противорѣчіи съ этой нетерпимостью, ограничивали ее. А изъ этого возникъ еще цѣлый рядъ общественныхъ фактовъ.

Господство чисто-родовыхъ связей было полнымъ, безусловнымъ господствомъ обычая. Сила привычки къ установившимся формамъ жизни была такъ велика, личное самосознаніе такъ слабо, что отдѣльный человѣкъ просто не могъ стать въ противорѣчіе съ обычаемъ, нарушить его, не могъ даже представить себѣ этого. Преступленій не было. Если случалось что-нибудь несогласное съ обычаемъ, то къ этому относились не такъ, какъ современный человѣкъ относится къ преступленію или проступку, а какъ къ уродству. Когда рождался ребенокъ о двухъ головахъ, его убивали, какъ чудовище; когда нарушался обычай—такъ же поступали съ нарушителемъ: его убивали или изгоняли, что въ тѣ времена было безразлично. Это было не наказаніемъ, а чисто стихійной самозащитой противъ непонятнаго и опаснаго явленія. Идеи права и его нарушенія, представленія о нравственномъ и безнравственномъ совершенно отсутствовали; люди слѣдовали обычаю въ силу такой же естественной необходимости, въ силу какой они ѣдятъ, пьютъ, спятъ.

Съ развитіемъ новыхъ общественныхъ связей, основанныхъ не на родствѣ, дѣло измѣняется. Нарушенія обычая перестаютъ быть исключительными случайностями. Во-первыхъ, вообще начинаютъ сталкиваться различные обычаи; а исполненіе обычаевъ одной группы нерѣдко оказывается нарушеніемъ обычаевъ другой. Такъ, присоединенный плѣнникъ-рабъ, слѣдуя старымъ привычкамъ, легко можетъ помѣшать нормальному ходу общественнаго производства, и тѣмъ причинить большія непріятности своимъ новымъ товарищамъ. Точно также правильный ходъ мѣновыхъ сношеній долженъ часто нарушаться старой, укоренившейся привычкой относиться враждебно ко всѣмъ чужимъ людямъ. Нарушенія обычая становятся частымъ явленіемъ, и общество не можетъ относиться къ нимъ попрежнему.

Создается новая общественная форма жизни—обычное право, сущность котораго заключается въ защитѣ обычая противъ нарушеній. Съ преступникомъ борются уже не стихійно, а болѣе или менѣе сознательно; его судятъ по обычаю. Устанавливается цѣлая система наказаній для различныхъ проступковъ; вообще, возникаетъ цѣлый рядъ приспособленій, относящихся спеціально къ нарушенію обычаевъ; содержаніе этихъ приспособленій сводится къ способамъ устраненія уже причиненнаго поступкомъ вреда и къ средствамъ предотвратить его повтореніе. Складывается представленіе о законномъ—справедливомъ, и незаконномъ—несправедливомъ; первое означаетъ поступки, согласные съ обычаемъ, второе—несогласные съ нимъ. Зарождаются тѣ элементы, изъ которыхъ впослѣдствіи развивается нравственность и собственно «право».

Область правовой жизни обыкновенно рѣзко отдѣляютъ отъ экономической области; но для современной науки это раздѣленіе является уже условнымъ. Борьба общества противъ уклоняющейся личности по существу не отличается отъ всякой другой формы борьбы съ внѣшней природой; преступленіе есть сила внѣ-общественная, враждебная жизни общества, какъ сила холода или хищнаго звѣря. Такимъ образомъ, правовая жизнь есть только извѣстная область общественной борьбы съ природой; эту особую форму борьбы приходится изучать и съ ея технической стороны (способы воздѣйствія на преступника, какъ на элементъ внѣшней природы), и съ экономической (взаимныя отношенія между членами общества въ этихъ процессахъ воздѣйствія), и съ идеологической (взгляды людей на право и его нарушеніе). Такимъ образомъ, правовая область лежитъ въ сферѣ производства, а не внѣ ея. Въ этомъ смыслѣ появленіе обычнаго права имѣло большое значеніе въ экономической жизни авторитарно-родовой общины.

Такъ появлялись одинъ за другими зародыши новыхъ формъ жизни. Въ общемъ, авторитарно-родовой бытъ есть тотъ уровень, на которомъ въ настоящее время еще находятся наиболѣе отсталыя племена.

III. Феодальное общество.

1. Развитіе техники.

Если патріархально-родовое общество сложилось подъ вліяніемъ возникновенія новыхъ способовъ производства, обезпечивающихъ человѣческую жизнь, то общество феодальное имѣло своей основой дальнѣйшее развитіе этихъ способовъ.

Преобладающее въ производствѣ значеніе земледѣлія, при которомъ подчиненную роль играетъ скотоводство, и вполнѣ осѣдлая жизнь при ограниченномъ земельномъ просторѣ—таковы техническія условія феодальнаго періода.

Когда кочевыя племена скотоводовъ начинаютъ заниматься земледѣліемъ, то на первыхъ порахъ оно является у нихъ подчиненной, подсобной отраслью производства; оно приноравливается къ условіямъ скотоводства, такъ что площадь посѣва очень часто мѣняется. Но, по мѣрѣ того, какъ плотность населенія возрастаетъ, земельный просторъ уменьшается, и область кочевой жизни съуживается, по мѣрѣ того, какъ скотоводство ограничивается въ своемъ развитіи недостаткомъ пастбищъ, земледѣліе становится все болѣе важнымъ элементомъ борьбы за жизнь. При вполнѣ осѣдломъ существованіи уже оно представляетъ основную область борьбы за жизнь, а скотоводство, утра-

тивъ свою связь съ кочевымъ бытомъ, приноравливается къ условіямъ земледѣлія, превращается какъ-бы въ его отрасль. Что касается племенъ съ самаго начала чисто-земледѣльческихъ, то у нихъ дѣло сводится къ постепенному развитію земледѣлія, которое мало-по-малу теряетъ свой примитивный, полу-бродячій характеръ, и включаетъ въ себя скотоводство. Когда свободной земли становится слишкомъ мало, чтобы по мѣрѣ истощенія почвы повторными посѣвами изъ года въ годъ неограниченно переходить на новыя мѣста, то складывается болѣе правильная «переложная» система земледѣлія: часть земли, которая истощена, забрасывается и отдыхаетъ, пока засѣвается другая часть, находящаяся въ распоряженіи общины; истощается эта—возвращаются къ той, и т. д. Дальнѣйшее совершенствованіе вырабатываетъ «трехпольную» систему: пахотная земля дѣлится на три приблизительно равныя части, изъ которыхъ двѣ отводятся подъ посѣвы—одна подъ озимой, другая подъ яровой хлѣбъ,—а третья остается «подъ паромъ». Набирая новыя силы для слѣдующаго года, паровое поле служитъ въ то же время и пастбищемъ для скота. Вмѣстѣ съ трехпольемъ развивается и первая форма искусственнаго удобренія—именно унаваживаніе.

Эти завоеванія земледѣльческой техники, являющіяся, несомнѣнно, огромнымъ шагомъ впередъ, господствовали въ продолженіе всего феодальнаго періода; а трехполье въ Европѣ пережило ее на цѣлыя столѣтія.

Другія отрасли добывающей промышленности (охота, горное дѣло) и промышленность обрабатывающая въ феодальную эпоху находились въ весьма неразвитомъ, частью зародышевомъ состояніи. Война имѣла въ жизни тогдашняго общества не малое значеніе, какъ необходимый способъ охраны всего производства, и какъ единственное средство расширять территорію общества.

Въ общемъ, разнообразіе продуктовъ еще было незначительно (условіе, мало благопріятное для развитія обмѣна), но прибавочный трудъ представлялъ уже относительно не малую долю производства (условіе, благопріятное для роста эксплоатаціи).

2. Производственныя и распредѣлительныя отношенія внутри феодальной группы.

а) Земледѣльческая группа.

Повышеніе производительности труда привело къ такому возрастанію размѣровъ общественной организаціи, что община нерѣдко измѣрялась уже не сотнями, а тысячами человѣкъ. Въ то же время условія земледѣльческой техники вызвали нѣкоторое раздробленіе производства въ ея предѣлахъ:

Уже въ крупной патріархально-родовой группѣ замѣчалось частичное разслоеніе на семьи; оно порождалось, какъ было указано, невозможностью для патріарха единолично выполнять всю организаторскую работу, необходимостью переложить часть ея на другихъ, болѣе мелкихъ организаторовъ; однако, самостоятельностью эти мелкіе организаторы обладали лишь въ ничтожной степени, а производство всей общины характеризовалось значительнымъ единствомъ. При господствѣ осѣдлаго земледѣльческаго производства мелкія экономическія единицы—семьи пріобрѣтаютъ большую независимость въ хозяйственной жизни. Для выполненія земледѣльческихъ работъ обыкновенно вполнѣ достаточны силы отдѣльной семейной группы,—въ общей коопераціи всей группы нѣтъ надобности; мало того, мелкое семейное производство въ этомъ случаѣ болѣе производительно, такъ какъ при грубыхъ способахъ земледѣлія небольшая группа, сосредоточивая свое вниманіе и приложеніе своей рабочей силы на небольшомъ участкѣ, способна полнѣе использовать его природныя силы и свойства, чѣмъ многочисленная группа, раскидывающая свою коллективную дѣятельность на обширномъ пространствѣ.

Такимъ образомъ, земледѣльческая община на границѣ феодальнаго періода состояла изъ множества родственныхъ другъ другу по происхожденію семейныхъ группъ, которыя вели каждая въ значительной степени отдѣльное земледѣльческое хозяйство. По размѣрамъ своимъ эти группы представляли нѣчто среднее между патріархальнымъ родомъ древности и современной семьей; онѣ соотвѣтствовали приблизительно славянскимъ «большимъ семьямъ» въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, которыя сохранились кое-гдѣ и до нашего времени.

Однако остались еще довольно значительныя производственныя связи между семейными группами. Во многихъ случаяхъ, когда силы отдѣльной семьи оказывались недостаточными, ей дѣятельно помогали сосѣднія семьи, а то и вся община. Такъ бывало нерѣдко при постройкѣ жилища, при расчисткѣ изъ-подъ лѣса новаго участка подъ пашню, и т. п. Въ скотоводствѣ выгоды совмѣстности являлись настолько значительными, что общинный скотъ съ весны до осени почти всегда соединялся въ одно стадо, которое паслось на нераздѣльныхъ общинныхъ пастбищахъ подъ надзоромъ общинныхъ пастуховъ; къ числу нераздѣльныхъ пастбищъ принадлежали, между прочимъ, всѣ поля подъ паромъ и поля, съ которыхъ уже снята жатва, такъ что каждый участокъ поля служилъ отдѣльному производству семейной группы только въ продолженіе чисто-земледѣльческихъ работъ. Косьба на общинныхъ лугахъ, по большей части, выполнялась коллективно, а затѣмъ сѣно дѣлилось между семьями пропорціонально ихъ полевымъ участкамъ.

Кромѣ того, даже пользованіе пахотной землей обыкновенно регулировалось въ извѣстныхъ предѣлахъ общиною: семейное производство

не оставалось связаннымъ съ опредѣленнымъ участкомъ земли; время отъ времени производилась новая разверстка полей между семьями; при этомъ каждое хозяйство получало либо участокъ прежней величины, только въ другомъ мѣстѣ общинныхъ пашенъ, либо измѣнялись и размѣры участковъ, сообразно съ величиной семей, съ ихъ рабочей силой и т. п. Подобныя переверстки и передѣлы происходили вначалѣ, можетъ быть, каждый годъ, потомъ—черезъ нѣсколько лѣтъ. Онѣ имѣли то значеніе, что ими уравнивались выгоды и невыгоды, происходившія отъ неодинаковаго плодородія различныхъ участковъ земли. Впрочемъ, уже съ довольно раннихъ временъ общины перестаютъ пускать въ передѣлъ тѣ земли, которыя были расчищены изъ лѣсовъ и пустошей трудомъ исключительно отдѣльной семьи. Слѣдовательно, въ общинныхъ передѣлахъ выражается тотъ фактъ, что первоначальное завладѣніе общинной землей было произведено совмѣстнымъ трудомъ всей общины, былъ ли это трудъ расчистки новыхъ невоздѣланныхъ земель, или просто трудъ завоеванія.

Надо прибавить, что въ различныхъ случаяхъ трудовая совмѣстность отдѣльныхъ семей сохранялась не въ одинаковыхъ формахъ и не въ одинаковой степени, смотря по мѣстнымъ условіямъ, природнымъ и историческимъ [1]).

Въ земледѣльческой общинѣ начала феодальной эпохи есть и ремесленники, но по большей части они не спеціализируются въ своемъ ремеслѣ, а соединяютъ его съ земледѣліемъ. Да и каждое семейное

---

[1]) До новаго времени мѣстами сохранились слѣды земледѣльческаго коммунизма въ формѣ „общиннаго землевладѣнія" въ Швейцаріи, южной Германіи, на Пиринейскомъ полуостровѣ, у южныхъ славянъ и т. п.

Въ наибольшей степени земледѣльческій коммунизмъ сохранился тамъ, гдѣ существовали какія-нибудь особенныя условія, ставившія земледѣліе въ зависимость отъ коллективнаго труда. Такъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ Остъ-Индіи все земледѣліе основано на искусственномъ орошеніи, на сложной канализаціи, которая необходимо является дѣломъ обширной группы, а не отдѣльной семьи; именно тамъ еще въ недавнее время можно было наблюдать земледѣльческій коммунизмъ въ его наиболѣе чистыхъ формахъ. Въ этихъ общинахъ вся обработка земли производится совмѣстнымъ трудомъ, и потомъ общій продуктъ дѣлится между семьями. Однако пряжа, тканье и многія работы выполняются уже каждымъ семействомъ въ отдѣльности, какъ домашнія побочныя занятія. Община имѣетъ своихъ ремесленниковъ (кузнецъ, плотникъ, горшечникъ, цирюльникъ, прачка и т. д.) и должностныхъ лицъ (старшина, бухгалтеръ, надзиратель за водоемами, жрецы и др.); тѣ и другіе назначаются общиною и, не занимаясь земледѣліемъ, содержатся на общественный счетъ. Организаторскій трудъ (должностныя лица) не только отдѣленъ отъ труда исполнительнаго, но раздѣленъ между нѣсколькими людьми,—однако еще находится подъ контролемъ всей общины, что опять-таки зависитъ отъ необычной сплоченности общиннаго цѣлаго, порожденной необычной земледѣльческой техникой. Благодаря этой сплоченности, группа сохраняетъ еще ясно выраженный родовой характеръ; единство происхожденія продолжаетъ опредѣлять собою рамки экономическихъ связей.

хозяйство выполняетъ собственнымъ трудомъ нѣкоторыя работы ремесленнаго характера, главнымъ образомъ—пряжу, тканье, приготовленіе одежды. Тамъ, гдѣ семья не въ состояніи справиться собственными силами, она обращается къ ремесленнику. Изъ ремесленниковъ раньше всего обособлялись мельникъ и кузнецъ; за ними идутъ кожевники, красильщики, пекари, плотники, кровельщики, гончары, и даже «хирурги». Но все это ремесленники не въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова. На первыхъ ступеняхъ своего постепеннаго выдѣленія изъ среды общинниковъ они не работаютъ еще на заказъ, и тѣмъ болѣе для продажи, а являются должностными лицами земледѣльческой общины. Ремесленники на первыхъ порахъ ведутъ земледѣльческое хозяйство, какъ и другіе крестьяне, лишь въ меньшемъ размѣрѣ, отдавая остатокъ времени ремеслу. Поскольку изъ-за этого ихъ земледѣльческое хозяйство оказывается недостаточнымъ, они содержатся на общественный счетъ, за счетъ «крестьянскаго міра», какъ сказали бы у насъ, въ Россіи. Они получаютъ постоянное довольствіе въ видѣ опредѣленнаго количества хлѣба, овощей, мяса и прочихъ продуктовъ сельскохозяйственнаго производства, за что и выполняютъ необходимыя для ихъ сообщинниковъ работы по своей спеціальности. Позже ремесленники переставали мало-по-малу заниматься земледѣліемъ, начинали вести собственное ремесленное хозяйство и работать на заказъ. Такъ зарождалось общественное раздѣленіе труда, зачатки современныхъ отраслей промышленности. При феодализмѣ оно развито вообще слабо. Но уже въ очень раннюю эпоху этого періода нѣкоторые ремесленники, именно мельникъ и кузнецъ, нерѣдко являются общими для нѣсколькихъ сосѣднихъ общинъ, и этимъ создается нѣкоторая производственная связь между отдѣльными общинами.

Возрастаніе размѣровъ общины и значительное обособленіе семейныхъ группъ привело къ тому, что мало-по-малу исчезъ и былъ забытъ родственный характеръ первоначальной связи между отдѣльными хозяйствами: связи чисто-экономическія уже являются основнымъ цементомъ, скрѣпляющимъ общинное цѣлое.

b) Выдѣленіе феодаловъ.

Тамъ, гдѣ развитіе феодальной группы изъ земледѣльческой общины шло наиболѣе постепенно и наиболѣе типически, тамъ послѣдовательность этого развитія является въ такомъ видѣ:

Вначалѣ строеніе общины отличается сравнительно большой однородностью—разница въ размѣрахъ отдѣльныхъ хозяйствъ была не такъ велика, чтобы обезпечить наибольшимъ изъ нихъ рѣшительное экономическое преобладаніе надъ остальными. Дѣла, касающіяся всей общины, рѣшались совѣтомъ старѣйшинъ—хозяевъ; для коллективныхъ пред-

пріятій, требующихъ единаго организатора (главнымъ образомъ—въ случаѣ войны), совѣтъ старѣйшинъ избиралъ изъ своей среды вождя, который выполнялъ эту роль только временно, пока была надобность. Когда войны велись—какъ обыкновенно и бывало—не одной общиной, а племеннымъ союзомъ, тогда мелкіе вожди дружинъ избирали, въ свою очередь, общаго временнаго вождя.

Однако зародыши экономическаго неравенства уже существуютъ. Одинъ изъ этихъ зародышей представляло, хотя бы даже временное, выдѣленіе организатора общихъ предпріятій; другой зародышъ заключается въ томъ, что, кромѣ общинной собственности на землю, была и частная. Земли, расчищенныя собственнымъ трудомъ отдѣльной семьи, представляли уже ея собственность; точно также земли, пріобрѣтенныя военнымъ путемъ, разъ онѣ распредѣлены между участниками войны, обыкновенно уже не передѣлялись болѣе.

Какъ нельзя болѣе понятно, что хозяйства, нѣсколько выдѣляющіяся изъ среды остальныхъ бо̀льшей экономической силой, должны были при такихъ условіяхъ и развивать эту силу быстрѣе остальныхъ. Во-первыхъ, такимъ хозяйствамъ легче было расширять площадь ихъ частныхъ владѣній путемъ расчистки новыхъ незанятыхъ земель; во-вторыхъ, лица, принадлежавшія къ этимъ болѣе крупнымъ хозяйствамъ, занимали вообще болѣе видное положеніе въ организаціи военныхъ предпріятій, а слѣдовательно, получали болѣе значительную долю изъ военной добычи—движимой и недвижимой. Не мѣшаетъ помнить, что къ движимой добычѣ относились и р а б ы,—у русскихъ славянъ они назывались «челядь», «холопы»,—такъ какъ земледѣльческая община унаслѣдовала отъ патріархальной группы, между прочимъ, эти зародыши рабства въ ихъ мягкой формѣ.

Такимъ образомъ, неравенство хозяйственныхъ единицъ все болѣе возрастало, и мало-по-малу подрывало прежнюю однородность общины. Вліяніе болѣе богатыхъ семей на ходъ общинной жизни все болѣе усиливалось и упрочивалось благодаря тому, что экономическое превосходство позволяло имъ поставить всѣ остальныя хозяйства въ нѣкоторую матеріальную зависимость отъ себя: крупныя хозяйства брали на себя устройство такихъ предпріятій, которыя оказывались не по силамъ для всѣхъ остальныхъ, напримѣръ, устройство большихъ мельницъ, пекаренъ и т. п. Будучи гораздо болѣе устойчивыми, большія хозяйства гораздо меньше страдали отъ всякихъ экономическихъ потрясеній, отъ голодовокъ и другихъ стихійныхъ бѣдствій, столь нерѣдкихъ при неразвитой техникѣ; поэтому нерѣдко большія хозяйства оказывали мелкимъ помощь изъ своихъ запасовъ; а за нее мелкіе крестьяне обыкновенно расплачивались отработками, что позволяло богатымъ значительно расширять свои запашки и вообще все свое производство.

Съ теченіемъ времени фактическая сила наиболѣе богатыхъ семей доходила до того, что только изъ ихъ среды избирались организаторы военныхъ дружинъ; и естественно, что эти семьи воспользовались своимъ экономическимъ вліяніемъ на общину, чтобы закрѣпить такое положеніе дѣлъ; онѣ энергично боролись противъ всякихъ отдѣльныхъ попытокъ измѣнить эту систему, и постепенно добивались того, что обычный фактъ превратился въ право—власть вождя стала наслѣдственной въ его семьѣ, временный организаторъ войны превратился въ постояннаго.

Съ этого времени можно считать начало собственно феодальнаго періода. Крупный землевладѣлецъ, выдѣлившійся изъ общины, прочно присвоившій себѣ военно-организаторскую роль, а также иными способами поставившій общину въ экономическую зависимость отъ себя, есть уже типичный феодалъ. Это «сеньёръ» общины, т.-е. ея властный глава (буквально слово «сеньеръ» означаетъ старѣйшаго).

Въ иныхъ случаяхъ выдѣленіе феодала среди группы совершалось гораздо быстрѣе, еще въ эпоху превращенія кочевой патріархальной общины въ осѣдлую земледѣльческую; это случалось тамъ, гдѣ пріобрѣтеніе земли для осѣдлости стоило особенно долгой и упорной борьбы, такъ что война очень рано наложила сильный отпечатокъ на строеніе общины.

Феодальныя отношенія быстро развивались и крѣпли: возрастала и становилась болѣе постоянною, съ одной стороны, положительная, общественно-полезная роль феодала въ жизни крестьянской общины, съ другой стороны—экономическое и юридическое подчиненіе ему крестьянъ.

Феодалъ строитъ укрѣпленные замки, гдѣ крестьяне, находящіеся подъ его покровительствомъ, укрываются въ случаѣ нападеній со стороны враговъ. Феодалъ заботится объ устройствѣ дорогъ, мостовъ и т. п. въ своей общинѣ. Во всѣхъ случаяхъ, когда крестьянскія хозяйства не могутъ управиться своими средствами, феодалъ приходитъ къ нимъ на помощь; онъ организуетъ систематическую поддержку для нихъ на случай неурожая, разоренія отъ войны, и т. д. На все это необходимы были средства; и, конечно, феодалъ не склоненъ былъ даромъ жертвовать для своихъ крестьянъ доходами собственнаго хозяйства. За всѣ заботы феодала крестьяне съ избыткомъ расплачивались своимъ трудомъ.

Феодальная эксплоатація имѣла двѣ главныхъ формы: во-первыхъ, основная и болѣе раняя форма—отработки; во-вторыхъ, производная—оброкъ. Когда феодалъ былъ почти только богатымъ крестьяниномъ, тогда отработки существовали, какъ обычная расплата за долги; когда власть феодала упрочилась, отработки сдѣлались постоянной повинностью крестьянъ, превратились въ такъ называемую барщину: опредѣленное число дней въ году крестьянинъ обязанъ былъ работать на своего феодальнаго сеньёра въ его хозяйствѣ. Въ иныхъ случаяхъ

для феодала оказывалось удобнѣе получать повинность не въ видѣ труда, а въ видѣ готоваго продукта,—это былъ такъ называемый оброкъ. Оброку подлежалъ по преимуществу, и чѣмъ дальше тѣмъ въ бо́льшей степени, ремесленный крестьянскій трудъ. Размѣры оброка, такъ же какъ и барщины, разъ установившись, охранялись обычнымъ правомъ. Разумѣется, въ случаѣ надобности, сеньёръ легко добивался увеличенія повинностей.

Въ формахъ барщины и оброка эксплоатація является въ самомъ простомъ и открытомъ видѣ: барщина—это прямое и явное присвоеніе прибавочнаго труда, оброкъ—прибавочнаго продукта.

Основываясь на барщинѣ и оброкѣ, хозяйство сеньера было, подобно мелкому крестьянскому хозяйству, почти исключительно натуральнымъ. Конечно, феодалъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ крестьянинъ, могъ пользоваться обмѣномъ для удовлетворенія своихъ утонченныхъ потребностей, но все-же и для феодала это было вначалѣ исключеніемъ—такимъ слабымъ оказывалось тогда развитіе обмѣна; бо́льшую часть всего необходимаго для себя сеньеръ получалъ отъ своихъ крестьянъ.

Насколько хозяйство феодала оставалось натуральнымъ, потребительнымъ, настолько величина оброка и барщины ограничивалась размѣрами потребностей феодала. Поэтому вначалѣ тягости зависимаго населенія были относительно невелики; онѣ, естественно, возрастали съ прогрессомъ обмѣна, благодаря которому потребности феодаловъ развивались.

Отношенія между феодаломъ и подвластными ему людьми были не вполнѣ однородны: одна часть крестьянъ находилась въ большей экономической зависимости, несла большія тягости, и соотвѣтственно этому была въ большей мѣрѣ подчинена феодалу юридически; другая часть находилась въ сравнительно болѣе выгодныхъ условіяхъ; обычай охранялъ эти различія и переносилъ ихъ поколѣніе за поколѣніемъ на потомство крестьянъ.

Такія различія зависѣли отчасти отъ самаго характера повинностей: какой-нибудь кузнецъ, доставлявшій господину только опредѣленный оброкъ и почти не имѣвшій съ нимъ другихъ дѣлъ, естественно, оказывался менѣе стѣсненнымъ въ своей экономической и правовой жизни, чѣмъ земледѣлецъ, который отбывалъ барщину и, слѣдовательно, на извѣстные промежутки времени становился во вполнѣ подчиненное положеніе. Отчасти различіе въ повинностяхъ опредѣлялось исторически сложившимися отношеніями: позднѣйшіе поселенцы, которыхъ феодалы сами приглашали къ себѣ на льготныхъ условіяхъ, были по большей части закрѣпощены въ меньшей степени, чѣмъ старые общинники.

Нѣкоторые изъ подданныхъ феодала жили въ господскомъ дворѣ для личныхъ услугъ, не занимаясь по бо́льшей части производительнымъ

трудомъ; ихъ зависимость достигла наибольшей степени, потому что они не вели подобно крестьянамъ собственнаго хозяйства, и жили исключительно милостями господина; это были домашніе рабы—дворовые.

Только наиболѣе зависимые изъ подданныхъ феодала лишены были свободы передвиженія, не имѣли права уходить изъ-подъ его власти; другіе могли дѣлать это, если желали; но тогда они лишались своей земли и всего недвижимаго имущества. Чтобы логика такихъ отношеній стала понятна, надо принять во вниманіе слѣдующее:

Наиболѣе общее положеніе экономической зависимости населенія отъ феодала выражалось въ томъ, что феодалъ считался верховнымъ главой всей земли, на которой жили его подданные. Когда земледѣліе играло такую громадную роль въ производительной жизни общества, было очень естественно, что феодалъ стремился присвоить себѣ верховное господство надъ землею, что означало также господство надъ людьми; а при экономической силѣ феодала стремленія эти не могли не увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Въ тѣ неспокойныя времена очень часто бывало, что свободный крестьянинъ-собственникъ самъ передавалъ свою землю сосѣднему феодалу изъ-за того, чтобы пользоваться его покровительствомъ, а затѣмъ тотчасъ же получалъ эту самую землю въ ленъ, т.-е. въ зависимое владѣніе. Вообще, званіе верховнаго собственника земли еще не означало произвольнаго распоряженія этой землей: феодалъ фактически подчинялся въ своихъ дѣйствіяхъ обычаю.

Экономическая самостоятельность феодальной группы была очень значительна, но не безусловна. Прежде всего, въ сферѣ войны силы отдѣльной группы оказывались по большей части недостаточными для защиты отъ окружающихъ враговъ, напр., отъ кочевыхъ племенъ, которыя не разъ совершали набѣги на феодальную Европу, или просто отъ болѣе сильныхъ сосѣдей-феодаловъ.

На этой почвѣ между феодалами складывались отношенія, подобныя тѣмъ, которыя существовали въ помѣстьѣ между феодаломъ и его крестьянами. Если потребность въ военной защитѣ ставила крестьянъ подъ власть феодала, то она же принуждала болѣе слабыхъ феодаловъ подчиняться болѣе сильнымъ. Добровольно или послѣ неудачной борьбы, сеньёръ признавалъ другого, болѣе могущественнаго сеньёра своимъ господиномъ и покровителемъ—сюзереномъ. Вмѣстѣ со своей дружиной онъ сражался подъ его начальствомъ на войнѣ (своего рода «барщина»), а иногда платилъ также опредѣленную дань—оброкъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ онъ подчинялся суду сюзерена. Во внутреннія дѣла помѣстья своего данника (вассала) сюзеренъ, вообще говоря, не вмѣшивался.

Сюзеренъ, въ свою очередь, состоялъ обыкновенно вассаломъ другого, еще болѣе могущественнаго сеньера, и т. д. до короля.

Король былъ только послѣднимъ звеномъ въ цѣпи феодаловъ. Внутреннихъ дѣлъ вассальныхъ государствъ онъ не касался, да и во внѣшнихъ его вліяніе было невелико. Совершенно независимо отъ него феодалы вели войны между собою, заключали договоры. Нерѣдко власть королей, и вообще сюзереновъ, существовала только по имени.

При такой дробности и слабой связи частей общественной организаціи, а главное—при неразвитой техникѣ, которая постоянно создавала «абсолютное перенаселеніе», феодальный міръ былъ обреченъ на постоянныя войны [1]).

c) Обособленіе жреческаго сословія.

На раннихъ ступеняхъ развитія авторитарной родовой общины патріархъ былъ организаторомъ не только мирнаго труда, но и военнаго дѣла; и если самъ не обладалъ качествами военнаго вождя, то выбиралъ такого вождя на время, когда требовалось, сохраняя за собою высшій контроль и руководство. Развитіе феодализма выдвинуло вождя въ качествѣ самостоятельнаго, и притомъ наслѣдственнаго военнаго организатора. Сама родовая община разбилась на семейныя группы и перешла въ сосѣдскую общину. Трудовая дѣятельность семейной группы велась подъ руководствомъ ея главы—хозяина. Что, слѣдовательно, оставалось отъ организаторской роли патріарха?

При значительной самостоятельности семейныхъ группъ, между ними все-же сохранялось не мало экономическихъ и бытовыхъ связей. Тотъ

---

[1]) Говоря объ „абсолютномъ перенаселеніи" феодального періода, слѣдуетъ замѣтить, что содержаніе этого понятія является здѣсь уже нѣсколько измѣненнымъ. Перенаселеніе феодальнаго періода выражается не **только** въ томъ, что нѣкоторой части общества не хватаетъ основныхъ необходимыхъ средствъ къ жизни, и захватываетъ не **только** низшіе слои общества; это также перенаселеніе феодаловъ. Даже если бы семья феодала не размножалась, то благодаря застойной техникѣ и размноженію крестьянства становилось бы все труднѣе для феодала добывать средства удовлетворенія своихъ широкихъ потребностей отъ крестьянъ собственныхъ помѣстій; тѣмъ больше становятся затрудненія, если размножаются сами феодалы. По существу, тутъ дѣло идетъ попрежнему о несоотвѣтствіи между количествомъ средствъ потребленія, какое возможно при данной техникѣ добыть изъ даннаго пространства земли, и размѣромъ потребностей растущаго населенія; только принимать во вниманіе приходится не однѣ насущныя потребности массъ населенія, но также и высоко развитыя потребности класса феодаловъ. Такъ какъ высокія потребности феодаловъ опредѣляются собственно соціальными отношеніями даннаго строя, то перенаселеніе можно считать происходящимъ уже не отъ одной застойности отношеній человѣка къ природѣ, а отчасти и отъ характера сложившихся отношеній между людьми (переходъ къ „относительному" перенаселенію послѣдующихъ періодовъ, которое зависитъ почти исключительно отъ второй причины).

общій контроль надъ ихъ хозяйствомъ и этими связями, тѣ объединяющія мирно-организаторскія функціи, которыя раньше выполнялись патріархомъ, не могли, въ большой своей части, перейти ни къ феодалу, слишкомъ спеціализированному на своей особой дѣятельности, ни къ главѣ большой семьи, сфера руководства котораго была слишкомъ узка. Этотъ общій контроль, общая мирно-организаторская роль оставалась за преемникомъ патріарха—жрецомъ.

Жрецъ былъ хранителемъ накопленнаго общественнаго опыта, переданнаго отъ предковъ; такъ какъ этотъ опытъ передавался въ религіозной формѣ, какъ завѣты и откровенія обожествленныхъ предковъ, то жрецъ и являлся представителемъ боговъ, носителемъ связи съ ними. А основная дѣятельность жреца была экономически-организующая, и она имѣла огромное значеніе въ жизни.

Такъ, для всякаго земледѣльца въ высшей степени важно знать, въ какое время начинать подготовку пашни, когда производить посѣвъ, и пр.: вся судьба его труда зависитъ отъ правильнаго распредѣленія времени. Но точный расчетъ времени въ году возможенъ только при помощи астрономическихъ знаній. Эти знанія имѣлись только у жрецовъ, которые, на основаніи передававшихся въ ряду вѣковъ наблюденій надъ солнцемъ, луной и другими свѣтилами, вели календарь, достаточно точный для сельскаго хозяйства.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напр., въ Египтѣ, Месопотаміи, Индостанѣ, требовалась очень большая точность въ опредѣленіи времени. Въ этихъ странахъ, благодаря таянію горныхъ снѣговъ или началу тропическихъ дождей, происходятъ періодическіе разливы рѣкъ, которые на огромныхъ пространствахъ затопляютъ все окружающее. Эти разливы, оставляя плодородный илъ, порождаютъ огромную урожайность земли, но въ то же время, какъ грозная стихія, угрожаютъ гибелью и людямъ, и всему созданному ихъ трудомъ. Чтобы использовать одно и избѣгнуть другого, необходимо самое строгое исчисленіе времени, необходимо полное знаніе связи между временами года и уровнемъ воды рѣкъ. Это было дѣломъ жрецовъ, которые тамъ высоко развили астрономію и вели точныя записи хода разливовъ.—И недостаточно было слѣдить за разливами: надо было, по возможности, регулировать ихъ, для чего были необходимы каналы, дамбы, отводные резервуары—пруды и озера. Ихъ надо было устраивать и систематически слѣдить за ними: а въ дальнѣйшемъ, при помощи такихъ же сооруженій, расширить поле труда, орошая сосѣднія безводныя мѣстности. Въ этомъ отношеніи древніе творили истинныя чудеса техники. Сохранились, напримѣръ, данныя о знаменитомъ Мерідовомъ озерѣ съ его каналами, благодаря которымъ можно было обрабатывать огромныя пространства древняго Египта,—пространства, представляющія те-

перь безводныя песчаныя пустыни внутренней Ливіи. Для такихъ работъ нужны были, конечно, руководители инженеры со значительнымъ запасомъ математическихъ знаній. Этими руководителями были опять таки жрецы, которые особенно выдѣлялись своими познаніями въ области геометріи.

Но мирно-организаторская дѣятельность жречества этимъ не исчерпывается. Продолжая роль патріарха, оно обыкновенно завѣдывало общественной гигіеной и медициной, т.-е. способствовало сохраненію наличныхъ рабочихъ силъ общества. Жрецы занимались также воспитаніемъ юношества и готовили, такимъ образомъ, будущихъ членовъ общества. Они же освящали браки и похороны, были совѣтниками въ семейныхъ отношеніяхъ, и пр.

Весь запасъ знаній они сохраняли устно, передавая его отъ одного жреческаго поколѣнія къ другому. Но съ теченіемъ времени въ качествѣ средства сохраненія накопленнаго опыта выступаетъ письменность, которая, такъ сказать, монополизируется въ рукахъ жрецовъ. Въ древности и отчасти въ Средніе вѣка они были единственными грамотными людьми. Іероглифы и клинообразныя надписи, раскрывающія передъ нами картину хозяйственнаго быта древняго Востока, были сдѣланы жрецами. То же самое было и въ феодальномъ мірѣ средневѣковой Европы, гдѣ умѣніе читать и писать было отличительной особенностью духовенства.

Обладая всѣми этими могущественными орудіями организаціи хозяйственной дѣятельности общества, жрецы, такимъ образомъ, распространяли свое вліяніе на всѣ области жизни; они выступали не только въ видѣ организаторовъ въ узкомъ смыслѣ этого слова, они были также учеными, законодателями, медиками, воспитателями; свой контроль надъ всѣми жизненными отношеніями людей они доводили въ нѣкоторыхъ странахъ до того, что слѣдили за каждымъ шагомъ своей паствы, даже за ея мыслями, о чемъ свидѣтельствуетъ система «исповѣди», примѣнявшаяся въ христіанствѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ религіяхъ.

Организація жрецовъ развивалась параллельно съ организаціей свѣтскихъ феодаловъ: большей частью, за военнымъ ебъединеніемъ слѣдовало и «духовное», т.-е., жреческое. И типъ организаціи складывался тотъ же, авторитарный, т.-е., цѣпь власти-подчиненія, жреческая іерархія; напр., въ Европѣ Среднихъ вѣковъ—діаконы, священники, а надъ ними аббаты, епископы, кардиналы, и верховный глава всѣхъ ихъ—папа. Но, въ отличіе отъ свѣтскихъ феодаловъ, духовные всюду выдѣлялись своей сплоченностью и дисциплиной. Мирный характеръ ихъ основной дѣятельности не создавалъ основы для такихъ междоусобій и раздоровъ, какъ было у свѣтскихъ феодаловъ; и какъ

разъ эта рознь и борьба феодальнаго міра настоятельно требовала особенно тѣснаго единства въ мирно-организаторскихъ функціяхъ.

Жреческія организаціи, церковныя, монастырскія и т. п., благодаря своей большой общественной силѣ, сами превращались въ феодальныхъ владѣтелей обширныхъ имѣній, а также нерѣдко и въ сюзереновъ надъ иными свѣтскими феодалами. Подобно свѣтскимъ феодаламъ, они жили за счетъ прибавочнаго труда крестьянъ, которые отдавали имъ часть своего продукта въ видѣ оброка или часть своего рабочаго времени въ видѣ барщины. Тотъ же прибавочный трудъ служилъ источникомъ существованія жречества и благодаря особымъ налогамъ на вѣрующихъ, какимъ была, напр., церковная десятина въ Европѣ.

Въ своихъ владѣніяхъ жрецы организовали не только производственную дѣятельность, но и военную защиту. Монастыри, напр., подобно феодальнымъ замкамъ, являлись укрѣпленными пунктами, которые часто съ необыкновеннымъ упорствомъ защищались отъ нападеній извнѣ. Дѣло доходило до того, что храмы и монастыри обзаводились собственными дружинами.

Въ феодальной Европѣ Среднихъ вѣковъ общественно-экономическая роль католической церкви создала ей неслыханную власть надъ умами народныхъ массъ. Благодаря этому церковь, помимо обычныхъ доходовъ, получала массу пожертвованій имуществомъ, землями, трудомъ и продуктами. Все это способствовало, конечно, росту экономической мощи церкви; чтобы имѣть представленіе объ ея богатствѣ достаточно сказать, что къ концу Среднихъ вѣковъ она сумѣла сосредоточить въ своихъ рукахъ около трети всей земли.

Этому способствовало самое употребленіе доходовъ церкви. Надо имѣть въ виду, что феодальное общество, въ общемъ и цѣломъ, являлось системой натурально-хозяйственной, и что доходы церкви состояли, главнымъ образомъ, изъ продуктовъ земледѣлія. Само духовенство не въ состояніи было потребить всю эту массу продуктовъ, а сбывать ихъ на сторону было возможно лишь въ малой степени, вслѣдствіе слабаго развитія обмѣна. Это создавало почву для широкой благотворительности церкви. Монастыри организовывали широкую помощь въ случаяхъ голода, который при слабомъ развитіи техники былъ постояннымъ гостемъ средневѣковой Европы; они брали на себя попеченіе о нищихъ и калѣкахъ, которыхъ благодаря непрерывнымъ войнамъ было очень много въ феодальномъ обществѣ. Все это, разумѣется, усиливало вліяніе жречества-духовенства.

Отношенія между свѣтскими феодалами и духовными были весьма разнообразны. Большей частью они находились въ мирѣ и союзѣ, иногда же вели упорную борьбу. Для защиты своего экономическаго могущества и поддержанія своего авторитета жречество, при бескон-

чаемыхъ раздорахъ, царившихъ въ феодальномъ обществѣ, должно было прибѣгать къ организованной военной силѣ свѣтскихъ феодаловъ, но эти послѣдніе въ свою очередь нуждались въ поддержкѣ жрецовъ. Феодальное общество представляло собою систему неприкрытой эксплоатаціи, и для поддержанія своей власти феодалы нуждались въ силѣ, которая держала бы въ покорности подвластное населеніе. Такой силой было жречество, обладавшее огромнымъ вліяніемъ на массы. Феодальное жречество всюду проповѣдывало смиреніе и рабскую покорность къ сильнымъ міра сего. Этимъ самымъ оно укрѣпляло авторитарныя основы феодальнаго міра.

Но источникъ существованія свѣтскихъ и духовныхъ феодаловъ былъ одинъ и тотъ же—прибавочный трудъ подвластнаго крестьянства, который тѣ и другіе дѣлили между собой. На почвѣ этого дѣлежа возникала борьба, которая нерѣдко принимала форму открытыхъ столкновеній. Эта борьба длилась иногда столѣтіями, и въ зависимости отъ условій разрѣшалась, то въ пользу свѣтскихъ, то въ пользу духовныхъ феодаловъ. Если историческія условія складывались такъ, что страна то и дѣло подвергалась нападеніямъ извнѣ, то роль мирныхъ организаторовъ-жрецовъ отступала на задній планъ, и наибольшая сила сосредоточивалась въ рукахъ военныхъ организаторовъ—свѣтскихъ феодаловъ. Такъ случилось, напримѣръ, въ Россіи, гдѣ князья оказались сильнѣе духовенства. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда мирно-организаторскія функціи пріобрѣтали въ жизни большее значеніе, чѣмъ дѣятельность военныхъ организаторовъ, жречество брало верхъ надъ свѣтскими феодалами. Это имѣло мѣсто въ Западной Европѣ, гдѣ духовенство надолго подчинило себѣ феодальную власть. Въ цѣломъ рядѣ странъ, какъ напримѣръ, въ древней Іудеѣ, въ Восточной Индіи и въ древнемъ Египтѣ, господство переходило отъ жречества къ феодаламъ и обратно.

Въ общемъ, экономическое строеніе феодальной системы приходится представлять въ слѣдующемъ видѣ. На почвѣ мелкаго, технически слабаго земледѣльческаго производства, изъ котораго еще не выдѣлилась обрабатывающая промышленность, создались небольшія, но довольно сплоченныя натурально-хозяйственныя организаціи—земледѣльческія общины. Въ тѣхъ областяхъ общиннаго производства, гдѣ существовала потребность въ единой организующей волѣ, выдвинулась власть феодаловъ, которые съ частичной организаторской дѣятельностью въ производствѣ соединяли такую же роль въ распредѣленіи. Потребность въ болѣе широкой военной коопераціи создала сложную, непрочную организацію сюзеренитета, основанную на ограниченномъ подчиненіи однихъ феодаловъ другимъ. Цѣлый рядъ иныхъ общественныхъ потребностей, ко-

торымъ военно-феодальная организація не могла удовлетворять по своему спеціально-военному характеру и слабой сплоченности, удовлетворялись всеобщей организаторской дѣятельностью жречества, опять-таки не только въ сферѣ производства, но и въ сферѣ распредѣленія. Въ то же время, заполняя собою пробѣлы всѣхъ этихъ организованныхъ экономическихъ связей, незамѣтную, но необходимую роль въ общественной жизни играли мѣновыя связи, большею частью въ зародышевой формѣ сосѣдскаго обмѣна, но отчасти и въ видѣ обмѣна между различными группами, даже различными странами.

Происхожденіе феодальнаго строя нерѣдко объяснялось, какъ результатъ завоеванія одного племени другимъ. Въ иныхъ случаяхъ, дѣйствительно, въ роли феодаловъ выступали побѣдители, а въ роли подчиненнаго населенія—побѣжденные; и очень понятно, что при такихъ условіяхъ легко происходило рѣзкое разграниченіе двухъ сословій; но, чтобы создать феодальные порядки въ завоеванной странѣ, побѣдители должны были раньше имѣть ихъ у себя, какъ это и было во всѣхъ подобныхъ случаяхъ.

3. Развитіе идеологіи въ феодальномъ обществѣ.

Въ области идеологіи феодальное общество сдѣлало огромный шагъ впередъ.

Выросши изъ сравнительно небольшой родовой общины, общественная организація феодальнаго общества раскинулась на огромныя пространства и объединила сотни тысячъ, въ иныхъ случаяхъ милліоны людей. Техника обогатилась, и производство стало гораздо сложнѣе, чѣмъ въ предыдущіе періоды. Чтобы поддерживать производственныя связи между людьми, чтобы выражать и устанавливать сложныя соотношенія ихъ дѣйствій, орудій, матеріаловъ труда, должно было развиться основное средство организаціи—языкъ, который въ разсматриваемый періодъ, дѣйствительно, достигъ огромнаго богатства выраженій и гибкости. Не только увеличилось во много разъ количество словъ, но создалось много видовъ ихъ сочетаній и видоизмѣненій, каковы, напр., въ нашихъ арійскихъ и во многихъ другихъ языкахъ склоненія и спряженія.

По своему общему строенію, феодальная система основывалась, какъ и предыдущая, на власти и подчиненіи, лишь въ значительно усложненныхъ формахъ. Общество представляло длинную іерархическую лѣстницу, гдѣ каждая низшая инстанція подчинялась высшей. Этотъ соціально-экономическій строй феодализма опредѣлялъ и характеръ человѣческаго мышленія, которое по существу оставалось авторитарнымъ, но значительно развилось и усложнилось. Въ области мышленія, примитивный анимизмъ—одухотвореніе всѣхъ неодушевленныхъ предметовъ,

которые, по представленіямъ дикаря, поступаютъ согласно веленіямъ своей «души»—смѣняется болѣе тонкими и гибкими религіозными вѣрованіями. Вмѣсто непосредственнаго приказа организатора и исполненія этого приказа, человѣкъ видѣлъ въ жизни длинную цѣпь связей: приказъ передается, напр., отъ папы къ королю, отъ короля къ его наиболѣе могущественнымъ вассаламъ, отъ нихъ еще ниже, и т. д., до послѣдняго крестьянина. По образцу и подобію «земного», и именно соціальнаго міра строится міръ воображаемый: онъ населяется полубогами, богами и высшими богами, которые, въ іерархической феодальной цѣпи, управляютъ разными стихіями природы и всей системой въ цѣломъ. Такъ напр., въ религіи грековъ, зародившейся въ періодъ ранняго феодализма, высшимъ властителемъ міра былъ Зевсъ, за нимъ слѣдовали его самые могущественные вассалы Посейдонъ и Плутонъ, которымъ, въ свою очередь, были подчинены тысячи самыхъ разнообразныхъ боговъ. Въ нѣкоторыхъ феодальныхъ религіяхъ низшіе боги замѣняются святыми, которымъ отводятся опредѣленные районы дѣятельности: но это только разница названій. Такъ, въ славянскихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ святой Илья, замѣнившій древняго бога Перуна, завѣдуетъ громомъ и молніей, Николай Чудотворецъ, наслѣдникъ Дажьбога—плодородіемъ почвы, и т. д.

Въ отношеніяхъ къ богамъ повторяются отношенія къ «богамъ земнымъ», т.-е. къ феодальнымъ властямъ. При посредствѣ жрецовъ, богамъ приносится въ видѣ жертвы оброкъ, въ видѣ работъ по обѣтамъ на храмы—барщина.

Насквозь авторитарная, феодальная идеологія видѣла во всемъ «перстъ божій», и отличалась необыкновенной цѣльностью. Она вся укладывалась въ религіозное міровоззрѣніе, которое объединяло практическія и научныя знанія, правовыя и политическія идеи, и т. д. Она, такимъ образомъ, играла универсально организующую роль въ жизни. А вмѣстѣ съ тѣмъ, и именно поэтому она была орудіемъ господства жрецовъ, которые были носителями самыхъ важныхъ техническихъ и соціально-организаціонныхъ знаній эпохи феодализма.

Область нормъ, т.-е. правилъ, регулирующихъ взаимныя отношенія между людьми, также была всецѣло проникнута религіознымъ мышленіемъ. Между «правомъ» и «нравственностью», «грѣхомъ» и «преступленіемъ», «добродѣтелью» и «обязанностью» не проводилось еще ясныхъ граней. То, что осуждалось обществомъ, какъ неугодное богамъ, недоброе дѣло, могло стать и предметомъ преслѣдованія; а всякое право, всякій законъ освящались религіей, которая всегда требовала подчиненія авторитетамъ земнымъ, какъ представителямъ небесныхъ.

При сословномъ строеніи феодальнаго общества, роль каждаго сословія въ его организаціи была особою иной, чѣмъ роль другихъ;

а потому и нормы права и нравственности, какъ орудія организаціи, должны были быть различными для разныхъ сословій. «Права» каждаго сословія отличались отъ «правъ» другого, равнымъ образомъ не сходны были и ихъ добродѣтели», ихъ «честь и приличія». То, что являлось страшнымъ преступленіемъ для одного сословія, считалось незначительнымъ проступкомъ для другого. Феодалъ могъ почти безнаказанно убить крестьянина; но если крестьянинъ, хотя бы въ самозащитѣ убивалъ феодала, то онъ подвергался за это самой строгой карѣ. «Добродѣтелями» феодала считались свирѣпая храбрость и родовая гордость, столь необходимыя для его военныхъ функцій и для охраны его власти; добродѣтелью крестьянина являлась покорность и терпѣніе. Всѣ эти нормы служили для поддержанія существующаго сословнаго общества, и феодальная религія все это освящала, какъ установленное богами.

Взятая въ цѣломъ, феодальная идеологія, какъ идеологія авторитарная, была крайне консервативна. Все, что не укладывалось въ рамки религіознаго міровоззрѣнія, т.-е. традиціи, завѣтовъ отъ предковъ и отъ фетишизированныхъ предковъ—боговъ, все это отвергалось, часто преслѣдовалось, какъ безбожіе и ересь. Все новое въ техникѣ, въ организаціи жизни, въ идеяхъ усложняло и затрудняло положеніе руководящихъ сословій, угрожало подрывомъ основъ ихъ авторитета; они были глубоко заинтересованы въ охранѣ стараго. Жречество, хранитель религіозной традиціи, было особенно проникнуто этимъ духомъ; отъ руки его палачей, на его кострахъ часто погибали изобрѣтатели и мыслители той эпохи.

Несмотря, однако, на глубокій консерватизмъ, свойственный феодальному обществу, оно развивалось и притомъ гораздо быстрѣе, чѣмъ патріархально-родовое. Консерватизму мышленія противостояли разросшаяся и усложнившая соціальная система и громадный, тысячелѣтіями накопленный опытъ, благодаря которымъ сумма элементовъ развитія во много разъ превзошла прежнюю. Прежнія силы развитія продолжали дѣйствовать, много интенсивнѣе прежняго, и къ нимъ прибавлялись еще иныя, новыя.

5. Силы развитія и его направленіе въ феодальномъ обществѣ.

Стихійный консерватизмъ феодальнаго періода, подобный консерватизму родовой группы, но все же менѣе прочный и устойчивый, долженъ былъ отступать подъ дѣйствіемъ силъ стихійнаго характера. Такова сила абсолютнаго перенаселенія, т.-е. порождаемаго неподвижностью техники недостатка средствъ для удовлетворенія потребностей общества.

Первичное вліяніе абсолютнаго перенаселенія, или «земельной тѣсноты», выразилось въ безчисленныхъ войнахъ феодальнаго міра. Какъ

было выяснено, преимущественно эти войны и привели къ превращенію свободныхъ земледѣльческихъ общинъ въ феодальныя группы, создали самый типъ организаціи феодальнаго общества. По мѣрѣ его роста и развитія, расширялся и масштабъ войнъ. Такъ, за объединеніемъ феодальнаго міра Западной Европы подъ властью папства послѣдовали крестовые походы, войны, направленные къ расширенію его территоріи, къ избавленію отъ земельной тѣсноты, которая все возрастала.

Во всякомъ случаѣ, войны представляли изъ себя наименѣе выгодный для феодальнаго міра способъ избавляться отъ избыточнаго населенія, такъ какъ, разрушая производительныя силы феодальнаго общества, онѣ создавали тѣмъ самымъ новое избыточное населеніе, если не въ средѣ побѣдителей, то въ средѣ побѣжденныхъ. Поэтому необходимо долженъ былъ совершаться, хотя очень медленно, и собственно-техническій прогрессъ. Въ земледѣліи онъ до конца Среднихъ вѣковъ былъ, въ общемъ, незначителенъ,—тамъ человѣческое сознаніе представляло наибольшія препятствія развитію. Другое дѣло—обрабатывающая промышленность, гдѣ условія были благопріятнѣе для развитія. Тамъ прогрессъ шелъ быстрѣе: вырабатывались технически-лучшіе способы производства, какіе возможны при мелкомъ ремесленномъ его характерѣ; ремесло понемногу отдѣлялось отъ земледѣлія и спеціализировалось. Такимъ образомъ, усиливалось общественное раздѣленіе труда; усиливался, слѣдовательно, обмѣнъ. Ремесленникъ стремился быть поближе къ мѣстамъ сбыта своихъ продуктовъ, и уходилъ мало-по-малу изъ деревни въ возникшіе центры обмѣна—города.

Кратко опредѣляя общее направленіе происходившихъ въ феодальной жизни измѣненій, надо сказать, что, дѣйствуя различными способами, абсолютное перенаселеніе вело феодальный міръ къ одной цѣли—къ развитію общественнаго раздѣленія труда, которое выражается въ обмѣнѣ.

Даже войны феодальнаго общества имѣли необходимымъ своимъ результатомъ ростъ сношеній, слѣдовательно—производственныхъ связей и обмѣна между феодальными группами. Походы феодальныхъ дружинъ въ чужія области уничтожали ихъ обособленность, знакомили людей съ продуктами, которые не производились на ихъ родинѣ. Это создавало условія для послѣдующаго обмѣна. Въ частности, такое расширеніе связей дѣйствовало на феодаловъ въ сторону развитія ихъ потребностей: являлась возможность вымѣнивать прибавочный продуктъ, полученный отъ своихъ крестьянъ, на разнообразные чужіе продукты; при этомъ феодалъ, конечно, больше всего стремился къ пріобрѣтенію предметовъ роскоши.

Войны средневѣковой Европы съ мусульманскими народами—яркій примѣръ такого вліянія. Знакомство съ арабами, затѣмъ съ сараци-

нами, турками—культурными народами Востока, также знакомство съ Византійской имперіей, лежавшей на пути крестовыхъ походовъ, дало сильный толчокъ общественному раздѣленію труда, во-первыхъ,—непосредственно, расширивъ кругъ мѣновыхъ сношеній, во-вторыхъ,—косвенно, позволивъ европейцамъ заимствовать нѣкоторые новые техническіе пріемы и усовершенствованія; это въ тѣ времена необходимо вело къ прогрессу обмѣна, такъ какъ болѣе совершенная техника нуждается въ бóльшемъ раздѣленіи труда, въ спеціализаціи [1]).

Развитіе ремесленной техники, будучи связано съ постепеннымъ отдѣленіемъ ремесла отъ земледѣлія и со спеціализаціей ремесла, означаетъ развитіе обмѣна уже въ силу того факта, что никакой ремесленникъ не можетъ жить непосредственно продуктами своего ремесла и, производя ихъ во много разъ больше, чѣмъ ему для себя требуется, долженъ продавать ихъ, чтобы покупать необходимыя средства потребленія.

Натуральное хозяйство феодальнаго міра постепенно переходило въ мѣновое.

Феодальныя отношенія складывались на Востокѣ и въ классическомъ мірѣ за много столѣтій до Р. Х., а въ Западной Европѣ приблизительно съ V вѣка до IX, отъ эпохи конца Римской имперіи до разложенія имперіи Карла Великаго. Временемъ расцвѣта феодальной системы являются X, XI вѣка. Затѣмъ начинается процессъ ея разложенія подъ вліяніемъ развивающагося обмѣна. У насъ, въ Россіи, феодальный строй господствовалъ въ удѣльно-княжескую эпоху. Названія феодаловъ были иныя—«бояре», «удѣльные князья», «великіе князья»,—но суть отношеній была та же.

Общая характеристика натурально-хозяйственныхъ обществъ прошлаго.

1) Въ области производственной техники натуральныя общества прошлаго характеризуются значительной властью внѣшней природы надъ людьми, и, наоборотъ,—малою властью людей надъ внѣшней природой. Въ наибольшей степени это относится къ первобытно-коммунистическому обществу, въ наименьшей—къ феодальному.

2) Въ сферѣ производственныхъ отношеній эти общества характеризуются, во-первыхъ, относительной узостью, во-вторыхъ, органи-

---

[1]) Такъ, у арабовъ были заимствованы многія улучшенія въ сферѣ земледѣльческой техники: въ садоводствѣ, въ огородничествѣ, въ искусственномъ орошеніи полей и пр; затѣмъ, многое въ сферѣ инженернаго искусства, нѣкоторыя важныя свѣдѣнія по технической химіи (приготовленіе полезныхъ въ производствѣ кислотъ), далѣе, въ техникѣ морскихъ сообщеній и т. д.

зованнымъ характеромъ производственныхъ связей. Однако, уже съ незапамятныхъ временъ существовали въ нихъ и неорганизованныя производственныя отношенія, создавшія нѣкоторую связь между обособленными организаціями. И въ этомъ смыслѣ крайностями являются: общество первобытное—почти совершенно обособленная, въ высшей степени сплоченная группа изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, въ которой почти отсутствуютъ неорганизованныя (мѣновыя) связи, и общество феодальное, гораздо менѣе сплоченное, но зато охватывающее цѣлыя сотни тысячъ, даже милліоны людей, объединенныхъ не только организованными, но также отчасти и мѣновыми отношеніями въ борьбѣ за жизнь.

3) Въ сферѣ распредѣленія характернымъ является, во-первыхъ, господство организованныхъ формъ распредѣленія, во-вторыхъ, отсутствіе крайностей богатства и бѣдности. И въ этомъ отношеніи вполнѣ типично лишь первобытное общество, а феодальное стоитъ уже на границѣ новыхъ формъ жизни.

4) Общественное сознаніе натуральныхъ обществъ прошлаго отличается стихійнымъ консерватизмомъ (господство обычая) и бѣдностью познавательнаго матеріала. Первобытную эпоху почти правильно было бы признать не имѣющей никакого міровоззрѣнія, двѣ послѣдующія характеризуются по преимуществу натуральнымъ фетишизмомъ, который отражаетъ власть природы надъ обществомъ, но власть уже поколебленную и не безусловно подавляющую.

5) Соотвѣтственно такому характеру общественнаго сознанія, силы развитія въ этихъ обществахъ стихійны. Абсолютное перенаселеніе является основнымъ двигателемъ общественнаго развитія.

Развитіе обмѣна.

1. Понятіе о мѣновомъ обществѣ.

Мы видѣли, что натурально-хозяйственныя организаціи либо фактически существовали безъ обмѣна, либо, во всякомъ случаѣ, были способны обходиться безъ него. Замкнутыя и обособленныя экономически отъ остального міра, онѣ производили все необходимое для удовлетворенія своихъ потребностей: и пищу, и одежду, и орудія. Совершенно другую картину представляетъ мѣновое хозяйство. Здѣсь нельзя говорить о самостоятельномъ существованіи не только отдѣльныхъ производственныхъ единицъ,—фабрикъ, фермъ, горныхъ предпріятій и т. п.—но и цѣлыхъ областей, и даже цѣлыхъ странъ. Такъ, напримѣръ, когда Россія, вслѣдствіе міровой войны, оказалась отдѣленной отъ всего остального міра, въ ней сталъ ощущаться острый недостатокъ цѣлаго ряда продуктовъ, необходимыхъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей. Если бы отдѣльные районы Россіи, наприм., Петербургская или Московская область, въ силу полнаго разстройства транспорта или другихъ причинъ, были отрѣзаны отъ остальной Россіи, то большая часть ихъ населенія была бы обречена на вѣрную гибель. Еще въ большей степени это относится къ отдѣльнымъ предпріятіямъ, хозяйствамъ мѣновой системы.

Дѣло въ томъ, что развитое мѣновое хозяйство отличается отъ натуральнаго широкимъ общественнымъ раздѣленіемъ труда. Это значитъ, что мѣновое хозяйство состоитъ изъ огромнаго числа формально-независимыхъ другъ отъ друга предпріятій, которые заняты производствомъ одного какого-нибудь продукта: желѣзодѣлательные и машиностроительные заводы, текстильныя и спичечныя фабрики, сапожныя и шапочныя мастерскія, молочныя фермы и хозяйства хлѣбопашцевъ-крестьянъ, и т. д., и т. д. Словомъ, все производство распадается на цѣлый рядъ отраслей, а онѣ на многочисленныя отдѣльныя хозяйства. Правда, уже въ первобытной коммунистической общинѣ имѣлись зародыши раздѣленія труда; разсматривая экономику авторитарно-родового и феодальнаго общества, мы указывали даже на

выдѣленіе отдѣльныхъ отраслей хозяйства, скотоводства, земледѣлія и ремесла. Но все это было раздѣленіе труда въ предѣлахъ производственной группы, объединенной общимъ организующимъ планомъ. Напр., родовая община, черезъ патріарха и другихъ подчиненныхъ ему организаторовъ, распредѣляла целѣсообразно наличныя рабочія силы: она направляла часть своихъ членовъ пасти скотъ, другую часть пахать землю, и т. д., чтобы этимъ путемъ по возможности полнѣе удовлетворить потребности всей общины. Такой типъ раздѣленія труда напоминаетъ техническое раздѣленіе труда, которое наблюдается въ любомъ современномъ предпріятіи. Въ современной типографіи, напримѣръ, одна часть рабочихъ набираетъ, другая корректируетъ, третья верстаетъ, четвертая печатаетъ, пятая фальцуетъ, и т. д.; но отношенія между всѣми этими рабочими устанавливаются и регулируются администраціей предпріятія, подобно тому, какъ это дѣлается въ авторитарно-родовой общинѣ ея старѣйшими членами.

Совсѣмъ иное—общественное раздѣленіе труда въ мѣновомъ обществѣ. Тутъ нѣтъ ни единой организующей воли, ни плана производства. Это система отдѣльныхъ, по виду независимыхъ другъ отъ друга предпріятій, которыя связаны между собой обмѣномъ, и безъ него существовать совершенно не могутъ. Пусть имѣется нѣсколько предпріятій, изъ которыхъ одно производитъ хлѣбъ, другое одежду, третье обувь и т. д. Если бы группа, связанная непосредственно съ первымъ предпріятіемъ—его предприниматель и рабочіе,—въ силу какихъ-либо условій, оказалась изолированной отъ прочихъ предпріятій, она не могла бы удовлетворить своихъ потребностей въ одеждѣ, въ обуви и пр., она должна была бы неминуемо погибнуть; такова же была бы судьба прочихъ производственныхъ группъ. Этого положенія отнюдь не было въ натурально-хозяйственныхъ обществахъ, которыя, какъ мы знаемъ, на извѣстной ступени развитія также вступали въ мѣновыя отношенія между собой; если бы эти мѣновыя отношенія внезапно порвались, то тѣ общества все же могли бы продолжать свое существованіе.

При натуральномъ хозяйствѣ производятся продукты, предназначенные для потребленія производственной группы, при мѣновомъ хозяйствѣ производятся продукты, которые, какъ общее правило, предназначены не для ихъ производителей, а для продажи. Продуктъ, идущій въ продажу, называется товаромъ. Въ мѣновомъ обществѣ продуктъ съ самаго начала является товаромъ. Поэтому мѣновое хозяйство называется часто товарнымъ.

2. Три формы обмѣна.

Само собой разумѣется, что обмѣнъ не сразу достигъ своей современной формы. Въ продолженіе многовѣкового существованія человѣ-

чества, онъ прошелъ длинный путь развитія. Для самаго факта его возникновенія, которое относится къ глубокой древности, вѣроятнѣе всего, къ раннимъ стадіямъ, авторитарно-родовой общины, прежде всего необходима была наличность избытковъ производимыхъ данной общиной продуктовъ, или, другими словами, извѣстная степень развитія производительности труда. Но этого мало. Если бы двѣ общины производили одни и тѣ же продукты, въ одинаковомъ обиліи, обмѣнъ не имѣлъ бы никакого смысла, и никто не сталъ бы къ нему прибѣгать. Не можетъ быть рѣчи объ обмѣнѣ и въ томъ случаѣ, если живущія рядомъ общины располагаютъ избытками различныхъ продуктовъ, но находятся между собой во враждебныхъ отношеніяхъ. Въ этомъ случаѣ могло бы имѣть мѣсто лишь ограбленіе одной общины другой, какъ это на дѣлѣ нерѣдко и бывало.

Отсюда ясно, что для обмѣна между двумя общинами необходима наличность двухъ условій: различіе въ производимыхъ ими продуктахъ и дружескія отношенія (общественная связь) между ними. Первое условіе осуществлялось вначалѣ по большей части благодаря различію въ средствахъ производства, которыя давала различнымъ общинамъ внѣшняя природа: земледѣльческая община, земля которой хорошо производила хлѣбъ, но плохо—ленъ, вступала въ обмѣнъ съ другой общиной, у которой почва была удобнѣе для посѣвовъ льна, но давала плохіе урожаи хлѣба; группа кочевниковъ скотоводовъ отдавала мясо за хлѣбъ земледѣльцевъ, и т. п. Второе условіе осуществлялось въ родственной племенной связи отдѣльныхъ общинъ, связи, поддерживавшейся ихъ коллективными предпріятіями. Впослѣдствіи, съ бо́льшимъ развитіемъ обмѣна, различія производства все въ бо́льшей степени стали опредѣляться не только непосредственно данными природными условіями, но и неодинаковыми уже сложившимися техническими навыками; а дружескія сношенія нерѣдко завязывались и помимо племенного родства.

Въ своемъ историческомъ развитіи обмѣнъ проходитъ три фазы, принимаетъ три различныя формы: простую или случайную, полную или развернутую и развитую или денежную.

Первая, простая или случайная форма обмѣна относится къ тому періоду, когда обмѣнъ былъ еще очень рѣдкимъ явленіемъ. Случайно встрѣчаются два человѣка, обыкновенно представители двухъ родовыхъ общинъ; у каждаго изъ нихъ есть для обмѣна продуктъ, который случайно оказывается нужнымъ другому. На сценѣ всего два продукта, напр., топоръ и копья. Такой обмѣнъ можно изобразить слѣдующимъ образомъ:

1 топоръ=двумъ копьямъ.

Въ этомъ случаѣ топоръ совершенно случайно оказался не просто

продуктомъ, т.-е. предметомъ, предназначеннымъ для непосредственнаго потребленія, а товаромъ. Помимо своей потребительной цѣнности, какъ орудія, онъ лишь случайно обнаружилъ новое свойство, имѣющее общественный характеръ: оказалось, что за него можно получить продуктъ чужого труда—два копья. Изъ общей массы топоровъ, произведенныхъ данной общиной, лишній топоръ пріобрѣлъ мѣновую цѣнность (или «мѣновую стоимость»).

Съ теченіемъ времени обмѣнъ принимаетъ все менѣе случайный, все болѣе постоянный характеръ, потому что мирныя встрѣчи родовъ становятся обычнымъ явленіемъ. Эти встрѣчи происходятъ уже на опредѣленныхъ мѣстахъ, куда представители разныхъ общинъ являются спеціально съ мѣновыми цѣлями—зародышъ рынка. Тамъ на-лицо оказывается уже не два, а большее количество товаровъ, которое съ возрастаніемъ производства и связей общинъ неопредѣленно увеличивается. Выраженіе обмѣна будетъ примѣрно, такое:

1 топоръ = 2 копьямъ = 10 стрѣламъ = 2 глинянымъ посудамъ = = 1 овцѣ = 10 золотникамъ янтаря, и т. д.

Эта форма носитъ названіе полной или развернутой. Она отличается отъ первой не только своею широтой: съ ней связаны и болѣе глубокія измѣненія въ характерѣ обмѣна.

Каждая община, естественно, предлагаетъ другимъ на рынкѣ именно тѣ предметы, которыми особенно богата ея область, но въ которыхъ другія общины ощущаютъ недостатокъ. Такъ роды, жившіе въ Америкѣ близъ озера Эри, вымѣнивали необходимые имъ продукты на мѣдь; германскіе роды, населявшіе берега Балтійскаго моря, пользовались для той же цѣли янтаремъ; многіе инородцы сѣверо-восточной Сибири еще до самаго послѣдняго времени вымѣнивали оружіе, желѣзныя издѣлія, водку и т. д. на пушнину. Съ точки зрѣнія подобной родовой общины обмѣнъ становится все болѣе однообразнымъ: она предлагаетъ въ обмѣнъ по преимуществу одинъ какой-нибудь продуктъ, вмѣсто котораго она получаетъ цѣлый рядъ другихъ. Мѣновыя отношенія, возникающія при этомъ, могутъ быть, съ ея точки зрѣнія, выражены въ такой формулѣ.

10 золотниковъ янтаря = { 1 топору
или 10 стрѣламъ
„ 2 копьямъ
„ 2 глинянымъ посудамъ,
и т. д. }

Предметъ, представляющій лѣвую часть равенства, янтарь пріобрѣтаетъ здѣсь уже болѣе или менѣе постояннымъ образомъ то особое свойство, которое при простой формѣ обмѣна присуще продуктамъ лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, а именно мѣновую цѣнность.

При развернутой формѣ пропорціи, въ которыхъ обмѣниваются про-

дукты, пріобрѣтаютъ гораздо больше устойчивости, чѣмъ при простой формѣ. Въ приведенномъ примѣрѣ родовая община вымѣниваетъ на янтарь, кромѣ тѣхъ предметовъ, которыхъ она не производитъ, и такіе, которые изготовляются ея собственными членами. Она убѣждается на опытѣ, что производство 10 стрѣлъ или двухъ горшковъ стоятъ такихъ же трудовыхъ затратъ, какъ и производство 10 золотниковъ янтаря. Вполнѣ естественно, что эта община будетъ болѣе или менѣе соблюдать тѣ же пропорціи, и при обмѣнѣ 10 золотниковъ янтаря является для нея предѣломъ, больше котораго она не можетъ дать за 10 стрѣлъ или 2 топора. Въ случаѣ, если встрѣчная община на эти условія не согласится, первая община откажется отъ обмѣна, и сама будетъ производить топоры и стрѣлы. Но дать меньше или взять больше этой предѣльной величины она не прочь; и если другія общины совсѣмъ не производятъ янтаря, который цѣнятъ, какъ блестящее украшеніе, то онѣ и не будутъ стремиться къ соблюденію какой-либо опредѣленной пропорціи,—для нихъ эта пропорція будетъ случайной, и естественно, большей частью не въ ихъ пользу: они будутъ тогда отдавать большее количество своего труда за меньшее количество чужого: зародышевая, такъ сказать, случайная «эксплоатація» черезъ обмѣнъ.

Развернутая форма обмѣна вноситъ нѣчто новое и во внутреннюю жизнь родовой общины. Если разсматривать тотъ же примѣръ, то окажется, что наша община начинаетъ добывать янтарь не только ради его физическихъ свойствъ, не только для удовлетворенія своихъ потребностей въ украшеніяхъ, но ради его мѣновой стоимости. Она начинаетъ, такъ сказать, спеціализироваться на одной отрасли производства, и во все большемъ масштабѣ удовлетворять свои потребности за счетъ производства смежныхъ общинъ. Этотъ процессъ, правда, не достигаетъ еще такихъ размѣровъ, при которыхъ самостоятельное существованіе общины становилось бы невозможнымъ; но такъ какъ и другія общины усиливаютъ производство тѣхъ или другихъ продуктовъ для обмѣна, то межродовыя связи расширяются все больше и больше: начинаетъ развиваться общественное раздѣленіе труда.

Развитіе обмѣна не останавливается на его развернутой формѣ. Родовыя общины, приходящія въ соприкосновеніе не съ самими собирателями янтаря, а съ ихъ сосѣдями, также получаютъ въ обмѣнъ за свои продукты янтарь, который пріобрѣтаетъ этимъ путемъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ его общественная роль развивается дальше. Часто возникаютъ такого рода случаи.

Допустимъ, что производитель топора, нуждающійся въ горшкахъ, не встрѣчается съ производителемъ горшковъ, которому былъ бы нуженъ топоръ. Онъ сталкивается зато съ цѣлымъ рядомъ другихъ про-

давцовъ. Одинъ предлагаетъ ему за топоръ копья, другой стрѣлы, третій янтарь, и т. д. Какъ ему быть? Подумавши немного, онъ беретъ янтарь. И это вполнѣ понятно: топоръ ему не нуженъ, а на янтарь спросъ большой,—дикари, подобно дѣтямъ, весьма любятъ и цѣнятъ украшенія,—и вѣроятность обмѣнять его на горшки несравненно больше, чѣмъ вѣроятность встрѣтить производителя горшковъ, нуждающагося въ топорѣ. Такъ же въ подобныхъ обстоятельствахъ разсуждаютъ и поступаютъ другіе товаропроизводители. Янтарь оказывается особеннымъ товаромъ, который всѣ берутъ наиболѣе охотно; и въ концѣ-концовъ это входитъ въ привычку,—всякій товаръ сначала обмѣниваютъ на янтарь, чтобы потомъ уже за него получить необходимые продукты. Непосредственный обмѣнъ мало-по-малу исчезаетъ, янтарь становится постояннымъ и обязательнымъ промежуточнымъ звеномъ—орудіемъ обмѣна или средствомъ обращенія товаровъ. Форма обмѣна при этихъ условіяхъ получаетъ такой видъ.

1 топоръ
10 стрѣлъ
2 копья
2 глин. горшка
и т. д.
} = 10 золотникамъ янтаря.

При этомъ, естественно, и цѣнность всякаго товара привыкаютъ измѣрять и выражать черезъ цѣнность того же янтаря, какъ и легко видѣть изъ самой формулы. Янтарь, слѣдовательно, сталъ мѣриломъ цѣнности. Какъ постоянный, необходимый участникъ во всякомъ актѣ обмѣна, онъ можетъ быть названъ всеобщимъ товаромъ.

Такой товаръ называется денежнымъ; а сама третья форма обмѣна—развитой или денежной формою.

Мѣновая цѣнность, выраженная въ денежной формѣ, называется цѣною.

3. Деньги.

Исторія денежной формы обмѣна представляетъ послѣдовательную смѣну различныхъ товаровъ, выступающихъ въ роли денегъ.

Вначалѣ роль эта всюду доставалась на долю распространеннаго по тѣмъ или другимъ причинамъ товара, были ли это янтарь, кожи, соль, бобы какао, особенныя раковины, и т. д. И въ настоящее время у различныхъ дикихъ племенъ приходится очень часто наблюдать употребленіе въ качествѣ денегъ тѣхъ товаровъ, которые являются въ данной мѣстности наиболѣе постоянными предметами ввоза или вывоза, при чемъ въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ нерѣдко оказываются различные денежные товары. Въ странахъ кочевого быта деньгами чаще всего былъ скотъ. Въ южной Европѣ такъ было еще вѣковъ за 10

до Р. Х.: въ народныхъ греческихъ поэмахъ Гомера можно найти оцѣнку мѣднаго треножника въ 12 быковъ, золотыхъ доспѣховъ—въ 100 быковъ, и т. п. У нѣкоторыхъ народовъ даже само названіе денегъ происходитъ отъ названія скота. Латинское pecunia (пекунія) несомнѣнно происходитъ отъ слова pecus, что значитъ—скотъ. Названіе индійскаго денежнаго знака «руппій» и русскаго рубля тоже производится отъ корня, образующаго и названіе скота.

Но мало-по-малу деньги-скотъ всюду вытѣснялись металлическими деньгами. Вначалѣ выступали на сцену желѣзныя и мѣдныя деньги. Металлы эти покупались, очевидно, не менѣе охотно, чѣмъ скотъ, потому что металлическія орудія и оружіе представляли предметы первой необходимости въ каждомъ хозяйствѣ. Въ то же время металлы обладаютъ многими преимуществами, благодаря которымъ они технически болѣе пригодны для выполненія роли денегъ: во-первыхъ, они легче дѣлятся на куски малой стоимости, чѣмъ скотъ, который нельзя дѣлить на части, не убивая; во-вторыхъ, вещество металловъ однородно, и отдѣльные куски ихъ обладаютъ одинаковыми качествами, тогда какъ другіе товары, въ томъ числѣ скотъ, этимъ достоинствомъ не обладаютъ: одна овца не можетъ быть совершенно равна другой овцѣ; въ-третьихъ, металлы лучше сохраняются,—даже мѣдь и желѣзо, которыя понемногу портятся подъ дѣйствіемъ воздуха и влажности; въ-четвертыхъ, металлы обладаютъ меньшимъ объемомъ и вѣсомъ при одинаковой мѣновой цѣнности съ другими товарами, потому что требуютъ для добыванія сравнительно большаго количества труда.

Впослѣдствіи желѣзо и мѣдь смѣняются серебромъ и золотомъ. Въ благородныхъ металлахъ всѣ указанныя техническія преимущества выражены особенно сильно. Затрудненіе, на первый взглядъ, представляетъ вопросъ, какимъ образомъ эти почти безполезные въ производствѣ металлы могли покупаться такъ же охотно, какъ скотъ, желѣзо и т. п. Дѣло объясняется такъ. Серебро и золото употребляются преимущественно для украшеній. Даже въ настоящее время украшенія легко находятъ себѣ сбытъ: люди неразвитые—особенно малообразованныя женщины—нерѣдко готовы отказывать себѣ въ необходимомъ, чтобы нацѣпить на себя какую-нибудь красивую бездѣлушку. А народы некультурные и полукультурные особенно любятъ украшенія и дорожатъ ими: европейскіе купцы за какую-нибудь нитку бусъ покупали у дикарей товары большой стоимости, напр., огромныя количества рыбы, дичи, плодовъ и пр. Такимъ образомъ, спросъ на украшенія создалъ возможность перехода отъ желѣзныхъ и мѣдныхъ денегъ къ серебрянымъ и золотымъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что металлическія деньги возникли сразу въ видѣ современныхъ монетъ съ ихъ изящной отдѣлкой, съ

очнымъ вѣсомъ и съ опредѣленной пробой. Металлъ былъ первоначально денежнымъ товаромъ, и только: отъ прочихъ товаровъ онъ отличался тѣмъ, что его принимали въ обмѣнъ за любую вещь, которую я собственникъ хотѣлъ продать.

«Когда въ Бирмѣ отправляются на рынокъ,—разсказываетъ одинъ путешественникъ,—то запасаются кускомъ серебра, рѣзцомъ, молоткомъ, вѣсами и гирями. «Что стоятъ эти горшки»?—спрашиваетъ покупатель. «Покажите мнѣ ваши деньги», отвѣчаетъ торговецъ, и опредѣляетъ, смотря по внѣшнему виду ихъ, ту или другую цѣну извѣстнымъ вѣсомъ серебра. Торговецъ даетъ вамъ маленькую наковальню, вы отдѣляете столько серебра, сколько нужно. Затѣмъ вы взвѣшиваете на собственныхъ вѣсахъ отбитый кусокъ, потому что вѣсамъ торговца довѣрять нельзя, и прибавляете или отнимаете, пока не получите требуемаго количества. При большихъ закупкахъ, за которыя платятъ серебромъ самой высшей пробы, процессъ еще сложнѣе, нужно позвать пробирщика, чтобы онъ точно опредѣлилъ пробу серебра, за что ему, конечно, приходится платить».

Слѣдовательно, металлическія деньги представляли собой опредѣленный родъ товара, который взвѣшиваютъ и пробируютъ, т.-е. всякій разъ разсматриваютъ съ точки зрѣнія его количества и качества. Такое положеніе вещей становится съ развитіемъ обмѣна чрезвычайно неудобнымъ. Поэтому безформеннымъ слиткамъ денежнаго металла начинаютъ придавать тотъ или иной внѣшній видъ: имъ сообщали форму кольца, бруска, палочки, круглаго диска, квадратной пластинки и т. п. Снабженные рисункомъ и указаніемъ вѣса или стоимости, они выступаютъ уже какъ предшественники современныхъ монетъ, чеканка которыхъ доводится до высшаго техническаго совершенства.

Когда обмѣнъ расширяется, нерѣдкими должны стать такіе случаи, что мѣновая сдѣлка затрудняется временнымъ недостаткомъ средствъ у покупателя. Чужой товаръ нуженъ немедленно; а денегъ для немедленной уплаты нѣтъ или не хватаетъ, хотя съ достовѣрностью извѣстно, что черезъ нѣкоторое время у покупателя будетъ чѣмъ заплатить. Въ подобныхъ обстоятельствахъ продавецъ нерѣдко соглашается отдать товаръ въ долгъ, въ кредитъ. Слово «кредитъ» означаетъ «довѣріе»; кредитная сдѣлка, очевидно, предполагаетъ довѣріе, во-первыхъ, къ честности, во-вторыхъ, къ состоятельности должника.

Въ назначенный срокъ должникъ отдаетъ деньги, которыя здѣсь играютъ новую роль—средство платежа.

Для нормальнаго хода жизни мѣнового общества совершенно необходимо, чтобы орудіе обмѣна и платежа находилось на рынкѣ въ достаточномъ количествѣ. Разсмотримъ, какъ велико это достаточное количество.

При одновременной продажѣ за наличныя, денегъ требуется, очевидно, столько, сколько стоятъ на рынкѣ продаваемые товары. Но за опредѣленный періодъ времени для цѣлаго ряда сдѣлокъ за наличныя сумма денегъ можетъ быть меньше суммы цѣнъ товаровъ.

Сапожникъ купилъ у крестьянина хлѣба на 10 рублей. За эти 10 рублей крестьянинъ купилъ сошникъ у кузнеца; кузнецъ купилъ за полученныя деньги столъ у столяра. Всѣ три сдѣлки произошли въ теченіе одной недѣли; для нихъ потребовалось всего 10 руб. денегъ, хотя сумма цѣнъ этихъ товаровъ равна 30 руб.; причина заключается въ томъ, что за эту недѣлю данная сумма денегъ сдѣлала три оборота. Вообще, при продажѣ за наличныя необходимая для товарнаго рынка сумма денегъ опредѣляется такъ: сумму цѣнъ продаваемыхъ товаровъ дѣлятъ на среднее число оборотовъ монеты за время продажи этихъ товаровъ.

Товары, продаваемые въ кредитъ, непосредственно изъ рукъ въ руки переходятъ безъ помощи денегъ. Но впослѣдствіи и за эти товары приходится платить. Чтобы выяснить количество денегъ, необходимое для кредитнаго рынка, надо принять во вниманіе не только скорость обращенія денегъ, какъ въ предыдущемъ случаѣ, но и другое условіе.

Столяръ купилъ въ долгъ у крестьянина хлѣба на 10 рублей, а тотъ, въ свою очередь, купилъ у него—также въ долгъ—столъ за 9 руб. Сводя счеты, столяръ платитъ крестьянину только 1 рубль, хотя сумма долговъ была цѣлыхъ 19 руб.—А долженъ В 100 руб., В долженъ С также 100 руб., наконецъ, С купилъ въ кредитъ у А товару тоже на 100 р. Сводя счеты, всѣ трое ничего не платятъ деньгами. Такимъ образомъ, при уплатѣ долговъ количество необходимыхъ орудій платежа уменьшается на всю сумму платежей, которые взаимно уничтожаются. Остальное выплачивается такимъ количествомъ денегъ, какое потребуется, смотря по скорости обращенія денегъ.

Въ общемъ, сумма денегъ, необходимая для рынка на извѣстный промежутокъ времени,—с п р о с ъ   н а   д е н ь г и,—опредѣляется такъ: къ суммѣ цѣнъ товаровъ, кромѣ тѣхъ, которые продаются въ кредитъ, прибавляется сумма срочныхъ платежей, безъ тѣхъ, которые взаимно уничтожаются, и результатъ сложенія дѣлится на среднее число оборотовъ монеты за это время.

Дѣйствительное количество денегъ въ мѣновомъ обществѣ, вообще говоря, не бываетъ меньше размѣровъ рыночнаго «спроса на деньги»; наоборотъ, кромѣ тѣхъ денегъ, которыя обращаются на рынкѣ, имѣется еще нѣкоторый излишекъ, который въ качествѣ «сокровища», денежнаго запаса, спокойно лежитъ въ карманахъ и въ подвалахъ его владѣльцевъ, чтобы выйти оттуда тогда, когда явится усиленный спросъ на деньги для покупки товаровъ или для платежа долговъ.

4. Трудовая стоимость и ея значенiи въ регулированiи производства.

Въ мѣновомъ обществѣ всякiй производитель обмѣниваетъ свой продуктъ—свой товаръ—на чужiе товары: сначала на деньги, потомъ эти деньги на другiе продукты, въ которыхъ онъ нуждается; но деньги, какъ мы видѣли,—также товаръ, а потому нѣтъ надобности говорить о немъ особо. Какое же количество чужихъ товаровъ производитель получитъ за свои? Другими словами, какъ велика окажется мѣновая цѣнность его товаровъ?

Допустимъ, что общество вполнѣ однородно, что различныя хозяйства сходны между собой по величинѣ потребностей и по количеству трудовой энергiи, которое въ каждомъ изъ нихъ затрачивается на производство. Если такихъ хозяйствъ имѣется миллiонъ, то потребности каждаго изъ нихъ составляютъ одну миллiонную потребностей общества, и трудъ каждаго изъ нихъ составляетъ одну миллiонную общественныхъ затратъ трудовой энергiи. Если при этомъ все общественное производство вполнѣ удовлетворяетъ всю сумму общественныхъ потребностей, то каждому хозяйству для полнаго удовлетворенiя его потребностей необходимо получить за свои товары одну миллiонную всего общественнаго продукта. Если отдѣльныя хозяйства получатъ меньше этого, они начнутъ слабѣть и разрушаться, не будутъ въ силахъ выполнять прежней общественной роли, доставлять обществу по одной миллiонной долѣ всей его трудовой энергiи въ борьбѣ съ природой. Если нѣкоторыя хозяйства получатъ больше, чѣмъ по одной миллiонной долѣ всего продукта общественнаго труда, то пострадаютъ и начнутъ слабѣть другiя хозяйства, которымъ достанется меньше.

То количество трудовой энергiи, которое необходимо обществу для производства опредѣленнаго продукта, называется общественной стоимостью, или просто стоимостью этого продукта. Пользуясь этимъ терминомъ, предыдущiя соображенiя можно представить въ такомъ видѣ:

Въ однородномъ обществѣ съ раздѣленнымъ трудомъ для полнаго поддержанiя производственной жизни въ прежнемъ видѣ необходимо, чтобы каждое хозяйство при обмѣнѣ получало за свои товары *равное имъ по стоимости* количество этихъ продуктовъ для своего потребленiя. Въ приведенномъ примѣрѣ стоимость товаровъ даннаго хозяйства равна одной миллiонной всей стоимости общественнаго продукта, и стоимость необходимыхъ для хозяйства предметовъ потребленiя равна также одной миллiонной всей общественно-трудовой энергiи.

Общественная стоимость измѣряется продолжительностью и интенсивностью работы людей, которые участвовали въ производствѣ продукта. Если требуется 30 часовъ общественнаго труда, чтобы сдѣлать одинъ

продуктъ, и 300 часовъ труда, вдвое болѣе интенсивнаго, чѣмъ въ первомъ случаѣ, чтобы произвести другой продуктъ, то очевидно, что общественная стоимость второго продукта, воплощенное въ немъ количество трудовой энергіи, въ 20 разъ больше стоимости перваго.

Общественная стоимость не зависитъ отъ того, сколько труда потратитъ на производство продукта тотъ или другой работникъ въ частности. Если, благодаря неумѣнью или недостатку необходимыхъ орудій или еще какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствамъ, работникъ употребитъ на приготовленіе своего издѣлія больше трудовой энергіи, чѣмъ обыкновенно въ данномъ обществѣ затрачивается, то отъ этого общественная стоимость продукта не станетъ больше обычной. И наоборотъ, она не станетъ меньше обычной, если изъ ряда выходящее искусство или примѣненіе особенныхъ орудій, еще не вошедшихъ въ употребленіе въ данномъ обществѣ, позволитъ работнику произвести продуктъ съ необычно малой затратой труда. Общественная стоимость представляетъ то количество трудовой энергіи, которое нормально необходимо для производства продукта при обычныхъ въ данномъ обществѣ условіяхъ труда.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ различать общественную или нормальную стоимость отъ индивидуальной или случайной,—то количество трудовой энергіи, которое вообще необходимо на данной ступени общественнаго развитія, отъ того, которое потрачено въ частномъ случаѣ. Для экономической науки существенна только нормальная стоимость; индивидуальной стоимостью она можетъ заниматься лишь настолько, насколько это необходимо для того, чтобы понять измѣненія нормальной.

Разсматривая въ отдѣльности различные виды труда, не трудно видѣть, что одни изъ нихъ являются болѣе сложными, другіе—болѣе простыми. Такъ, трудъ ученаго сложнѣе, чѣмъ работа часовщика, а работа часовщика сложнѣе, чѣмъ сапожника, и т. д. Степень сложности труда приходится принимать во вниманіе при изслѣдованіи общественной стоимости продуктовъ.

Различные виды работы съ ихъ неодинаковой сложностью являются результатомъ неодинаковаго обученія работниковъ и, слѣдовательно, неодинаковаго развитія организмовъ. Болѣе сложный видъ труда соотвѣтствуетъ большему развитію, болѣе простой—меньшему. Но очевидно, что организмъ болѣе развитой при работѣ затрачиваетъ въ одинаковое время больше трудовой энергіи, чѣмъ менѣе развитой. Поэтому трудъ болѣе сложный долженъ разсматриваться, какъ бо̀льшая затрата энергіи по сравненію съ менѣе сложнымъ; первый равняется умноженному второму. Такимъ образомъ, часъ работы ученаго по количеству затраченной энергіи соотвѣтствуетъ, можетъ быть, 3 часамъ механика и 12 часамъ чернорабочаго.

Терминомъ «простой трудъ» мы будемъ обозначать наименѣе сложную форму производительнаго труда, какая существуетъ въ данномъ обществѣ. При сравненіи стоимостей простой трудъ представляетъ изъ себя естественную мѣру, къ которой сводятся болѣе сложные виды труда. Естественной единицей трудовой энергіи является часъ простого труда средней для даннаго общества интенсивности. Если продуктъ произведенъ въ 100 часовъ общественнаго труда такой сложности и интенсивности, что 1 часъ его составляетъ равную затрату энергіи съ 4 часами средняго по интенсивности простого труда, то общественная стоимость продукта выразится въ 400 трудовыхъ единицахъ, и т. п.

Само собой разумѣется, что для обществъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ развитія, такая единица трудовой энергіи окажется весьма неодинаковой.

Итакъ, за единицу измѣренія общественно-трудовой энергіи слѣдуетъ принимать часъ простого труда средней интенсивности. Если товаръ стоитъ 12 такихъ «часовъ», то онъ долженъ обмѣниваться на другой товаръ, стоящій также 12 «часовъ», напр., за соотвѣтственное количество денежнаго металла. Если же обмѣнъ происходитъ иначе, то нѣкоторыя хозяйства должны разстраиваться и приходить въ упадокъ. На рынкѣ необходимо должны складываться цѣны товаровъ, въ общемъ и въ среднемъ соотвѣтствующія ихъ стоимостямъ, въ противномъ случаѣ существованіе всего общества становится крайне неустойчивымъ.

Но дѣйствительное мѣновое общество все же не лишено нѣкоторой устойчивости. Цѣны товаровъ постоянно, въ большей или меньшей степени, уклоняются отъ ихъ стоимостей, потому что никакая организующая воля не управляетъ обмѣномъ; однако въ самомъ строеніи общества заключается своеобразный регулирующій механизмъ, дѣйствіе котораго управляетъ колебаніями цѣнъ такимъ образомъ, что уклоненія въ одну сторону смѣняются уклоненіями въ другую, а въ среднемъ уравновѣшиваются. Механизмъ этотъ обладаетъ громадной силой, грубой и стихійной; онъ называется *рыночной конкурренціей*.

Если производитель соглашается продавать свой товаръ ниже стоимости, то хозяйство его разстраивается; если другіе производители покупаютъ его товаръ выше стоимости, то ухудшается ихъ матеріальное положеніе. Возникаетъ борьба интересовъ продавца и покупателя; въ результатѣ этой борьбы каждый привыкаетъ требовать за свой продуктъ никакъ *не меньше* его стоимости и давать за чужой *не больше* его стоимости; такимъ образомъ, въ обществѣ складывается представленіе о «цѣнности» товаровъ, которая въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ (приблизительно) ихъ стоимостямъ.

Но не всегда производителю удается продать свой товаръ по его

стоимости; иногда онъ вынужденъ уступать его дешевле. Пусть 1.000 сапожниковъ представили на рынокъ 200.000 паръ сапогъ, а общество можетъ купить только 150.000; тогда сапожники оказываются въ очень трудномъ положеніи. Предложеніе ихъ товара превышаетъ спросъ на него; весь товаръ не можетъ быть проданъ, и каждый изъ продавцовъ рискуетъ остаться совсѣмъ безъ покупателя. Вслѣдствіе этого начинается ожесточенная борьба между продавцами: каждый изъ нихъ готовъ пожертвовать частью стоимости своего товара, лишь бы привлечь покупателей къ себѣ и не возвратиться домой съ непроданнымъ товаромъ. Цѣна товара понижается: сапоги, стоящіе 50 «часовъ простого труда», продаются за такое количество денегъ, въ которомъ заключается всего 40, 35 подобныхъ единицъ трудовой энергіи. Хозяйства сапожниковъ слабѣютъ, нѣкоторыя даже совсѣмъ рушатся; часть сапожниковъ принуждена уменьшить свое производство, потому что недостаточно удовлетворяютъ потребностямъ своего хозяйства, т.-е. начинаютъ плохо питаться, не могутъ покупать матеріала въ прежнемъ количествѣ, и т. под.; другая часть совсѣмъ бросаетъ прежнее дѣло и избираетъ себѣ иную роль въ производствѣ, или оказывается вообще внѣ его. Въ результатѣ на слѣдующій разъ рынокъ оказывается не только не переполненъ сапожнымъ товаромъ, но даже наоборотъ: при спросѣ на 160.000 паръ сапогъ предложеніе сводится, напр., къ 120.000 паръ. Тогда возникаетъ борьба уже между покупателями: не желая остаться совсѣмъ безъ сапогъ, многіе покупатели соглашаются платить за пару сапогъ выше ея стоимости, вмѣсто 50-ти—60, 65 единицъ трудовой энергіи въ формѣ денегъ. Выгодныя цѣны позволяютъ хозяйствамъ продавцовъ подняться, расширить производство; сапожныя предпріятія могутъ даже вновь увеличиться въ числѣ; и опять измѣняется отношеніе спроса къ предложенію, происходитъ новое колебаніе цѣны товара въ другую сторону, и т. д.

Такимъ образомъ, рыночная конкурренція въ формѣ борьбы—съ одной стороны, между покупателемъ и продавцомъ, съ другой стороны, между продавцами одинаковыхъ товаровъ, а также между покупателями—стремится въ постоянныхъ колебаніяхъ поддерживать цѣны товаровъ около уровня ихъ стоимостей, понижая цѣны, чрезмѣрно повышенныя, и повышая цѣны пониженныя. Если производство въ данной отрасли идетъ дальше размѣровъ общественной потребности, его продукты продаются ниже стоимости, и оно сокращается; если оно не вполнѣ удовлетворяетъ общественной потребности, его продукты продаются выше стоимости, и оно расширяется. Такъ при посредствѣ рынка законъ стоимости управляетъ общественнымъ производствомъ, приноравливая его къ общественнымъ потребностямъ.

Но такое приноравливаніе совершается лишь путемъ непрерывныхъ

колебаній; во всякій данный моментъ оно является далеко не полнымъ, а это влечетъ за собой страданія производителей, безплодную растрату общественной энергіи. Во всякій данный моментъ производитель рискуетъ оказаться неприспособленнымъ къ своей общественной средѣ. Плохое утѣшеніе для ремесленника, разорившагося отъ недостатка сбыта и прекратившаго производство, знать, что съ теченіемъ времени равновѣсіе спроса и предложенія само собой вновь установится на рынкѣ. Такъ общественныя отношенія господствуютъ надъ людьми въ мѣновомъ хозяйствѣ, хотя, быть можетъ, и менѣе жестоко, чѣмъ отношенія внѣшней природы надъ людьми натуральныхъ обществъ [1]).

Механизмъ конкурренціи не всегда можетъ свободно дѣйствовать при обмѣнѣ: въ иныхъ случаяхъ на сцену выступаетъ монополія. Монополіей называется, собственно, не простой недостатокъ конкурренціи, а полное ея отсутствіе; но обыкновенно этимъ именемъ обозначается всякая значительная степень недостаточности конкурренціи. Если производствомъ извѣстнаго общественно-необходимаго продукта занимается только одно предпріятіе или небольшое число дѣйствующихъ въ союзѣ предпріятій, то покупатели могутъ быть принуждены платить за продуктъ несоразмѣрно высокія цѣны. Тогда оказывается, что отдѣльная

---

[1]) Изложенныя возрѣнія на цѣну и стоимость въ мѣновомъ обществѣ господствуютъ въ современномъ научномъ мышленіи подъ именемъ „теоріи трудовой стоимости“. Въ качествѣ пережитковъ неразвитого познанія, поддерживаемыхъ классовыми интересами извѣстныхъ группъ общества, до сихъ поръ сохраняются, однако, если не въ наукѣ, то въ ученыхъ трактатахъ, взгляды иного рода, болѣе или менѣе сложныя и запутанныя теоріи, иначе „объясняющія“ жизнь мѣнового общества. Разсмотримъ поэтому, можетъ ли вообще быть вѣрною какая бы то ни было изъ этихъ теорій.

При обмѣнѣ происходитъ сравненіе самыхъ разнородныхъ товаровъ: топоръ, хлѣбъ, книга, украшеніе и т. п. Для всякаго сравненія различныхъ предметовъ необходимо, чтобы въ нихъ было что-нибудь общее, поддающееся измѣренію. И человѣкъ, и камень обладаютъ вѣсомъ, который возможно измѣрить; поэтому вполнѣ допустимо сравненіе человѣка съ камнемъ по вѣсу.

Что же общаго можно найти во всѣхъ различныхъ товарахъ, которые сравниваются между собой въ актѣ обмѣна? Уже для самаго поверхностнаго взгляда очевидно, что это—не объемъ, не вѣсъ, не твердость—вообще, не „естественныя“ ихъ свойства. Стало быть, это—ихъ общественное свойство. Но какое именно? Такихъ свойствъ всего два: общественная полезность и общественная стоимость. Но есть ли это общественная полезность? Нѣтъ; топоръ полезенъ въ качествѣ орудія производства, хлѣбъ — въ качествѣ средства поддержанія рабочей силы произведителя, и т. п.; — количественному сравненію не было бы мѣста, а именно оно и выступаетъ въ обмѣнѣ. Очевидно, дѣло идетъ объ общественной стоимости, т.-е. о томъ количествѣ общестбенно-трудовой энергіи, котораго стоитъ каждый товаръ; съ этой точки зрѣнія становится вполнѣ понятнымъ количественное равенство самыхъ разнообразныхъ продуктовъ, даже матеріальныхъ съ не-матеріальными.

группа, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, эксплоатируетъ остальное общество.

Монополіей объясняется тотъ фактъ, что въ мѣновомъ обществѣ цѣну имѣютъ, между прочимъ, и нѣкоторые изъ предметовъ, вовсе не созданныхъ трудомъ, не имѣющихъ трудовой стоимости, напр., невоздѣланная земля, сила теченія воды (когда рѣка сдается въ аренду подъ мельницу), почетное званіе, право на трудъ, отпущеніе грѣховъ, освященіе брака и другія духовныя блага (предметъ торговли жрецовъ), и т. п.

Это бываетъ въ томъ случаѣ, когда предметы, не созданные трудомъ, но обладающіе полезностью, и въ то же время имѣющіеся въ ограниченномъ количествѣ, попадаютъ въ частную собственность, захватываются отдѣльными людьми во владѣніе; тогда владѣльцы не соглашаются уступать эти предметы въ пользованіе другихъ людей иначе, какъ за вознагражденіе, за извѣстную стоимость, напр., за извѣстную сумму денегъ. Цѣна такихъ предметовъ не можетъ опредѣляться ихъ стоимостью, которой вовсе нѣтъ. Какъ всякая эксплоатація, цѣна эта непосредственно опредѣляется отношеніемъ силы общественныхъ классовъ; въ данномъ случаѣ продавцовъ и покупателей подобныхъ товаровъ; само собой разумѣется, что и это отношеніе силъ само подлежитъ объясненію изъ основныхъ историческихъ условій, въ конечномъ счетѣ—изъ развитія отношеній человѣка къ природѣ.

Системы рабства.

1. Происхожденіе рабовладѣльческихъ организацій.

Въ зависимости отъ историческихъ условій, развитіе феодализма можетъ итти по двумъ различнымъ направленіямъ. Феодализмъ, какъ это имѣло мѣсто въ средневѣковой Европѣ, можетъ перейти въ крѣпостной строй; но при особыхъ условіяхъ онъ развивается въ иномъ направленіи, давая начало рабовладѣльческимъ системамъ.

Разница между рабскими и крѣпостническими отношеніями отнюдь не заключается въ степени эксплоатаціи и личной зависимости: въ извѣстныхъ случаяхъ рабство носитъ гораздо менѣе суровый характеръ, чѣмъ крѣпостничество, и наоборотъ. Основного различія между этими двумя системами хозяйства слѣдуетъ искать въ томъ положеніи, которое занимаетъ зависимое сословіе въ производственномъ процессѣ. Крѣпостной, какъ и рабъ, лишенъ личной свободы,—но онъ является мелкимъ хозяиномъ, и вмѣстѣ со своей семьей обрабатываетъ свой надѣлъ или занимается ремесломъ въ своемъ хозяйствѣ, выполняя для владѣльца барщину или отдавая оброкъ. Что касается раба, то онъ не только не имѣетъ хозяйства, но не владѣетъ даже своей рабочей силой.

Рабы были уже въ патріархальной общинѣ. Это военноплѣнные, которые насильственно вводились въ составъ чуждой имъ по крови родовой группы, и затѣмъ какъ бы усыновлялись послѣдней. Рабство существовало и при феодализмѣ. Оно охватывало тѣ элементы зависимаго населенія, которые, будучи оторваны отъ земледѣлія и лишены своего хозяйства, жили при домѣ сюзерена въ качествѣ «дворовыхъ». Но въ экономической жизни тѣхъ періодовъ рабство не играло сколько-нибудь значительной роли. Иное въ рабовладѣльческой системѣ: тутъ рабство получаетъ опредѣляющую роль въ производствѣ.

Первоначальное происхожденіе рабства объясняется плѣненіемъ людей на войнѣ.

Однимъ изъ элементовъ внѣшней природы для каждой производственной организаціи являются враждебныя ей организаціи, съ которыми

она принуждена бороться. Такая борьба очень часто захватываетъ значительную часть энергіи человѣческихъ обществъ. Это относится особенно къ тѣмъ обществамъ, которыя раньше другихъ выдвинулись на пути развитія, и въ смыслѣ матеріальнаго благосостоянія стояли выше своихъ сосѣдей. Отсталыя общества, подъ вліяніемъ абсолютнаго перенаселенія, съ особенной силой обрушивались на земли тѣхъ, кто превосходилъ ихъ въ культурномъ отношеніи. Очень часто бывало такъ, что отсталыя «варварскія» общественныя группы—роды и племена—побѣждали гораздо выше ихъ стоящія общества, и частью разрушали, частью перенимали ихъ культуру. Но нѣкоторымъ обществамъ, благодаря раннему развитію раздѣленія труда, а слѣдовательно, и обмѣна, удалось выработать высшую военную технику, которая давала имъ рѣшительный перевѣсъ надъ отсталыми, зачастую еще кочевыми племенами. Такимъ передовымъ обществамъ въ теченіе ряда вѣковъ удавалось побѣдоносно бороться противъ стихійнаго натиска низшихъ племенъ. Побѣды эти вели обыкновенно къ увеличенію производительныхъ силъ болѣе культурныхъ общественныхъ организацій, которыя превращали своихъ многочисленныхъ плѣнниковъ въ рабовъ.

Въ такомъ направленіи развивались прежде всего нѣкоторыя восточныя общества, сложившіяся въ плодородныхъ долинахъ великихъ рѣкъ (Нила, Тигра, Евфрата и др.), а затѣмъ общества античнаго міра, которыя дали наиболѣе высокій и законченный типъ рабовладѣльческой системы.

Но исходнымъ пунктомъ развитія рабовладѣльческой системы и въ восточныхъ деспотіяхъ, и въ античномъ мірѣ послужила наличность системы феодальныхъ отношеній. Если мы обратимся къ Греціи времени Троянскихъ войнъ, то намъ представятся знакомыя картины феодальнаго общества. «Царь», котораго рисуетъ намъ Гомеръ, не имѣетъ ничего общаго съ будущимъ монархомъ централизованнаго государства. Это не что иное, какъ военный сюзеренъ союза феодальныхъ группъ, объединившихся для общаго военнаго предпріятія и носящихъ названіе «родовъ» и «фратрій». Рабство въ этотъ періодъ уже существовало, но оно было довольно мягкой формой подчиненія, и сводилось въ основѣ къ принятію плѣнниковъ въ родъ побѣдителей. То же самое наблюдается и въ организаціи италійскихъ родовъ.

Правда, феодализмъ античнаго міра не успѣлъ развиться до тѣхъ формъ, которыя дала средневѣковая Европа. Это особенно замѣтно въ своеобразномъ демократизмѣ общественной организаціи грековъ времени Гомера. Феодальные союзы объединялись въ мирное время совѣтами родовыхъ вождей, а царь-сюзеренъ пріобрѣталъ значительное вліяніе лишь во время войны; помимо совѣта старѣйшинъ, дѣйствовало еще народное собраніе, ограничивавшее власть старѣйшинъ и царя.

Все это—явственные слѣды предшествующей эпохи, патріархально-родового общества. Поэтому экономическій бытъ грековъ, изображенный въ Иліадѣ и Одиссеѣ, было бы правильнѣе опредѣлить, какъ систему феодально-родовыхъ отношеній.

Эта система и послужила основой для будущаго рабовладѣльческаго общества, которое складывалось въ нѣдрахъ феодализма по мѣрѣ развитія обмѣна.

Пока обмѣнъ развитъ слабо, пока прибавочный продуктъ потреблялся только въ натуральной, непосредственной его формѣ, до тѣхъ поръ эксплоатація ограниченна, потому что ограниченны потребности господствующей семьи: на что понадобится господамъ громадное количество хлѣба, котораго они не въ силахъ съѣсть? Но прогрессъ обмѣна дѣлалъ возможнымъ почти безграничное развитіе потребностей господской семьи: всякій излишекъ могъ обмѣниваться на какіе-нибудь новые предметы потребленія, которыхъ не производитъ сама данная группа; поэтому, чѣмъ больше прибавочнаго продукта, тѣмъ лучше для господъ. Тогда для организатора его подчиненный выступаетъ уже не только какъ орудіе производства, но главнымъ образомъ какъ орудіе производства прибавочнаго продукта, какъ предметъ эксплоатаціи. Вопросъ о достаточномъ удовлетвореніи потребностей трудящагося отступаетъ на второй планъ; на первомъ планѣ—вопросъ объ извлеченіи возможно большей выгоды. А наибольшая выгода требуетъ, чтобы размѣры потребностей работника были доведены до наименьшей возможной величины, количество его труда—до наибольшей. Феодалъ-организаторъ при такихъ условіяхъ долженъ прибѣгать въ своей дѣятельности къ грубому насильственному принужденію, которое раньше примѣнялось только къ рабамъ, вновь принимаемымъ въ группу. Феодалъ начинаетъ смотрѣть на раба исключительно какъ на источникъ прибавочнаго труда и стремится къ расширенію своего личнаго хозяйства путемъ массовой эксплоатаціи рабовъ.

Добывались рабы по преимуществу путемъ захвата варваровъ въ плѣнъ на войнѣ; съ теченіемъ времени къ этому прибавляется покупка рабовъ у тѣхъ же варваровъ, которые вели непрерывныя войны между собой и за хорошія цѣны сбывали своихъ плѣнниковъ античнымъ обществамъ. Но войны велись не только между варварами: разобщенныя греческія и италійскія государства то и дѣло совершали нападенія другъ на друга, и въ случаѣ побѣды обходились со своими плѣнниками такъ же, какъ варвары, т.-е. обращали ихъ въ рабство. Той же участи подвергались должники-вассалы. Усиливая эксплоатацію зависимыхъ элементовъ населенія, разоряя и закабаляя ихъ, особенно при помощи ростовщическихъ ссудъ, феодалы переводили ихъ либо на положеніе

крѣпостныхъ, либо на положеніе рабовъ; послѣднее именно тамъ, гдѣ были на-лицо основныя условія для развитія рабства.

Иногда крѣпостная зависимость развивалась и сохранялась въ широкихъ размѣрахъ на ряду съ рабовладѣльчествомъ; такъ было, напримѣръ, въ восточныхъ обществахъ. Но все же и тамъ рабовладѣльческій типъ хозяйства получалъ преобладающее значеніе въ соціальной жизни. Иногда же—какъ это имѣло мѣсто въ античныхъ обществахъ—переходъ къ воздѣлыванію земли посредствомъ рабовъ весьма рано выступалъ на первый планъ, не оставляя мѣста для значительнаго развитія крѣпостныхъ отношеній.

Правда, наряду съ рабовладѣльческими хозяйствами еще долгое время продолжали оставаться и сравнительно небольшія семейныя хозяйства, въ которыхъ не было или почти не было рабовъ. Сюда относятся множество ремесленныхъ и крестьянскихъ хозяйствъ, которыя даже въ эпоху расцвѣта античнаго рабства представляли довольно распространенное явленіе. Но общій характеръ жизни опредѣлялся отношеніями рабовладѣльческихъ группъ, которыя являлись наибольшей экономической силою античнаго общества.

Число рабовъ достигало колоссальныхъ размѣровъ. Такъ, напримѣръ, во владѣніяхъ Рима въ періодъ наибольшаго расцвѣта рабовладѣнія насчитывалось около 13—14 милліоновъ рабовъ, въ то время какъ число свободныхъ гражданъ не превышало 6—7 милліоновъ. Такое же преобладаніе рабовъ надъ свободнымъ населеніемъ наблюдалось въ нѣкоторые періоды и въ древней Греціи. Вполнѣ понятно, что на рынкѣ господствовали рабовладѣльческія хозяйства, которыя играли въ этомъ смыслѣ роль крупныхъ капиталистическихъ предпріятій, обладающихъ огромными преимуществами въ конкурренціи. Это заставляло мелкія хозяйства приспособляться къ условіямъ, создаваемымъ рабовладѣльческими предпріятіями, и создавало въ нихъ стремленіе обзаводиться рабами, чтобы расширять такимъ образомъ свое производство.

Сотрудничество и раздѣленіе труда въ большихъ рабскихъ хозяйствахъ примѣнялись въ широкихъ размѣрахъ. Въ Греціи уже вѣковъ за 5 до Р. Х. существовали цѣлыя обширныя мануфактуры—эргастеріи, гдѣ работали рабы. Въ Италіи и Сициліи нѣсколько позже развиваются особенно громадныя земледѣльческія хозяйства, гдѣ нерѣдко сотни рабовъ обрабатывали одно поле. Слѣдуетъ отмѣтить, что раздѣленіе труда рѣдко шло далѣе извѣстнаго предѣла, именно производства отдѣльнымъ работникомъ отдѣльнаго продукта; различныя стадіи производства одного продукта лишь въ исключительныхъ случаяхъ (напр., кожевенные эргастеріи) распредѣлялись между различными работниками. Зависѣло это главнымъ образомъ отъ того, что рынокъ былъ еще не слишкомъ обширенъ, спросъ не былъ такъ великъ, чтобы вызывать

массовое производство продуктовъ; а только при массовомъ производствѣ выгодно усиленное раздѣленіе труда.

Съ теченіемъ времени, съ возрастаніемъ рабовладѣльческихъ хозяйствъ, сама организаторская дѣятельность подвергается раздѣленію. Пока хозяйства были невелики, господинъ могъ лично руководить производствомъ; онъ лично распредѣлялъ трудъ и продуктъ своего хозяйства, и въ этомъ смыслѣ былъ организаторомъ производства. Но когда хозяйство увеличивается и численность рабовъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ, то рабовладѣлецъ принужденъ выбирать себѣ сотрудниковъ и переносить на нихъ часть своихъ функцій. Наряду съ господиномъ появляются такимъ образомъ рабы-организаторы: надсмотрщики, приказчики, управляющіе и т. д. На долю господина при этихъ условіяхъ остается лишь высшій контроль надъ хозяйствомъ, но и то не надолго. Отрываясь все болѣе отъ процесса производства, онъ мало-по-малу и эту функцію передавалъ техническому персоналу изъ среды рабовъ. Рабовладѣлецъ обращался при этомъ въ чистѣйшаго паразита, «дѣятельность» котораго сводится къ самымъ утонченнымъ наслажденіямъ жизнью.

Господская семья возвышалась надъ безправной массой рабовъ, но и на ея организацію рабство налагало свой рѣзкій отпечатокъ. Глава семьи сохраняетъ огромную власть надъ ея членами, и имѣетъ даже право продавать своихъ дѣтей въ рабство. И въ дѣйствительности продажа въ рабство дѣтей была не особенно рѣдкимъ явленіемъ даже въ цвѣтущія времена классическаго міра.

Такимъ образомъ рабовладѣльческая группа складывалась изъ двухъ противоположныхъ элементовъ. На одномъ полюсѣ стоялъ деспотъ-рабовладѣлецъ, господствовавшій надъ всѣми своими подчиненными и выколачивавшій изъ нихъ прибавочный трудъ; на другомъ полюсѣ стояли массы безправныхъ рабовъ, обращенныхъ въ орудія труда и низведенныхъ до степени товара.

2. Между-групповыя производственныя связи.

Если рабовладѣльческое хозяйство на начальной стадіи своего развитія носило еще главнымъ образомъ натуральный характеръ, то въ своемъ развитомъ видѣ оно является опредѣленно смѣшаннымъ, натурально-мѣновымъ. Потребности рабовъ, сведенныя до физіологическаго минимума, удовлетворялись по преимуществу собственными продуктами рабовладѣльческой группы, наибольшая же доля господскаго потребленія основывалась на обмѣнѣ. Пурпурныя ткани, сосуды, въ особенности глиняныя вазы, драгоцѣнная домашняя утварь, всякаго рода предметы роскоши производились отдѣльными хозяйствами для удо-

влетворенія потребностей рабовладѣльцевъ. Нѣкоторые продукты перевозились при этомъ на громадныя разстоянія. Такъ, напримѣръ, пурпурная одежда и ковры вывозились изъ Греціи въ Италію, Сицилія снабжала своими прекрасными колесницами огромные районы. Таковъ былъ преобладающій характеръ торговли, и въ сферу обмѣна были втянуты главнымъ образомъ верхи рабовладѣльческой группы.

Правда, были и такія рабовладѣльческія предпріятія, которыя совсѣмъ не вели сельскаго хозяйства. Таковы были многіе эргастеріи греческихъ городовъ, поставлявшіе на рынокъ продукты промышленности; таковы были горныя предпріятія (напр., лаврійскіе серебряные рудники Аттики). Поскольку эти хозяйства должны были покупать продукты потребленія и для рабовъ, они жили цѣликомъ въ области мѣновыхъ отношеній; но въ общемъ преобладали сельскохозяйственныя предпріятія.

Какъ бы то ни было, эпоха античнаго рабства связана со значительнымъ развитіемъ денежнаго обращенія. Въ тѣ времена, между прочимъ, деньги впервые приняли форму монеты: вновь возникшая общественно-экономическая организація—государство—взяла на себя обязанность, точнѣе—присвоила себѣ право чеканить изъ денежныхъ металловъ слитки опредѣленной формы, вѣса и цѣнности, которые служатъ всеобщими законными орудіями обращенія товаровъ.

Самое дѣло обмѣна понемногу выдѣлилось, какъ самостоятельное занятіе особаго общественнаго класса торговцевъ, которые, покупая товары у производителей, доставляютъ и продаютъ ихъ потребителямъ, и живутъ на счетъ разницы мѣновой цѣнности въ первомъ и второмъ случаѣ.

Въ общемъ, размѣры торговли были все-таки ничтожны по сравненію съ нынѣшними. Объ этомъ съ достовѣрностью можно судить на основаніи количества денегъ, которое требовалось для обращенія товаровъ: добываніе золота и серебра въ Азіи и Европѣ даже въ цвѣтущую эпоху классическаго міра было во много десятковъ разъ меньше, чѣмъ въ настоящее время; между тѣмъ техника обмѣна была невысоко развита, потребность въ деньгахъ для мѣновыхъ сдѣлокъ почти не ослаблялась такими высоко-совершенными приспособленіями, какъ въ наши времена (обращеніемъ ассигнацій, банковыхъ билетовъ, чековой системой и т. д.).

Кредитное дѣло или, точнѣе, его зародышъ—ростовщичество—постепенно развилось въ изучаемую эпоху до обширныхъ размѣровъ. Оно сыграло важную роль въ созданіи громадныхъ богатствъ греческой и позже римской аристократіи.

Въ соотвѣтствіи съ развитіемъ обмѣна въ древнемъ мірѣ совер-

шился также значительный прогрессъ въ организованныхъ связяхъ между группами.

Тѣ зародыши государственности, которые возникли еще въ феодальномъ мірѣ, быстро развивались и перешли въ обширные политическіе союзы, которые иногда охватывали десятки милліоновъ людей. Прогрессъ общественнаго раздѣленія труда, выражавшійся въ ростѣ обмѣна, создавалъ потребность въ экономическомъ объединеніи для охраны и облегченія мѣновыхъ сношеній: установленіе общихъ денегъ, общихъ товарныхъ мѣръ, устройство и военная охрана путей сообщенія, рынковъ, контроль за уплатою долговъ, охрана личности и имущества купцовъ, живущихъ на чужбинѣ, и т. под. Громадная роль войны, какъ способа добыванія рабовъ и новыхъ территорій, требовала прочной, обширной военной организаціи, для которой слабыя феодально-родовыя связи, отразившіяся въ героическихъ поэмахъ Гомера, оказывались недостаточными. Рѣзкое распаденіе древняго общества на два класса: угнетающій и угнетенный, изъ которыхъ второй былъ гораздо многочисленнѣе, и далѣе распаденіе перваго изъ этихъ классовъ на отдѣльныя группы съ взаимно-враждебными интересами опять-таки порождало настоятельную необходимость въ централизованной военной силѣ... Всѣмъ этимъ потребностямъ удовлетворяло древнее государство.

Развитіе древняго государства шло двумя различными путями, и приводило къ двумъ весьма несходнымъ типамъ организаціи.

Въ однихъ случаяхъ обширное политическое цѣлое складывалось преимущественно путемъ войны. Это имѣло мѣсто при наличности двухъ условій: во-первыхъ, если самыя условія внѣшней природы порождали потребность въ обширной общественной организаціи, напр., когда вся судьба производства зависѣла отъ успѣшнаго регулированія уровня воды большихъ рѣкъ (плодородныя долины Нила, Тигра и Евфрата, Хо-ан-хэ и др. были мѣстомъ образованія первыхъ деспотическихъ монархій), или когда необходимо было сплотиться для борьбы съ постоянными нападеніями сильныхъ враждебныхъ племенъ; во-вторыхъ, если мѣновыя связи были еще недостаточно развиты, недостаточно широки и прочны, чтобы создать сильный политическій союзъ. Среди безчисленныхъ войнъ феодальнаго періода отдѣльной группѣ удавалось рядомъ побѣдъ подчинить себѣ многія сосѣднія группы. Вначалѣ побѣжденные прямо включались въ составъ общины побѣдителей, превращаясь въ рабовъ. Но за извѣстными предѣлами такое полное включеніе становится невозможнымъ—получилось бы слишкомъ обширное хозяйство, вести которое было бы немыслимо одному господину; тогда группа побѣдившая стала довольствоваться тѣмъ, что заставляла побѣжденную подчиняться политически, т.-е. признавать верховную власть побѣдившей и платить дань; а въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ под-

чинившаяся группа сохраняла еще значительную долю самостоятельности.

Все болѣе разрастаясь, отдѣльная группа превращалась такимъ способомъ въ громадное деспотическое государство древняго міра. Таковы были царства египетское, ассирійское, вавилонское, персидское и др. Власть деспота представляла, въ сущности, безграничную власть рабовладѣльца. Между деспотомъ и простымъ главой рабовладѣльческой семьи существовало множество промежуточныхъ ступеней: сатрапы, начальники округовъ и т. п.; и каждый начальникъ по отношенію къ его подчиненнымъ, дѣятельность которыхъ онъ долженъ былъ организовать, пользовался громадной властью. Типъ организаціи въ подобныхъ государствахъ былъ всюду одинъ и тотъ же.

Иной характеръ имѣли древнія государства, сложившіяся на почвѣ прочныхъ и широкихъ мѣновыхъ связей между отдѣльными группами. То были свободные союзы единоплеменныхъ, равноправныхъ общинъ,— союзы, первоначальная цѣль которыхъ заключалась въ совмѣстныхъ военныхъ предпріятіяхъ и въ охранѣ обмѣна и частной собственности.

Благодаря постояннымъ сношеніямъ и развитію общественнаго раздѣленія труда, общихъ дѣлъ между отдѣльными группами подобнаго союза съ теченіемъ времени становилось все больше и больше—связь становилась болѣе тѣсной и прочной. Общія дѣла рѣшались совѣтомъ господъ, а затѣмъ ихъ выборными, которые, впрочемъ, оставались подъ контролемъ совѣта. Во внутреннихъ дѣлахъ своей группы каждый свободный глава семьи оставался по-прежнему полнымъ господиномъ. Что касается рабовъ, то они, само собой разумѣется, не принимали никакого участія въ управленіи общественными дѣлами. Таковы были многочисленныя республики древней Греціи и частью Италіи.

Благодаря массѣ войнъ древняго міра, организаціи второго типа оказывались не особенно устойчивыми и нерѣдко измѣнялись въ организаціи перваго типа: война требуетъ строгаго единства власти, котораго слишкомъ трудно было достигнуть въ аристократическихъ республикахъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ громаднаго ряда войнъ республиканскій Римъ превратился въ Римъ цезарей. Кромѣ этого, нерѣдко внутренняя борьба экономическихъ интересовъ путемъ междоусобныхъ войнъ въ республикахъ приводила къ подобной же смѣнѣ формъ: многія греческія республики неоднократно переходили въ тираніи; когда мелкіе рабовладѣльцы, крестьяне, ремесленники и торговцы выступали противъ сплоченной крупно-рабовладѣльческой аристократіи, они становились по большей части подъ знамена царя или тиранна, такъ какъ только строгая централизація силъ могла доставить имъ побѣду.

Во взаимныхъ отношеніяхъ рабовъ господствовало равенство,— конечно, равенство безправія. Однако, по мѣрѣ того, какъ господа

передавали довѣреннымъ рабамъ часть своей организаторской дѣятельности, возникала также власть рабовъ надъ рабами.

Семейныя связи рабовъ создавались и разрушались сообразно расчетамъ господъ.

Господскіе расчеты опредѣляли также то количество жизненныхъ средствъ, которое должно было доставаться на долю раба. Съ широкимъ развитіемъ систематической торговли рабами становилось болѣе выгоднымъ не заботиться о полномъ удовлетвореніи основныхъ потребностей раба, а заботиться главнымъ образомъ о напряженности и продолжительности его ежедневной работы; такимъ образомъ, рабъ скоро «изнашивался» и замѣнялся свѣжимъ, который стоилъ сравнительно недорого. Слѣдовательно, господскимъ расчетомъ регулировалась продолжительность жизни рабовъ, какъ регулировалось ихъ размноженіе.

Въ азіатскихъ деспотіяхъ каждый подданный являлся рабомъ государства. Экономически это выражалось въ эксплоатаціи частныхъ хозяйствъ хозяйствомъ государственнымъ—въ собираніи громадныхъ даней и налоговъ; юридически—въ полномъ безправіи личности передъ любымъ изъ зубцовъ административной машины, служившей для собиранія этихъ даней и налоговъ. Массы населенія вовсе не жили гражданской жизнью. Лежавшій на нихъ гнетъ съ теченіемъ времени усиливался по мѣрѣ того, какъ совершенствовалась организація чиновничества. Вмѣсто того, чтобы только исполнять велѣнія высшей власти и служить для нея живымъ орудіемъ эксплоатаціи, чиновничество это все болѣе начинало жить своей жизнью, эксплоатировать для себя. Такое измѣненіе совершалось по мѣрѣ того, какъ высшіе слои азіатской бюрократіи все болѣе перелагали свою общественно-организаторскую дѣятельность на низшіе слои, превращаясь такимъ образомъ изъ производительныхъ членовъ общества въ паразитовъ, какъ рабовладѣльцы Греціи и Рима. При этомъ, стараясь о своемъ потомствѣ, бюрократія создавала для него массу новыхъ общественно-безполезныхъ должностей. Въ такихъ восточныхъ деспотіяхъ, какъ Китай, Персія, чудовищная сила административнаго аппарата явилась источникомъ величайшаго экономическаго и юридическаго угнетенія.

При подобныхъ условіяхъ развитіе личности становится невозможнымъ не для однихъ рабовъ, и духовная подавленность господъ немногимъ отличается отъ рабской забитости.

Въ иныхъ отношеніяхъ стояла личность къ политическому цѣлому въ государствахъ европейскаго типа.

Тамъ личность не была угнетена—этого по существу не допускала самая форма государственнаго союза. Впрочемъ, вначалѣ наиболѣе богатымъ, знатнымъ рабовладѣльческимъ фамиліямъ удавалось экономически и политически подчинить себѣ демосъ, массу менѣе богатыхъ

гражданъ—земледѣльцевъ и ремесленниковъ; экономическая зависимость послѣднихъ выражалась главнымъ образомъ въ задолженности, политическая—въ ничтожномъ вліяніи на государственное управленіе. Но когда развитіе мѣновыхъ сношеній усилило взаимную связь элементовъ демоса, и на сцену выступила вновь сложившаяся группа демоса—торговцы, тогда демосъ сплотился противъ крупной земельной аристократіи и повелъ съ ней упорную борьбу за политическія права, за связанныя съ ними экономическія выгоды. Борьба завершилась побѣдой демоса, который добился полной политической равноправности.

Исторія врядъ ли можетъ указать гдѣ-либо такой блестящій расцвѣтъ гражданской жизни, какъ въ Аѳинахъ VI—IV вв. до Р. Х. Юридическое равенство было полнѣйшее: каждый могъ участвовать въ обсужденіи и подавать свой голосъ въ рѣшеніи общегосударственныхъ дѣлъ. Дошло до того, что нѣкоторыя должности замѣщались даже не по избранію, а прямо по жребію. Таковъ былъ демократизмъ республики. Но это была только лицевая сторона общественной жизни.

За немногими десятками тысячъ гражданъ, свободно развивавшихся въ атмосферѣ широко-гражданской жизни, стояли многія сотни тысячъ безправныхъ, угнетенныхъ «живыхъ орудій». Смыслъ политической дѣятельности свободныхъ людей заключался въ дѣлежѣ добычи, созданной рабскимъ трудомъ и отнятой у рабовъ.

Такъ было и въ древнемъ Римѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ боролась тамъ демократія—плебеи—съ высшимъ классомъ—патриціатомъ—ради тѣхъ же экономическихъ цѣлей, какъ демосъ Аѳинъ. Шагъ за шагомъ, съ поразительной энергіей она принуждала своихъ сильныхъ, организованныхъ противниковъ дѣлать уступки въ сторону равенства. Но во время всей этой борьбы не раздался ни одинъ голосъ за улучшеніе условій жизни рабовъ—въ этомъ отношеніи не было различія между самыми корыстными изъ демагоговъ и честнѣйшими утопистами въ родѣ Гракховъ, вся жизнь которыхъ прошла въ самоотверженной борьбѣ за «народные» интересы.

Для раба возможности развитія не было, но были всѣ данныя, чтобы деградировать. Для господина въ слабо-мѣновыхъ обществахъ Востока условія развитія были только немногимъ лучше этого; наоборотъ, въ обществахъ Запада, гдѣ обмѣнъ былъ широко развитъ, свободная личность имѣла полный просторъ для того, чтобы развернуть свои силы.

3. Идеологія.

Общественное сознаніе въ эпоху рабовладѣльческой системы не было, конечно, сплошнымъ, однороднымъ. Оно было глубоко различно для

тѣхъ противоположныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагалась рабовладѣльческая группа, и зависѣло отъ ихъ положенія въ процессѣ производства.

Условія жизни раба были невѣроятно тяжелыя. Съ клеймами, выжженными на тѣлѣ, часто закованные въ тяжелыя цѣпи, они съ ранняго утра до поздняго вечера должны были работать на поляхъ или въ промышленныхъ предпріятіяхъ своихъ господъ. Работа происходила подъ строгимъ наблюденіемъ жестокихъ надсмотрщиковъ, которые только и думали о томъ, чтобы безчеловѣчнымъ обращеніемъ съ рабами заслужить милость и щедроты рабовладѣльца. Проработавъ цѣлый день, рабы на ночь отправлялись въ казармы—своеобразныя темницы, нерѣдко расположенныя подъ землей.

Вообще на раба смотрѣли, какъ на орудіе производства, какъ на рабочую скотину. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерна классификація орудій производства, которая сложилась въ изучаемый періодъ. Она различала:

1) instrumenta muta—нѣмыя, мертвыя орудія, напр., топоръ, станокъ; 2) instrumenta semivocalia—орудія живыя, но такія, которыя только наполовину, т.-е. очень несовершенно, выражаютъ голосомъ свои чувства,—это домашнія животныя; и 3) instrumenta vocalia—орудія, одаренныя способностью рѣчи, т.-е. люди—рабы.

Такимъ образомъ рабы были низведены до степени рабочаго скота, простой принадлежности хозяйственнаго инвентаря [1]). При такихъ условіяхъ объ идеологіи рабовъ много говорить не приходится: ея крайняя бѣдность и безсодержательность, ея узость и ограниченность не подлежатъ никакому сомнѣнію. Здѣсь нечего искать элементовъ развитія; умственная жизнь людей этого класса была даже въ лучшихъ случаяхъ (ученые рабы) слабымъ отблескомъ умственной жизни господъ.

Классъ господъ находился въ иномъ положеніи: здѣсь бѣдность психологіи отнюдь не являлась необходимостью; по самой сущности своей организаторская дѣятельность требуетъ нѣкотораго умственнаго развитія, а эксплоатація рабовъ давала господамъ возможность посвящать время не только различнымъ удовольствіямъ, но и труду мышленія.

Обширный періодъ рабства охватываетъ собою длинный рядъ далеко не вполнѣ сходныхъ общественныхъ формацій; сравнивая уровень духовной жизни въ различныя стадіи этого періода и у различныхъ на-

---

[1]) Не зная иного общественнаго строя, древніе считали рабство естественнымъ и неизмѣннымъ, закономъ природы. Отъ такого взгляда неспособны были отрѣшиться и наиболѣе интеллигентные, даже геніальные люди тѣхъ временъ. „Природа создаетъ однихъ людей для свободы, другихъ для рабства“ (Аристотель „Политика“). Платонъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ мыслителей древности, создавая свой планъ идеально-совершеннаго государства, не находилъ возможности обойтись въ немъ безъ рабовъ.

родовъ, можно найти всѣ переходы отъ полнѣйшаго варварства до той высокой ступени цивилизаціи, какой достигли Греція и Римъ въ эпоху ихъ процвѣтанія.

Нѣтъ надобности останавливаться на содержаніи психической жизни господъ въ тѣхъ обществахъ, которыя сложились при слабыхъ мѣновыхъ связяхъ и организовались въ формѣ восточныхъ деспотій: тамъ на извѣстной стадіи развитія почти стушевываются различія психологіи господъ и рабовъ; аналогичный характеръ гнета, лежащаго на тѣхъ и другихъ, порождаетъ аналогичную узость, безсодержательность, неподвижность мышленія; разница въ степени такъ мала, что почти не заслуживаетъ вниманія.

Иную картину представляютъ рабовладѣльческія общества со значительнымъ развитіемъ обмѣна. Свободныя, далеко простирающіяся мѣновыя связи расширяютъ умственный горизонтъ людей, даютъ толчокъ познанію, освобождаютъ мышленіе отъ того оцѣпенѣнія, въ которомъ находится оно въ натурально-хозяйственныхъ группахъ прежнихъ временъ. Отсутствіе внѣшняго гнета, съ одной стороны, и сравнительно небольшая власть природы надъ людьми, съ другой стороны, создаютъ почву для развитія мышленія, для болѣе интенсивной познавательной дѣятельности.

Классическій міръ за время своего существованія, несомнѣнно, успѣлъ высоко развить познавательную дѣятельность. Но шелъ ли ея прогрессъ въ томъ направленіи, которое благопріятно для развитія техники и экономики, была ли эта дѣятельность полезна съ точки зрѣнія интересовъ непосредственной борьбы съ природой, съ точки зрѣнія захвата дѣйствительной власти надъ нею?

Тутъ слѣдуетъ различать двѣ стадіи жизни классическаго міра. Пока крупный рабовладѣлецъ оставался фактическимъ организаторомъ производства своей группы, а рядомъ съ нимъ сохранялся еще свободный крестьянинъ и ремесленникъ, до тѣхъ поръ общественное мышленіе неизбѣжно направлялось въ сторону пріобрѣтенія практическихъ знаній. Правда, это было въ болѣе раннія эпохи рабовладѣльческой культуры, когда силы развивающагося познанія были еще ничтожны, а консерватизмъ феодальнаго быта еще въ значительной степени тяготѣлъ надъ умами; слѣдовательно, прогрессъ практическихъ знаній могъ идти только очень медленно. Но по сравненію съ предыдущими эпохами то была громадная скорость. Въ теченіе немногихъ вѣковъ было сдѣлано множество техническихъ усовершенствованій и изобрѣтеній; къ послѣднимъ вѣкамъ исторіи античнаго міра былъ накопленъ большой запасъ научно-практическихъ свѣдѣній, и въ нѣкоторыхъ областяхъ производства постановка дѣла была высоко цѣлесообразная, основанная на сравнительно глубокомъ знакомствѣ съ законностями явленій.

Сюда относится прежде всего масса практическихъ свѣдѣній въ области строительнаго и инженернаго дѣла, въ кораблестроеніи, въ обработкѣ металловъ и въ ткацкомъ производствѣ, которое достигло высокой степени совершенства. Морская и сухопутная торговля способствовала развитію географіи, астрономіи, столь необходимой для правильной оріентировки на морѣ, и вызвала изученіе атмосферныхъ явленій, которыя имѣютъ огромное значеніе для мореплаванія. Особенно крупные успѣхи были сдѣланы въ области элементарной геометріи: она была настолько разработана, что послѣдующимъ эпохамъ пришлось добавить очень немного къ тому, что было достигнуто подъ вліяніемъ требованій повседневнаго опыта классическимъ міромъ. Кромѣ того, нужно отмѣтить огромный прогрессъ земледѣльческой техники, который выразился во введеніи сѣвооборота, въ цѣлесообразномъ выборѣ растеній и въ улучшеніи орудій. Правда, многія изъ этихъ свѣдѣній были добыты несамостоятельно. Значительная часть ихъ была заимствована античной культурой у великихъ народовъ Востока (у египтянъ, фининіянъ, вавилонянъ); но если принять во вниманіе наличность сильной еще въ ту пору авторитарно-религіозной идеологіи, враждебной, какъ извѣстно, всякимъ нововведеніямъ, то придется придти къ заключенію, что эти заимствованія были почти равносильны собственнымъ изобрѣтеніямъ.

Но въ слѣдующей стадіи фактическая роль крупнаго рабовладѣльца въ производствѣ быстро уменьшается, организаторская дѣятельность перелагается на плечи нѣкоторой части рабовъ (и подобныхъ рабамъ прислужниковъ). Въ то же время ходъ вещей разрушаетъ крестьянскій и ремесленный классъ, обращая ихъ въ паразитическій пролетаріатъ (какимъ способомъ, это будетъ выяснено дальше). Тогда, естественно, измѣняется направленіе умственной жизни господствующаго класса. Она отрывается отъ интересовъ непосредственной борьбы съ природой, отъ области производства, и переходитъ въ «высшія сферы». Какъ общественная роль господъ все болѣе сводится къ потребленію, такъ ихъ мыслительная дѣятельность все болѣе сводится къ утонченному самоуслажденію.

Исчезаетъ всякій интересъ къ техническимъ наукамъ, которыя непосредственно служатъ производительному труду, т.-е., вообще говоря, рабскому, а не господскому занятію. На слабыхъ зачаткахъ останавливается прогрессъ наукъ естественныхъ, потому что наблюденія и опыты надъ обыденными явленіями господа считаютъ недостойнымъ себя дѣломъ. О соціальныхъ наукахъ и говорить нечего; въ качествѣ ихъ зародыша является лишь поверхностная исторія героевъ и войнъ, а изученіе матеріальной и экономической культуры почти отсутствуетъ, такъ какъ оно имѣетъ своимъ предметомъ неважное и презрѣнное дѣло— производство.

На второй стадіи развитія рабовладѣльческаго общества древніе съ особенной охотой занимались наиболѣе отвлеченными изъ естественныхъ наукъ—математикой, логикой. Изъ наукъ болѣе конкретныхъ пользовалась уваженіемъ астрономія, предметъ которой возвышенъ. Для подобныхъ наукъ сколько-нибудь близкія къ жизни практическія ихъ приложенія считались униженіемъ. По мнѣнію Платона, примѣнить геометрію къ рѣшенію механическихъ задачъ—значило оскорбить достоинство геометріи.

Философіей въ древнемъ мірѣ, особенно въ Греціи, занимались столько, сколько врядъ ли гдѣ-либо потомъ. Греческая философія была наиболѣе блестящимъ плодомъ древней цивилизаціи. Но и здѣсь преобладающая черта—оторванность философіи отъ обыденной жизни, недостатокъ стремленія положить въ ея основу изученіе дѣйствительности, по преимуществу умозрительный характеръ.

Вообще, въ позднѣйшую эпоху античнаго міра все богатство познанія было почти безполезно для техническаго прогресса, а стало быть—и для экономическаго развитія.

Развитіе изящныхъ искусствъ было другимъ характернымъ продуктомъ духовной жизни древняго міра, продуктомъ также почти безполезнымъ для экономическаго прогресса, хотя и весьма цѣннымъ для высшихъ классовъ въ смыслѣ наслажденія жизнью.

Идеологическое творчество, такимъ образомъ, оторвалось отъ жизни и витало въ возвышенныхъ сферахъ, далекихъ отъ презрѣннаго труда. Единственной областью, въ которой оно еще долгое время сохраняло связь съ производственной дѣятельностью, была область права. Верхи классическаго міра, какъ мы видѣли, въ значительной степени находились въ сферѣ мѣновыхъ отношеній, нормальное развитіе которыхъ требуетъ наличности строго опредѣленныхъ организаціонныхъ правилъ—правовыхъ нормъ. И вотъ Римъ создаетъ свою знаменитую систему «римскаго права», оказавшую впослѣдствіи столь огромную услугу буржуазному обществу, построенному, какъ и античное общество, на принципѣ частной собственности. Но надо признать, что античное общество и въ области права въ періодъ своего упадка занималось по преимуществу подведеніемъ итоговъ и формальной обработкой того, что было сдѣлано въ періодъ расцвѣта.

Разрывъ между идеологіей и производственной дѣятельностью былъ одной изъ тѣхъ причинъ, которыя ускорили крушеніе античнаго міра.

4. Причины и ходъ упадка рабовладѣльческихъ обществъ.

Для развитія всякаго общества необходимъ нѣкоторый избытокъ энергіи, который можно было бы затрачивать на расширеніе производ-

ства, на улучшеніе техники, и вообще на увеличеніе производительности общественнаго труда. Общества, въ которыхъ такого избытка энергіи нѣтъ, или которыя растрачиваютъ его непроизводительно, обречены на медленную, но вѣрную гибель.

Къ обществамъ такого типа принадлежали восточныя деспотіи, слагавшіяся изъ двухъ противоположныхъ элементовъ—изъ централизованной бюрократіи и цѣликомъ подчиненныхъ ей народныхъ низовъ. Низы, не только многочисленные рабы восточныхъ деспотій, но и остатки самостоятельныхъ или феодально-зависимыхъ мелкихъ производителей, жили при невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ. Задавленные непосильной работой, они непрерывно разорялись безграничными потребностями господъ, и если у низовъ и оставалось свободное время сверхъ того, что необходимо было для поддержанія крайне невысокаго жизненнаго уровня, то оно шло на удовлетвореніе прихотей сатраповъ и деспотовъ. Господа же стояли безконечно далеко отъ производительнаго труда, и общественная роль ихъ сводилась къ изобрѣтенію методовъ эксплоатаціи. Погрузившись въ бездѣліе и утопая въ сказочномъ восточномъ развратѣ и роскоши, они превратились въ чистыхъ паразитовъ.

Все это вело къ тому, что въ восточныхъ деспотіяхъ начинался процессъ медленнаго вырожденія, которое завершалось обычно вмѣшательствомъ болѣе жизнеспособныхъ внѣшнихъ силъ.

Строеніе и жизнь рабовладѣльческихъ обществъ античнаго міра было и значительно сложнѣе и многообразнѣе. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и ходъ ихъ экономическаго и общаго упадка представляется болѣе сложнымъ.

Техническій прогрессъ—основа всякаго развитія общества—началъ все сильнѣе замедлять свой ходъ съ того времени, какъ сословіе господъ фактически утратило, сложило съ себя организаторскую роль въ производствѣ. Дѣйствительно, то былъ единственный классъ общества, по условіямъ своей жизни имѣвшій возможность развиваться; по мѣрѣ его превращенія въ группу общественно-паразитическую и его развитіе измѣняло свой характеръ, шло уже въ паразитическомъ, потребительномъ, а не производительномъ направленіи. Рабы же, въ силу основныхъ условій своей жизни, почти не могли развиваться и развивать силы общества въ борьбѣ съ природой.

Но этого мало,—рабы фактически принижались, деградировали умственно и физически. Человѣкъ, превращенный въ орудіе производства, быстро терялъ свою жизненную энергію. Безпощадная эксплоатація сокращала его существованіе и приводила его потомство къ быстрому вырожденію и гибели. При наличности постоянной, систематической торговли рабами, для господъ оказывалось выгоднымъ требовать отъ своихъ рабовъ наибольшаго возможнаго напряженія въ работѣ, не заботясь о томъ, чтобы вполнѣ возстановлять ихъ истощенныя силы отдыхомъ,

пищей и вообще достаточнымъ удовлетворенiемъ ихъ потребностей. Правда, живое орудiе скоро изнашивалсь, но извлеченная изъ него выгод съ избыткомъ покрывала издержки на покупку новаго такого орудiя

Въ результатѣ рабы необходимо вымирали, число ихъ уменьшалось смертность преобладала надъ размноженiемъ. Но въ теченiе многих вѣковъ это вымиранiе съ избыткомъ покрывалось притокомъ свѣжих плѣнниковъ, которые добывались посредствомъ войны съ варварами сосѣдями культурнаго рабовладѣльческаго общества. Пока этотъ источ никъ рабовъ не изсякъ, рабовладѣльческое общество по крайней мѣр не деградировало, а держалось на одномъ уровнѣ: производство н уменьшалось въ размѣрахъ, потому что рабочей силы было достаточно

Однако такое положенiе дѣлъ не могло продолжаться безконечно Настало время, когда успѣшность войнъ съ варварами начала быстр понижаться, и добыванiе рабовъ въ достаточномъ количествѣ сдѣла лось очень затруднительнымъ, а затѣмъ и прямо невозможнымъ. По бѣды надъ варварами смѣнились цѣлымъ рядомъ пораженiй, войн изъ наступательныхъ стали оборонительными, источникъ рабочей сил изсякъ. Какiя причины вызвали такой поворотъ военнаго счастья?

Причины эти сводятся къ быстрому упадку военной силы рабовла дѣльческаго общества.

Война—производство рабовъ—оставалась единственной областью производства, которую никоимъ образомъ нельзя было передать рабам и которая оставалась поэтому дѣломъ свободныхъ людей. Войско могл состоять только изъ людей свободнаго сословiя, и потому упадокъ этог сословiя означалъ упадокъ войска, упадокъ производства рабовъ, дегра дацiю рабовладѣльческаго хозяйства. Между тѣмъ внутреннiя эконо мическiя условiя древняго мiра подрывали силу свободнаго сословiя.

Свободное сословiе состояло, во-первыхъ, изъ типичныхъ крупных рабовладѣльцевъ, которыхъ было меньшинство, и, во-вторыхъ, изъ ме кихъ собственниковъ, хозяйство которыхъ нерѣдко имѣло чисто-семейны характеръ, т.-е. обходилось безъ рабовъ, и всегда держалось по пр имуществу личнымъ трудомъ владѣльцевъ и ихъ семействъ; наибольшу часть такихъ хозяйствъ составляли земледѣльческiя, меньшую—р месленныя.

Такимъ образомъ, основную часть военной силы древняго мiра с ставляли мелкiе собственники-земледѣльцы, иначе—крестьянство. Рим объединившiй подъ своею властью всѣ античныя общества, являлся в эпоху расцвѣта своей завоевательной политики по преимуществу кр стьянскимъ государствомъ. Пока сохранялось сильное, многочисленно свободное крестьянство, до тѣхъ поръ классическiй мiръ, пользуя своей высокой военной техникой, могъ безъ труда одерживать побѣд

надъ варварскими племенами—храбрыми, сплоченными, но мало знакомыми съ военнымъ искусствомъ.

Крестьянство несло на себѣ всю тягость войнъ не только въ томъ смыслѣ, что жертвовало въ нихъ своею кровью, но также въ томъ смыслѣ, что на немъ лежали почти всѣ государственные налоги и платежи, на счетъ которыхъ велись эти войны. Высшіе классы—крупные рабовладѣльцы—умѣли свалить съ себя эту тягость, потому что вмѣстѣ съ богатствомъ имъ принадлежала и политическая сила. Наоборотъ, выгодами войнъ крестьянство пользовалось лишь въ ничтожной степени—наибольшая доля доставалась опять-таки богатымъ рабовладѣльцамъ, и по той же причинѣ они занимали всѣ важныя и вліятельныя должности въ войскѣ, они завѣдывали распредѣленіемъ добычи (главнымъ образомъ земли и рабовъ), они дѣлались правителями завоеванныхъ провинцій, и т. д.

Разореніе крестьянства ускорялось также развитіемъ крупнаго сельскаго хозяйства. Примѣняя къ земледѣлію многія сотни рабовъ, крупный землевладѣлецъ Сициліи или южной Италіи доставлялъ на рынокъ массы дешеваго хлѣба; нерѣдко въ видѣ контрибуціи побѣжденные народы доставляли Риму громадныя количества хлѣба совершенно даромъ. Для мелкаго земледѣльца производство хлѣба на продажу становилось прямо невыгоднымъ дѣломъ.

Война и конкурренція крупныхъ рабовладѣльческихъ латифундій, разорявшія хозяйства крестьянъ, заставляли ихъ бросаться въ объятья ростовщика, который все болѣе и болѣе запутывалъ въ сѣтяхъ своихъ должниковъ. Ростовщичество было чрезвычайно прибыльнымъ дѣломъ, и къ тому же не требовало никакой затраты труда. Вполнѣ естественно, что знатные рабовладѣльцы, воспитанные на бездѣліи, охотно занимались ростовщичествомъ. Проценты, которые приходилось платить по займамъ, были невѣроятно велики. Въ Аѳинахъ эпохи расцвѣта 18% въ годъ были обычной высотой роста. Въ Римѣ такіе люди, какъ Помпей, Сулла, Антоній, даже патріоты-идеалисты Брутъ и Кассій, не стѣснялись давать ссуды за громадные проценты, достигавшіе 48—70% въ годъ. Кредиторы-рабовладѣльцы обладали могущественнымъ аппаратомъ, чтобы заставить своихъ должниковъ платить положенные проценты. Этимъ аппаратомъ было античное государство, которое являлось органомъ классоваго господства рабовладѣльцевъ. Государство примѣняло къ несостоятельному должнику самыя суровыя мѣры, вплоть до продажи въ рабство и смертной казни. Попавши въ руки такого рода кредиторовъ, крестьянинъ скоро доходилъ до полнаго разоренія.

Такимъ образомъ, все соединялось противъ мелкаго земледѣльца: тягость громадныхъ налоговъ и постоянныхъ войнъ, сила ростовщическаго капитала и сила конкурренціи крупнаго рабовладѣльческаго зе-

мледѣлія съ его болѣе высокой техникой. Разореніе крестьянства шло быстро: мелкій земледѣлецъ терялъ свою землю за долги, а нерѣдко даже самъ бросалъ ее въ виду невыгодности хозяйства. Его участокъ переходилъ къ крупному земледѣльцу. Такъ земельная собственность сосредоточивалась въ рукахъ богачей. Уже около Рожд. Христова вся Италія представляла небольшое число громадныхъ помѣстій—латифундій.

Параллельно разоренію крестьянъ шло разореніе ремесленниковъ. Правда, конкурренція крупныхъ рабовладѣльческихъ хозяйствъ не была такъ губительна для ремесленниковъ, какъ для крестьянъ, потому что техника рабовладѣльческаго производства въ области промышленности едва ли стояла выше техники ремесла, гдѣ производительность труда зависитъ по преимуществу отъ личныхъ навыковъ и искусства ремесленника. Но рабовладѣльческая система подрывала экономическую опору ремесленника, разоряя крестьянскія хозяйства. Дѣло въ томъ, что главными покупателями у ремесленниковъ были крестьяне. Пока они не находились еще въ сѣтяхъ ростовщическаго капитала, пока конкурренція и войны не понизили ихъ жизненнаго уровня до физіологическаго минимума, они образовывали широкій рынокъ для продуктовъ ремесленнаго производства. Но когда развился экономическій упадокъ крестьянства, началось и вырожденіе ремесленниковъ, которое дополнило картину всеобщей деградаціи античнаго міра.

Мелкіе собственники чѣмъ дальше, тѣмъ больше превращались въ «пролетаріевъ», т.-е. въ свободныхъ людей, лишенныхъ средствъ производства. Въ деревнѣ, гдѣ господствовали богачи и хозяйство велось рабскимъ трудомъ, пролетарію нечего было дѣлать; онъ бѣжалъ въ городъ искать средствъ къ жизни. Въ городахъ скоплялись сотни тысячъ подобнаго бездомнаго люда, для котораго и тамъ не было производительныхъ занятій. Государству приходилось поддерживать ихъ; политическія партіи пользовались ими, какъ средствомъ въ борьбѣ другъ противъ друга. Основными источниками существованія являлись для пролетаріевъ подачки со стороны богачей, государственная помощь и продажа голосовъ политическимъ партіямъ. Въ особенности относится это къ тѣмъ пролетаріямъ, которые жили въ Римѣ. Они всегда служили тому, кто имъ больше давалъ. То былъ настоящій «пролетаріатъ паразитовъ», выступавшій въ роли прислужниковъ и льстецовъ господствующей политической силы и отдѣльныхъ экономически-сильныхъ лицъ. Онъ еще пополнялся вольноотпущенниками—рабами, которыхъ за особыя услуги или за выкупъ господа отпускали на волю. Эти низшіе элементы пролетаріата ускоряли его нравственное разложеніе, присоединяя къ тогдашнимъ порокамъ свободныхъ людей всю низость рабской психологіи.

Итакъ, крестьяне и ремесленники разорялись; они теряли прежнюю общественную роль и деморализовались, переходя въ пролетаріатъ паразитовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ таяла военная сила рабовладѣльческаго общества: паразитическій пролетарій неспособенъ замѣнить въ войскѣ энергичнаго, мужественнаго крестьянина; паразитъ не выноситъ тяжелыхъ трудовъ войны, ея суровой дисциплины; онъ не хочетъ никуда выходить изъ города, гдѣ, не работая, добываетъ средства къ жизни. Въ этомъ отношеніи пролетарій древняго міра вполнѣ сходенъ со своей противоположностью—изнѣженнымъ крупнымъ рабовладѣльцемъ.

А варвары, сильные сплоченностью родовыхъ связей, свободные и гордые, неутомимо продолжали свою борьбу противъ рабовладѣльческаго міра, противъ его военной организаціи—римской арміи. И этотъ, когда-то несокрушимый, оплотъ античной культуры началъ понемногу подаваться подъ натискомъ новыхъ и новыхъ волнъ прилива варваровъ. Изъ наступательной война становится для Римской имперіи оборонительною, побѣды смѣняются пораженіями. Военное производство рабской рабочей силы чрезвычайно уменьшается, и вмѣстѣ съ тѣмъ подрывается самая основа древней культуры.

Начинается общій упадокъ производства—результатъ недостатка рабочей силы. Первымъ пострадало земледѣліе. Сначала наблюдается въ латифундіяхъ замѣна земледѣлія скотоводствомъ, которое требуетъ меньше рабочихъ рукъ; но на этомъ дѣло не останавливается: деревня приходитъ въ запустѣніе, и пастбища, явившіяся на мѣстѣ прежнихъ полей, въ свою очередь превращаются въ пустоши. Слабость сельскаго хозяйства уже сама по себѣ подрываетъ другія сферы промышленности, для которыхъ деревня была частью источникомъ сырыхъ матеріаловъ и жизненныхъ средствъ, частью—рынкомъ. Но, кромѣ того, къ упадку обрабатывающей промышленности ведетъ и непосредственно все тотъ же недостатокъ свѣжихъ рабовъ, который разстроилъ сельское хозяйство. Шагъ за шагомъ древній міръ подвигался къ полному крушенію. Но онъ еще боролся за свою жизнь и культуру, пытался приспособиться къ измѣняющимся условіямъ.

Недостатокъ рабочихъ силъ въ основныхъ отрасляхъ производства—въ военномъ и сельскомъ хозяйствѣ—Римская имперія старалась пополнить свободными варварами.

Составъ римскихъ легіоновъ измѣняется: туда набираютъ все больше галловъ и германцевъ; съ теченіемъ времени начинаютъ даже нанимать для охраны границъ цѣлыя варварскія дружины. Благодаря этому, Римъ могъ еще продержаться нѣкоторое время противъ варваровъ, противопоставляя имъ варваровъ; но римская армія перестала быть римской по своему составу, и даже римляне-полководцы были вытѣснены мало-помалу германцами—вождями германскихъ дружинъ. И когда въ 476 г.

варваръ Одоакръ свергнулъ римскаго императора Ромула-Августула, это было лишь внѣшнимъ выраженіемъ уже совершившагося превращенія римской арміи въ германскую.

Аналогичное явленіе происходило и въ сельскомъ хозяйствѣ. Правительство имперіи старалось привлекать на опустѣвшія земли поселенцевъ, уступая имъ участки на льготныхъ условіяхъ, за извѣстные подати и налоги. Подобнымъ же образомъ поступали и частные землевладѣльцы, отдавая землю въ аренду желающимъ за опредѣленные оброки. Такъ возникъ свободный колонатъ—сословіе мелкихъ землевладѣльцевъ, которые вели свое самостоятельное хозяйство на государственной или владѣльческой землѣ за установленную сумму повинностей. Большую часть свободныхъ колоновъ составляли переселившіеся въ Римскую имперію варвары, изъ которыхъ создалось, слѣдовательно, основное ядро новаго крестьянства.

Рядомъ со свободнымъ колонатомъ упадокъ крупнаго земледѣлія породилъ колонатъ несвободный,—арендаторами-земледѣльцами во многихъ случаяхъ дѣлались рабы: когда условія хлѣбнаго рынка значительно ухудшились, то прежнее массовое производство въ латифундіяхъ не могло продолжаться, вслѣдствіе плохого сбыта, даже тамъ, гдѣ не было недостатка въ рабахъ; а производство въ мелкихъ размѣрахъ удобнѣе было вести при посредствѣ арендаторовъ, которые брали на себя всѣ хлопоты и платили оброкъ. Такимъ образомъ, для господъ стало выгоднѣе предоставить рабамъ вести за оброкъ самостоятельное хозяйство, чѣмъ непосредственно ихъ эксплоатировать въ своемъ хозяйствѣ; къ тому же относительное повышеніе свободы труда усиливало его интенсивность и производительность по сравненію съ обычнымъ рабскимъ трудомъ, такъ что являлась возможность повышенной эксплоатаціи.

Итакъ, причины деградаціи древней культуры сводятся къ тому, что основу этой культуры составляла военная эксплоатація варварскихъ племенъ, которыя являлись какъ бы сырымъ матеріаломъ для производства живыхъ орудій—рабовъ. Послѣдовательный ходъ процесса можно изобразить въ такомъ видѣ: деградація рабовъ—силою чрезмѣрной эксплоатаціи, деградація свободныхъ людей—путемъ превращенія ихъ въ паразитическіе элементы общества, упадокъ военной силы и военнаго производства, упадокъ производства вообще вслѣдствіе недостатка рабочей силы, внѣдреніе варварскихъ элементовъ въ старое, разлагающееся общество, и окончательная побѣда этихъ элементовъ надъ его остатками.

Крѣпостное хозяйство.

Вторая линія развитія, какъ было указано, вела отъ феодальнаго общества къ системѣ крѣпостныхъ отношеній. Это было тамъ, гдѣ воен-

ная эксплоатація отсталыхъ племенъ не играла большой роли, не наложила глубокаго отпечатка на ходъ историческаго движенія: въ Зап. Европѣ Среднихъ вѣковъ, въ Россіи, въ Японіи.

Основою преобразованія являлось всецѣло развитіе обмѣна, которое создавало прочныя и постоянныя экономическія связи на протяженіи обширныхъ территорій феодальнаго міра. Рынокъ расширялся, разнообразіе продуктовъ, на него поступающихъ, возрастало, общественное раздѣленіе труда углублялось, денежная форма пріобрѣтала господство. На этой почвѣ измѣнялись отношенія феодаловъ къ подвластному населенію, прежде всего—степень и характеръ эксплоатаціи.

Въ эпоху натуральнаго хозяйства жажда пріобрѣтенія имѣла свои границы въ устойчивыхъ потребностяхъ феодаловъ. При неразвитомъ обмѣнѣ даже самый могущественный феодалъ не можетъ въ расширеніи своихъ потребностей идти дальше того, что даетъ ему производство его собственныхъ помѣстьевъ; увеличить повинности своихъ крестьянъ, напримѣръ, на 100.000 пудовъ хлѣба для него нѣтъ разсчета: хлѣба этого онъ со своей дворней не въ состояніи съѣсть, и хлѣбъ безъ пользы лежалъ бы и гнилъ въ амбарахъ. Совсѣмъ не то при широкомъ общественномъ раздѣленіи труда, при денежномъ хозяйствѣ. Потребности могутъ развиваться какъ будто до безконечности, лишь бы были деньги для ихъ удовлетворенія. Деньги вообще все могутъ; но каждая данная сумма денегъ можетъ доставить человѣку не все, а только ограниченную сумму удовольствій. Такая роль денегъ въ жизни порождаетъ въ людяхъ стремленіе къ безконечному увеличенію денежныхъ богатствъ,—стремленіе, захватывающее феодаловъ все сильнѣе по мѣрѣ того, какъ ихъ хозяйство становится мѣновымъ. (Развитію такого стремленія способствуетъ, конечно, и тотъ фактъ, что деньги возможно накоплять и сберегать—не такъ, какъ другіе продукты).—Благодаря всему этому, у феодала возникаютъ могущественные мотивы къ усиленію эксплоатаціи, къ увеличенію барщины и оброковъ. Зависимое положеніе крестьянъ лишало ихъ возможности сколько-нибудь активно и успѣшно сопротивляться этому. Мало-по-малу барщина и оброки возрастали до крайности; феодалъ, прежде являвшійся патріархально-заботливымъ властителемъ крестьянъ, переходилъ все болѣе ко взгляду на нихъ исключительно, какъ на источникъ дохода, къ точкѣ зрѣнія помѣщика крѣпостной эпохи.

Примѣромъ, достаточно типичнымъ, этого развитія эксплоатаціи могутъ служить румынскія княжества первой половины прошлаго вѣка. Возможность широкаго сбыта хлѣба повела къ безпощадному выжиманію крестьянской рабочей силы. Оно было оформлено въ собраніи правилъ о барщинѣ—«Кодексѣ барщиннаго труда». Кодексъ этотъ, поми-

мо цѣлаго ряда разнообразныхъ натуральныхъ повинностей, прежде всего обязывалъ каждаго крестьянина 12-ю днями барщины въ году. Но рабочимъ днемъ считалось не то, что обыкновенно принято понимать подъ этими словами, а то количество времени, которое нужно затратить, чтобы выполнить «дневной урокъ». Самъ кодексъ откровенно признавалъ, что подъ 12-ю рабочими днями нужно понимать 36 дней ручного труда. Къ этимъ 36 днямъ присоединялось на возку дровъ и другія работы еще 20 дней. Крестьянинъ, такимъ образомъ, былъ обязанъ 56-тидневной барщиной въ году. Если учесть праздничные дни и время, когда земледѣльческая работа невозможна, то получится, что крестьянинъ $^2/_5$ своего времени долженъ былъ затрачивать на помѣщика. Но надо замѣтить, что и приведенныя цифры не даютъ представленія о размѣрахъ барщиннаго труда въ румынскихъ княжествахъ, потому что толкованіе «закона» и опредѣленіе дневного урока было предоставлено, разумѣется, не крестьянамъ. Одинъ молдаванскій бояринъ прямо заявилъ, что, по барщинному кодексу, «12 барщинныхъ дней составляютъ 365 дней въ году»...

Въ Россіи XVIII—первой половины XIX вѣка барщина три дня въ недѣлю считалась умѣренной.

Съ развитіемъ мѣновыхъ отношеній однимъ изъ главныхъ стремленій феодала стало расширеніе размѣровъ его собственнаго хозяйства. Съ этой цѣлью онъ постепенно урѣзывалъ площадь крестьянской земли и сокращалъ угодья, которыми раньше пользовались сообща съ нимъ крестьяне. Когда и это оказывалось недостаточнымъ для феодала, онъ попросту отнималъ у крестьянъ часть занимаемой ими надѣльной земли, и включалъ ее въ составъ своей собственной усадьбы, способствуя такимъ образомъ развитію земельной тѣсноты въ крестьянскихъ хозяйствахъ, а въ то же время увеличивая барщину для обработки своего расширеннаго хозяйства.

Между тѣмъ какъ эксплоатація, такимъ образомъ, возрастала и обострялась, общественно-полезныя функціи феодала шли на убыль. Углубленіе экономическихъ связей, основанное на развитіи обмѣна, порождало усиленіе связей политическихъ: крупные феодалы покоряли себѣ мелкихъ, прекращали ихъ безчисленныя разбойничьи войны, лишали ихъ правъ самостоятельныхъ «государей» въ ихъ владѣніяхъ, подчиняли ихъ своему суду и законамъ, «собирали землю», какъ писали лѣтописцы о нашихъ великихъ князьяхъ московскихъ XIII—XV вѣка. Создавалось централизованное государство, которое брало на себя организацію внѣшней защиты страны и охраны общественной безопасности. Оно мало-по-малу формировало общегосударственную армію, включая въ нее человѣческій матеріалъ прежнихъ дружинъ мелкихъ феодаловъ, изъ ихъ крестьянъ, и пополняя ее наемниками.

Этимъ путемъ окончательно уничтожалась самостоятельность феодаловъ; послѣ долгой борьбы они были вынуждены покориться, и изъ маленькихъ государей превратились въ простыхъ **помѣщиковъ**.

Но тѣмъ самымъ феодалъ утрачивалъ роль организатора военной защиты крестьянъ, терялъ свою основную и главную экономическую функцію. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняли свой характеръ и остальныя его общественныя функціи: изъ средства поддержки крестьянскаго хозяйства онѣ превращались въ средство его эксплоатаціи. Таковы сеньеріальныя предпріятія: мельницы, пекарни и проч. Раньше феодалъ устраивалъ ихъ для своихъ зависимыхъ крестьянъ просто потому, что это было не подъ силу ихъ мелкимъ хозяйствамъ, устраивалъ въ ихъ интересахъ, а не только для своихъ выгодъ. Теперь же онъ обращаетъ эти предпріятія въ свою монополію и, требуя высокую плату за пользованія ими, создаетъ изъ нихъ для себя важный и обезпеченный источникъ дохода, не заботясь нисколько объ удобствахъ населенія. Нерѣдко бывало такъ, что феодалъ даже не имѣлъ собственной мельницы, а заставлялъ крестьянъ платить за право отвезти зерно на чужую мельницу, платить на томъ основаніи, что перемалываніемъ зерна на чужой мельницѣ нарушаются сеньёріальныя привилегіи.

Подавленные непосильными тягостями, крестьяне все чаще убѣгаютъ съ земли. Феодалу приходится прикрѣпить ихъ къ землѣ, что онъ и выполняетъ, пользуясь своей политической силой, своимъ вліяніемъ на законодательство. Изъ полусвободнаго человѣка, какимъ въ большинствѣ случаевъ крестьянинъ былъ до тѣхъ поръ, онъ становится **крѣпостнымъ**.

Закрѣпощеніе это совершалось постепенно. Оно начиналось обычно съ долгового закабаленія крестьянъ. Раньше феодалъ нерѣдко оказывалъ крестьянскимъ хозяйствамъ въ тяжелые годы и при случайныхъ бѣдствіяхъ поддержку въ видѣ ссуды сѣмянъ, инвентаря, скота и т. п.; разумѣется, такія ссуды давались не даромъ, но при умѣренной тогда эксплоатаціи къ разоренію не вели. Съ усиленіемъ эксплоатаціи надобность въ нихъ являлась чаще и чаще; а въ то же время онѣ все болѣе пріобрѣтали сурово-ростовщическій характеръ, выплачивались все труднѣе, все чаще затягивались петлей на хозяйствѣ крестьянина, задолженность котораго росла изъ года въ годъ. Должникамъ запрещалось уходить со своего надѣла. А затѣмъ отмѣнялось право ухода послѣ расплаты (ея обычнымъ срокомъ въ Россіи былъ «Юрьевъ день»), и запрещеніе сначала фактически, а потомъ и законодательно распространялось на всѣхъ крестьянъ.

Такъ сила мѣновыхъ отношеній вызвала переходъ феодальныхъ порядковъ въ крѣпостное право Въ новой обстановкѣ измѣнялся также

характеръ и роль крестьянской общины. Въ интересахъ эксплоатаціи помѣщикъ постепенно урѣзывалъ ея самостоятельность: на мѣсто прежнихъ выборныхъ старостъ и судей онъ выдвигалъ своихъ ставленниковъ; для всякаго сколько-нибудь важнаго рѣшенія общиннаго схода требовалось утвержденіе помѣщика или его должностныхъ лицъ. Но въ общемъ помѣщики щадили общинный строй, разумѣется, поскольку это не противорѣчило ихъ интересамъ. А въ эпоху крайняго угнетенія крестьянства общинные порядки стали прямо выгодны для помѣщика, и онъ не только старательно поддерживалъ ихъ, но въ иныхъ случаяхъ, можно думать, даже искусственно создавалъ тамъ, гдѣ ихъ уже не было. Для этого стоило только связать крестьянъ круговой порукой, сдѣлать «міръ» отвѣтственнымъ за исправное выполненіе повинностей каждымъ изъ крестьянъ. Тогда община принуждена заботиться и о томъ, чтобы поддержать каждое приходящее въ упадокъ хозяйство,—потому что его разореніе увеличиваетъ тягости другихъ,—и о томъ, чтобы воспрепятствовать бѣгству крестьянъ съ земли. Словомъ, хотя новая, крѣпостная община и напоминаетъ по формѣ старую, феодальную, но роль ея по существу совсѣмъ иная. Старая община стремилась къ равенству отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ въ благополучіи, новая—къ уравнительному распредѣленію гнета.

Силы развитія системы крѣпостного хозяйства были весьма ограничены.

Порвавъ непосредственную связь съ процессомъ производства, помѣщикъ изъ его участника и бывшаго организатора мало-по-малу превратился въ паразита, живущаго исключительно трудомъ крестьянина. Даровой трудъ крѣпостныхъ, изъ среды которыхъ выдѣлялись приказчики, давалъ ему возможность совершенно не заботиться о развитіи техники земледѣлія. Всѣ его стремленія сводились не къ улучшенію пріемовъ и организаціи хозяйства, а къ изобрѣтенію способовъ для выжиманія изъ крестьянина прибавочнаго труда и прибавочнаго продукта. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характерны проекты старыхъ русскихъ агрономовъ, насквозь проникнутыхъ помѣщичьей идеологіей. Они думали не объ усовершенствованіяхъ въ обработкѣ земли и не объ экономіи труда, а исключительно только о дисциплинѣ и эксплоатаціи мускульной силы крестьянина. Система крѣпостного хозяйства превратилась поэтому въ безразсудное, безсмысленное расточеніе рабочей силы. Такъ, напримѣръ, рязанскіе помѣщики отправляли въ Москву хлѣбъ сухопутнымъ путемъ. А между тѣмъ перевозка его водою, Окой и Москвой-рѣкой, несомнѣнно, требовала гораздо меньшей затраты труда. Учитывая этотъ очевидный фактъ, купцы пользовались, разумѣется, воднымъ путемъ, но для помѣщика это было невыгодно. Чтобы отправлять грузъ по Окѣ, нужно было купить барку и нанимать бурла-

ковъ,—а крѣпостной крестьянинъ возилъ барскій хлѣбъ совершенно даромъ, на своей собственной лошади и собственной телѣгѣ.

Улучшеніе техники не могло быть также дѣломъ крестьянъ. Работая изъ-подъ палки и зная напередъ, что всякій приростъ продукта ихъ труда будетъ использованъ помѣщикомъ для себя, они не имѣли побужденій заботиться объ увеличеніи производительности труда. Кромѣ того, у крестьянина не было ни силъ, ни средствъ для усовершенствованія сельскохозяйственной техники. У него самого оставались продукты, которыхъ едва хватало для полуголоднаго существованія. Уменьшая необходимое рабочее время крестьянина, помѣщикъ заставлялъ его работать ночью, отказываться отъ праздничнаго отдыха и, наконецъ, привлекать къ тяжелому, изнуряющему труду своихъ дѣтей; и, несмотря на все это, крестьянинъ не имѣлъ возможности достаточно прокормить свою семью. Недоѣданіе становилось постояннымъ; а за нимъ слѣдовалъ его неизбѣжный результатъ—вырожденіе крестьянства. Напр., у насъ въ Россіи приростъ крестьянскаго крѣпостного населенія за 20 лѣтъ до реформы 1861 года совершенно прекратился.

Тамъ, гдѣ господствующій классъ вырождается отъ паразитизма, а подвластный трудовой классъ отъ истощенія чрезмѣрной эксплоатаціей, тамъ не можетъ получиться самостоятельнаго развитія къ высшимъ формамъ: сама по себѣ крѣпостная система приводила бы только къ застою, и затѣмъ къ упадку. Вести отъ нея впередъ способны только двигатели, извнѣ дѣйствующіе на нее. Такъ и случилось въ средневѣковой Европѣ: ея деревенскій, сельско-хозяйственный міръ избѣгнулъ крушенія потому, что рядомъ съ нимъ росъ и своими экономическими связями преобразовывалъ его иной, городской міръ, съ совершенно отличными отъ него, высоко-прогрессивными условіями и отношеніями.

Ремесленно-городской строй.

1. Развитіе техники.

Мы видѣли, что разложеніе натурально-хозяйственнаго строя феодальнаго общества и возникновеніе въ деревнѣ новыхъ крѣпостническихъ отношеній было тѣсно связано съ развитіемъ обмѣна. Обмѣнъ же принималъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры по мѣрѣ обособленія отъ остального феодальнаго міра средневѣковыхъ городовъ, которые принесли съ собой новую экономическую систему.

Обособленіе это, если не считать тѣ города, которые средневѣковый міръ унаслѣдовалъ отъ эпохи мірового владычества римлянъ, шло очень медленно. По большей части зародышемъ города являлась торговая деревня. Деревни, расположенныя особенно выгодно по отношенію къ путямъ сообщенія—при сліяніи судоходныхъ рѣкъ, при выходѣ изъ горныхъ проходовъ, на перекресткахъ большихъ дорогъ, около бродовъ на рѣкахъ, и т. д.,—постепенно становились центрами обмѣна, мѣстами періодическихъ ярмарокъ. Богатства, которыя, благодаря этому, въ нихъ сосредоточивались, возбуждали жадность сосѣдей, и для защиты отъ частыхъ нападеній приходилось строить стѣны (въ Средніе вѣка—отличительная черта города). Благодаря легкости сбыта товаровъ, въ новомъ городѣ развивались ремесла. Зависимый ремесленникъ феодальной группы стремился въ городъ, чтобы быть поближе къ своему рынку; феодальныя отношенія при этомъ мало стѣсняли ремесленника, такъ какъ обыкновенно онъ находился на оброкѣ и, живя въ городѣ, могъ еще исправнѣе выполнять свои повинности. Вначалѣ ремесленникъ, по большей части, ведетъ еще свое небольшое земледѣльческое хозяйство: зарождающійся средневѣковый городъ окруженъ полями и пастбищами, и по характеру жизни очень близокъ къ деревнѣ. Но такъ какъ ремесла съ прогрессомъ мѣновыхъ сношеній становятся для горожанъ все болѣе прибыльнымъ дѣломъ, земледѣліе отодвигается на задній планъ. Спеціализація городскихъ ремесленниковъ доводитъ ихъ искусство до такой высоты, что тѣмъ крестьянамъ, которые еще продолжаютъ

заниматься ремесломъ, нечего и думать сравняться съ ними. Съ тѣхъ поръ даже феодалы предпочитаютъ покупать произведенія обрабатывающей промышленности у горожанъ; ихъ крестьяне должны уже не изготовлять для нихъ эти произведенія, а доставлять средства для ихъ пріобрѣтенія. Такъ произошло обособленіе города отъ деревни. Насколько медленно совершался этотъ процессъ, можно судить по тому, наприм., факту, что еще въ 1589 году граждане Мюнхена, по словамъ баварскаго герцога, не могли бы существовать безъ пашенъ и выгоновъ.

Въ періодъ зарожденія городовъ размѣры производства возросли во много разъ: во-первыхъ, трудъ сталъ производительнѣе, во-вторыхъ, чрезвычайно увеличилось количество общественнаго труда, такъ какъ общество стало обширнѣе. При большомъ разнообразіи общественныхъ продуктовъ особенно быстро развивалась та область производства, которая занимается перемѣщеніемъ продуктовъ, т.-е. перевозочная промышленность. Все болѣе и болѣе значительная доля продуктовъ потреблялась не тамъ, гдѣ производилась. Выдѣлился цѣлый общественный классъ, занятый исключительно перемѣщеніемъ продуктовъ и ихъ распредѣленіемъ между хозяйствами,—классъ торговцевъ. Самая техника перемѣщенія продуктовъ и вообще сношеній между людьми понемногу улучшалась: проводились дороги, строились мосты на рѣкахъ, дѣлались болѣе обширные и прочные корабли, пригодные для дальнихъ плаваній, примѣнялась военная сила для охраны путешественниковъ и складочныхъ мѣстъ перевозочной промышленности, и т. д.

Что касается развитія промышленной техники, то она въ изучаемый періодъ обогатилась множествомъ обособленныхъ техническихъ методовъ. Это зависѣло отъ того, что ремесло, переселившись изъ деревни въ городъ, съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ расширяющагося спроса, распадалось на все болѣе дробныя подраздѣленія. На первоначальной стадіи развитія города, ремесленники одной и той же отрасли занимались и родственными этой отрасли работами. Въ Англіи, напр., кузнецы занимались въ то же самое время и плотничествомъ, сапожники были также кожевниками. Впослѣдствіи ремесло начало дробиться, и дошло до образованія цѣлаго ряда спеціальностей: кожевенное производство отдѣлилось отъ сапожнаго; вмѣсто суконщиковъ появились чесальщики, прядилщики, ткачи, валяльщики, стригачи и красильщики; кузнечный промыселъ распался на ножовый, слесарный, гвоздарный, оружейный, отъ котораго въ свою очередь обособилось производство щитовъ, мечей, шлемовъ, и т. д. Такая широкая спеціализація вызвала приспособленіе прежнихъ универсальныхъ инструментовъ къ опредѣленнымъ дробнымъ операціямъ, что, конечно, способствовало росту производительности труда. Но ручные инструменты оставались господствующими, а это ставило извѣстныя границы увеличенію производительности

труда: сила и быстрота движенія человѣческихъ рукъ даже при в
личайшемъ искусствѣ работника не могутъ перейти нѣкотораго физі
логическаго предѣла.

Но въ общемъ прогрессъ былъ огромный. Съ возрастаніемъ ра
мѣровъ и разнообразія общественнаго производства, съ развитіемъ п
ревозочной промышленности, съ улучшеніемъ техники сношеній меж
людьми, все болѣе ослабѣвала власть природы надъ общественны
человѣкомъ. Матеріальная среда общественной жизни людей перест
вала всецѣло зависѣть отъ узкихъ природныхъ условій данной мѣс
ности; если природа одной страны не давала человѣку достаточны
средствъ для побѣды надъ собою, то ихъ могла дать ему при посредст
другихъ людей природа другой страны, и наоборотъ. Всякое новое з
воеваніе въ борьбѣ съ природой распространялось въ общественн
средѣ гораздо шире, чѣмъ прежде, и подрывало господство стихі
ныхъ силъ внѣшняго міра повсюду, куда простиралась общественн
экономическая связь взаимныхъ сношеній между людьми. Передъ ра
ширяющимся общественнымъ союзомъ, хотя и не тѣсно сплоченны
въ изучаемую эпоху, понемногу отступала грубая власть природы.

2. Развитіе городского строя.

По мѣрѣ возрастанія матеріальной силы городского населенія, сл
бѣетъ фактическая зависимость города отъ феодальнаго сеньера,
землѣ котораго онъ находится. Частью путемъ денежнаго выкупа, ч
стью путемъ прямой борьбы, горожане пріобрѣтали все больше самост
тельности во внутреннихъ дѣлахъ. Постоянныя столкновенія меж
феодалами, ослабляя ихъ могущество, часто давали горожанамъ удобн
случаи для улаживанія своихъ дѣлъ; опираясь на свою военную силу
крѣпкія стѣны, городъ во многихъ случаяхъ могъ играть рѣшающ
роль въ борьбѣ и, конечно, онъ отдавалъ свое содѣйствіе не даромъ,
за какія-нибудь новыя права и привилегіи. Въ эпоху крестовыхъ по
довъ, когда масса феодаловъ впала въ большія денежныя затрудне
многимъ городамъ удалось откупить у сеньёровъ свою землю и св
самостоятельность, окончательно избавиться отъ всякихъ оброковъ,
винностей и вмѣшательства сеньеровъ во внутреннія городскія дѣ

Борьба городовъ противъ феодальныхъ сеньёровъ, желающихъ
хранить свои права надъ ними, продолжается въ теченіе всей втор
половины Среднихъ вѣковъ. Передовой группой горожанъ въ этой борь
выступаетъ вначалѣ классъ торговцевъ, самое занятіе которыхъ
тѣ времена развивало большую энергію, воинственность и организат
скую способность. Группируясь вокругъ старѣйшихъ, богатыхъ
могущественныхъ купеческихъ семей, болѣе зажиточные горожане ор

низовались въ такъ называемыя гильдіи—товарищества, по формѣ обыкновенно религіознаго характера, по существу же имѣвшія своимъ назначеніемъ совмѣстную защиту общихъ экономическихъ интересовъ. Подъ знаменами гильдій долгое время велась борьба городовъ за самостоятельность. Въ строеніи гильдій взаимныя отношенія между стоящими во главѣ ихъ богатыми фамиліями и остальными членами организаціи еще сильно напоминаютъ отношенія сеньеровъ къ ихъ вассаламъ.

Съ теченіемъ времени дальнѣйшее развитіе ремесла и возрастаніе силы класса ремесленниковъ ведетъ къ иной группировкѣ городского сословія—къ образованію цеховыхъ организацій.

По существу, цеховыя организаціи представляютъ изъ себя остатокъ тѣхъ патріархальныхъ отношеній, той общинной опеки надъ личностью и отдѣльнымъ хозяйствомъ, какая существовала, напр., въ земледѣльческой общинѣ феодальныхъ временъ. Въ силу какихъ же именно причинъ такой остатокъ прежнихъ отношеній могъ выступить и развиться среди новой общественной формаціи?

При мелкомъ ремесленномъ производствѣ взаимная помощь и поддержка производителей безусловно необходимы для того, чтобы положеніе ихъ стало прочнымъ и обезпеченнымъ. Безъ такой помощи мелкій производитель при своей экономической слабости, постоянно подвергается опасности все потерять отъ первой неблагопріятной случайности: временнаго паденія цѣны на товаръ, поломки орудій, пожара, кражи и т. под.

Въ особенности шатко становится положеніе ремесленниковъ при свободной конкурренціи между ними. Борьба неизбѣжно гибельна для болѣе слабыхъ производителей, т.-е., именно, для большинства. Для устраненія конкурренціи необходимо объединяться производителямъ одной спеціальности.

Очень вѣроятно, что начала цеховыхъ организацій слѣдуетъ искать въ общинныхъ отношеніяхъ феодально-земледѣльческаго міра. Историческія же данныя о возникновеніи цеховъ можно найти съ XI—XIII вѣка. Иногда цехи зарождались въ видѣ временныхъ союзовъ, заключаемыхъ живущими въ одномъ городѣ мастерами одного ремесла или нѣсколькихъ близкихъ между собой ремеслъ; такіе временные союзы, возобновляясь и становясь болѣе прочными, благодаря тѣмъ выгодамъ, которыя они приносили своимъ участникамъ, переходили далѣе въ постоянные союзы.

Прочная организація цеховъ складывается въ борьбѣ не только въ томъ смыслѣ, что цехамъ пришлось выполнять направляющую организаторскую роль въ борьбѣ за освобожденіе городовъ отъ феодальнаго гнета, но также и въ томъ смыслѣ, что старая аристократія городского сословія не легко отказалась отъ прежняго своего господствую-

щаго положенія въ политической жизни, и цехамъ понадобилось не мало усилій, чтобы сломить ея упорство.

Сложившись въ приблизительно сходныхъ общественныхъ условіяхъ, цехи въ основныхъ чертахъ своего устройства представляли одинъ и тотъ же типъ, хотя въ частностяхъ было, разумѣется, не мало различій.

Каждый цехъ имѣлъ свое выборное правленіе и свои уставы. Уставы цеховъ были довольно разнообразны, довольно демократичны по общему характеру, но съ нѣкоторой примѣсью аристократическаго оттѣнка; примѣсь эта вначалѣ, въ эпоху борьбы цеховъ со старой городской аристократіей и феодалами, была незначительна, почти незамѣтна: полноправнымъ горожаниномъ становился, напр., даже феодально-несвободный человѣкъ, если ему удавалось прожить одинъ годъ и одинъ день въ городѣ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ цехи захватываютъ дѣйствительное господство въ общественныхъ дѣлахъ и получаютъ возможность стать въ свою очередь аристократіей города, ихъ демократизмъ идетъ на убыль. Цехи выдѣляютъ изъ себя неполноправныя группы ремесленниковъ; это тѣ, которые не имѣютъ еще собственнаго хозяйства, или не закончили еще своего профессіональнаго обученія: во-первыхъ, подмастерья (появляются въ Германіи въ XIII вѣкѣ), во-вторыхъ, ученики (въ Германіи вѣка съ XIV).

Полноправными членами цеховъ являются съ тѣхъ поръ только «мастера»—ремесленники, самостоятельно ведущіе свое производство. Это—своеобразная аристократія ремесла; но она опиралась вначалѣ не на происхожденіе, даже не на богатство, а на ремесленное искусство, на степень знанія ремесла. Званія мастера, при извѣстной энергіи и способностяхъ, могъ добиться каждый ремесленникъ. Для этого онъ долженъ вначалѣ прослужить нѣсколько лѣтъ въ ученикахъ у какого-нибудь мастера. Затѣмъ онъ сдаетъ экзаменъ въ своемъ ремеслѣ на степень подмастерья. Это еще не даетъ ему права открыть собственную мастерскую; онъ обязанъ извѣстное число лѣтъ служить по найму. Только тогда онъ сдаетъ экзаменъ на мастера и, если выдержитъ его, получаетъ право самостоятельно вести дѣло. Его права въ сферѣ общественныхъ дѣлъ возрастаютъ вмѣстѣ съ повышеніемъ его экономическаго положенія.

Сущность этой системы заключается, очевидно, въ томъ, что она устраняетъ чрезмѣрную конкурренцію между ремесленниками отъ слишкомъ быстраго возрастанія числа предпріятій.

Къ ослабленію конкурренціи между мастерами направлены также многія еще изъ цеховыхъ установленій. Такъ, число наемныхъ рабочихъ—подмастерьевъ, учениковъ—обыкновенно ограничивается небольшой цифрой—2, 3, 5-ю человѣками, рѣдко больше. Ремесленникъ не можетъ, слѣдовательно, расширить по произволу свое предпріятіе, не можетъ

льно увеличить производительность труда въ немъ посредствомъ усиленнаго сотрудничества и раздѣленія труда: онъ не можетъ этимъ способомъ вытѣснить съ рынка и оставить безъ хлѣба другихъ ремесленниковъ. Его предпріятіе обречено оставаться мелкимъ. Рынка, благодаря тому, хватаетъ на всѣхъ.

Такъ какъ наемныхъ рабочихъ мало, то прибыль, получаемая отъ хъ труда мастеромъ, недостаточна для того, чтобы мастеръ могъ безбѣдно существовать, ограничиваясь одной организаторской ролью. Онъ принужденъ работать наравнѣ съ подмастерьями: благодаря этому, въ теченіе перваго періода жизни цеховъ, до выступленія на сцену новыхъ силъ, разбивающихъ старыя формы, отношенія мастера и его рабочихъ оставались въ значительной степени дружескими, семейными.

Далѣе, во избѣжаніе неравенства въ конкурренціи, уставами строго опредѣлена длина рабочаго дня и число рабочихъ дней въ году. При этомъ не дѣлается никакой разницы между величиной рабочаго времени для мастера и для его подчиненныхъ, такъ какъ тотъ и другіе работаютъ постоянно вмѣстѣ. По различнымъ цеховымъ уставамъ величина эта различна, обыкновенно около 50—60 часовъ въ недѣлю (въ Англіи XV вѣка—8 часовъ въ день). При этомъ къ многочисленнымъ католическимъ праздникамъ нерѣдко прибавляется еще понедѣльникъ каждой недѣли.

Въ уставахъ точно опредѣляется обыкновенно и заработная плата работниковъ, и минимальная цѣна товара, и свойства, какими онъ долженъ обладать, чтобы мастеръ имѣлъ право продавать его.

Производство регламентировано, опредѣлено правилами до мелочей. Весь смыслъ этой регламентаціи сводится къ одному: всѣ мастера должны вести производство одинаково и въ одинаковыхъ условіяхъ; не допускается, чтобы одни производили товаръ лучше или въ большемъ количествѣ, чѣмъ другіе. Само собой разумѣется, что правила эти складывались постепенно, по мѣрѣ того, какъ давало себя чувствовать неудобство конкурренціи въ той или другой формѣ.

Той же цѣли—устраненія конкурренціи—служило пріобрѣтеніе сырого матеріала всѣмъ цехомъ сообща. Поскольку члены цеха нуждались въ купленномъ матеріалѣ, онъ распредѣлялся между ними поровну. Нѣкоторые цехи допускали, правда, и самостоятельную закупку сырья; но купившій его долженъ былъ ставить объ этомъ въ извѣстность своихъ товарищей, и въ случаѣ ихъ желанія уступать имъ часть, и притомъ по своей цѣнѣ. Регламентація въ этомъ отношеніи доходила до того, что членъ цеха, предпринимавшій поѣздку для покупки матеріаловъ, долженъ былъ извѣщать объ этомъ остальныхъ.

Чтобы вполнѣ обезпечить за цехами внутренній городской рынокъ, законы городовъ давали имъ монополію на производство и торговлю

въ городахъ. Всякій, кто захотѣлъ бы заниматься въ городѣ извѣ(нымъ ремесломъ, долженъ сначала вступать въ мѣстный цехъ, р умѣется, съ согласія самого цеха. Для принятія такихъ новыхъ члено цеховыми уставами опредѣляются извѣстныя условія и формальност въ однихъ случаяхъ болѣе, въ другихъ—менѣе стѣснительныя.

Кромѣ установленій, регламентирующихъ производство, были въ ц ховыхъ уставахъ правила о взаимномъ вспомоществованіи членовъ це въ случаѣ острой нужды. Эта сторона дѣятельности цеховой организ ціи имѣла также не малое значеніе для мелкихъ производителей.

Почти съ самаго начала организація цеховъ скрываетъ въ себѣ од основное противорѣчіе, которое развивается до значительныхъ разм ровъ въ позднѣйшія эпохи: это—противоположность интересовъ м стеровъ, съ одной стороны, подмастерьевъ и учениковъ—съ друго Цеховые уставы имѣютъ въ виду, вообще говоря, интересы мастеров составлявшихъ эти уставы; отсюда, наприм., различныя стѣсненія д подмастерьевъ, желающихъ стать мастерами. Но пока всякій ремесле ный работникъ могъ сохранять надежду рано или поздно стать мастером до тѣхъ поръ внутреннія противорѣчія цеховой организаціи не выст пали въ рѣзкой формѣ.

3. Города и образованіе новаго государственнаго строя.

Съ развитіемъ общественнаго раздѣленія труда и расширеніем обмѣна далеко за предѣлы небольшихъ городскихъ округовъ стан вились недостаточными для охраны мѣновыхъ связей прежнія политиче скія организаціи—феодально-духовныя, феодально-военныя и городскія Раздробленіе территоріи на тысячи маленькихъ деспотическихъ госу дарствъ страшно затрудняетъ сношенія, дѣлаетъ занятіе купцовъ всегд довольно опаснымъ и слишкомъ часто невыгоднымъ. Мало того, чт на своемъ пути, странствуя по сквернымъ дорогамъ, среди разореннаг крестьянства, готоваго разбойничать съ голоду, купецъ на каждом шагу натыкается на заставы, гдѣ его принуждаютъ платить больші пошлины въ пользу мѣстнаго сеньёра,—онъ еще постоянно рискует быть начисто ограбленъ какимъ-нибудь изъ этихъ царьковъ под тѣмъ предлогомъ, что идетъ изъ владѣній его врага, а то и без всякаго предлога. Къ этому надо прибавить разнообразіе законовъ по которымъ судятъ купца въ различныхъ мѣстностяхъ, разнообраз монетъ, правомъ чеканки которыхъ пользовались всѣ феодалы. Сред этихъ опасностей и этой путаницы общественно-необходимое торгово дѣло становится нерѣдко почти невозможнымъ.

Возникала настоятельная потребность въ широкихъ, прочныхъ, це тралиизованныхъ политическихъ организаціяхъ, которыя способны б

ыли военной силой обуздать безчинства феодаловъ, создать общественый порядокъ и спокойствіе, установить какое-нибудь единство въ заонахъ относительно обмѣна, единство монеты, мѣры, вѣса, провести ольшія дороги, организовать охрану купцовъ въ чужихъ странахъ, и т. д.

Католическая церковь оказалась не въ силахъ выполнить всего этого. Ея могущество, ея авторитетъ стали слабѣть съ развитіемъ обмѣна. Сила обмѣна, сила денегъ произвела глубокія измѣненія въ общественной роли духовенства; когда хозяйство церкви изъ натуральнаго сдѣлалось мѣновымъ, съ нею произошло то же превращеніе, что и съ другими феодалами, и по тѣмъ же причинамъ: жажда накопленія вызвала значительное уменьшеніе общественно-полезной дѣятельности католическаго духовенства и значительное усиленіе его эксплоататорскихъ стремленій. Общественное вліяніе церкви, ея власть надъ умами начала падать, тѣмъ болѣе, что и люди стали не тѣ, что прежде: сношенія расширяли ихъ кругозоръ, разсѣивали темноту, подрывали консерватизмъ, возбуждали пытливость ума; сила матеріальныхъ интересовъ направляла развивающееся мышленіе противъ католицизма, какъ идейной опоры эксплоататоровъ.

Во всю вторую половину Среднихъ вѣковъ ереси идутъ непрерывнымъ рядомъ, и папство ожесточенно борется съ ними, истощая свою главную силу—сочувствіе народныхъ массъ.

Городскія республики оказались неспособны стать исходной точкой достаточныхъ политическихъ организацій. Правда, нѣкоторые города пытались создавать подобныя организаціи защиты обмѣна и взаимной охраны собственности (союзы торговыхъ городовъ, напр., Ганзейскій): но въ нихъ обнаруживался съ теченіемъ времени недостатокъ силы и устойчивости, недостатокъ внутренняго единства. Отдѣльные города не въ состояніи были возвыситься надъ своими мѣстными интересами, стремились эксплоатировать союзниковъ, а тѣ, естественно, отстаивали свою экономическую и политическую самостоятельность. Къ тому же самое строеніе городскихъ организацій было неблагопріятно для выполненія такого дѣла, какъ «собираніе земли»: въ нихъ власть была недостаточно централизована, а потому и не настолько сильна, какъ было бы для данной цѣли необходимо.

Такимъ образомъ, на военно-феодальную систему ходъ вещей возлагалъ «историческую миссію» развить изъ себя новую силу, способную установить порядокъ въ земляхъ «большихъ и обильныхъ». И тамъ нашлись подходящіе элементы.

Распри и междоусобія мелкихъ феодаловъ между собою и съ городами были на руку крупнымъ феодаламъ—князьямъ и особенно королямъ. Понемногу они начали «собирать землю» въ своихъ рукахъ, побѣждая мелкихъ феодаловъ и присоединяя ихъ владѣнія къ своимъ.

Феодалы энергично боролись противъ захватовъ со стороны своих высшихъ сюзереновъ. Но эти послѣдніе нашли себѣ энергичнаго и на дежнаго союзника въ лицѣ враждебныхъ феодаламъ городскихъ с словій. Союзъ съ городами доставилъ королямъ такія матеріальны средства, какими не могли располагать ихъ противники. Короли орга низовывали постоянныя войска, которыя давали имъ возможность в всякое время начинать борьбу, чего не въ состояніи были дѣлат феодалы.

Прогрессъ военной организаціи оказалъ при этомъ большія услу дѣлу королей, ускоривъ ихъ побѣду надъ непокорными: порохъ сдѣла безполезными въ борьбѣ для феодаловъ ихъ неприступные прежде зам ки, ихъ желѣзное вооруженіе. Феодалъ пересталъ быть непобѣдимымъ когда пересталъ быть общественно-необходимымъ. Побѣжденные фео далы дѣлались простыми помѣщиками, и большей частью поступали н службу къ королямъ.

Католическая церковь, подобно другимъ феодаламъ, очень неохотн и не безъ энергичной борьбы уступала новой силѣ свою первен ствующую организаторскую роль въ общественной жизни. Временам духовенству удавалось даже одерживать серьезныя побѣды надъ мо нархами.

На исходѣ Среднихъ вѣковъ борьба закончилась побѣдою королей Такъ сложились постепенно обширныя абсолютно-монархическія орга низаціи, способныя обезпечить на время спокойный ходъ развивающейся мѣновой жизни.

4. Силы развитія городского строя Ср. Вѣковъ.

Мѣновое хозяйство городовъ въ гораздо большей степени, чѣмъ фео дальное и крѣпостное хозяйство, было способно къ развитію. Отсут ствіе подневольнаго труда, ростъ спеціализаціи, широкія торговы связи и увеличеніе производительности труда послужили фундаментомъ для всего послѣдующаго экономическаго развитія Европы. Прибавоч ный трудъ городовъ тратился не на прихоти вырождающихся крѣ постниковъ-паразитовъ, а на расширеніе производства и постепенно улучшеніе его методовъ. Такъ какъ городъ поставилъ себя въ моно польное положеніе по отношенію къ деревнѣ, то ему при посредств торговли удавалось выкачивать часть прибавочной стоимости и изъ де ревни. Все это способствовало обогащенію городовъ, которые въ нѣ сколько столѣтій достигли пышнаго расцвѣта.

Въ эпоху ремесленно-городского строя выступила и новая движу щая сила—конкурренція. Отдѣльныя хозяйства стремились поставить себ въ наиболѣе благопріятное положеніе на рынкѣ. Этого можно был

достигнуть уменьшенiемъ трудовыхъ затратъ, необходимыхъ для производства того или другого товара, т.-е., другими словами, увеличенiемъ производительности труда. Отсюда—развитiе техники, этого перваго двигателя экономическаго развитiя. Правда, конкурренцiя была еще слабо развита на этихъ стадiяхъ соцiальной жизни, ремесленно-цеховой строй ограничивалъ ее посредствомъ разнообразныхъ мѣропрiятiй. Но самыя эти мѣропрiятiя свидѣтельствуютъ о томъ, что она существовала и что ея влiянiе было значительно, такъ какъ вызывало усиленную борьбу противъ себя. Цеховыя рамки не могли вполнѣ сковать ее: а въ дальнѣйшемъ она мало-по-малу подтачивала и разрывала самыя эти рамки.

Основныя черты идеологiи предъ-капиталистической эпохи.

Крѣпостная система и ремесленно-цеховой строй пробили огромную брешь въ господствовавшемъ до нихъ натуральномъ хозяйствѣ. Они возникли благодаря обмѣну и, возникши, сами способствовали его развитiю. Но влiянiе старой идеологiи было еще чрезвычайно сильно. Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что общественное сознанiе вообще отличается консервативностью, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что въ крѣпостной деревнѣ и въ ремесленно-цеховомъ городѣ авторитарныя отношенiя все еще оставались господствующими. Власть помѣщиковъ въ деревнѣ и мастеровъ въ городѣ накладывала глубокую печать на идеологiю общества. Мышленiе, въ общемъ и цѣломъ, продолжало оставаться авторитарнымъ, и феодальное мiровоззрѣнiе все еще владѣло умами.

Но поскольку экономическiя отношенiя претерпѣвали измѣненiя, поскольку развивался обмѣнъ, подрывавшiй старыя общественныя формы, постольку стали складываться элементы новой идеологiи. Таковъ прежде всего м ѣ н о в о й ф е т и ш и з м ъ.

Мѣновой фетишизмъ являлся выраженiемъ новой власти, подчинившей себѣ человѣка въ мѣновомъ обществѣ,—власти общественныхъ отношенiй.

Въ обмѣнѣ выражается раздѣленiе труда между людьми. Но это—неорганизованное раздѣленiе труда. Именно изъ его неорганизованнаго характера вытекаетъ та неприспособленность производителей къ ихъ взаимнымъ отношенiямъ, которую обозначаютъ, какъ «власть» этихъ отношенiй.

Цѣны товаровъ подчиняются, какъ было выяснено, закону стоимости, т.-е. въ своихъ постоянныхъ колебанiяхъ стремятся къ соотвѣтствiю со стоимостями. Но во всякiй данный моментъ онѣ въ большей или меньшей степени уклоняются отъ своей нормы, потому что законъ стоимости проводится въ жизнь не сознательной, организующей волей, а

стихійнымъ механизмомъ конкурренціи. Во всякій данный моментъ производитель товара рискуетъ оказаться неприспособленнымъ къ условіямъ рынка, его трудовая энергія—частью или вполнѣ—потраченной безполезно, его участіе въ общественномъ распредѣленіи—уменьшеннымъ, его потребленіе—пониженнымъ: а это означаетъ подрывъ, частичный или полный, его рабочей силы и хозяйства.

Въ силу всего этого рынокъ является для производителя внѣшней силой, къ которой онъ долженъ приспособляться, но удастся ли,—зависитъ не отъ него; такой же являлась и внѣшняя природа съ ея тысячами неожиданныхъ опасностей сознанію дикаря. Отсюда—оба различныхъ вида фетишизма.

Рынокъ, съ его конкурренціей, съ его нерѣдко ожесточенной борьбой, заслоняетъ отъ глазъ производителя фактъ общественнаго союза, общественной совмѣстности въ борьбѣ съ природой. Покупатель и продавецъ, которые въ дѣйствительности трудились каждый для общества, встрѣчаются на рынкѣ не какъ два члена одного общественнаго союза, а какъ два противника. Производителю нѣтъ возможности понять, что его трудъ есть затрата общественно-трудовой энергіи, какъ и трудъ другихъ производителей.

Производитель товаровъ не можетъ ничего знать о ихъ общественной стоимости, потому что онъ не привыкъ смотрѣть на товаръ, какъ на общественный продуктъ. Наблюдая массу случаевъ обмѣна, онъ составляетъ себѣ понятіе о цѣнности, т.-е., въ сущности, объ обычной цѣнѣ товаровъ; но она для него—необъяснимое явленіе. Свести ее къ затратѣ общественно-трудовой энергіи для него невозможно прежде всего потому, что онъ понятія не имѣетъ объ общественномъ характерѣ труда, которымъ произведенъ продуктъ, а затѣмъ также потому, что эта цѣнность представляется ему непремѣнно въ видѣ извѣстнаго количества денегъ, а не въ видѣ извѣстнаго количества труда. Но если сознаніе товаропроизводителя не въ состояніи связать цѣнность съ отношеніями общественнаго труда людей, то оно можетъ связать ее только съ самимъ товаромъ. И для поверхностнаго взгляда это вполнѣ естественно: у кого бы ни находился товаръ, у его производителя или у другого лица, все равно,—товаръ продается по присущей ему цѣнности. Отсюда какъ нельзя легче сдѣлать заключеніе, что цѣнность—способность продаваться за извѣстную сумму денегъ—есть свойство товара самого по себѣ, свойство, не зависящее отъ людей, отъ общества, вообще—естественное свойство товара. Откуда берется такое свойство, чѣмъ опредѣляются его границы, производитель товара не изслѣдуетъ этого. Для него мѣновая цѣнность топора есть два рубля, и только; она ни отъ чего не зависитъ, она существуетъ въ топорѣ сама по себѣ, какъ для натураль-

наго фетишиста душа топора есть только душа топора, и ничего больше. Въ этомъ и заключается сущность товарнаго фетишизма. Не имѣя возможности постигнуть, что въ обмѣнѣ выражается трудовая совмѣстность людей въ борьбѣ съ природой, т.-е. общественное отношеніе людей, товарный фетишизмъ считаетъ способность товаровъ къ обмѣну внутреннимъ, природнымъ свойствомъ самихъ товаровъ. Такимъ образомъ то, что въ дѣйствительности представляетъ изъ себя отношенія людей, кажется ему отношеніями вещей. Мѣновой фетишизмъ является, слѣдовательно, противоположностью натуральнаго, который представлялъ отношенія вещей, какъ отношенія людей.

Въ мѣновомъ фетишизмѣ выражается господство надъ людьми ихъ собственныхъ отношеній, какъ въ натуральномъ—господство внѣшней природы. Тамъ, гдѣ общественный человѣкъ сталкивается со стихійной силой, которую онъ не въ состояніи подчинить себѣ, къ которой онъ не можетъ приспособиться съ помощью своего сознанія, тамъ онъ неизбѣжно создаетъ себѣ фетишей.

Развитіе обмѣна создаетъ также иллюзію индивидуальнаго хозяйства. Частному производителю кажется, что его хозяйство въ экономическомъ отношеніи совершенно самостоятельно. На самомъ дѣлѣ никакого индивидуальнаго хозяйства въ мѣновомъ обществѣ нѣтъ: оно представляетъ собою частицу огромнаго трудового коллектива, и связано съ нимъ милліонами нитей. Но отдѣльные товаропроизводители выступаютъ на рынкѣ, какъ противники. Когда два представителя мѣнового общества сталкиваются въ качествѣ покупателя и продавца, одинъ стремится выгоднѣе купить, другой—выгоднѣе продать; между ними создается рѣзкая противоположность интересовъ. То же самое наблюдается и тогда, когда два товаропроизводителя выступаютъ одновременно или какъ продавцы, или какъ покупатели. Увеличеніе предложенія въ первомъ случаѣ и увеличеніе спроса во второмъ ставитъ этихъ товаропроизводителей въ невыгодное, иногда крайне тяжелое положеніе. Въ мѣновомъ обществѣ складывается такимъ образомъ всеобщій антагонизмъ, война всѣхъ противъ всѣхъ, которая носитъ названіе конкурренціи. Этотъ антагонизмъ еще болѣе затемняетъ сознаніе товаропроизводителя. Ослѣпленный борьбой, онъ совершенно перестаетъ видѣть сотрудничество широчайшаго коллектива, и привыкаетъ представлять хозяйство, свое или чужое, какъ вполнѣ индивидуальное.

Иллюзія эта окончательно укрѣплялась въ сознаніи товаропроизводителя вмѣстѣ съ развитіемъ денегъ. До тѣхъ поръ, пока товары обмѣнивались непосредственно, товаропроизводители могли еще видѣть, что между ними есть трудовая связь, что они обмѣниваются продуктами своего труда; они могли еще видѣть, что они работаютъ одинъ на другого. Но дѣло рѣзко измѣнилось, когда на сцену выступили

орудія обмѣна. Между обмѣниваемыми товарами вклинились деньги, между обмѣнивающими производителями стали посредники-купцы. При такихъ условіяхъ трудовыя отношенія оказываются совершенно замаскированными и скрытыми для участниковъ обмѣна. Сапожникъ мѣняетъ изготовленную имъ обувь на деньги купца, который ихъ вовсе не производилъ, и покупаетъ за нихъ, скажемъ, одежду, которую производилъ другой. Тутъ товаропроизводитель чувствуетъ себя уже совершенно обособленнымъ отъ всей системы хозяйства, всѣ производственныя связи теряются, и онъ видитъ передъ собою только господствующій надъ нимъ рынокъ.

Для производителя и члена мѣнового общества вообще ясно лишь одно. Это—тотъ фактъ, что онъ за деньги можетъ купить все, что ему угодно, и что степень удовлетворенія его потребностей зависитъ исключительно отъ того количества денежныхъ средствъ, которымъ онъ располагаетъ. Это замѣчательное свойство орудія обмѣна приписывается деньгамъ, какъ таковымъ; появляется денежный фетишизмъ, который порождаетъ ненасытную жажду накопленія. Накопленіе на первыхъ порахъ имѣетъ цѣлью удовлетвореніе непосредственныхъ потребностей; но съ теченіемъ времени, когда большій запасъ денегъ съ развитіемъ конкурренціи начинаетъ давать огромныя преимущества въ экономической борьбѣ, накопленіе пріобрѣтаетъ особый характеръ. Изъ средства оно обращается въ цѣль: товаропроизводитель и купецъ начинаютъ накоплять для накопленія.

Иллюзія индивидуальнаго хозяйства создала и фетишизмъ частной собственности. Онъ появился съ развитіемъ обмѣна.

Самое понятіе «собственности» зародилось лишь тогда, когда изъ общины въ лицѣ организатора начала выдѣляться «индивидуальность». Только тогда и стало возможнымъ говорить о томъ, что данныя орудія или предметы потребленія «принадлежатъ» патріарху, который, благодаря своей особой роли въ системѣ производства, противоставлялся остальнымъ членамъ общины. Украшеній вождя, напримѣръ, никто, кромѣ него, надѣвать не могъ. Но «собственность» въ этотъ періодъ глубоко отличается отъ собственности современной. Организаторъ-патріархъ не могъ подарить или завѣщать свое оружіе кому-нибудь другому; со смертью или съ уходомъ вождя отъ исполняемыхъ имъ общественныхъ функцій вся его «собственность» переходила къ его преемнику.

Иное содержаніе пріобрѣтаетъ понятіе собственности съ развитіемъ обмѣна. Уже тогда, когда обмѣнивающимися сторонами являются отдѣльныя общины, онѣ противостоятъ другъ другу, какъ собственники и не-собственники даннаго товара, и признаютъ другъ друга таковыми. Съ развитіемъ обособленныхъ хозяйствъ эта противоположность обмѣ-

нивающихся товаропроизводителей пріобрѣтаетъ, какъ мы видѣли, гораздо болѣе рѣзкія формы. Индивидууму принадлежатъ орудія и продукты его труда и товары, которые онъ покупаетъ на рынкѣ. Ему поэтому представляется, что все это нѣчто свое и не имѣетъ никакого отношенія къ остальнымъ людямъ. Индивидуумъ мыслитъ свою собственность, какъ отношеніе между своими вещами и имъ самимъ. Это и есть фетишизмъ частной собственности.

Что это дѣйствительно фетишизмъ, что индивидуалистическое пониманіе частной собственности на самомъ дѣлѣ есть иллюзія, видно хотя бы изъ того, что младенецъ можетъ быть собственникомъ громадныхъ достояній, къ которымъ онъ не имѣетъ, конечно, никакого практическаго отношенія, о которыхъ самъ еще не имѣетъ и понятія. Младенецъ можетъ быть собственникомъ только потому, что общество признаетъ его таковымъ, и въ случаѣ надобности ограждаетъ его имущество отъ всякихъ попытокъ его присвоенія кѣмъ-либо другимъ. Этотъ примѣръ ясно показываетъ, что собственность есть общественное отношеніе, отношеніе общества къ данной личности и къ даннымъ вещамъ одновременно.

Частная собственность формируетъ индивидуализмъ. Личность въ мышленіи людей все рѣзче и рѣзче обособляется отъ всего остального общества. Вмѣстѣ съ этимъ развивается и самосознаніе личности, которая мыслитъ въ центрѣ жизни себя, со своими интересами, а не тотъ или иной авторитетъ съ его велѣніями, какъ это было раньше. Полная жажды накопленія и пріобрѣтенія, она ищетъ новыхъ путей и пріемовъ для обогащенія. Это сказывается сперва въ области экономической, а затѣмъ и въ области идеологіи, которая служитъ орудіемъ въ борьбѣ за экономическія преимущества.

Такъ обмѣнъ разрушаетъ постепенно авторитарный фетишизмъ, господствующій въ средѣ натурально-хозяйственнаго общества, и порождаетъ новыя формы мышленія, которыя не ограничены уже прежними узкими рамками.

Торговый капитализмъ.

1. Общее понятіе о капиталѣ.

Въ обыденной рѣчи подъ капиталомъ принято понимать имущество, приносящее доходъ. Но такое пониманіе совершенно неправильно, потому что никакое имущество само по себѣ дохода приносить не можетъ.

Разсмотримъ конкретный примѣръ. Торговецъ располагаетъ извѣстной суммой денегъ. Онъ эти деньги затратилъ на покупку товара, затѣмъ продалъ товаръ и получилъ нѣкоторую прибыль. Всю операцію можно выразить такой формулой:

Д (деньги)—*Т* (товаръ)—*Д'* (деньги),

при чемъ *Д'* больше *Д*, такъ какъ иначе операція не имѣла бы смысла. Положимъ, что *Д* составляетъ 80 рублей, а *Д'* равно 100 рублямъ. Далѣе, пусть производство денежнаго металла въ размѣрѣ одного рубля требуетъ затраты одного дня общественно-необходимаго труда. Слѣдовательно, торговецъ, затративъ 80 рублей, не только вернулъ ихъ, но и получилъ, сверхъ того, 20 руб., или продуктъ, соотвѣтствующій 20 днямъ общественно-необходимаго труда.

Этотъ избытокъ можетъ происходить изъ двухъ источниковъ. Возможно, что доставка товара отъ производителя, у котораго торговецъ его купилъ, къ потребителю, которому онъ его продалъ, потребовала какъ разъ 20 дней труда, благодаря, напр., перевозкѣ на дальнія разстоянія. Въ такомъ случаѣ торговецъ лишь довершаетъ дѣло непосредственнаго производителя, заканчиваетъ необходимый трудовой процессъ, относящійся къ продукту; и получаемый имъ доходъ тогда имѣетъ такой же характеръ, какъ доходъ ремесленника. Но въ большинствѣ случаевъ трудъ, приложенный самимъ торговцемъ, отнюдь не исчерпываетъ разницы между *Д'* и *Д*. Эта разница получается отъ того, что торговецъ оплачиваетъ не весь трудъ производителя, а только часть его. Товаръ стоилъ самому его производителю 90 дней труда; купецъ же далъ за него не 90 рублей, а 80, и присваиваетъ себѣ такимъ образомъ 10 дней прибавочнаго труда. Тутъ торговецъ высту-

паетъ уже не въ качествѣ ремесленника, занятаго перемѣщеніемъ товаровъ, а въ качествѣ «капиталиста». Его денежный запасъ и прочее имущество, которое служитъ здѣсь для цѣлей присвоенія прибавочнаго труда товаропроизводителя, играетъ роль капитала.

Бываютъ, однако, случаи, когда кажется, что доходъ съ капитала не имѣетъ ничего общаго съ процессомъ труда. Таковъ, напримѣръ, доходъ съ капитала, отданнаго въ ростъ,—съ капитала ростовщическаго или кредитнаго. Ростовщикъ ссужаетъ извѣстную сумму денегъ крестьянину или ремесленнику, и черезъ извѣстный промежутокъ времени получаетъ обратно сумму, которая значительно больше первоначальной; онъ совершаетъ операцію, которую можно выразить слѣдующей формулой:

Д (деньги)—*Д'* (деньги),

гдѣ *Д'*, какъ и въ первой формулѣ, больше *Д*. Здѣсь иллюзія самовозрастанія *Д* еще больше, чѣмъ въ первомъ случаѣ, потому что роль ростовщика не имѣетъ ничего общаго съ производительной дѣятельностью. Но если мы вдумаемся въ вопросъ, то мы увидимъ, что ростовщикъ получилъ извѣстный доходъ только потому, что онъ ссудилъ свои деньги (или часть своего имущества въ видѣ сѣмянъ, сырья и т. п.) непосредственному товаропроизводителю. Если бы онъ хранилъ ихъ въ своемъ сундукѣ, то ясно, что количество его денегъ не подверглось бы никакому измѣненію. Но, ссудивъ эти деньги товаропроизводителю, онъ далъ ему возможность обратить ихъ въ средства производства (въ орудія, сырье и т. д.), прибавить къ нимъ извѣстное количество труда и получить такимъ образомъ продуктъ, имѣющій бóльшую стоимость, чѣмъ первоначальная сумма. Часть этой новой стоимости и присваиваетъ себѣ ростовщикъ въ видѣ процента на капиталъ.

То же самое относится къ капиталу промышленнаго предпріятія. Какъ и въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ, движеніе капитала начинается здѣсь съ денегъ. Фабрикантъ покупаетъ средства производства и рабочую силу, которыя образуютъ промышленный или производительный капиталъ. Заканчивая производство продукта, онъ получаетъ товаръ, который и продается за опредѣленную сумму, превосходящую первоначальныя затраты. Избытокъ получается отъ того, что фабрикантъ, уплачивая рабочимъ ~~заработную плату~~, отдаетъ имъ лишь часть той стоимости, которую они прибавили къ средствамъ производства, превратившимся въ готовый продуктъ. Такимъ образомъ доходъ съ капитала и здѣсь основанъ на присвоеніи продукта чужого труда, на эксплоатаціи чужой рабочей силы.

Эта эксплоатація возможна только потому, что средства производства, безъ которыхъ оно вестись не можетъ, не принадлежатъ

непосредственному производителю или имѣются у него въ недостаточномъ количествѣ, а составляютъ, либо цѣликомъ, либо въ нѣкоторой необходимой своей части, частную собственность капиталиста. Съ этой точки зрѣнія капиталъ слѣдуетъ опредѣлять, какъ средства производства, ставшія средствомъ эксплоатаціи благодаря тому, что они находятся въ частной собственности.

Большинство буржуазныхъ экономистовъ понимаетъ подъ капиталомъ «продуктъ труда, который служитъ для дальнѣйшаго производства». Если исходить изъ такого опредѣленія, то палка дикаря, которой онъ сбиваетъ плоды съ деревьевъ, или копье, которымъ онъ убиваетъ ради мяса дикаго звѣря, тоже составятъ капиталъ. Такое опредѣленіе должно, очевидно, убѣждать, что капиталъ такъ же вѣченъ, какъ само человѣчество. А между тѣмъ мы видимъ, что существованіе капитала связано съ наличностью опредѣленной системы производственныхъ отношеній, въ нашихъ примѣрахъ—съ мѣновой организаціей. Но такъ какъ эта система не вѣчна, такъ какъ она появляется на извѣстной стадіи экономическаго развитія и на извѣстной стадіи можетъ исчезнуть, то и капиталъ представляетъ собою явленіе исторически преходящее. Съ этой точки зрѣнія шило бродячаго сапожника, переходящаго отъ одного заказчика къ другому, и соха крестьянина, работающаго силами своей семьи, такъ же мало составляютъ капиталъ, какъ и лукъ и мотыга первобытнаго человѣка. Средства производства, а вмѣстѣ съ ними и деньги, которыя являются ихъ общей формой стоимости, становятся капиталомъ лишь въ рукахъ того, кто, опираясь на свое право собственности, пользуется имъ для присвоенія прибавочнаго труда другихъ,—безразлично, будутъ ли эти другіе его наемными рабочими, или самостоятельными на видъ производителями. Если бы тѣ же самыя средства производства перестали быть частной собственностью, а слѣдовательно, орудіемъ эксплоатаціи, то тѣмъ самымъ они перестали бы являться и капиталомъ, сохраняя, конечно, все свое производственное значеніе.

2. Техническія отношенія производства.

Два основныхъ факта обусловили переходъ ремесленно-городского общества въ торгово-капиталистическое: во-первыхъ, общее возрастаніе производства, и, во-вторыхъ, наиболѣе быстрое развитіе той его отрасли, которая заключается въ перемѣщеніи продуктовъ.

Общее возрастаніе производства являлось необходимымъ результатомъ тѣхъ силъ развитія, которыя дѣйствуютъ въ ремесленно-городскомъ обществѣ.

Особенно сильный прогрессъ «перевозочно-торговаго производства»

редѣлялся тѣмъ фактомъ, что съ возрастаніемъ всего производства расширяющимся раздѣленіемъ труда приходилось перемѣщать не лько бо̀льшія массы продуктовъ, но въ общемъ, и на бо̀льшія разэянія, чѣмъ прежде.

Расширяющееся производство не ограничивается ближайшими рынми и шагъ за шагомъ вступаетъ въ связь съ рынками болѣе отданными. На отдаленные рынки приходится перевозить все бо̀льшую долю одуктовъ. Какъ отысканіе такихъ рынковъ, такъ и поддержаніе снoній съ ними становится технически все болѣе труднымъ дѣломъ. ѣстѣ съ тѣмъ перемѣщеніе продуктовъ изъ мастерской на рынокъ іобрѣтаетъ все бо̀льшее значеніе въ общей системѣ оизводства.

Соотвѣтственно этому совершаются измѣненія въ общественной роли зличныхъ группъ общества.

3. Распространеніе власти торговаго капитала на производство.

По мѣрѣ того, какъ рынокъ расширялся въ пространствѣ, и вести нимъ прямыя сношенія становилось дѣломъ все болѣе труднымъ, частую невозможнымъ для мелкаго товаропроизводителя, возрастали ономическая сила и общественное значеніе того класса, для котораго о дѣло являлось спеціальностью.

Производя товары на обширный, неопредѣленный и отдаленный рыкъ, мелкій производитель теряетъ окончательно возможность лично ставлять свои продукты на рынокъ, какъ это по большей части дѣлось раньше при ограниченномъ, близкомъ и опредѣленномъ рынкѣ. звѣстно, напр., что карманные часы, производившіеся въ XVI вѣкѣ глійскими ремесленниками, находили себѣ сбытъ въ Турціи. Въ налѣ того же столѣтія деревянныя издѣлія, изготовлявшіяся въ Калу, по свидѣтельству современника, «вывозились въ Московію, Литву другія сосѣднія страны». При такихъ условіяхъ мелкій производиль не можетъ, конечно, собственными силами сбыть продуктъ своего руда, доставить его на рынокъ. Такимъ образомъ, послѣдняя опеція производства—перемѣщеніе продукта—окончательно отдѣлялсь отъ предыдущихъ, потребность производителя въ посредникѣпцѣ становилась безусловно настоятельной, а изъ этого возникала атеріальная зависимость производителя отъ купца. Производитель олженъ продать свои товары купцу, чтобы имѣть возможность продолать свое дѣло; но условія этой мѣновой сдѣлки перестаютъ быть равыми для обѣихъ сторонъ. Во-первыхъ, производитель не знаетъ дѣйвительныхъ условій того рынка, на которомъ купецъ продаетъ его оваръ; во-вторыхъ, производитель не можетъ ждать, такъ какъ при

его маленькихъ запасахъ ему необходимо немедленно продать свой то-варъ, чтобы пріобрѣсти средства для дальнѣйшаго веденія своего хо-зяйства. Купецъ, напротивъ, обладаетъ всѣми нужными свѣдѣніями и, располагая сравнительно большими средствами, можетъ ждать съ по-купкой, если ему не нравятся предлагаемыя условія. Слѣдовательно, производителю приходится вообще уступать, принимать ту цѣну, какую даетъ торговецъ. Это еще не значитъ, конечно, что торговецъ станетъ понижать цѣну до произвольно-низкаго уровня: во-первыхъ, существу-етъ конкурренція и между торговцами, и въ случаѣ крайности произ-водитель товара можетъ, хотя съ большими усиліями, найти для себя другого купца-посредника; во-вторыхъ, купцу и нѣтъ расчета оконча-тельно подрывать хозяйство мелкаго производителя чрезмѣрно тяжелыми условіями, потому что, если хозяйство это разрушится, купецъ уже не будетъ больше извлекать изъ него никакихъ выгодъ, и подорветъ основу собственнаго благосостоянія. Дѣло сводится, слѣдовательно, къ такой эксплоатаціи, которая еще оставляетъ мелкому производителю только необходимыя средства для продолженія его предпріятія, а все, что сверхъ этого, получаетъ торговецъ, соотвѣтственно уменьшая ниже уровня стоимости ту цѣну, которую онъ даетъ за продуктъ.

Надо отмѣтить, что нерѣдко въ качествѣ посредника-скупщика вы-ступаетъ не чистый купецъ, а производитель, выполняющій вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднюю передъ доставкой товара на рынокъ операцію произ-водства. Напр., въ производствѣ часовъ, которое съ самаго начала являлось раздѣленнымъ между многими мелкими производителями, про-изводящими отдѣльныя части продукта, скупщиками-торговцами оказы-вались обыкновенно тѣ мастера, которые занимались соединеніемъ и прилаживаніемъ отдѣльныхъ частей; въ прядильно-ткацкой промышлен-ности такую роль играли аппретурщики. По существу этотъ случай ничѣмъ не отличается отъ предыдущаго: господство захватываетъ тотъ изъ производителей, кто выполняетъ послѣднія операціи производства, все равно—одну или двѣ.

Захватъ экономическаго господства облегчался для скупщика срав-нительно слабой устойчивостью мелкихъ предпріятій: всякое слу-чайное потрясеніе, всякое стихійное или экономическое бѣдствіе угро-жаетъ мелкому производителю гибелью его хозяйства, и заставляетъ прибѣгать къ помощи экономически болѣе сильнаго члена общества, обыкновенно того же торговца-скупщика. Тогда скупщикъ выступаетъ въ новой роли—кредитора-ростовщика; давая производителю ссуду на поддержаніе хозяйства, онъ, въ сущности, заранѣе выплачиваетъ цѣну тѣхъ продуктовъ, которые еще только будутъ произведены его долж-никомъ; но зато тѣмъ сильнѣе понижается цѣна этихъ продуктовъ, и тѣмъ прочнѣе становится зависимость производителя отъ торговца-ро

стовщика; обыкновенно производитель при этомъ и формально обязывается не продавать своихъ продуктовъ никому, кромѣ кредитора.

Ростовщикъ и торговецъ-скупщикъ не всегда бываютъ соединены въ одномъ лицѣ; нерѣдко оба эти дѣла являются специализированными. Сущности фактовъ это нисколько не измѣняетъ—положеніе мелкаго производителя оказывается все тѣмъ же. Нерѣдко ростовщикъ въ своемъ развитіи превращался въ торговца-скупщика, расширяя, такимъ образомъ, свою общественно-производительную роль. Скупщикъ же почти всегда силою обстоятельствъ вынуждается играть роль ростовщика, оказывая поддержку приходящимъ въ упадокъ хозяйствамъ [1]).

Итакъ, хотя формально мелкій производитель остается свободенъ, его дѣйствительная самостоятельность исчезаетъ. Опираясь на свою матеріальную силу, скупщикъ вмѣшивается въ производственную дѣятельность мелкаго производителя: контролируетъ его, выступаетъ въ качествѣ высшаго организатора производства. Сообразно своимъ расчетамъ, торговецъ указываетъ, въ какомъ количествѣ, какого качества и въ какое время долженъ быть приготовленъ продуктъ, и назначаетъ цѣну за него. Производитель принужденъ на все соглашаться, потому что въ противномъ случаѣ ему нѣтъ возможности сбыть свой продуктъ. Сообразно своимъ расчетамъ, скупщикъ заставляетъ производителя сократить производство, или помогаетъ ему расширить его. Косвенно при этомъ скупщикъ вліяетъ и на самую технику производства, требуя

---

[1]) Однимъ изъ яркихъ примѣровъ описываемаго явленія можетъ служить такъ называемое кулачество въ русской деревнѣ. Хозяйство крестьянина неустойчиво въ силу многихъ причинъ: и вслѣдствіе первобытно-грубой техники, ставящей ходъ производства въ сильнѣйшую зависимость отъ всякихъ измѣненій въ атмосферѣ и вообще во внѣшней природѣ, и вслѣдствіе непропорціональной тяжести податей и налоговъ, и вслѣдствіе колебаній цѣнъ на хлѣбъ, и т. д. При натуральномъ хозяйствѣ однѣ изъ этихъ причинъ не существовали (напр., колебанія цѣнъ), другія приводили только къ тому, что сокращалось потребленіе крестьянской семьи. При денежномъ хозяйствѣ всѣ эти причины ведутъ къ тому, что въ извѣстные моменты у крестьянина возникаетъ острая потребность въ деньгахъ—на покупку орудій, сѣмянъ для посѣва, на уплату податей и т. д. И такъ какъ, по большей части, продажа крестьянскихъ товаровъ (хлѣба, а потомъ, какъ увидимъ, рабочей силы) не даетъ необходимой суммы, то крестьянинъ обращается за помощью къ кулаку,—обыкновенно его же болѣе зажиточному односельчанину. Кулакъ даетъ деньги, но за громадные проценты (по большей части десятки процентовъ въ годъ), при чемъ ссуда выплачивается нерѣдко не однѣми деньгами, но также отработками (кулакъ обыкновенно тоже земледѣлецъ) и продуктами (кулакъ въ то же время является здѣсь и скупщикомъ). Но такъ какъ проценты велики, а хозяйство крестьянина слабо, и, вдобавокъ, по своей темнотѣ и незнанію законовъ крестьянинъ очень часто оказывается обманутъ, то несмотря на всѣ усилія должника, долгъ не уменьшается, а возрастаетъ. Наконецъ, когда фактически долгъ уплаченъ уже нѣсколько разъ, юридически его сумма достигаетъ такихъ размѣровъ, что хозяйство крестьянина не можетъ болѣе существовать, и его имущество переходитъ въ руки его кредитора.

продуктовъ такого, а не иного качества. Вообще, въ значительной степени скупщикъ уже является если не формальнымъ, то фактическимъ организаторомъ мелкихъ хозяйствъ.

Такъ создается фактическое объединеніе мелкихъ хозяйствъ подъ властью одного организатора; объединеніе это лишь частичное, далеко не полное, сохраняющее за мелкимъ производителемъ значительную долю самостоятельности во внутреннихъ отношеніяхъ его предпріятія. Такова торгово-капиталистическая организація производства.

Торгово-капиталистическое производство уже нельзя считать типичнымъ мелкимъ производствомъ. Это—крупное производство для рынка, хотя большую часть производственнаго процесса товаръ проходитъ въ мелкихъ, формально разъединенныхъ предпріятіяхъ.

Указанный ходъ развитія можно прослѣдить на исторіи цѣлаго ряда ремеслъ въ Зап. Европѣ. Такъ, Золингенъ давно извѣстенъ приготовленіемъ холоднаго оружія. Ремесленники, занятые въ этой отрасли, сами возили свои издѣлія на ярмарки, и, возвратившись домой, вновь принимались за работу. Но когда торговля Золингена значительно расширилась, изъ ремесленниковъ выдѣлились скупщики, которые занялись исключительно продажей золингенскаго оружія, и фактически подчинили себѣ все мелкое производство. Работа по заказу купца стала общимъ явленіемъ. То же самое произошло уже въ XIV вѣкѣ въ итальянскихъ городахъ (Венеціи, Генуѣ и др.), которые производили шелковыя ткани для всей Европы.

По уставамъ цеховъ каждый мастеръ самъ долженъ былъ сбывать свои издѣлія потребителю. Это правило было одной изъ тѣхъ мѣръ, которыя предпринимались цехами для предупрежденія конкурренціи, а съ нею—возрастанія могущества отдѣльныхъ мастеровъ. Но съ теченіемъ времени цехи вынуждены были отказаться отъ этого принципа. Они начинали съ того, что разрѣшали однимъ мастерамъ продавать свои издѣлія другимъ, а затѣмъ оставляли право закупки за тѣми мастерами, которые, занимаясь скупкой, сами прекращали свое производство. Иногда бывало и такъ, что купцы, не принадлежавшіе къ ремесленной корпораціи, принимались въ ея составъ, и тѣмъ самымъ получали возможность торговать издѣліями ремесленниковъ. Но все это относится къ тому періоду, когда сплоченность ремесленниковъ, боровшихся за свое существованіе, еще представляла собою реальную силу. Съ подчиненіемъ ремесла купцу всякія ограниченія въ способахъ сбыта ремесленнаго продукта мало-по-малу падали: расширяющійся рынокъ медленно, но вѣрно подтачивалъ существованіе ремесленнаго цеха, который постепенно терялъ свое экономическое значеніе.

Работа на купца съ теченіемъ времени становится обычнымъ явленіемъ. Такъ, напримѣръ, въ концѣ XVI столѣтія на одного скупщика въ базельской шелковой промышленности работало до 16 человѣкъ. Въ половинѣ XVII столѣтія число станковъ, работающихъ на одного скупщика, доходитъ до 50. Въ Нотингамѣ (въ Англіи) въ 1750 г. на 50 скупщиковъ работало 1200 чулочно-вязальныхъ станковъ. Въ шелковой промышленности Ліона въ XVIII вѣкѣ на каждаго скупщика приходилось въ среднемъ по 8—14 мастеровъ и 35—50 рабочихъ вообще, и т. д.

Развиваясь, торговый капиталъ пріобрѣтаетъ все большую власть надъ производствомъ, и все болѣе расширяетъ сферу своего вмѣшательства во внутреннюю организацію хозяйствъ. При этомъ надо замѣтить, что остатки феодальныхъ отношеній нисколько не мѣшали торговому капиталу захватить въ руки организаторскую, а съ нею и эксплоататорскую власть надъ крестьянскимъ хозяйствомъ: подрывая благосостояніе крѣпостного крестьянства, помѣщикъ только уменьшалъ силу его сопротивленія торговому капиталу; переводя крестьянъ на денежный оброкъ, помѣщикъ вынуждалъ ихъ продавать свои продукты и, слѣдовательно, прямо толкалъ ихъ въ руки торговаго капитала; наконецъ, нерѣдко онъ выступалъ и самъ въ роли торговаго капиталиста—скупщика или ростовщика.

Весьма часто скупщикъ беретъ на себя доставку производственныхъ матеріаловъ, которые и покупаются у него мелкими производителями. Такъ какъ производители все чаще должны брать эти матеріалы въ кредитъ, то съ теченіемъ времени дѣло упростилось: скупщикъ сталъ просто давать мелкому производителю матеріалы, изъ которыхъ тотъ долженъ былъ приготовить ему продуктъ по заранѣе условленной цѣнѣ. При этомъ мелкій производитель еще въ большей мѣрѣ теряетъ свою самостоятельность. Про него, строго говоря, нельзя даже сказать, чтобы онъ продавалъ скупщику свой продуктъ: онъ только получаетъ отъ торговаго капиталиста вознагражденіе за свою работу надъ его, капиталиста, матеріалами и за изнашиваніе своихъ орудій при этой работѣ. Если бы устранить эту вторую часть вознагражденія, то передъ нами было бы то, что принято называть заработной платой. Это—домашняя система крупнаго капиталистическаго производства, вторая стадія развитія торговаго капитализма.

Эта стадія торговаго капитализма пустила до того глубокіе корни, что она продолжаетъ жить даже въ настоящее время, т.-е. въ періодъ господства высшихъ формъ капитализма. Домашняя система крупнаго производства распространена особенно сильно въ конфекціонномъ дѣлѣ, въ производствѣ обуви, вязальныхъ издѣлій и т. д. Въ Германіи еще

въ концѣ прошлаго вѣка полмилліона человѣкъ было занято въ домашней промышленности; въ Швейцаріи въ тотъ же самый періодъ 20% всѣхъ работающихъ работали у себя на дому подъ руководствомъ торговаго капитала. Домашняя промышленность распространена даже въ Англіи, гдѣ она получила характерное названіе «система выжиманія пота». У насъ въ Россіи домашняя промышленность извѣстна подъ названіемъ кустарныхъ промысловъ, охватывающихъ около $1^1/_2$ милліоновъ трудящихся. Кустари работали и работаютъ почти исключительно на скупщиковъ. Скупщики снабжаютъ ихъ сырьемъ, иногда даже орудіями, и ссужаютъ имъ деньги. Ясно, что кустари очень часто при этихъ условіяхъ фактически превращаются въ наемныхъ рабочихъ торговаго капитала.

Крупный характеръ домашняго капиталистическаго производства выступаетъ ясно уже не только въ томъ фактѣ, что перемѣщеніе готовыхъ продуктовъ на рынокъ совершается въ большихъ размѣрахъ, но также и въ массовой доставкѣ матеріаловъ, которые затѣмъ распредѣляются между отдѣльными мелкими производителями.

Понятно, что чѣмъ сильнѣе фактическая зависимость мелкаго производителя отъ торговца-скупщика, тѣмъ легче онъ утрачиваетъ остатки своей самостоятельности, тѣмъ меньше онъ въ силахъ сопротивляться дальнѣйшимъ захватамъ со стороны торговаго капитала.

Иногда, послѣ полнаго разоренія товаропроизводителя, торговый капиталистъ находитъ еще выгоднымъ доставлять ему не только матеріалы, но и орудія для дальнѣйшаго производства, такъ что почти исчезаетъ послѣдняя тѣнь самостоятельности мелкаго хозяйства. Это— крайній моментъ развитія собственно торговаго капитала, та граница, на которой онъ переходитъ въ промышленный капиталъ.

3. Разложеніе мелкаго хозяйства и развитіе классовой борьбы.

Съ внѣшней стороны торговый капиталъ очень мало измѣняетъ въ организаціи хозяйства отдѣльнаго мелкаго производителя. Зато происходятъ значительныя перемѣны по существу во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ такой группы.

Вначалѣ вторженіе торговаго капитала въ жизнь мелкаго хозяйства является выгоднымъ для производителя: скупщикъ, принужденный конкурировать съ мѣстными покупателями, даетъ ему довольно хорошія цѣны, а, главное, дѣлаетъ большіе заказы для отдаленныхъ рынковъ. Но, по мѣрѣ того, какъ производитель впадаетъ въ матеріальную зависимость отъ скупщика, дѣло измѣняется. Иго торговаго капитала начинаетъ угнетать производителя все болѣе возрастающей, зачастую непосильной тягостью. Благосостояніе хозяйства постепенно падаетъ до

того низшаго предѣла, дальше котораго торговому капиталу взять уже нечего. Мелкій производитель выбивается изъ силъ, чтобы возстановить свое прежнее положеніе или хотя бы удержаться на одномъ уровнѣ. Въ этихъ условіяхъ онъ истощаетъ свою энергію, и не только свою, а также энергію остальныхъ членовъ хозяйства. Онъ заставляетъ усиленно работать свою жену и дѣтей. Въ тяжелый трудъ вовлекаются дѣти въ такомъ раннемъ возрастѣ, какой прежде былъ для нихъ временемъ безпрепятственнаго развитія. Женскіе элементы семьи уже не ограничиваются чисто домашнимъ хозяйствомъ, какъ по большей части было раньше, а принимаютъ дѣятельное участіе въ производствѣ для рынка, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе только допускаетъ техника производства. Глава мелкаго хозяйства становится эксплоататоромъ своей семьи въ той же мѣрѣ, въ какой его самого эксплоатируетъ торговый капиталъ.

Особенно ясно выступаютъ эти явленія въ хозяйствѣ такъ называемыхъ кустарей, сельскихъ ремесленниковъ, которые съ ремесломъ соединяютъ подсобное земледѣліе. Они не имѣютъ для своей защиты такихъ прочныхъ организацій, какъ цехи городскихъ ремесленниковъ, и потому легче подпадаютъ власти торговаго капитала. Скупщикъ въ опредѣленіи цѣнъ на кустарныя издѣлія принимаетъ во вниманіе то подспорье, какое имѣетъ кустарь въ земледѣліи, и понижаетъ цѣны до того предѣла, при которомъ все двойное хозяйство кустаря едва даетъ ему необходимыя средства къ жизни. Эксплоатація рабочихъ силъ семьи кустаря доходитъ при этомъ нерѣдко до такой степени, которая обусловливаетъ настоящее вырожденіе трудящихся [1]).

Такова же судьба земледѣльческихъ хозяйствъ съ подсобными домашними промыслами, и вообще крестьянскихъ хозяйствъ. Въ крѣпостной деревнѣ и крестьянинъ, и кустарь, уже находившіеся подъ гнетомъ помѣщичьей эксплоатаціи, оказались, когда къ ней присоединилась торгово-капиталистическая эксплоатація, въ окончательно невыносимомъ положеніи. Отсюда—рядъ крестьянскихъ возстаній во всѣхъ странахъ, характеризующій первыя стадіи торговаго капитализма.

Хозяйство городскихъ ремесленниковъ, благодаря силѣ цеховыхъ организацій, упорнѣе и дольше сопротивлялось могуществу торговаго капитала, но все же, все въ бóльшей и бóльшей степени, подчинялось его вліянію. При этомъ измѣнялись, конечно, внутреннія от-

---

[1]) Нельзя не отмѣтить, что уже въ ранней стадіи своего развитія, въ формѣ торговаго капитала, капиталъ стремится разрушить патріархальный строй семьи съ безусловной властью отца. Принимая участіе въ производствѣ на рынокъ, выходя изъ рамокъ чисто домашняго хозяйства, женщина пріобрѣтаетъ большое экономическое значеніе въ жизни семьи; этимъ подрывается матеріальная основа подчиненія женщины. Но прочность отживающихъ обычаевъ такъ велика, что проходитъ много времени, прежде чѣмъ ясно сказывается это вліяніе торговаго капитала.

ношенія семьи въ томъ же направленіи, какъ для болѣе слабыхъ сельскихъ хозяйствъ, только въ меньшей степени, но зато особенно сильно измѣнялись отношенія хозяина къ его наемнымъ работникамъ—подмастерьямъ и ученикамъ.

То противорѣчіе интересовъ хозяина и его работниковъ, которое раньше скрадывалось и затушевывалось общностью работы, семейно-дружественнымъ характеромъ отношеній, теперь выступаетъ все ярче и рѣзче. Мастеръ, угнетаемый властью капитала, чтобы сколько-нибудь поддержать свое колеблющееся положеніе, принужденъ угнетать подмастерьевъ и учениковъ, принужденъ требовать отъ нихъ болѣе продолжительной и болѣе интенсивной работы, меньше платить имъ, хуже содержать ихъ. Со своей стороны, подмастерья и ученики всѣми силами сопротивляются такимъ перемѣнамъ. Внутренняя цѣльность ремесленнаго хозяйства исчезаетъ, смѣняясь отношеніями борьбы.

Подводя итоги, можно сказать, что сила торговаго капитала преобразуетъ внутреннія отношенія мелко-буржуазныхъ хозяйствъ, внося въ нихъ духъ эксплоатаціи: глава семьи выступаетъ поневолѣ какъ эксплоататоръ остальныхъ ея членовъ, мастеръ—какъ эксплоататоръ своихъ наемныхъ рабочихъ.

Соотвѣтственно тому, какъ измѣнялось отношеніе цехового мастера къ его подчиненнымъ, измѣнялся и характеръ самихъ цеховыхъ организацій: все въ бо́льшей степени онѣ превращались въ организаціи борьбы мастеровъ противъ торговаго капитала, съ одной стороны, противъ подмастерьевъ—съ другой.

Въ борьбѣ съ торговымъ капиталомъ дополнялись и расширялись тѣ части цеховыхъ уставовъ, которыя направлены противъ конкурренціи и противъ пониженія цѣнъ; кромѣ того, цехамъ приходилось усиленно отстаивать передъ правительствами свои монопольныя права на производство и торговлю въ городахъ, права, которыя торговый капиталъ всячески стремился обойти и нарушить.

Но торговый капиталъ проникалъ внутрь самихъ цеховыхъ организацій. Болѣе зажиточные изъ мастеровъ сами становились скупщиками и ростовщиками въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это допускали цеховые уставы. Жажда накопленія побуждала такихъ мастеровъ идти дальше; имъ представлялись непріятными и невыгодными цеховыя стѣсненія—и тѣ, которыя препятствовали имъ расширять собственное производство, и тѣ, которыя не давали имъ окончательно подчинить себѣ хозяйства болѣе бѣдныхъ мастеровъ. Возникало стремленіе обходить и нарушать стѣснительныя правила уставовъ. Такъ, при производствѣ на вывозъ, для мастеровъ, которые имѣли непосредственную связь съ рынкомъ, являлись неудобными тѣ постановленія цеховъ, которыя устанавливали цѣну продуктовъ и мѣшали дешево скупать ихъ.

часто не выполнялись на практикѣ и тѣ статьи уставовъ, которыми ограничивалось число наемныхъ работниковъ у отдѣльнаго мастера, и, слѣдовательно, не допускалось расширеніе предпріятій.

Вообще, въ борьбѣ съ торговымъ капиталомъ, цеховыя организаціи расшатываются въ своихъ основахъ, обнаруживаютъ недостатокъ внутренняго единства и сплоченности.

Зато въ борьбѣ противъ подмастерьевъ цеховая солидарность являлась ничуть непоколебленной. Принимаются самыя энергичныя мѣры, чтобы затруднить подмастерьямъ переходъ въ ряды мастеровъ, потому что возрастаніе числа мастеровъ угрожаетъ усиленіемъ конкуренціи. Мѣры эти носятъ самый разнообразный характеръ. Прежде всего устанавливались долгіе сроки ученичества и службы по найму въ подмастерьяхъ. Кандидата въ мастера заставляли исполнять пробныя образцовыя работы, которыя зачастую требовали много времени, и къ тому же имѣли самое отдаленное отношеніе къ будущей дѣятельности подмастерья. Въ Германіи, напр., «образцовыя работы» кузнецовъ часто состояли въ изготовленіи подковъ для лошади, которая «экзаменующемуся» показывалась лишь издали. При пріемѣ въ мастера тщательно изучается родословная подмастерья: онъ вторично долженъ доказать «законность» и «честность» своего происхожденія (въ первый разъ подмастерью приходится это сдѣлать при поступленіи въ ученики). Цехи допускаютъ въ свой составъ лицъ, которыя обладаютъ опредѣленнымъ, иногда довольно солиднымъ имущественнымъ цензомъ, и требуютъ большихъ вступительныхъ взносовъ. При этомъ характерно, что цехи въ своихъ постановленіяхъ иногда откровенно указываютъ, что увеличеніе вступительныхъ взносовъ или другія мѣропріятія того же рода необходимы для того, чтобы воспрепятствовать подмастерьямъ по окончаніи срока обученія начинать самостоятельное производство. Между прочимъ, отъ подмастерьевъ требовали обязательнаго странствованія въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ по чужимъ городамъ и странамъ для усовершенствованія въ искусствѣ—условіе, по тогдашнимъ временамъ особенно трудное и сослужившее, какъ увидимъ, плохую службу самимъ цехамъ. Ко всему этому присоединялись дорого стоющія пирушки, которыя вступающій въ цехъ долженъ былъ за свой счетъ устраивать мастерамъ. Иногда переходъ въ разрядъ мастеровъ становился невозможнымъ благодаря тому, что цехъ устанавливалъ максимальное число своихъ членовъ. Въ такихъ случаяхъ молодые члены получали доступъ въ цехъ лишь по мѣрѣ того, какъ умираютъ старые мастера. Всѣ эти измѣненія въ цеховомъ устройствѣ происходили со значительной быстротой, начиная съ XIV вѣка.

Новыя правила цеховъ проводились въ жизнь обыкновенно съ крайнимъ пристрастіемъ. Для сыновей мастеровъ дѣлаются всевозможныя

облегченія, благодаря которымъ всѣ испытанія и трудности обращаются нерѣдко въ пустую формальность. То же самое относится къ подмастерьямъ, женившимся на дочеряхъ или на вдовахъ мастеровъ. Для всѣхъ прочихъ вступленіе въ цехъ становится почти невозможнымъ дѣломъ. Цеховыя привилегіи пріобрѣтаютъ узко-сословный характеръ—связываются уже не столько съ искусствомъ и знаніемъ, сколько съ происхожденіемъ. Уже въ XV вѣкѣ мы встрѣчаемся съ наслѣдственностью званія мастера.

Всѣ эти нововведенія вызывали энергичный отпоръ со стороны подмастерьевъ. Чѣмъ меньшею становится для каждаго подмастерья вѣроятность выйти изъ своего положенія, и чѣмъ тяжелѣе самое это положеніе, тѣмъ въ бо́льшей степени мѣсто прежней связи между подмастерьемъ и его хозяиномъ занимаетъ товарищеская связь между подмастерьями,—связь, проникнутая уже духомъ вражды къ хозяевамъ-мастерамъ. Создаются организаціи подмастерьевъ. Вначалѣ онѣ носятъ характеръ религіозныхъ братствъ, которыя вскорѣ, по словамъ англійскихъ мастеровъ XIV вѣка, «подъ прикрытіемъ религіознаго благочестія» начинаютъ преслѣдовать чисто-экономическія цѣли.

Одной изъ задачъ союзовъ подмастерьевъ являлась организація взаимопомощи. Каждое братство имѣетъ свою кассу, которая пополняется членскими взносами, и помогаетъ своимъ членамъ при странствованіяхъ, въ случаѣ болѣзни и т. д. Иногда братство содержитъ въ городской больницѣ опредѣленное число кроватей для своихъ больныхъ членовъ. Оно нерѣдко беретъ на себя и организацію похоронъ умершихъ подмастерьевъ. Касса братства выполняетъ въ этихъ случаяхъ функцію больничныхъ и похоронныхъ кассъ.

Но этимъ задачи союзовъ подмастерьевъ далеко не ограничиваются. Они съ теченіемъ времени изъ союзовъ матеріальной взаимопомощи переходили въ ассоціаціи для борьбы за общіе интересы противъ общихъ враговъ. Прежде всего выступаетъ борьба за повышеніе заработной платы. Мастера стремились самостоятельно устанавливать заработную плату и притомъ на возможно большій срокъ. Въ XV вѣкѣ, напр., верхне-рейнскіе цехи портныхъ устанавливаютъ плату сразу на 28 лѣтъ. Бывали случаи, когда мастера пытались фиксировать размѣръ заработной платы на вѣчныя времена. Такое положеніе дѣлъ не могло, конечно, удовлетворять подмастерьевъ, и ихъ организаціи, начиная съ XIV, XV вѣка, открываютъ длительный періодъ борьбы за повышеніе заработной платы. Эта борьба направлена и противъ практиковавшейся уже въ изучаемую эпоху расплаты товарами (truck-system), которая искусственно понижаетъ размѣръ заработка.

Не менѣе важную роль въ дѣятельности союзовъ подмастерьевъ занимала борьба за сокращеніе рабочаго времени. Съ тѣхъ поръ, какъ

мастера подпадаютъ подъ власть торговаго капитала, они начинаютъ увеличивать рабочій день, который иногда доводился до 14—16 часовъ. Особенно тяжело отразилась на подмастерьяхъ отмѣна въ эпоху реформаціи массы католическихъ праздниковъ. Время отдыха сокращалось такимъ образомъ до минимума, и подмастерья вынуждены были выступить въ защиту своихъ интересовъ. На ряду съ требованіемъ сокращенія рабочаго дня союзы подмастерьевъ усиленно добиваются права «понедѣльничанія» («синій понедѣльникъ»), т.-е., по существу, установленія второго праздничнаго дня въ недѣлю. Борясь за заработную плату и сокращеніе рабочаго времени, союзы подмастерьевъ являлись прообразомъ современныхъ профессіональныхъ союзовъ.

Каждый союзъ объединялъ подмастерьевъ одного ремесла, вначалѣ только живущихъ въ одномъ городѣ; но уже очень рано общіе интересы, особенно взаимная поддержка во время странствованій, расширяютъ эту связь за предѣлы отдѣльныхъ городовъ; создаются междугородскіе, даже международные союзы подмастерьевъ одного ремесла. Дальше этого объединеніе никогда не шло; подмастерья различныхъ ремеслъ не только не объединялись между собою, но нерѣдко даже враждовали, подобно мастерамъ различныхъ цеховъ.

Благодаря значительной силѣ своихъ организацій, подмастерья нерѣдко принуждали мастеровъ къ различнымъ уступкамъ и создавали желательныя для себя условія. Мастера всячески старались уничтожить эти союзы и нерѣдко добивались соотвѣтственныхъ законовъ. Но тогда союзы подмастерьевъ только превращались въ тайные, а не переставали существовать. Съ перемѣннымъ счастьемъ борьба тѣхъ и другихъ организацій продолжается на Западѣ въ теченіе всей эпохи торговаго капитала. Главнымъ орудіемъ въ борьбѣ для обѣихъ сторонъ являлись стачки и бойкотъ. (Бойкотъ—это коллективный отказъ отъ сношеній съ опредѣленнымъ лицомъ или группой, когда, напр., не покупаютъ никакихъ товаровъ у такого-то продавца или не нанимаются ни за какую цѣну у такого-то предпринимателя и т. д.) Въ конечномъ счетѣ, пораженіе подмастерьевъ предрѣшалось, однако, самой сущностью дѣла: борьбу они могли вести только противъ мастеровъ; но дѣйствительная сила, ихъ угнетавшая, были не мастера, а торговый капиталъ, который, эксплоатируя мастеровъ, вынуждалъ ихъ усиливать эксплоатацію подмастерьевъ.

Такъ перерождались и разлагались ремесленныя организаціи подъ дѣйствіемъ торговаго капитала.

4. Роль государственной власти.

Что касается до организаціи собственно политическихъ, то эпоха торговаго капитала была временемъ расцвѣта абсолютной монархіи.

Прочная экономическая связь между различными частями государства, которую создавало развитіе сношеній, являлась основой прочнаго объединенія страны. Въ то же время абсолютной монархіи пришлось выполнить весьма важныя и широкія историческія задачи, выполнить въ тяжелой борьбѣ, которая укрѣпила силу абсолютной монархіи и завоевала ей сочувствіе и довѣріе развивавшихся торгово-промышленныхъ классовъ общества.

Первой изъ этихъ задачъ было уничтоженіе тѣхъ остатковъ стараго феодализма, которые не могли приспособиться къ измѣнившимся историческимъ условіямъ и начали отчаянную борьбу за свое существованіе противъ всего мѣнового общества. Только часть феодаловъ—экономически болѣе сильные и прогрессивные элементы этого класса—оказалась въ состояніи сохранить свое прежнее общественное положеніе, въ видѣ помѣщиковъ и чиновниковъ, среди водоворота мѣновыхъ отношеній, при возрастающей силѣ торговаго капитала. Болѣе слабые элементы оказались беззащитными въ сферѣ чисто экономической, рыночной борьбы интересовъ, и стали быстро приходить въ упадокъ подъ ударами торговаго и ростовщическаго капитала; существованіе такихъ феодаловъ еще могло продержаться нѣкоторое время лишь благодаря остаткамъ натуральнаго хозяйства въ ихъ помѣстьяхъ. Быстро совершавшееся вытѣсненіе этихъ остатковъ денежными отношеніями шагъ за шагомъ уничтожало возможность существованія старыхъ феодаловъ. Но они не въ состояніи были примириться съ такой перспективой. Пользуясь своимъ стариннымъ правомъ брать пошлины съ проѣзжающихъ купцовъ, они стали выходить съ дружинами на большія дороги и грабить торговые караваны, добывая себѣ такимъ образомъ средства къ жизни, но причиняя громадный ущербъ развитію общественнаго производства. Государство своей военной силой укротило этихъ феодаловъ, разрушило ихъ неприступные замки и создало безопасность сношеній, необходимую для торговли и промышленности.

Другой задачей бюрократической монархіи явилось подавленіе крестьянскихъ возстаній. Какъ мы знаемъ, возстанія эти были неизбѣжнымъ результатомъ непосильности для крестьянства двойного гнета—эксплоатаціи помѣщичьей и торгово-капиталистической. Вначалѣ, пока мѣновыя связи оставались сравнительно узкими и каждая область жила своей обособленной жизнью, крестьянскія возстанія имѣли мѣстный характеръ и подавлялись сравнительно легко. Развитіе торговаго капитала, создавая широкія и прочныя связи между различными областями, создало и почву для широкихъ національныхъ крестьянскихъ возстаній, охватившихъ цѣлыя страны; а ухудшая еще сильнѣе прежняго положеніе крѣпостного крестьянства, оно придало этимъ воз-

станіямъ особенной жестокіи и упорный характеръ. Въ Италіи въ XIII, въ Англіи и Франціи въ концѣ XIV вѣка, въ Богеміи въ XV вѣкѣ, въ Германіи въ началѣ XVI, въ Россіи въ XVII и XVIII вѣкѣ происходили крестьянскія войны, для успѣшнаго окончанія которыхъ понадобилось со стороны государственныхъ организацій значительное напряженіе ихъ силъ.

Наиболѣе замѣчательныя изъ этихъ войнъ—германскія. Онѣ оставили по себѣ, между прочимъ, любопытный историческій документъ, въ которомъ ясно и отчетливо, въ литературной формѣ, изложены основныя требованія и стремленія тогдашняго крестьянства. Это—манифестъ 12 пунктовъ (1525 годъ). Въ немъ крестьяне ставили слѣдующія требованія: отмѣна крѣпостного права; уничтоженіе незаконныхъ поборовъ, духовныхъ и свѣтскихъ; безпристрастіе въ судахъ; свобода проповѣди; безпрепятственное пользованіе лѣсами, охотой и рыбной ловлей; отчетность въ платимыхъ народомъ податяхъ; вознагражденіе за нѣкоторыя явныя несправедливости господъ... Характерно для крестьянской психологіи и, вообще, для психологіи того времени, что всѣ эти чисто классовыя, жизненно-практическія требованія подкрѣплялись религіозными доказательствами—ссылками на тексты священнаго писанія.

Крестьянскія войны во всѣхъ странахъ закончились пораженіемъ возставшихъ. Это было результатомъ неорганизованности крестьянства. Противъ него стояла сплоченная организація помѣщичьяго государства, между тѣмъ какъ сознаніе крестьянства не было способно подняться выше мѣстныхъ, групповыхъ интересовъ. Представители мелкаго хозяйства, не связаннаго тѣсной и постоянной связью съ другими такими же хозяйствами, они не были проникнуты солидарностью. Ихъ боевое объединеніе было непрочно. Послѣ первыхъ побѣдъ ихъ отряды разбредались по своимъ районамъ, чтобы тамъ сводить счеты съ мѣстными помѣщиками, грабить ихъ имущество и дѣлить землю; а противники оправлялись и разбивали ихъ по частямъ, послѣ чего заставляли ихъ жестоко расплачиваться за непокорность и неумѣнье бороться.

И все же освобожденіе крестьянъ стало исторической необходимостью. Оно явилось третьей важнѣйшей задачей государства къ концу эпохи торговаго капитализма.

Крестьянскія возстанія расшатывали основы крѣпостного права, обнаруживая опасность прежнихъ отношеній для общества и для самихъ помѣщиковъ. Для торгово-капиталистическаго класса крѣпостное право было помѣхой на пути развитія, въ значительной мѣрѣ препятствуя торговому капиталу захватить окончательно въ свои руки организаторскую власть надъ крестьянскими хозяйствами. Далѣе, для государства,

нерѣдко нуждавшагося въ деньгахъ, крестьянская масса, принужденная уступать помѣщикамъ неумѣренно-значительную долю своихъ продуктовъ и стѣсненная въ своихъ занятіяхъ прикрѣпленіемъ къ землѣ, становилась слишкомъ плохимъ источникомъ обложенія. Наконецъ, часть самихъ помѣщиковъ находила болѣе выгоднымъ эксплоатировать свои помѣстья при посредствѣ свободныхъ арендаторовъ, чѣмъ имѣть дѣло съ подневольнымъ и потому мало производительнымъ трудомъ крѣпостныхъ; эти помѣщики освобождали своихъ крестьянъ сами, сгоняя ихъ съ земли. Соединеніе всѣхъ этихъ общественныхъ силъ смогло, наконецъ, преодолѣть сопротивленіе отсталой массы помѣщиковъ-крѣпостниковъ.

Въ иныхъ случаяхъ освобожденіе крестьянъ произошло съ большой постепенностью, почти само собой (Англія); въ другихъ оно приняло форму особаго законодательнаго акта. Въ большой части странъ Европы оно завершилось уже въ началѣ эпохи промышленнаго капитализма, но силы, которыми оно было вызвано, сложились, главнымъ образомъ, на почвѣ торговаго капитала.

Фактическое соотношеніе общественныхъ силъ сказалось при освобожденіи крестьянъ въ томъ обстоятельствѣ, что крестьяне лишались иногда всей земли, находившейся въ ихъ пользованіи, чаще—нѣкоторой ея части, причемъ за остальную часть они платили выкупъ (т.-е., въ сущности, покупали ее). Такъ было и въ Россіи въ 1861 году.

Одновременно съ расцвѣтомъ абсолютнаго государства стала окончательно приходить въ упадокъ прежняя организація феодальнаго господства—католическая церковь.

Утративъ, какъ было раньше выяснено, наибольшую долю своего значенія въ общественномъ производствѣ, католическая церковь долгое время сохраняла и даже старалась увеличить свою долю въ общественномъ распредѣленіи, усиливая эксплоатацію народа. Это создало духовенству сильныхъ враговъ въ другихъ общественныхъ классахъ. Противъ него были настроены и крестьянскія массы, наиболѣе страдавшія отъ десятины и другихъ поборовъ, и ремесленно-торговыя группы, враждебныя всѣмъ вообще феодаламъ, въ томъ числѣ и духовнымъ; наконецъ, даже свѣтскіе феодалы и государи находили очень выгоднымъ прибрать къ рукамъ обширныя владѣнія церковной организаціи.

Всякія идеи, враждебныя власти духовенства, находили для себя все болѣе благопріятную почву въ настроеніи различныхъ общественныхъ слоевъ. Ереси развивались съ такой силой и быстротой, какъ никогда раньше. Духовенство боролось противъ нихъ съ ожесточеніемъ, всѣми силами стараясь подавить критическую мысль. Но тѣмъ сильнѣе

возрастала ненависть къ католицизму. Побѣда еретиковъ стала неизбѣжною—наступило время религiозной реформацiи.

Явилась масса сектъ, которыя выставляли самыя разнообразныя религiозныя ученiя, ссылаясь на самые различные тексты Священнаго Писанiя. Но сущность дѣла сводилась къ одному: долой духовныхъ феодаловъ! Тексты толковались, можетъ быть, вкривь и вкось, но сущность чувствовалась сильно и не подлежала сомнѣнiю.

Борьба за сохраненiе права эксплоатацiи ознаменована со стороны католическаго духовенства самыми неслыханными жестокостями. Въ этой борьбѣ духовенство выдѣлило изъ себя организацiю поразительной силы и прочности, совершеннѣе которой для боевыхъ цѣлей трудно представить,—орденъ iезуитовъ. Терроръ достигъ крайнихъ предѣловъ въ дѣятельности инквизицiи.

Всѣ эти громадныя усилiя могли только на время задержать ходъ побѣдоносной реформацiи. Первые реформаторы погибли въ неравной борьбѣ. Лютеръ и Кальвинъ были уже побѣдителями [1]).

Государство конфисковало земли духовенства, что сопровождалось обезземеленiемъ значительной части крестьянъ; конфискацiю оправдывали тѣмъ, что это необходимая мѣра борьбы съ суевѣрiями, поддерживаемыми католической церковью. (Примѣръ того, до какой степени идеи людей находятся въ зависимости отъ ихъ интересовъ, хотя зависимость эта обыкновенно не сознается.)

Разложенiе и упадокъ цеховыхъ корпорацiй подъ влiянiемъ торговаго капитализма точно такъ же повели во многихъ случаяхъ къ конфискацiи государствомъ имуществъ этихъ корпорацiй.

5. Идеологiя и силы развитiя въ эпоху торговаго капитала.

Торговый капитализмъ представляетъ изъ себя вторую стадiю развитiя мѣнового общества—стадiю, тѣсно переплетающуюся съ ремесленно-городскимъ и крѣпостнымъ строемъ, и лишь для удобства изученiя разсмотрѣнную здѣсь отдѣльно. Во всѣхъ наиболѣе существенныхъ чертахъ общественное сознанiе продолжало неуклонно развиваться въ томъ же направленiи, какое намѣтилось еще въ эпоху перехода отъ натуральнаго общества къ мѣновому; преобладающiй психологическiй типъ все еще мелко-буржуазный.

Въ прочныхъ промышленныхъ корпорацiяхъ, въ мѣщанской семьѣ

---

[1]) Католицизмъ сохранилъ прежнюю силу въ Италiи и на Пиренейскомъ полуостровѣ: для Италiи онъ былъ выгоденъ, потому что въ ея пользу папство эксплоатировало цѣлый мiръ; въ Испанiи и Португалiи онъ удержался потому, что экономическое развитiе этихъ странъ въ XVI—XVIII вѣкахъ испытало, по особымъ причинамъ, сильную задержку, точнѣе даже—смѣнилось довольно глубокой деградацией.

и въ феодально-крѣпостныхъ отношеніяхъ общество сохраняло еще условія прежняго патріархальнаго подчиненія личности—условія, препятствовавшія развитію личности. Подрывая эти условія, торговый капиталъ содѣйствовалъ дальнѣйшему высвобожденію личности. Патріархальныя отношенія остаются въ прежней силѣ на двухъ полюсахъ общественнаго единенія: въ политическихъ формахъ абсолютной монархіи и въ семейныхъ формахъ частнаго хозяйства. Здѣсь, впрочемъ, также наблюдаются нѣкоторыя измѣненія. Абсолютная монархія совершенно чужда той близости и непосредственности отношеній между господствующими и подчиняющимися, какая свойственна патріархальнымъ формамъ, даже въ ихъ феодальномъ развитіи (при чистыхъ, старо-феодальныхъ отношеніяхъ); на сцену выступаетъ сухой и холодный формализмъ бюрократіи. Въ семьѣ, напротивъ, отношенія смягчаются, власть главы семьи и рабство остальныхъ ея членовъ проявляются не такъ рѣзко.

Умственный запасъ людей расширялся по мѣрѣ того, какъ торговыя сношенія соединяли все болѣе и болѣе прочными связями различныя отдаленныя другъ отъ друга области и цѣлыя страны. Необходимость развитія знаній чувствовалась все сильнѣе; и въ этомъ торговый классъ съ его наемными работниками (приказчики, бухгалтера, торговые агенты и т. под.) шелъ впереди остального общества: обмѣнъ вызываетъ въ этихъ классахъ потребность вести торговыя книги, отыскивать наиболѣе выгодные рынки для покупокъ и сбыта, изучать экономическія и юридическія условія своей страны, а также учрежденія и нравы чужихъ странъ, говорить на иностранныхъ языкахъ и т. д. Прежнія школы духовенства оказываются недостаточными и негодными; возникаютъ свѣтскія школы, вначалѣ только въ городахъ. Въ организаціи и поддержаніи этихъ школъ принимали дѣятельное участіе князья и короли, которые, какъ и горожане, видѣли въ наукѣ средство борьбы противъ духовнаго феодализма. Но и въ низшихъ слояхъ народныхъ массъ распространялось стремленіе къ образованію; уже тотъ фактъ, что торгово-ростовщическій капиталъ безпощадно эксплоатируетъ въ свою пользу народное невѣжество, сильно содѣйствуетъ пробужденію въ массахъ этого стремленія. Да и сама по себѣ торгово-ростовщическая эксплоатація предполагаетъ грамотность, по крайней мѣрѣ, самихъ скупщиковъ и кулаковъ. А главное— въ грамотности, въ образованіи крестьянинъ начинаетъ видѣть единственное средство выбиться изъ своего тяжелаго положенія, подняться на болѣе высокую ступень общественной лѣстницы.

Въ то же время устраняются нѣкоторыя серьезныя препятствія, мѣшавшія развитію народнаго образованія; паденіе крѣпостного права особенно важно въ этомъ смыслѣ: при крѣпостныхъ отношеніяхъ, какъ

раньше при феодальныхъ, не только образованіе, но простая грамотность была почти недоступна крестьянству; съ точки зрѣнія господъ все это совершенно безполезно для крестьянъ, даже вредно для ихъ «нравственности».

Остатки натуральнаго фетишизма продолжали деградировать параллельно съ развитіемъ знаній. Особенно ярко выступаетъ этотъ процессъ при сравненіи католицизма съ тѣми реформаторскими ученіями, которыя пришли ему на смѣну.

Зато продолжалъ развиваться и укрѣпляться въ общественномъ сознаніи фетишизмъ товарный. Тѣсно связанная съ нимъ страстная жажда денегъ, неутомимое ихъ исканіе—характерная черта второй половины Среднихъ вѣковъ и начала Новаго времени. Ради одной и той же цѣли предпринимались упорныя изслѣдованія алхимиковъ и дальнія путешествія авантюристовъ; философскій камень и Индія играли одинаковую роль въ психологіи того времени.

Основной силой развитія въ торгово-капиталистическомъ обществѣ, какъ и во всякомъ мѣновомъ, является конкурренція. Дѣйствіе ея выступаетъ все яснѣе и рѣзче, развитіе общества совершается все быстрѣе, по мѣрѣ того, какъ ослабѣваютъ и уничтожаются старыя препятствія на ея пути — феодальныя и цеховыя формы, чрезмѣрная регламентація промышленности и торговли со стороны государства и т. д.

Торговый классъ идетъ во главѣ развитія и ведетъ за собой другія общественныя силы, и прежде всего—правительства. Его погоня за рынками, его стремленіе расширить область обмѣна приводятъ къ усовершенствованію техники мореплаванія: научаются строить болѣе крупные и прочные корабли, годные даже для океаническихъ плаваній; прогрессъ астрономіи и примѣненіе компаса даютъ возможность болѣе увѣренно управлять ходомъ корабля.

Въ тѣсной связи съ общимъ развитіемъ сношеній стоитъ возникновеніе цѣлыхъ новыхъ отраслей промышленности, которыя оказываютъ громадное вліяніе на дальнѣйшую экономическую жизнь: производство писчей бумаги и книгопечатаніе. Являясь могущественнымъ орудіемъ распространенія всякихъ знаній, эти отрасли производства чрезвычайно ускорили развитіе производительности труда.

Общій прогрессъ жизни сказывался и во всѣхъ другихъ областяхъ промышленности. Размѣры производства возрастали, техника измѣнялась. Вообще, именно съ эпохой торговаго капитала совпадаетъ тотъ періодъ, который историки часто обозначаютъ, какъ «періодъ великихъ изобрѣтеній и открытій».

Это же время совпадаетъ съ «возрожденіемъ наукъ и искусствъ», совершавшимся при сильномъ содѣйствіи оставшихся отъ классическаго міра юридическихъ, литературныхъ и художественныхъ образцовъ. Это наслѣдство оставалось безъ движенія до тѣхъ поръ, пока общество не достигло вновь той стадіи развитія мѣновыхъ отношеній, на которой стоялъ древній міръ въ эпоху своего расцвѣта; когда же оно ея достигло—наслѣдство древняго міра облегчило и ускорило образованіе новыхъ формъ мышленія и дѣятельности.

Историческое начало періода торговаго капитала относится для юга Западной Европы къ XIII вѣку, для сѣвера—приблизительно къ концу XIV. Въ сущности, развитіе торговаго капитала почти неотдѣлимо отъ развитія самихъ мѣновыхъ отношеній. Къ началу Новыхъ вѣковъ въ Европѣ начинаютъ складываться мануфактуры, знаменующія собой новую форму капитализма. Развитіе торговаго капитала и возрастаніе его общественной роли продолжалось и дальше на ряду съ прогрессомъ промышленнаго капитала.

Первоначальное развитіе торговаго капитала въ республикахъ Италіи (Венеція, Генуя и др.) было результатомъ ихъ посреднической дѣятельности въ торговлѣ между Западной Европой и азіатскими странами. Это посредничество, къ которому итальянскія республики были призваны въ силу своего географическаго положенія, позволяло имъ обогащаться путемъ торговой эксплоатаціи обѣихъ областей производства, между которыми онѣ поддерживали мѣновыя связи.

Дальнѣйшее развитіе торговаго капитала съ его погоней за рынками вызвало открытіе новыхъ странъ: Америки, береговъ Африки; были найдены океаническіе пути въ Остъ-Индію и Китай. Торговый капиталъ сталъ быстро развиваться въ тѣхъ странахъ, которыя по своему приокеаническому положенію могли лучше другихъ воспользоваться новыми рынками,—прежде всего въ Португаліи и Испаніи. Старая, сухопутная торговля съ Восточной Азіей почти прекратилась; посредницы въ этой торговлѣ—итальянскія республики—начали быстро приходить въ упадокъ.

Испанія, захватившая затѣмъ эксплоатацію новооткрытыхъ странъ въ свою монополію, быстро достигла высшей ступени богатства и могущества. Благородные металлы Америки играли очень важную роль въ этомъ обогащеніи. Да и вся европейская торговля стала ускоренно развиваться подъ вліяніемъ ихъ усиленнаго прилива.

Но и развитіе торговаго капитала Испаніи оказалось неустойчивымъ и непродолжительнымъ, потому что оно не опиралось на соотвѣтственное развитіе *производства* въ самой Испаніи. Экономическій рас-

цвѣтъ, основанный на грабежѣ и монополіи, никогда не бываетъ прочнымъ. Онъ слишкомъ усиливаетъ въ данномъ обществѣ паразитическіе элементы, чѣмъ подрывается возможность прогресса. Торговля и экономическое господство перешли къ Голландіи, которая развивалась въ промышленномъ отношеніи гораздо быстрѣе Голландію же затѣмъ смѣнила, какъ извѣстно, Англія.

Одновременно съ этимъ переходомъ торговли отъ однѣхъ странъ къ другимъ происходитъ также постепенное расширеніе организаторской роли торговаго капитала въ области производства: торговый капиталъ, увеличивая свое вліяніе на ходъ производства, все болѣе принималъ оттѣнокъ промышленнаго.

Промышленный капитализмъ.

1. Первоначальное накопленіе.

Промышленный капитализмъ есть организація крупнаго производства, основанная на наемномъ трудѣ.

Слѣдовательно, для него необходима наличность двухъ предварительныхъ условій: 1) капиталовъ достаточной величины, 2) рабочихъ, свободныхъ отъ личной зависимости, т.-е. имѣющихъ возможность продавать свою рабочую силу, и въ то же время вынужденныхъ продавать ее.

Если у свободнаго производителя имѣются средства производства, какъ это было у городского ремесленника цехового періода, то онъ и работаетъ самъ на себя, продаетъ свой продуктъ, а не рабочую силу. Продавать ее онъ вынужденъ тогда, когда у него нѣтъ средствъ производства, когда онъ отдѣленъ отъ нихъ. И конечно, онъ будетъ продавать ее тому, кто можетъ предоставить ему эти средства производства—капиталисту.

Капиталистъ же, чтобы организовать на такомъ наймѣ рабочихъ производство въ крупномъ масштабѣ, долженъ имѣть у себя въ достаточномъ количествѣ эти средства производства, или, что въ мѣновомъ обществѣ равносильно тому же, деньги на ихъ покупку: онъ долженъ обладать такъ или иначе накопленнымъ капиталомъ.

Процессъ, посредствомъ котораго создавались эти условія, извѣстенъ подъ названіемъ первоначальнаго накопленія. Онъ осуществлялся въ ряду вѣковъ до начала промышленнаго капитализма самыми разнообразными методами, мирными и насильственными.

Ремесленная промышленность городовъ была организована такъ, что долгое время не допускала значительнаго накопленія. Въ общемъ, при обмѣнѣ между крестьянско-феодальной деревней и ремесленно-торговымъ городомъ, различіе въ степеняхъ культуры и, особенно, значительная сплоченность промышленныхъ организацій города должны были приводить къ тому, что городъ систематически обиралъ де-

ревню—покупалъ ея продукты ниже ихъ стоимости. Торговый классъ, какъ посредникъ въ обмѣнѣ, выигрывалъ при этомъ больше всѣхъ, эксплоатируя въ свою пользу и забитость крестьянина, и расточительность феодала. Такимъ образомъ, крестьянскій трудъ превращался въ городской капиталъ. Вслѣдъ за крестьянствомъ и феодалами торгово-ростовщическій капиталъ подчинилъ себѣ также ремесленниковъ: домашняя капиталистическая форма производства оставляетъ всякому мелкому производителю лишь необходимыя средства для поддержанія предпріятія, а прибавочный трудъ идетъ въ пользу торговаго капитала.

Къ могущественнымъ методамъ первоначальнаго накопленія относится, далѣе, торговля съ новооткрытыми странами,—торговля, принимавшая форму прямого грабежа. Съ открытіемъ новыхъ земель, въ старыхъ странахъ Европы немедленно же создавались торговыя кампаніи, которыя специализировались на ограбленіи «варварскихъ» народовъ Америки, Азіи и Африки. Эти компаніи надѣлялись отъ правительствъ монополіями, предоставлявшими имъ исключительное право торговли съ тѣми или другими колоніальными странами. Бывали случаи, когда въ руки торговыхъ компаній передавались судебная и политическая власть надъ обширнѣйшими пространствами такъ называемаго нецивилизованнаго міра. Въ подобныхъ условіяхъ жители колоній обращались въ объектъ необузданной эксплоатаціи. При мѣновыхъ сдѣлкахъ отсталыхъ племенъ съ представителями торговаго капитализма Европы, послѣдніе выступали какъ организованная военная сила, снабженная могущественными техническими средствами. Населеніе колоній, переживавшее еще, большею частью, періодъ натуральнаго хозяйства и незнакомое съ техническими завоеваніями Европы, оказывалось слабѣйшей стороной, и неизбѣжно превращалось въ жертву героевъ первоначальнаго накопленія. Ни о какомъ обмѣнѣ равноцѣнностями здѣсь не могло быть, конечно, рѣчи. Вознагражденіе туземцевъ за отбираемые и даже покупаемые у нихъ продукты зависѣло всецѣло отъ соотношенія силъ. А такъ какъ сила была на сторонѣ торговаго капитала, то грань между торговлей и грабежомъ постоянно стиралась. Экспропріируемыя въ колоніяхъ богатства отправлялись въ Европу и создавали здѣсь условія для развитія промышленнаго капитализма.

Яркое представленіе о торговыхъ компаніяхъ такого типа можетъ дать дѣятельность голландской остъ-индской компаніи, основанной въ началѣ XVII столѣтія. Государственная власть Нидерландовъ предоставила этой компаніи право монопольной торговли съ Индіей, и ей удалось сосредоточить въ своихъ рукахъ снабженіе пряностями всей Европы. Пользуясь своимъ положеніемъ, она платила туземцамъ чрезвычайно низкія цѣны, устанавливая ихъ по своему усмотрѣнію. Это способствовало тому, что туземцы стали сбывать свои товары англи-

чанамъ, утвердившимся въ ту пору на одномъ изъ большихъ остров
Индійскаго океана, и голландцамъ, не входившимъ въ составъ ос
индской компаніи. Желая избѣгнуть конкуренціи и сохранить с
баснословные барыши, колебавшіеся въ предѣлахъ отъ 75 до 160
компанія прибѣгала къ самымъ чудовищнымъ средствамъ. Чтобы сох
нить надзоръ за продажей пряностей и вмѣстѣ съ тѣмъ сократить
предложеніе со стороны туземцевъ, она на цѣломъ архипелагѣ истреб
мускатный орѣхъ, и сохранила его на очень немногихъ острова
Той же участи подверглись богатѣйшіе сады гвоздики, которыя к
панія оставила на одномъ только островѣ. Когда эти мѣры оказывал
недостаточными для искусственнаго сохраненія высокаго уровня ц
въ Европѣ, компанія прибѣгала къ уничтоженію части пряностей, у
доставленныхъ изъ колоній. Тогда въ Нидерландахъ сжигались
кія колоссальныя количества корицы, муската и гвоздики, что аром
ихъ распространялся на огромныя разстоянія кругомъ.

Не менѣе хищническую дѣятельность развивала англійская ос
индская компанія, положившая начало систематическому грабежу Ин
Великобританіей. Индія и для англійскаго капитала на зарѣ его ис
рическаго развитія послужила богатѣйшимъ источникомъ первонача
наго накопленія. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ бары
остъ-индской компаніи: размѣръ ея прибыли достигалъ 340%, и р
кія экспедиціи приносили меньше 150%. Вкладываемый капиталъ в
кій разъ увеличивался такимъ образомъ въ нѣсколько разъ, и гром
ныя состоянія выростали зачастую въ одинъ день. Во имя лег
наживы «свободолюбивые» англичане не останавливались передъ пр
мами, отнюдь не уступающими мѣропріятіямъ голландцевъ. Такъ,
1769—70 гг. англичане закупили въ Индіи весь рисъ и вызва
въ странѣ ужасающій голодъ; вступивъ затѣмъ въ соглашеніе меж
собой, они стали сбывать закупленный рисъ по баснословной цѣ

Въ исторіи первоначальнаго накопленія огромную роль сыгр
открытіе въ Америкѣ богатыхъ залежей драгоцѣнныхъ металло
которые привлекали тысячи «искателей приключеній» въ новыя стра
Стоило купцамъ-завоевателямъ замѣтить на туземцахъ золотыя или
ребряныя украшенія, чтобы они немедленно же снаряжали экспе
ціи съ цѣлью ограбленія этихъ странъ. Насиліе и измѣна являлись зд
обычными методами борьбы. Въ этомъ отношеніи весьма любопыте
одинъ эпизодъ изъ исторіи завоеванія Перу. Разбивъ въ одномъ
сраженіи мирныхъ перуанцевъ, испанцы взяли въ плѣнъ ихъ вож
Плѣнный вождь предложилъ въ видѣ выкупа столько золота, скол
можетъ вмѣстить въ себѣ та комната, въ которой онъ сидѣлъ.
составляло около 35 милліоновъ рублей на наши деньги! Для т
чтобы собрать все это золото, потребовалось разгромленіе цѣлаго р

руанскихъ храмовъ; но испанскіе искатели приключеній или, вѣр-
ѣе, легкой наживы, не остановились передъ этимъ. Выкупъ былъ
лаченъ, а перуанскій вождь все-таки былъ казненъ. При завоева-
и одного перуанскаго города на долю каждаго солдата досталось на-
абленнаго золота на 20 тысячъ рублей. Покореніе Америки, вообще,
провождалось скопленіемъ огромныхъ запасовъ золота въ рукахъ
воевателей, такъ называемыхъ «конквистадоровъ», объединявшихъ въ
оемъ лицѣ купцовъ и воиновъ.

Къ методамъ первоначальнаго накопленія принадлежитъ также тор-
вля чернокожими. Негры вывозились изъ Африки на Большіе и Малые
нтильскіе острова и на Американскій континентъ. Вначалѣ монополія
рговли невольниками находилась въ рукахъ Испаніи, которая впо-
ѣдствіи уступила ее другимъ «цивилизованнымъ» націямъ христіан-
ой Европы—нѣмцамъ, французамъ и, наконецъ, англичанамъ (Южно-
кеанской компаніи). Насколько доходно было это дѣло, видно хотя
изъ того, что французы продавали негровъ на Антильскихъ остро-
хъ по цѣнѣ въ десять разъ большей ихъ покупной цѣны въ Сене-
мбіи. Въ Англіи торговля неграми создавала колоссальныя состоя-
я. Извѣстно, напримѣръ, что Ливерпуль, одинъ изъ крупныхъ тор-
во-промышленныхъ городовъ Англіи, выросъ на основѣ торговли
грами, которая въ XVIII вѣкѣ составляла главное занятіе его пред-
іимчиваго населенія.

Пользуясь неграми, европейцы насаждали въ колоніяхъ рабовла-
льческія хозяйства, которыя, на ряду съ ограбленіемъ туземцевъ,
ановились могущественнымъ средствомъ накопленія капиталовъ. О
змѣрахъ эксплоатаціи рабскаго труда достаточно краснорѣчиво сви-
тельствуетъ число негровъ въ англійскихъ сѣверо-американскихъ ко-
ніяхъ: въ 1715 г. ихъ насчитывалось 60 тысячъ, въ 1754 четверть
лліона, а въ 1776 году полмилліона человѣкъ.

Итакъ, «открытіе залежей золота и серебра въ Америкѣ, искоре-
ніе, порабощеніе и погребеніе заживо туземнаго населенія въ руд-
кахъ, первые шаги къ завоеванію и разграбленію Остъ-Индіи, пре-
ащеніе Африки въ заповѣдное поле охоты за чернокожими—такова
ла утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идилли-
скіе процессы составляютъ главные моменты первоначальнаго на-
пленія» (Марксъ).

Самую ничтожную роль въ процессѣ образованія тѣхъ богатствъ,
торыя положили начало промышленному капитализму, могло играть
рямое сбереженіе мелкихъ производителей, которому буржуаз-
я политическая экономія приписывала преобладающее значеніе въ
лѣ первоначальнаго накопленія капиталовъ. Она утверждала, что всѣ
и, по крайней мѣрѣ, большая часть капиталовъ произошла изъ лич-

наго труда самихъ капиталистовъ или ихъ предковъ; будучи бережливы, они потребляли не все, что зарабатывали, и то, что накопляли, передали потомкамъ; тѣ прибавили къ этому свои сбереженія, и т. д. Нелѣпость такого представленія сразу выясняется, если сравнить громадные капиталы промышленныхъ предпріятій съ грошевыми размѣрами тѣхъ сбереженій, какія фактически возможны для мелкаго производителя даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Но, кромѣ накопленія капиталовъ, необходимо было и «первоначальное накопленіе» свободной рабочей силы, ибо исполнительскій трудъ въ капиталистическихъ предпріятіяхъ выполняется **наемными работниками**. Наемнымъ работникомъ не можетъ являться крѣпостной или рабъ: они не имѣютъ права располагать своей рабочей силой, такъ какъ она принадлежитъ не имъ самимъ, а ихъ владѣльцамъ; только **лично свободный** работникъ самостоятельно распоряжается своей рабочей силой и можетъ продавать ее.

Но, какъ было указано, свободный работникъ не станетъ продавать своей рабочей силы, если у него есть какія-нибудь иныя средства къ жизни. Обладая всѣми необходимыми средствами производства—орудіями, матеріалами, мастерской—онъ не пойдетъ наниматься на чужую работу, а будетъ вести собственное предпріятіе. Слѣдовательно, для промышленнаго капитала нуженъ работникъ, лишенный собственныхъ средствъ производства или, какъ принято говорить, «свободный» отъ нихъ.

Человѣкъ, свободный отъ личной зависимости и отъ средствъ производства, называется пролетаріемъ.

Освобожденіе крестьянъ отъ земли и отъ крѣпостныхъ отношеній, происходившее въ большихъ размѣрахъ въ концѣ Среднихъ вѣковъ и въ началѣ Новаго времени (въ позднѣйшую эпоху торговаго капитализма), было основнымъ источникомъ пролетаріата.

Еще раньше, чѣмъ такое освобожденіе совершилось формально, законодательнымъ путемъ, жизнь въ значительной мѣрѣ осуществляла его фактически, въ формѣ массовыхъ побѣговъ отъ земли. Энергичная эксплоатація крѣпостныхъ феодалами, какъ было указано, приводила очень нерѣдко къ полному разоренію крестьянскихъ хозяйствъ, и повсюду сдѣлала положеніе прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ невыносимымъ. Въ деревнѣ тогда остаются лишь болѣе пассивныя натуры, которыя способны мириться съ возрастающимъ гнетомъ извнѣ и не уменьшающимся давленіемъ традицій внутри семьи. Личности же активныя, энергичнаго типа—такихъ, конечно, меньшинство—покидаютъ деревню. Значительная часть ихъ обращается въ бездомныхъ бродягъ, а другія, которыя хотятъ жить честнымъ заработкомъ, устремляются въ города.

Формальное освобожденіе крестьянъ лишь облегчало и ускоряло процессъ образованія пролетаріата. Въ Англіи, гдѣ даже не было общегосударственнаго акта освобожденія, крѣпостное право исчезло само собой очень рано, отчасти, вслѣдствіе энергичнаго сопротивленія крестьянъ, отчасти, вслѣдствіе большей выгодности наемнаго труда сравнительно съ крѣпостнымъ. Тамъ зависимаго крестьянина смѣнилъ частью арендаторъ земли—фермеръ, частью безхозяйный батракъ или полубатракъ. Если фермеръ платилъ плохо, то землевладѣлецъ (лэндлордъ) сгонялъ его и передавалъ аренду другому. Такимъ образомъ, аренда переходила въ руки болѣе состоятельныхъ фермеровъ, которые платили больше и исправнѣе. Множество крестьянъ при этомъ отрывалось отъ земли.

Большое значеніе въ дѣлѣ обезземеленія крестьянъ имѣло «огораживаніе» общинныхъ земель—явленіе, происходившее одинаково и въ Англіи, и на континентѣ. Стремясь къ увеличенію своихъ доходовъ и опираясь на формальныя права, а въ сущности—на грубую силу, землевладѣльцы отнимали у крестьянскихъ общинъ тѣ земли, которыя издавна находились въ общинномъ пользованіи. Не трудно представить себѣ, въ какой мѣрѣ такая экспропріація подрывала крестьянское хозяйство и содѣйствовала обращенію крестьянъ въ пролетаріевъ.

Если землевладѣльцу было выгодно замѣнить крестьянское земледѣліе скотоводствомъ, то онъ прямо сгонялъ со своей земли всѣхъ крестьянъ и поселялъ вмѣсто нихъ скотъ, при которомъ требовалось только ничтожное число наемныхъ рабочихъ. Такъ было особенно въ Англіи XVI—XVII вѣка, когда, благодаря сильному спросу со стороны голландской, а затѣмъ развивающейся англійской шерстяной промышленности, цѣна шерсти значительно поднялась. Разведеніе овецъ стало очень выгоднымъ дѣломъ, и дворянство энергично принялось обращать крестьянскія пашни въ пастбища—на мѣсто сотенъ тысячъ крестьянъ были поселены милліоны овецъ.

Дѣло начиналось обыкновенно съ ограниченія общинныхъ земель и правъ крестьянина пользоваться общиннымъ лѣсомъ. Это ставило крестьянина въ крайне тягостное положеніе, и онъ оказывался вынужденнымъ уступать свой надѣлъ господину. Но это былъ далеко не единственный методъ обезземеленія крестьянъ. Оно совершалось въ широкихъ размѣрахъ простой экспропріаціей крестьянства господами. У обиженнаго англійскаго іомена (независимаго крестьянина) не было возможности искать управы на сильныхъ міра сего, потому что судебные процессы были чрезвычайно дороги, а суды выражали интересы крупныхъ землевладѣльцевъ. Вотъ какъ одинъ авторъ половины XVI вѣка описываетъ процессъ обезземеленія крестьянства: «Джентльмены не считаютъ за преступленіе изгонять бѣдныхъ людей изъ ихъ

владѣній. Напротивъ, утверждая, что земля принадлежитъ имъ, они выбрасываютъ бѣдныхъ изъ-подъ крова, какъ какихъ-нибудь гадинъ. Въ Англіи въ настоящее время тысячи людей, которые были честными домохозяевами, просятъ милостыню, шатаясь отъ одной двери къ другой».

Именно въ Англіи—странѣ съ самымъ сильнымъ и быстрымъ развитіемъ промышленнаго капитализма—совершилось наиболѣе полное обезземеленіе крестьянъ. Тамъ этотъ процессъ продолжался болѣе 300 лѣтъ (главнымъ образомъ XVI—XVIII вѣка), и дѣло дошло до того, что крестьяне-собственники почти совершенно исчезли—вся земля находится въ рукахъ лэндлордовъ.

Значительная часть экспропріированныхъ крестьянъ отправлялась въ города, создавая огромные кадры пролетаріевъ. Населеніе деревень таяло, какъ воскъ, а города росли съ головокружительной быстротой; за послѣднюю четверть XVIII в., когда въ общемъ завершался процессъ обезземеленія крестьянъ, населеніе цѣлаго ряда англійскихъ городовъ, напр., Манчестера, Лидса, Больтона и Бюрмингама, увеличилось въ 3—$3^1/_2$ раза.

Далѣе, источникомъ пролетаріата явилась, какъ было выяснено, конфискація королями и князьями имуществъ духовенства и ремесленныхъ корпорацій, оставившая безъ призрѣнія массы бѣдныхъ, которые прежде кормились на счетъ этихъ учрежденій. Подобное же значеніе имѣло распущеніе феодалами ихъ многочисленной дворни, а также роспускъ феодальныхъ дружинъ, который совершился въ періодъ централизаціи государственной власти. Эти факты были неизбѣжнымъ результатомъ тѣхъ измѣненій въ психологіи феодаловъ, которыя повлекло за собой развитіе денежнаго хозяйства вообще, и особенно развитіе торговаго капитала. Прежде главной силою феодала была многочисленность подвластныхъ ему людей, и для него было какъ нельзя болѣе естественно стремленіе окружать себя громадною свитою, тѣмъ болѣе что при натуральномъ хозяйствѣ куда было и дѣвать излишки продуктовъ феодальнаго хозяйства, какъ не скормить дворнѣ и другимъ паразитамъ (напр., графъ Варвикъ, «дѣлатель королей», жившій въ Англіи конца XV вѣка, ежедневно кормилъ на свой счетъ 30.000 человѣкъ). Когда же главною силой феодала стали деньги, онъ распустилъ «людей».

Разорившіеся мелкіе ремесленники составляли одинъ изъ источниковъ пролетаріата, важный не столько съ количественной стороны, сколько съ качественной: въ лицѣ бывшихъ ремесленниковъ промышленный капиталъ имѣлъ передъ собою обученную, съ самаго начала пригодную къ систематическому труду рабочую силу, которая легко приспособлялась къ цѣлямъ капитала, тогда какъ пролетаріевъ-бѣг-

лецовъ изъ деревни, пролетаріевъ-бродягъ, пролетаріевъ-нищихъ, пролетаріевъ, вышедшихъ изъ паразитическаго класса дворовыхъ, надо было еще пріучать, приспособлять съ большими усиліями. Количество разоряющихся мелкихъ ремесленниковъ, вначалѣ сравнительно небольшое, чрезвычайно возрастаетъ впослѣдствіи, когда ремеслу приходится конкурировать съ развивающимся крупно-капиталистическимъ производствомъ.

Аналогичное значеніе имѣли, какъ одинъ изъ источниковъ рабочаго пролетаріата, ремесленные подмастерья и ученики, наемные работники мелко-ремесленныхъ предпріятій.

Такъ совершалось различными путями необходимое для возникновенія и развитія промышленнаго капитализма «первоначальное накопленіе наемной рабочей силы» [1]).

Далѣе, крупное производство нуждалось въ опытныхъ организаторахъ, самой жизнью подготовленныхъ для такой роли. Классъ торговыхъ капиталистовъ удовлетворялъ этому требованію. Не говоря уже о томъ, что торговый капиталистъ былъ организаторомъ собственнаго торговаго хозяйства, которое являлось, въ среднемъ, скорѣе круп-

---

[1]) Стихійный характеръ общественнаго развитія при мѣновыхъ отношеніяхъ сказался, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что „первоначальное накопленіе наемной рабочей силы" совершалось въ количествѣ, не соотвѣтствовавшемъ потребностямъ промышленнаго капитала, обыкновенно далеко ихъ превосходившемъ. Такъ, въ Англіи XVI—XVII вѣковъ оказались цѣлыя сотни тысячъ людей, которыхъ не могла поглотить промышленность. Принужденные вести бродяжескую, паразитарную жизнь, они представляли серьезную угрозу для общественнаго спокойствія. Противъ нихъ принимались самыя энергичныя мѣры: ихъ клеймили, били кнутомъ, отрѣзывали уши, наконецъ, за особенное „упорство" ихъ вѣшали, но все это недостаточно помогало. По существу, мѣры эти имѣли то значеніе, что дисциплинировали бездомный пролетаріатъ для потребностей развивающагося капитала, воспитывали безхозяйственные элементы общества въ томъ направленіи, какое соотвѣтствовало стремленіямъ новыхъ организаторскихъ классовъ. Впрочемъ, дѣло не всегда сводилось къ подобнымъ пріемамъ воздѣйствія. Въ концѣ XVI вѣка англійское правительство установило налогъ на высшіе классы въ пользу бѣдныхъ; и это сдѣлано было для того, чтобы посредствомъ законнаго паразитизма сколько-нибудь обезпечить для землевладѣнія и капитала безопасность отъ паразитизма незаконнаго въ его грубыхъ формахъ—въ формѣ грабежа, воровства и т. под.,—а также для того, чтобы предупредить вымираніе работниковъ, которые всегда могутъ понадобиться капиталу.

Въ тѣхъ немногихъ странахъ, гдѣ крѣпостное право удерживалось очень долгое время, промышленный капиталъ при своемъ возникновеніи испытывалъ, наоборотъ, недостатокъ въ свободной рабочей силѣ. Приспособляясь къ условіямъ, промышленный капиталъ организовалъ тамъ фабрики съ крѣпостнымъ трудомъ; но недостатки крѣпостного труда въ этомъ случаѣ оказались такъ значительны, его производительность—такъ слаба, что сами капиталисты бывали принуждены обращаться къ государству съ петиціями объ освобожденіи ихъ крестьянъ.

Такъ бывало въ Россіи.

нымъ, чѣмъ мелкимъ предпріятіемъ,—будущій промышленный капиталистъ подготовлялся къ своей новой дѣятельности еще иным путемъ—онъ захватилъ въ свои руки значительную долю организаторскаго дѣла по веденію мелкихъ промышленныхъ предпріятій; какъ было выяснено, торговому капиталисту фактически принадлежалъ высшій надзоръ и контроль за производствомъ многихъ мелкихъ предпріятій, объединяемыхъ его капиталомъ по способу «домашней системы капиталистическаго производства».

Такимъ образомъ, условія, при которыхъ возможенъ промышленный капитализмъ,—первоначальное накопленіе капиталовъ и наемной рабочей силы,—оказались налицо. Новая система производственно-распредѣлительныхъ отношеній могла начать свое историческое развитіе.

2. Развитіе техники и крупно-капиталистическаго производства.

А. Расширеніе сферы дѣятельности торговаго капитала.

Почти съ самаго начала развитія ремесленно-городского строя изъ всѣхъ областей промышленности наиболѣе быстро развивалась торговля (отысканіе рынковъ, перевозка товаровъ, устройство складочныхъ мѣстъ, организація продажи и закупки и т. д.). Этимъ, какъ было указано, объясняется возникновеніе «торговаго капитала», т.-е. частичнаго перехода въ руки торговаго класса организаторской роли въ общественномъ производствѣ. Въ эпоху торговаго капитализма продолжалось то же самое, и въ результатѣ получилась, наконецъ, значительная отсталость всѣхъ отраслей производства сравнительно со средствами и потребностями торговаго капитала.

Наибольшей отсталостью отличалось, конечно, земледѣліе. Но условія земледѣльческой техники и всей исторически сложившейся экономики сельскаго хозяйства сами по себѣ не допускали тогда сколько-нибудь быстраго прогресса: феодальныя отношенія, какъ мы видѣли, отличаются, вообще, большимъ консерватизмомъ, а крѣпостныя, кромѣ того, страшнымъ угнетеніемъ трудящихся, подавляющимъ всякое развитіе. Поэтому на первый планъ выступало развитіе транспортной техники и техники обрабатывающей промышленности. Земледѣліе же въ этомъ отношеніи отставало отъ всѣхъ остальныхъ отраслей промышленности во всѣхъ почти капиталистическихъ странахъ.

Стремленіе найти рынки для городской промышленности повело, какъ извѣстно, ко множеству дальнихъ путешествій, которыя увѣнчались открытіемъ неизвѣстныхъ прежде европейцамъ странъ съ неизмѣримыми природными богатствами: цѣлой Америки, значительной доли Африки, юго-восточной Азіи, сотенъ большихъ и малыхъ остро-

ковъ. Вслѣдъ за грабежомъ новооткрытыхъ странъ или рядомъ съ нимъ шла ихъ колонизація избыточнымъ населеніемъ Европы и производительная эксплоатація ихъ природныхъ богатствъ частью свободнымъ, частью крѣпостнымъ и рабскимъ трудомъ...

Производство новооткрытыхъ странъ вошло въ сферу дѣятельности торговаго капитала. Ихъ рынки предъявили такой сильный и съ такой скоростью возраставшій спросъ на произведенія обрабатывающей промышленности, какого не могло удовлетворить домашне-капиталистическое и ремесленное производство, технически раздробленное на мелкія предпріятія и, благодаря этому, неспособное быстро расширяться. Между тѣмъ, обширныя средства, концентрированныя въ сферѣ торговли, допускали сами по себѣ громадное, соотвѣтственное потребностямъ рынковъ, расширеніе перевозочно-торговой промышленности.

Для торговой промышленности продукты другихъ отраслей производства являются «матеріаломъ», совершенно такъ же, какъ для ткацкой—продукты прядильной, для сапожной—продукты кожевенной и т. д. Если бы прядильное производство въ своемъ развитіи отстало отъ ткацкаго, тогда ткачи, не получая достаточнаго количества пряжи, должны были бы безплодно терять часть своей рабочей энергіи, или же позаботиться объ увеличеніи размѣровъ прядильнаго производства. Точно такъ же передъ торговымъ капиталомъ стояла такая дилемма: либо остановиться въ своемъ развитіи, либо постараться о надлежащемъ расширеніи обрабатывающей промышленности. И торговый капиталъ обладалъ достаточными силами, чтобы осуществить второе.

В. *Происхожденіе и сущность мануфактуры.*

Въ какомъ же направленіи долженъ былъ дѣйствовать торговый капиталъ, чтобы повысить производительность труда въ обрабатывающей промышленности?

Состояніе промышленной техники было таково: развитіе мелкаго производства, можно сказать, закончилось; почти каждое сложное ремесло, производящее цѣлый рядъ продуктовъ, раздробилось на нѣсколько мелкихъ ремеселъ, производящихъ въ отдѣльности продукты только одного рода; были созданы технически наиболѣе совершенныя для такого производства орудія. Дальше этого производство почти не могло идти, оставаясь раздѣленнымъ въ м е л к и х ъ предпріятіяхъ. Необходимо было организовать крупныя предпріятія, въ которыхъ раздѣленіе труда должно было принять сравнительно широкія размѣры, превратившись изъ общественнаго въ техническое, такъ какъ для общественнаго раздѣленія труда дальнѣйшій прогрессъ, при данныхъ условіяхъ, представлялъ слишкомъ большія трудности.

Естественнымъ переходомъ отъ самостоятельнаго мелкаго производства къ промышленному капитализму явилось домашнее капиталистическое производство. Ремесленникъ или крестьянинъ, уже утратившій значительную долю своей самостоятельности, уже фактически подчиненный организаторскому контролю торговаго капитала, уже эксплоатируемый этимъ последнимъ, тѣмъ легче утрачиваетъ остатки своей самостоятельности и превращается въ простого рабочаго-исполнителя въ промышленно-капиталистическомъ предпріятіи.

Торговый капиталистъ держитъ въ своихъ рукахъ судьбу многихъ мелкихъ хозяйствъ, которымъ онъ доставляетъ сырые матеріалы (иногда даже орудія) и продукты которыхъ онъ скупаетъ. Отъ него зависитъ окончательно уничтожить внѣшнюю самостоятельность этихъ хозяйствъ, когда того потребуютъ его выгоды. Когда спросъ на продукты расширяется, торговый капиталистъ желалъ бы соотвѣтственно расширить производство, но этого не допускаетъ мелкій характеръ подчиненныхъ ему предпріятій и особенно ихъ внѣшняя независимость, благодаря которой капиталистъ вліяетъ на ходъ ихъ производства главнымъ образомъ косвенно, путемъ измѣненія цѣнъ на матеріалы и продукты. Тогда капиталистъ перестаетъ удовлетворяться прежней системой.

Подчиненные капиталисту производители объединяются въ одной принадлежащей ему мастерской; тамъ они работаютъ надъ средствами производства, составляющими его собственность, работаютъ въ качествѣ простыхъ исполнителей, всецѣло подчиняясь его организаторской власти. Таковы основныя черты промышленно-капиталистическихъ предпріятій, явившихся прежде всего въ формѣ мануфактуръ. Приглядываясь къ этимъ чертамъ, не трудно замѣтить, что онѣ намѣчались еще въ хозяйствѣ цехового ремесленника Среднихъ вѣковъ, гдѣ подмастерья и ученики находились въ такомъ же отношеніи къ мастеру, какъ позднѣйшіе наемные рабочіе къ капиталисту; главная разница—въ размѣрахъ предпріятія и въ томъ, что ремесленный мастеръ, не ограничиваясь организаторской работой, принужденъ заниматься также работой исполнительской, тогда какъ капиталистъ всегда исключительно организаторъ.

Переходъ къ новой системѣ выгоденъ для капиталиста не только въ томъ смыслѣ, что дѣлаетъ его полновластнымъ, непосредственнымъ организаторомъ производства,—онъ выгоденъ еще въ томъ смыслѣ, что значительно уменьшаетъ затраты производства—расходы на мастерскую, ея освѣщеніе, отопленіе, расходы на орудія. Одна большая мастерская на 20 работниковъ стоитъ гораздо меньше, чѣмъ 20 маленькихъ, каждая на одного работника: и даже если въ ней не организовано еще техническое раздѣленіе труда, все-таки не требуется полнаго комплекта

орудій на каждаго, какъ при работѣ въ отдѣльныхъ мастерскихъ, — время работы легко распредѣляется такимъ образомъ, что когда одинъ работаетъ однимъ инструментомъ, то другой—другимъ, а потомъ наоборотъ, и орудія не лежатъ безъ дѣла. Есть выигрышъ и на матеріалахъ: меньше стоимость ихъ массовой доставки въ мастерскую, легче употребить съ пользой накопляющіеся въ большомъ количествѣ остатки и отбросы, и т. д.

Важнымъ препятствіемъ къ возникновенію мануфактуръ являлись привилегіи ремесленныхъ цеховъ. Какъ было указано, цехамъ принадлежала въ городахъ монополія производства, а цеховые уставы обыкновенно строго ограничивали число наемныхъ рабочихъ—подмастерьевъ и учениковъ—въ отдѣльномъ предпріятіи, и крайнимъ предѣломъ устанавливали очень небольшое ихъ количество. Но промышленный капиталъ сумѣлъ частью справиться съ этимъ препятствіемъ, частью обойти его.

Во-первыхъ, мануфактуры устраивались чаще всего въ мѣстностяхъ, гдѣ привилегіи цеховъ не существовали, именно въ селахъ, а также въ незадолго основавшихся городахъ, въ которыхъ не было введено цеховое устройство, и въ предмѣстьяхъ старыхъ городовъ, на которыя обыкновенно не распространялось дѣйствіе цеховыхъ статутовъ.

Далѣе, привилегіи цеховъ понемногу приходили въ упадокъ и въ цеховыхъ городахъ. Вражда къ цехамъ со стороны торговаго и промышленнаго капитала отразилась на политикѣ государства. Короли покровительствовали мануфактурамъ, видя въ нихъ богатый источникъ государственныхъ доходовъ. Поэтому они нерѣдко разрѣшали устраивать мануфактуры и въ цеховыхъ городахъ, отнимая, такимъ образомъ, у цеховъ ихъ монополію производства.

Наконецъ, съ развитіемъ мануфактуръ, среди самихъ цеховыхъ мастеровъ замѣчается стремленіе преобразовать ремесленную мастерскую въ мануфактуру. Въ тяжелой конкуренціи съ промышленнымъ капиталомъ цеховые мастера была въ наибольшей степени скованы тѣми статьями своихъ уставовъ, которыя ограничивали число подмастерьевъ и учениковъ. Болѣе зажиточные ремесленники прилагали, чѣмъ дальше, тѣмъ больше усилій, чтобы обойти или даже отмѣнить эти установленія. Когда усилія увѣнчивались успѣхомъ, и число наемныхъ рабочихъ въ отдѣльныхъ мастерскихъ сильно возрастало, то переходъ ремесла въ мануфактуру оказывался какъ нельзя болѣе легкимъ и естественнымъ.

По существу такое же, какъ въ обрабатывающей промышленности, преобразованіе формы производства происходитъ въ сельскомъ хозяйствѣ, когда капиталистъ вмѣсто того, чтобы эксплоатировать крестьянство въ качествѣ скупщика или ростовщика, начинаетъ самъ вести крупное земледѣльческое предпріятіе при помощи наемныхъ работни-

ковъ на своей или арендованной землѣ. Только преобразованіе это въ земледѣліи происходитъ обыкновенно, въ силу особыхъ причинъ, позже и медленнѣе, а характерная для мануфактуръ форма раздѣленія труда развивается лишь въ очень слабой степени; поэтому о капиталистическомъ земледѣліи придется говорить особо.

На первой ступени мануфактуры всѣ работники капиталиста являются попрежнему настоящими ремесленниками: каждый выполняетъ цѣликомъ ту же работу, какую раньше выполнялъ самостоятельный мелкій производитель. Но въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи мануфактура приводитъ къ иной, высшей и наиболѣе совершенной формѣ техники ручного труда—къ мануфактурному раздѣленію труда. Въ различныхъ случаяхъ оно складывалось двумя различными способами.

У одного изъ работниковъ капиталиста, выполняющихъ одинаковую работу, удается всего лучше одна ея часть, у другого—другая и т. д. Рано или поздно предприниматель приходитъ къ мысли, что выгоднѣе поручать каждому изъ работниковъ ту часть работы, въ которой онъ особенно искусенъ. Сначала отдѣльный работникъ выполняетъ все-таки довольно сложный рядъ трудовыхъ операцій, но потомъ, съ увеличеніемъ числа работниковъ, является возможность отводить на долю каждаго все болѣе и болѣе простую, мелкую работу. Такъ раздѣленіе труда доходитъ до той степени, какую можно было наблюдать, напр., на иголочной мануфактурѣ, гдѣ каждая иголка проходила черезъ руки 72 рабочихъ.

Здѣсь мануфактурное раздѣленіе труда выступаетъ, какъ продолженіе общественнаго раздѣленія труда, какъ дальнѣйшее раздробленіе тѣхъ работъ, которыя раньше были раздѣлены въ обществѣ между отдѣльными ремесленниками.

Въ другихъ случаяхъ мануфактурное раздѣленіе труда шло инымъ путемъ. Есть производства, которыя съ самаго начала требуютъ участія нѣсколькихъ различныхъ ремесленниковъ. Таково, напримѣръ, экипажное дѣло. Въ постройкѣ одной и той же кареты принимаютъ участіе: плотникъ, столяръ, кузнецъ, слесарь, шорникъ, обойщикъ, стекольщикъ и т. д. Экипажному мастеру приходилось заказывать этимъ ремесленникамъ различныя части работы, а самому заниматься взаимнымъ прилаживаніемъ частей и окончательной отдѣлкой цѣлаго. Для веденія такого дѣла требовались сравнительно большія средства. Не удивительно поэтому, что подобные мастера-скупщики съ теченіемъ времени подчиняютъ себѣ остальныхъ мастеровъ, выступая въ роли торговыхъ капиталистовъ; а затѣмъ, превращаясь уже въ промышленныхъ капиталистовъ, собираютъ ихъ въ своей мануфактурѣ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ.

Здѣсь, слѣдовательно, капиталистъ переноситъ въ свою мануфактуру

отовое общественное раздѣленіе труда, объединяя въ одной мастерской го разрозненные элементы; при этомъ сфера дѣятельности каждаго аботника съуживается: слесарь, кузнецъ, столяръ, принуждены ограничиваться тѣми операціями своего ремесла, которыя имѣютъ отношеніе ъ каретному дѣлу, и отказаться отъ другихъ ремесленныхъ работъ, акими занимались прежде.

Такъ создается раздѣленіе труда исполнительскаго. Что же касается о того раздѣленія труда, которое существуетъ между организатоомъ и исполнителями—до раздѣленія труда «умственнаго» и труда физическаго»—то оно въ мануфактурѣ также представляетъ свои осоенности и имѣетъ свою исторію развитія.

Предприниматель нанимаетъ рабочихъ, т.-е. на опредѣленное ремя и на опредѣленныхъ условіяхъ покупаетъ ихъ рабочую силу. Онъ даетъ имъ средства производства, и они работаютъ, подчиняясь го распоряженіямъ и указаніямъ. Такимъ образомъ, подчиненіе работиковъ-исполнителей ограничено здѣсь предѣлами того договора, контракта, который былъ заключенъ при наймѣ.

Предприниматель организуетъ раздѣленіе труда и сотрудничество въ акомъ видѣ и въ такихъ размѣрахъ, какъ это ему представляется аиболѣе выгоднымъ. При этомъ онъ вполнѣ ограничивается ролью рганизатора, не работая въ мастерской, какъ ремесленникъ. Мало ого, съ дальнѣйшимъ развитіемъ капиталистическихъ предпріятій и рганизаторская дѣятельность переносится шагъ за шагомъ на особыхъ наемныхъ работниковъ. Вначалѣ къ этому принуждаетъ капиталиста самый ростъ его предпріятія, которое достигаетъ такихъ размѣровъ, что для одного лица становится слишкомъ трудно, а потомъ даже невозможно выполнять всѣ обязанности организатора. Капиталистъ нанимаетъ, по мѣрѣ надобности, надзирателей за работами, конторщиковъ, бухгалтеровъ, директоровъ и т. д. Съ теченіемъ времени у капиталиста остается только высшій контроль за дѣятельностью наемныхъ организаторовъ; и даже на этомъ, какъ будетъ показано дальше, дѣло не останавливается.

Итакъ, организаторскій трудъ, подобно исполнительскому, оказывается, чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей степени, технически раздѣленнымъ въ мануфактурѣ.

Техническое раздѣленіе труда, въ связи съ простымъ сотрудничествомъ между работниками, отливается въ развитой мануфактурѣ въ особую форму, которую можно назвать «мануфактурной группой».

Въ мануфактурномъ производствѣ ножей принимаютъ участіе разнородные работники: литейщики, кузнецы, шлифовальщики, точильщики и проч. Для капиталиста, очевидно, далеко не безразлично, сколько нанять тѣхъ, другихъ, третьихъ. Если онъ найметъ слишкомъ много

рабочихъ одного рода, то они принуждены будутъ значительную час[ть] времени оставаться безъ дѣла, иначе другіе не успѣютъ обработа[ть] доставленный имъ матеріалъ. Путемъ опыта капиталистъ доходитъ [до] опредѣленнаго нормальнаго соотношенія между числомъ рабочихъ ра[з]личнаго рода. Оказывается, напр., что на 2 литейщиковъ надо имѣ[ть] 1 кузнеца, 3-хъ шлифовальщиковъ, 1 точильщика, далѣе, може[тъ] быть, 1 надсмотрщика и т. п. Если предприниматель намѣренъ н[ѣ]сколько расширить свое предпріятіе, то ему нѣтъ смысла нанима[ть] 2—3 отдѣльныхъ рабочихъ—ихъ было бы некуда приставить. О[нъ] долженъ нанять сразу цѣлую группу, т.-е. въ нашемъ примѣрѣ—2 л[и]тейщиковъ, 1 кузнеца, 3 шлифовальщиковъ и т. д. Между отдѣл[ь]ными мануфактурными группами одного предпріятія существуетъ толь[ко] простое сотрудничество.

Историческое начало періода мануфактуръ относится къ вѣку XV[—] XVI для Англіи и Голландіи; въ другихъ странахъ—къ болѣе поздне[му] времени. Историческимъ концомъ этого періода слѣдуетъ считать эпо[ху] великихъ изобрѣтеній—конецъ XVIII в. въ Англіи: въ другихъ стр[а]нахъ мануфактурный капитализмъ сталъ уступать мѣсто машинно[му] позже—въ 1-ой и во 2-ой четверти XIX вѣка.

C. Развитіе машиннаго производства.

а) Происхожденіе машины.

Изъ внутреннихъ отношеній капиталистическаго общества вы[те]каетъ стремленіе капитала къ непрерывному развитію производительн[о]сти труда. Но въ эпоху мануфактуръ стремленіе это наталкивает[ся] на препятствіе, заключающееся въ самомъ характерѣ производительны[хъ] силъ мануфактурнаго періода. Трудъ оставался ручнымъ, физическ[ая] сила человѣка играла главную роль въ производствѣ. А такъ ка[къ] она имѣетъ свои границы, то производительность труда и не мо[гла] идти дальше извѣстной высоты, пока двигателемъ орудія являлась [не]посредственно человѣческая рука.

Мануфактура развивала производительность труда путемъ все бо[ль]шаго раздѣленія труда, путемъ дробленія сложной работы на все бо[лѣе] несложныя частныя операціи. При этомъ дѣятельность отдѣльнаго [ра]ботника, до крайности упрощаясь, становилась все болѣе механическ[ой,] машинообразной. Именно благодаря этому, когда мануфактура дов[ела] развитіе ручного труда до крайнихъ предѣловъ, и каждый слѣдую[щій] шагъ въ прежнемъ направленіи сталъ представлять громадныя труд[но]сти, именно благодаря механичности, несложности трудовыхъ опера[цій] отдѣльнаго работника, оказалось сравнительно легкимъ дѣломъ пере[да]вать выполненіе этихъ операцій машинѣ. Превращая работника-не[...]

нителя въ машину, мануфактура подготовила замѣну его машиной. И когда расширеніе рынковъ требовало дальнѣйшаго развитія способовъ производства, а мануфактура уже не могла дать ничего больше, тогда совершился переходъ отъ ручного труда къ машинному.

Главная особенность машиннаго производства заключается въ томъ, что непосредственно исполнительскія операціи производства выполняются не силами человѣка, а силами природы; роль же работника все болѣе ограничивается управленіемъ и надзоромъ за машиной, становясь по своему типу во многомъ аналогичной прежнему организаторскому труду.

Такъ какъ силы природы безграничны, то съ прогрессомъ научныхъ знаній производительность труда въ машинномъ производствѣ можетъ непрерывно возрастать до неизвѣстныхъ еще предѣловъ.

Исторія машины начинается гораздо раньше эпохи машиннаго капитализма. Еще во времена классическаго рабства была изобрѣтена водяная мельница, а также водяные насосы, черпальныя машины; въ Средніе вѣка явилась вѣтряная мельница, а въ періодѣ мануфактуръ машины нерѣдко употреблялись для выполненія нѣкоторыхъ грубыхъ операцій, которыя требовали затратъ большой механической силы, напр., для измельченія руды, для выкачиванія воды изъ шахтъ и т. п. Но общее значеніе машинъ въ производствѣ было ничтожно.

Примѣненіе машинъ въ до-капиталистическія эпохи было ограниченно не только вслѣдствіе недостатка техническихъ знаній, благодаря которому машинъ изобрѣталось очень мало, и притомъ весьма несовершенныхъ. Нерѣдко изобрѣтенныя машины не могли войти въ общую технику производства въ силу чисто общественныхъ неблагопріятныхъ условій. Такъ, валяльная машина, замѣнявшая трудъ 24 человѣкъ, была изобрѣтена не позже XI вѣка, но пользованіе ею еще въ XV вѣкѣ было запрещено въ Англіи, Фландріи и Франціи. Въ XIII и XIV вѣкахъ подъ запретомъ находилась даже самопрялка. Она настолько вышла изъ употребленія, что ея изобрѣтеніе впослѣдствіи стали относить къ XVI столѣтію. Особенно упорную борьбу пришлось выдержать ленточной машинѣ, предшественницѣ прядильнаго и ткацкаго станка. Машина эта впервые была сконструирована въ Данцигѣ во второй половинѣ XVI столѣтія, но городской совѣтъ, опасаясь безработицы, запретилъ вводить ее въ употребленіе, а изобрѣтатель былъ потопленъ въ Вислѣ. Столѣтіемъ позже та же самая машина появилась въ Лейденѣ, но возмущенія ткачей повлекли за собой наложеніе на нее запрета. Борьба съ ленточной машиной распространилась на цѣлый рядъ городовъ континента и Англіи. Въ Гамбургѣ она даже подверглась публичному сожженію. Застрѣльщиками въ борьбѣ съ машинами выступали ремесленныя организаціи, хотя и быстро склонявшіяся къ упадку, но

обладавшія еще значительной экономической силой и, соотвѣтственно этому, политическимъ значеніемъ.

Но, подъ вліяніемъ торговаго и промышленнаго капитала, старыя организаціи разлагались, теряя свою экономическую силу, а съ ней и политическое значеніе, и нравственный авторитетъ. Господствующее значеніе въ экономической жизни пріобрѣтали торговцы и мануфактуристы. А ихъ отношеніе къ машинамъ было совсѣмъ иное. Имъ уже машины не угрожали, какъ цеховымъ ремесленникамъ, разрушить привычный, дорогой для нихъ строй общественной жизни, подорвать матеріальныя основы ихъ существованія. Машины обѣщали прибыль, и это былъ неотразимый аргументъ въ ихъ пользу.

Но машинамъ приходилось преодолѣвать сильное сопротивленіе еще тогда, когда ремесленныя организаціи отошли уже въ прошлое. Это было сопротивленіе наемныхъ рабочихъ, вытѣсняемыхъ машиной. Во второй половинѣ XVIII столѣтія въ Англіи была изобрѣтена машина для стрижки овецъ, лишившая работы 100000 человѣкъ. Начались грандіозныя волненія и машина была сожжена. Даже въ 1826 г., когда уже завершился переходъ къ машинному производству, происходили выступленія рабочихъ противъ машинъ,—выступленія, принимавшія стихійный характеръ. Ручные ткачи разрушаютъ всѣ паровые ткацкіе станки города Блэкбурна и его окрестностей. То же самое происходитъ во всемъ Ланкаширѣ, гдѣ въ продолженіе недѣли разрушается 17 фабрикъ, и въ общей сложности уничтожается около 1000 станковъ. Но это были послѣдніе серьезныя попытки борьбы рабочихъ съ эксплоатаціей путемъ разрушенія матеріальныхъ средствъ производства. Пролетаріатъ скоро понялъ, что причиной его угнетенія являются не сами «бездушныя» машины, а та система общественныхъ отношеній, которая дѣлаетъ ихъ орудіемъ эксплоатаціи.

Такъ экономическое развитіе, расшатавъ, ослабивъ и уничтоживъ силы, враждебныя машинѣ, укрѣпило и увеличило силы, стоявшія за нее, и такимъ образомъ расчистило почву для широкаго примѣненія машины.

Въ міровомъ капиталистическомъ развитіи періодъ мануфактуръ есть безусловно необходимая стадія: нельзя даже представить себѣ непосредственнаго возникновенія крупнаго машиннаго производства изъ ремесленной, напр., техники. Но въ исторіи отдѣльныхъ обществъ, позже, чѣмъ другія, вступившихъ на путь капитализма, вліяніе ихъ исторической среды—культуры болѣе старыхъ обществъ—позволяетъ почти миновать мануфактурную стадію техники: отъ мелкаго ремесленнаго и земледѣльческаго производства, организованнаго торговымъ капиталомъ, совершается прямой переходъ къ машинному крупному производству со всѣми его общественно-экономическими результатами.

б) Что такое машина?

Машина есть такое орудіе труда, которое исполнительскую аботу человѣка замѣняетъ дѣйствіемъ силъ внѣшней природы. Это— ысшій, наиболѣе совершенный типъ орудія.

Разсматривая въ общихъ чертахъ устройство различныхъ машинъ, етрудно видѣть, что въ основѣ его лежитъ одна схема. Въ машинѣ риходится различать три части: двигатель, передаточный механизмъ рабочую часть или механическій инструментъ. Каждая изъ этихъ астей машины имѣютъ свою исторію развитія.

Когда машина примѣняется въ небольшомъ дѣлѣ, не требующемъ начительныхъ затратъ механической силы, то двигателемъ машины вляется нерѣдко механическая рабочая сила человѣка. Такъ, напр., вейная машина приводится въ дѣйствіе однообразными движеніями уки или ноги. Это—незаконченный, не вполнѣ развитой типъ машины.

Замѣна человѣческой движущей силы силой животныхъ (преимуще-твенно лошадьми) есть первый шагъ въ развитіи двигательной части ашины. Но здѣсь нѣтъ еще крупнаго прогресса: сила животныхъ бходится сравнительно дорого; работать постоянно они не могутъ напр., лошадь опытный хозяинъ не заставитъ работать больше 8 ча-овъ въ сутки); наконецъ, сила животныхъ не слишкомъ значительно ревосходитъ силу человѣка.

Слѣдующимъ шагомъ впередъ была замѣна животныхъ силою вѣтра падающей воды. Эти двигатели имѣютъ уже то преимущество, что ни неодушевленные; но есть у нихъ и нѣкоторые недостатки.

Сила вѣтра, которая съ незапамятныхъ временъ примѣнялась въ ольшихъ размѣрахъ для перевозки грузовъ по водѣ (парусныя суда), очень мало въ другихъ областяхъ промышленности, обладаетъ тѣмъ еудобствомъ, что очень непостоянна и дѣйствуетъ неравномѣрно. ила воды не имѣетъ этихъ невыгодныхъ сторонъ, и потому въ эпоху ануфактуръ она пріобрѣла наибольшее значеніе. Но и она не лишена ерьезныхъ недостатковъ. Во-первыхъ, водяной двигатель можно при-ѣнять только тамъ, гдѣ есть подъ рукой падающая или текущая ода, и гдѣ ея преграждеіе плотиною не противорѣчитъ интересамъ правамъ мѣстныхъ жителей или землевладѣльцевъ. Во-вторыхъ, зи-ою сила воды въ нашихъ холодныхъ странахъ дѣйствуетъ не всегда. аконецъ, увеличивать ее по произволу невозможно. Благодаря такимъ собенностямъ водяныхъ двигателей, употребленіе ихъ не могло быть бширнымъ. Это—одна изъ причинъ того, что во время мануфактур-аго періода, пока не было найдено лучшаго двигателя, машины при-ѣнялись очень мало.

Кое-гдѣ употреблялись уже въ эпоху мануфактуръ и паровые дви-

гатели, но чрезвычайно несовершеннаго и неудобнаго устройства. Когда въ 1774 году Уаттъ значительно усовершенствовалъ ихъ механизмъ и создалъ извѣстную паровую машину двойного дѣйствія, тогда оказалось, что паръ и есть тотъ лучшій двигатель, въ которомъ нуждалась развивающаяся капиталистическая промышленность.

Въ паровомъ двигателѣ механическая сила порождается потребленіемъ угля и воды. Силу дѣйствія можно увеличивать и уменьшать по желанію. Самый двигатель устроенъ такъ, что его нетрудно перевозить съ мѣста на мѣсто и приспособлять къ какимъ понадобится рабочимъ машинамъ.

На этомъ не остановилось развитіе двигательной части машины. Въ послѣднее время все больше значенія пріобрѣтаютъ новые двигатели—электрическіе. Пока ихъ примѣненіе еще очень ограничено, но уже теперь замѣтны нѣкоторыя преимущества электрической движущей силы передъ силой пара: главное преимущество заключается въ томъ, что электрическую энергію возможно дробить на какія угодно малыя части, и что ее возможно передавать на какія угодно разстоянія съ незначительной (при извѣстныхъ условіяхъ) потерей.

По всей вѣроятности, электричество явится главнымъ двигателемъ слѣдующаго періода организаціи производства. Уже современной техникѣ извѣстны способы превращать всякую силу природы въ электричество и передавать затѣмъ куда угодно. Благодаря этому, электричество дастъ, вѣроятно, возможность съ пользою примѣнять такіе громадные источники энергіи въ природѣ, какъ величайшіе водопады, морскіе приливы и проч.; многіе изъ подобныхъ источниковъ до сихъ поръ не эксплоатировались главнымъ образомъ потому, что ихъ энергію не умѣли передавать на р зстояніе.

Вторая часть маш ы—это передаточный механизмъ, который передаетъ энергію двигат ля рабочей машинѣ. Онъ долженъ измѣнять характеръ и направленіе тѣхъ движеній, которыя даются первой частью машины, измѣнять цѣлесообразно, соотвѣтственно назначенію машины, и въ этомъ видѣ передавать движеніе рабочему инструменту. По мѣрѣ того, какъ машина примѣняется къ болѣе сложнымъ процессамъ производства, передаточный механизмъ осложняется. Еще болѣе возрастаетъ его сложность, когда пользуются однимъ и тѣмъ же двигателемъ, чтобы приводить въ движеніе нѣсколько рабочихъ машинъ одновременно, особенно если онѣ разнородны. Если для одной рабочей машины нужно круговое движеніе, для другой—прямолинейное, для третьей—прямолинейно-ломаное и т. д., то не трудно себѣ представить, какое множество частныхъ приспособленій долженъ заключать въ себѣ передаточный механизмъ, чтобы удовлетворять своей цѣли. Онъ превращается въ цѣлую обширную систему зубчатыхъ колесъ, валовъ, эксцен-

триковъ, шатуновъ и т. под., въ систему тѣмъ болѣе сложную, чѣмъ сложнѣе, разнообразнѣе и многочисленнѣе рабочія машины, приводимыя въ дѣйствіе однимъ двигателемъ.

Третья, самая важная часть машины—это рабочая машина или механическій инструментъ. Она непосредственно происходитъ изъ того инструмента, которымъ работаетъ ручной работникъ ремесла или мануфактуры. Нерѣдко, впрочемъ, этотъ инструментъ является въ рабочей машинѣ настолько измѣненнымъ, что его трудно даже узнать.

Но главное отличіе рабочей машины отъ инструментовъ ручного труда заключается въ томъ, что она выступаетъ непосредственно, какъ инструментъ машины, а не человѣка; теперь машина производитъ то движеніе, въ которое прежде орудіе приводилось руками человѣка. Даже если двигателемъ машины служитъ сила человѣка, рабочій инструментъ все-таки непосредственно приводится въ дѣйствіе не руками человѣка, а передаточнымъ механизмомъ.

Итакъ, машина замѣняетъ собою работника, поскольку онъ является въ производствѣ простымъ исполнителемъ, простымъ орудіемъ организующей воли. Благодаря этому, на машины переносятся многія изъ отношеній, которыя прежде существовали между работниками-исполнителями мануфактуры.

Такъ, сотрудничеству и раздѣленію труда между работниками мануфактуры соотвѣтствуетъ «сотрудничество» и «раздѣленіе труда» между машинами (выраженія условныя, потому что «трудиться» можетъ только человѣкъ).

Примѣръ простого сотрудничества представляетъ ткацкая фабрика, которая состоитъ изъ множества механическихъ станковъ, помѣщенныхъ въ одномъ зданіи и выполняющихъ одинаковую работу. Одинъ и тотъ же двигатель въ этомъ случаѣ приводитъ въ дѣйствіе множество одинаковыхъ машинъ.

«Раздѣленіе труда» между машинами состоитъ въ томъ, что цѣлый рядъ различныхъ, но находящихся во взаимной связи машинъ одна за другой обрабатываютъ одинъ и тотъ же матеріалъ, пока онъ не получитъ свою окончательную форму. Тамъ, гдѣ впервые вводится раздѣленіе работъ между машинами, оно бываетъ приблизительно такое, какъ въ мануфактурѣ, занимавшейся тѣмъ же производствомъ. Напр., на шерстяной мануфактурѣ трудъ былъ раздѣленъ между шерстобитами, чесальщиками, прядильщиками и т. д. Теперь вмѣсто этихъ рабочихъ является рядъ машинъ—шерстобитная, чесальная и т. д. Въ переходной стадіи однѣ изъ операцій переданы уже машинѣ, тогда какъ другія еще выполняются ручнымъ трудомъ.

Впослѣдствіи способъ раздѣленія работъ между машинами можетъ, конечно, измѣниться.

Въ раздѣленіи работъ между машинами одна доставляетъ другой матеріалъ для обработки, какъ въ мануфактурѣ одинъ работникъ другому. И здѣсь въ разныхъ машинахъ, какъ тамъ въ рукахъ различныхъ работниковъ, матеріалъ находится одновременно на всѣхъ ступеняхъ своей обработки. Мануфактурной группѣ, т.-е. опредѣленному отношенію между числомъ рабочихъ различныхъ спеціальностей, соотвѣтствуетъ «система машинъ», т.-е. опредѣленная связь между числомъ, размѣрами, скоростью движенія однихъ, другихъ, третьихъ машинъ; какъ на опредѣленное число прядильщиковъ нужно опредѣленное число ткачей, чтобы они успѣвали обрабатывать матеріалъ, доставляемый первыми, такъ на опредѣленное число прядильныхъ машинъ даннаго устройства должно приходиться опредѣленное число механическихъ ткацкихъ станковъ даннаго устройства.

Изъ всего этого видно, что роль мануфактурнаго работника дѣйствительно была замѣщена въ гораздо большей мѣрѣ самой машиною, чѣмъ работникомъ при машинѣ. Послѣдній по самому типу своей производственной дѣятельности значительно отличается отъ перваго: онъ преимущественно управляетъ и контролируетъ, тогда какъ тотъ— исполнялъ. Это въ высшей степени важное различіе.

Впрочемъ, въ переходныхъ стадіяхъ, въ не достигшихъ полнаго развитія машинныхъ производствахъ работники нужны не только для надзора и контроля за дѣйствіемъ машинъ, но отчасти также и для того, чтобы непосредственно придавать механическимъ инструментамъ извѣстное движеніе, къ которому машина еще не приспособлена. Но развитіе машиннаго производства стремится замѣнить всѣ такія незаконченныя машины автоматическими, самодѣйствующими механизмами, въ которыхъ рабочія машины безъ прямого содѣйствія человѣка выполняютъ всѣ движенія, необходимыя для обработки матеріала. И чѣмъ въ большей мѣрѣ совершается такая замѣна, тѣмъ въ большей мѣрѣ трудъ работника при машинѣ пріобрѣтаетъ сходство съ прежнимъ организаторскимъ трудомъ [1]).

По отношенію къ производительности труда главное преимущество машинной работы передъ ручной заключается въ слѣдующемъ: какъ бы искусенъ ни былъ работникъ, онъ не можетъ сразу работать нѣсколькими инструментами, такъ какъ у него только двѣ руки, двѣ ноги, а

---

[1]) Въ ремесленномъ производствѣ организаторская сторона работы лишь въ ничтожной мѣрѣ отдѣлена отъ исполнительской; работникъ, мастеръ или подмастерье, преимущественно самъ себя контролируетъ, самъ собою управляетъ. Мануфактура завершаетъ раздѣленіе двухъ сторонъ работы, доводя его до крайности, до такого абсурда, какъ превращеніе человѣка въ машину. Машина примиряетъ эти противоположности, придавая исполнительному труду характеръ организаторскаго, требуя отъ работника не только грубой силы и механической привычки, но также разума и воли.

не больше. Въ Германіи когда-то пробовали заставить одного работника работать на двухъ прядильныхъ колесахъ и на двухъ веретенахъ, сразу обѣими руками и обѣими ногами; но это требовало такого громаднаго напряженія, которое вообще не по силамъ работнику. Машина же работаетъ сразу множествомъ инструментовъ. Напримѣръ, на современныхъ прядильныхъ фабрикахъ одинъ работникъ съ помощью мюль-машины управляетъ цѣлыми сотнями веретенъ (въ Англіи еще въ 1887 г. на 1 рабочаго приходилось въ среднемъ 333 веретена, а въ лучшихъ прядильняхъ болѣе 400). Если къ этому прибавить, что скорость движеній машины значительно превосходитъ скорость движеній человѣка, то станетъ очевидно, какое громадное возрастаніе производительности труда можетъ достигаться при помощи машинъ. Напр., при машинномъ тканьѣ одинъ средній работникъ успѣваетъ сдѣлать столько, сколько прежде 40 хорошихъ ручныхъ ткачей. Уже въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія высчитывалось, что полмилліона прядильщиковъ, работавшихъ въ это время при помощи машинъ, вырабатывали такое количество пряжи, для производства котораго потребовалось бы около 17 милліоновъ ручныхъ работниковъ.

Здѣсь умѣстно привести нѣкоторыя данныя, свидѣтельствующія объ увеличеніи производительности труда въ булавочномъ производствѣ при переходѣ отъ ремесленной къ мануфактурной и, наконецъ, машинной работѣ.

Отдѣльный работникъ, выполняющій всѣ операціи производства булавокъ, врядъ ли успѣлъ бы сдѣлать десятокъ булавокъ въ день. Въ мануфактурѣ, при раздѣленіи труда между 10-ю только работниками, ежедневный размѣръ производства=48.000 булавокъ—по 4.800 на каждаго работника. Булавочная машина приготовляетъ 180.000 булавокъ въ день, при чемъ одинъ работникъ можетъ управлять одновременно нѣсколькими такими машинами. На одной американской фабрикѣ съ 70 булавочными машинами, приготовляющими $7^1/_2$ милліоновъ булавокъ въ день, требовалось всего 5 человѣкъ рабочихъ; слѣдовательно, на каждаго приходилось въ среднемъ $1^1/_2$ милліона булавокъ въ день [1].

Уже въ настоящее время въ распоряженіи человѣчества находится такое количество паровой силы, которое замѣняетъ болѣе $1^1/_2$ милліарда

---

[1]) Эти цифры не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что затраты общественнаго труда, необходимаго для производства булавки, уменьшаются во столько же разъ, во сколько увеличивается число булавокъ, приходящихся въ день на одного работника. Дѣло въ томъ, что обществу при механическомъ изготовленіи булавокъ приходится затрачивать огромное количество труда на устройство машинъ, а это значительно уменьшаетъ эффектъ приведенныхъ цифръ.

работниковъ; между тѣмъ, число взрослыхъ людей-работниковъ на земномъ шарѣ не больше 500—600 миллiоновъ.

При этомъ прогрессъ машиннаго производства идетъ съ постоянно возрастающей быстротой. Замѣняя въ производствѣ силу работника силами природы, примѣненiе машинъ открываетъ безграничный просторъ развитiю производительныхъ силъ, возрастанiю власти общественнаго человѣка надъ природой.

в) Распространенiе машиннаго производства.

Всегда ли машина полезна въ производствѣ, всегда ли она увеличиваетъ производительность труда? Разумѣется, только тогда, когда она дѣйствительно сберегаетъ трудъ.

Положимъ, изобрѣтена новая машина, съ помощью которой одинъ работникъ выполняетъ то, что прежде выполнялось трудомъ 11 человѣкъ; слѣдовательно, машина замѣняетъ собою 10 работниковъ-исполнителей. Изнашивается она, положимъ, въ теченiе 300 дней; за все время своей службы она сберегаетъ такимъ образомъ 3.000 дней труда.

Если сама машина (т.-е. вся ея постройка) стоитъ 3.500 дней труда, то ее, конечно, нелѣпо было бы вводить, такъ какъ при этомъ получается вмѣсто сбереженiя чистая потеря 500 рабочихъ дней. Если даже производство самой машины стоитъ ровно 3.000 дней, и тогда она безполезна—нисколько не сберегаетъ труда.

Но если стоимость машины, напр., 2.500 рабочихъ дней, то машина повышаетъ производительность труда, она полезна для производства, потому что сберегаетъ цѣлыхъ 500 рабочихъ дней.

Однако предприниматель-капиталистъ, отъ котораго зависитъ ввести или не ввести машину, стоитъ не на такой точкѣ зрѣнiя. Для него, вообще говоря, совершенно безразлично, сберегаетъ ли машина человѣческiй трудъ; для него важенъ вопросъ: увеличитъ ли она его прибыль? Капиталистъ разсчитываетъ, сколько рублей ему надо затратить на покупку машины, и сколько рублей она должна сберечь ему на заработной платѣ.

Положимъ, машина сберегаетъ 3.000 рабочихъ дней, а сама стоитъ 2.500; при этомъ стоимость рабочей силы на одинъ день—5 часовъ простого труда, что соотвѣтствуетъ, скажемъ, цѣнѣ въ 50 коп., а вся новая стоимость, создаваемая въ день работникомъ, равняется 10 часамъ, что соотвѣтствуетъ 1 рублю.

Если предприниматель покупаетъ машину, онъ платитъ за нее другому капиталисту такое количество денегъ, которое произведено въ 2.500 дней, ибо такова стоимость машины; эта сумма денегъ составляетъ 2.500 рублей. Если же капиталистъ не вводитъ машины, то ему приходится взамѣнъ того купить лишнюю рабочую силу на 3.000

рабочихъ дней, которые ему сберегла бы машина. Такъ какъ рабочая сила на 1 день стоитъ полтинникъ, то за 3.000 дней капиталистъ переплатитъ лишнимъ рабочимъ 1.500 рублей заработной платы, т.-е. на 1.000 рублей меньше, чѣмъ за машину. Ясно, что вводить машину невыгодно, хотя она и повышаетъ производительность труда. Дѣло сводится къ тому, что, покупая машину, капиталистъ платитъ соотвѣтственно всей суммѣ труда, потраченной на ея производство, тогда какъ при покупкѣ рабочей силы онъ оплачиваетъ только часть того труда, который рабочая сила ему доставитъ.

Если бы машина стоила 1.500 дней труда, чему соотвѣтствуетъ цѣна 1.500 рублей, то для предпринимателя безполезно вводить машину: отъ нея ему нѣтъ ни прибыли, ни убытка, такъ какъ и рабочая сила на 3.000 дней стоитъ 1.500 рублей.

Но если машина стоитъ только 1.000 дней, и цѣна ея—1.000 руб., то капиталисту выгодно примѣнять машину: за 1.000 рублей онъ избавляется отъ затраты 1.500 рублей на заработную плату, что представляетъ для него выигрышъ въ 500 руб.

Итакъ, машина не всегда выгодна для капиталиста, если она и повышаетъ производительность труда. Капиталистическое примѣненіе машины возможно только въ томъ случаѣ, когда ея цѣна меньше цѣны той рабочей силы, которую машина замѣняетъ.

Отсюда понятно, почему однѣ и тѣ же машины въ однихъ странахъ съ выгодой примѣняются капиталистами, а въ другихъ вовсе непримѣнимы. Напр., нѣкоторыя машины, изобрѣтенныя въ Англіи, капиталистически выгодны только въ Америкѣ, гдѣ заработная плата выше, чѣмъ въ Англіи. Чѣмъ ниже заработная плата, тѣмъ менѣе выгодъ доставляютъ машины предпринимателямъ, тѣмъ менѣе онѣ находятъ себѣ примѣненія. (Это одна изъ главныхъ причинъ, замедлявшихъ прогрессъ машиннаго производства въ Россіи, особенно въ земледѣльческой промышленности).

Несмотря на такія ограничительныя условія, въ общемъ—распространеніе машинъ совершалось очень быстро. Оно происходило въ опредѣленной послѣдовательности, являясь даже почти въ каждомъ частномъ случаѣ не результатомъ какой-нибудь случайности, такъ, а не иначе направившей фантазію изобрѣтателя, но удовлетвореніемъ назрѣвшей потребности самаго производства. Чтобы показать это конкретнѣе, разсмотримъ, какимъ образомъ въ частной области производства возникаетъ потребность въ машинѣ, и какимъ образомъ введеніе машинъ въ однѣхъ отрасляхъ промышленности вызываетъ переходъ къ машинѣ и въ другихъ, связанныхъ съ первыми. Примѣромъ послужитъ исторія англійскаго хлопчатобумажнаго дѣла.

Еще въ срединѣ прошлаго вѣка эта область производства была

организована главнымъ образомъ по домашне-капиталистическому типу: ткачъ—обыкновенно глава семьи—работалъ на ручномъ станкѣ въ своемъ собственномъ домѣ; пряденьемъ занимались члены его семьи—жена и дѣти. При такихъ условіяхъ тканье вообще шло быстрѣе, чѣмъ пряденье: прядильщики не поспѣвали за ткачомъ, не могли постоянно приготовлять для него вполнѣ достаточнаго количества пряжи. Это несоотвѣтствіе усилилось еще болѣе, когда былъ изобрѣтенъ самолетный челнокъ, который вдвое увеличилъ производительность ткацкой работы. Съ другой стороны, прядильное дѣло отставало и отъ производства хлопка—сырого матеріала для пряденья. Насколько сильной оказывалась потребность въ улучшеніи прядильной техники, можно судить по такому, напр., факту, что въ 1782 году въ Англіи, за недостаткомъ работниковъ, лежалъ невыпряденнымъ весь хлопокъ, вывезенный изъ колоній за три предыдущихъ года, и остался бы лежать еще нѣсколько лѣтъ, если бы не явилась на помощь машина. Страна ощущала такъ называемый «прядильный голодъ».

Тогда одно за другимъ идутъ изобрѣтенія въ данной области. Сначала изобрѣтается такой станокъ, который прядетъ одновременно 8 нитей, выполняетъ работу 8 прядильщиковъ. Затѣмъ новое изобрѣтеніе даетъ возможность приводить эту машину въ движеніе силой воды. Далѣе является цѣлый рядъ другихъ усовершенствованій, которыя приводятъ не только къ увеличенію количества пряжи, но и къ улучшенію ея качества.

Въ хлопчатобумажной промышленности вновь возникаетъ несоотвѣтствіе между отдѣльными стадіями производства, но уже обратное прежнему: теперь ткачъ не поспѣваетъ за прядильщиками. И это несоотвѣтствіе устраняется въ 1787 году съ изобрѣтеніемъ механическаго ткацкаго станка.

Насколько мануфактурное раздѣленіе труда облегчило переходъ къ машинѣ, видно, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что первыми изобрѣтателями являлись обыкновенно простые рабочіе, не получившіе ни общаго, ни техническаго образованія, обладавшіе однимъ практическимъ знакомствомъ съ данной отраслью производства.

Послѣ ряда усовершенствованій въ пряденьи и ткачествѣ оказался совершенно неудовлетворительнымъ прежній способъ бѣленія бумажныхъ матерій. Чрезвычайная продолжительность этого процесса—нѣсколько мѣсяцевъ—не представляла большихъ неудобствъ, пока пряденье и ткачество оставалось ручнымъ, и количество производимыхъ тканей было сравнительно невелико. Теперь же, съ громаднымъ повышеніемъ производительности труда прядильщиковъ и ткачей, возникла потребность

ускорить процессъ бѣленія. На помощь явилась химія: съ примѣненіемъ для бѣленія кислотъ продолжительность процесса уменьшилась до нѣсколькихъ дней, даже часовъ.

Вслѣдствіе такихъ же причинъ въ концѣ прошлаго вѣка возникли улучшенія въ красильномъ и ситцепечатномъ дѣлѣ. Далѣе, чтобы приготовлять достаточно матеріала для машиннаго прядильнаго производства, необходимо было сильно расширить производство хлопчатой бумаги; а для этого пришлось ввести особую машину, которая отдѣляетъ хлопчатобумажныя волокна отъ сѣмянъ. Благодаря этой машинѣ, изобрѣтенной въ 1793 г., получилась возможность силой одного рабочаго очищать въ 350 разъ больше хлопка, чѣмъ раньше.

Такія перемѣны совершались не въ одной хлопчатобумажной промышленности. Онѣ влекли за собой необходимость другихъ перемѣнъ. Такъ, многія изъ изобрѣтенныхъ машинъ оказывались бы въ массѣ случаевъ безполезными, если бы не нашлось новой двигательной силы, способной производить большое количество работы. Источникомъ такой силы явилась паровая машина двойного дѣйствія. и т. д.

Въ результатѣ цѣлаго ряда подобныхъ измѣненій получилось чрезвычайное расширеніе производства. Оно вызвало потребность въ новыхъ, лучшихъ путяхъ сообщенія. Для каждаго экономическаго періода развитіе путей сообщенія опредѣляется общимъ развитіемъ производства. Средневѣковые, напр., пути сообщенія, достаточные при мелкомъ производствѣ, оказались неудовлетворительными для мануфактурнаго періода,—тогда усовершенствовалось мореплаваніе, явились шоссейныя дороги. Точно такъ же и этого оказалось слишкомъ мало для машиннаго капитализма съ его громадной производительностью труда, тогда настало время пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и т. д.

Такъ, благодаря тѣсной связи между различными областями промышленности, машины быстро изобрѣтались и вводились одна за другой. Масса машинъ явилась въ короткій періодъ конца XVIII и самаго начала XIX вѣка.

Въ земледѣліи переходъ къ машинамъ совершается всего позже, что объясняется многими причинами. Во-первыхъ, земледѣлію не пришлось развить мануфактурнаго раздѣленія труда, такъ хорошо подготовляющаго почву для машины. Во-вторыхъ, введеніе машинъ въ земледѣліи сопровождается не такимъ рѣзкимъ измѣненіемъ производительности труда, какъ въ обрабатывающей промышленности, такъ что самое побужденіе къ введенію машинъ для земледѣльческаго капиталиста слабѣе. Наконецъ, гнетъ остатковъ феодализма, которые долго сохраняются въ сферѣ земледѣлія, былъ не малымъ препятствіемъ къ техническому прогрессу этой области производства. Закабаленіе и нищета сельскаго населенія позволяютъ помѣщикамъ имѣть рабочія руки по такой дешевой цѣнѣ, при которой нѣтъ расчета замѣнять рабочихъ машинами.

Въ началѣ машиннаго періода машины приготовлялись на инструментальныхъ мануфактурахъ. Пока само машиностроительное дѣло основывалось на ручномъ трудѣ, развитіе машиннаго производства шло, по необходимости, очень медленно. Машины обходились дорого, были недостаточно сильны и недостаточно совершенны. Для того, чтобы машина хорошо работала, необходима строжайшая правильность формы ея отдѣльныхъ частей, полное соотвѣтствіе ихъ размѣровъ,—словомъ, величайшая точность во многихъ операціяхъ производства машины. Такой точности ручной трудъ не достигаетъ даже при наибольшемъ искусствѣ работника; она вполнѣ возможна только при машинномъ выполненіи. Кромѣ того, самая производительность труда въ инструментальныхъ мануфактурахъ была недостаточно велика, чтобы онѣ могли приготовить такую, напр., массу машинъ, какая примѣняется въ настоящее время.

Когда производство машинъ само стало машиннымъ, тогда было устранено послѣднее препятствіе развитію крупной промышленности, и она стала прогрессировать съ небывалой быстротой.

При этомъ, наука постоянно оказывалась вѣрнымъ слугой капиталистическаго производства и самымъ добросовѣстнымъ образомъ выполняла его новыя требованія. Спросъ на изобрѣтенія со стороны капитала вызывалъ усиленное ихъ предложеніе со стороны умственнаго труда. При большихъ предпріятіяхъ стали учреждаться особыя лабораторіи съ огромнымъ штатомъ инженеровъ спеціально для улучшенія машинъ и способовъ обработки. Еще значительнѣе въ этомъ отношеніи роль капиталистическаго государства, которое въ большинствѣ странъ взяло на себя организацію техническаго образованія.

3. Сущность процесса капиталистическаго производства.

Основная особенность капиталистическаго хозяйства заключается въ томъ, что оно ведется наемнымъ трудомъ, что работникъ продаетъ свою рабочую силу, что *рабочая сила является товаромъ*.

Происходитъ это, какъ было указано, въ силу двухъ условій: первое заключается въ томъ, что рабочій свободенъ—онъ не рабъ, не крѣпостной, и *можетъ* продать свою рабочую силу, кому угодно и за сколько угодно; второе—въ томъ, что онъ «свободенъ» и отъ средствъ производства, а потому не имѣетъ средствъ къ жизни, и *принужденъ* продавать свою рабочую силу.

Превратившаяся въ товаръ рабочая сила продается по опредѣленной цѣнѣ; цѣна же товара опредѣляется его стоимостью. Слѣдовательно, капиталистъ долженъ, вообще, покупать рабочую силу по ея стоимости. Что же такое эта стоимость? Согласно общему опредѣленію, которое

было дано раньше, она есть то количество общественно-трудовой энергіи, которое необходимо для производства рабочей силы. Какое же количество общественно-трудовой энергіи затрачивается для «производства рабочей силы»?

Рабочая сила есть возможность труда, способность человѣка трудиться. А человѣкъ бываетъ способенъ къ труду лишь въ томъ случаѣ, если удовлетворяются его насущныя потребности. Если человѣкъ не имѣетъ возможности пить, ѣсть, одѣваться и т. п., то онъ и не можетъ трудиться, т.-е. не имѣетъ рабочей силы. Если потребности удовлетворяются не вполнѣ, рабочая сила уменьшается.

Слѣдовательно, рабочая сила создается, производится при удовлетвореніи насущныхъ, необходимыхъ потребностей работника. Ея стоимость есть стоимость удовлетворенія этихъ потребностей, т.-е., очевидно, стоимость тѣхъ необходимыхъ жизненныхъ средствъ, которыми онѣ удовлетворяются.

Рабочій ѣстъ въ день столько-то хлѣба, столько-то мяса, изнашиваетъ столько-то одежды и т. д. То количество трудовой энергіи, которое общество затрачиваетъ, чтобы дать ему все это, и есть общественная стоимость его рабочей силы. Единицей трудовой энергіи принимается, какъ было указано, часть «простого» труда средней интенсивности. Если стоимость необходимыхъ для работника на сутки жизненныхъ средствъ равна 5 такимъ «часамъ», то стоимость рабочей силы есть 5 «часовъ». Этой стоимости должна, въ общемъ и среднемъ, соотвѣтствовать цѣна рабочей силы, т.-е. работникъ долженъ получать въ видѣ заработной платы такую сумму денегъ, производство которой стоитъ также 5 часовъ простого труда средней интенсивности. Пусть эта сумма равняется 50 копейкамъ; тогда цѣна рабочей силы въ своихъ измѣненіяхъ должна колебаться около этой нормы—полтинника.

Подъ «насущными потребностями», которыми опредѣляется стоимость рабочей силы, слѣдуетъ подразумѣвать не только «естественныя», основныя потребности, но и такія искусственныя потребности, которыя стали для рабочаго привычными, безъ удовлетворенія которыхъ онъ обойтись не можетъ. Если рабочіе привыкли курить, читать газеты, ходить въ театръ, то стоимость табаку, стоимость пользованія газетами и театромъ входятъ въ общую стоимость рабочей силы,—ибо если не удовлетворяются эти потребности, рабочая сила не достигаетъ своихъ нормальныхъ размѣровъ.

Потребность въ продолженіи своего рода принадлежитъ къ числу основныхъ, насущныхъ потребностей рабочаго. Въ то же время это, конечно, и потребность производства, для котораго необходимо, чтобы одно поколѣніе рабочихъ смѣнялось другимъ. Поэтому въ стоимость рабочей силы входитъ стоимость содержанія семьи работника.

Фактическая рыночная цѣна рабочей силы обыкновенно не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея стоимости, бываетъ то выше, то ниже ея. Но и здѣсь, какъ для всякаго другого товара, конкурренція постоянно стремится привести цѣну въ соотвѣтствіе съ общественной стоимостью. Если цѣна опускается ниже нормы, работники, потребности которыхъ не вполнѣ удовлетворяются, работаютъ хуже и меньше нормальнаго, иногда совсѣмъ отказываются работать, такъ что по той или другой причинѣ предложеніе рабочей силы понижается по сравненію со спросомъ, и цѣна ея повышается. Вообще, для капиталиста при обычныхъ условіяхъ прямо выгоднѣе, ради хорошей работы и спокойнаго хода дѣлъ, платить за рабочую силу не ниже ея стоимости. Платить больше этого ему невыгодно, но обыкновенно онъ и имѣетъ полную возможность не платить больше, такъ какъ на рынкѣ онъ находится вообще въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ продавецъ рабочей силы. Этотъ послѣдній идетъ продавать свою рабочую силу тогда, когда ему нечѣмъ жить; предпринимателю же нѣтъ, по большей части, никакой крайности нанять данное лицо—вмѣсто одного работника легко находится другой; а при сколько-нибудь развитомъ капиталистическомъ строѣ—рабочей силы на рынкѣ почти всегда больше, чѣмъ непосредственно требуется для предпринимателей [1]).

Если заработная плата и даетъ работнику средства къ жизни, то капиталистъ заботится собственно не объ этомъ, а о томъ, чтобы получить прибыль отъ труда нанятаго работника. Чтобы понять происхожденіе этой прибыли, необходимо выяснить: какъ велика цѣнность произведеннаго рабочимъ товара, изъ какихъ частей она слагается; а такъ какъ цѣнность товара опредѣляется его трудовою стоимостью, то начать надо именно со стоимости.

Общественная стоимость продукта есть вся та сумма общественно-трудовой энергіи, которая затрачивается на его производство. Очевидно, въ стоимости законченнаго продукта заключается цѣлый рядъ затратъ трудовой энергіи, начиная съ добыванія непосредственно изъ внѣшней природы самыхъ первоначальныхъ сырыхъ матеріаловъ и кончая перемѣщеніемъ готоваго продукта съ мѣста производства въ мѣсто потребленія. Всего удобнѣе это разсмотрѣть на конкретномъ случаѣ, причемъ единицу трудовой энергіи для краткости будемъ обозначать словомъ «часъ», подразумѣвая часъ простого труда средней интенсивности.

Работникъ дѣлаетъ ружье. Очевидно, въ стоимости ружья заклю-

---

[1]) Здѣсь надо заранѣе отмѣтить, что силою самихъ капиталистическихъ отношеній создается постоянный избытокъ наемной рабочей силы, такъ называемая „резервная армія промышленности“. Впрочемъ, уже „первоначальное накопленіе“ наемной рабочей силы успѣло въ Европѣ создать значительный ея избытокъ къ самому началу мануфактурнаго періода.

чается прежде всего стоимость тѣхъ матеріаловъ, которые на него пошли: желѣза, мѣди, дерева, лаку и пр., пусть это составляетъ въ общей сложности 100 часовъ. Далѣе, ружье дѣлается съ помощью орудій—станка съ разными приспособленіями, молотковъ, пилъ, подпилковъ и пр. Но ихъ стоимость не цѣликомъ входитъ въ стоимость ружья: каждаго орудія хватаетъ обыкновенно не на одно ружье, а на нѣсколько и, слѣдовательно, въ стоимость каждаго ружья входитъ только извѣстная часть стоимости орудія; если орудія хватаетъ на 100 ружей, то $^1/_{100}$, если на 10, то $^1/_{10}$,—вообще часть, соотвѣтствующая величинѣ изнашиванія орудій при выдѣлкѣ каждаго ружья. Если станокъ стоитъ 50.000 часовъ, а хватаетъ его на 5.000 ружей, то изъ его стоимости входитъ въ стоимость ружья 10 часовъ; если мастерская стоитъ 1.000.000 часовъ, а хватаетъ ея на 200.000 ружей, то изъ ея стоимости на одно ружье приходится 5 часовъ и т. д. Пусть вся стоимость изношенной части орудій—400 часовъ. Со стоимостью матеріаловъ это составляетъ 500 часовъ.

Далѣе, самъ мастеръ трудится надъ ружьемъ, и этотъ «живой» трудъ (называемый такъ въ отличіе отъ «мертваго», уже раньше воплощеннаго въ орудіяхъ и матеріалахъ), разумѣется, входитъ въ общественную стоимость продукта. Какъ извѣстно, производство ружья выполняется не однимъ мастеромъ, а множествомъ работниковъ при раздѣленіи труда между ними; это не мѣняетъ дѣла: требуется только подсчитать всю сумму живого труда. Пусть эта сумма—250 единицъ трудовой энергіи, 250 «часовъ». Итогъ стоимости ружья—750 часовъ.

Обычная цѣна такого ружья соотвѣтствуетъ, согласно закону обмѣна, такому количеству денегъ, которое само «стоитъ» 750 часовъ, положимъ—75 рублей. Въ частныхъ случаяхъ капиталистъ продаетъ его дороже или дешевле, но рыночная цѣна все же стремится къ уровню стоимости, и въ среднемъ оказывается близка къ нему. Вообще, для упрощенія расчетовъ, въ дальнѣйшемъ будетъ приниматься всюду, что трудъ работниковъ простой, средней интенсивности, и что часъ этого труда соотвѣтствуетъ 10 копейкамъ—цифра произвольная.

Капиталистъ покупаетъ рабочую силу за 50 копеекъ въ день, соотвѣтственно ея стоимости, которая равна 5 «часамъ». Если бы ежедневная затрата трудовой энергіи работника составляла тоже всего 5 часовъ, какіе получились бы результаты для капиталиста?

Его издержки на ружье: за матеріалы и орудія 50 рублей (соотвѣтственно 500 часамъ), за рабочую силу, которую ему приходится покупать на 50 дней (считая 250 часовъ живого труда, по 5 часовъ на день)—25 рублей. Итого 75 рублей. Но и ружье продается за 75 рублей, потому что его стоимость—750 часовъ: для капиталиста ни прибыли, ни убытка; предпріятіе вести такъ невозможно.

Причина заключается въ томъ, что работникъ тратитъ въ день какъ разъ столько же трудовой энергіи, во сколько обходится производство рабочей силы—5 часовъ; такимъ образомъ, онъ получаетъ отъ капиталиста 50 копеекъ и вноситъ въ цѣнность продукта 50 копеекъ. Живой трудъ работника при такихъ условіяхъ не даетъ прибыли, а отъ мертваго труда и ожидать этого не приходится: тѣ 500 часовъ, которые затрачены на орудія и матеріалы, такъ и остаются 500 часами; прежняя трудовая энергія ихъ производства только переносится на продуктъ, но сама остается неизмѣнной, и въ цѣнность продукта вноситъ тѣ же 50 рублей, которые капиталистъ затратилъ на покупку средствъ производства.

Но капиталистъ купилъ рабочую силу, и имѣетъ право распоряжаться ею. Ему надо извлечь изъ нея всю возможную сумму выгоды. Рабочей силы хватаетъ въ день не только на 5, но и на 10, на 12, иногда на 15 часовъ. И капиталистъ заставляетъ работника затратить въ день не 5, а, положимъ, 10 часовъ труда. Работникъ подчиняется, потому что продалъ свою рабочую силу, и законно распоряжается ею тотъ, кто ее купилъ. Тогда на выдѣлку ружья требуется уже не 50, а 25 рабочихъ дней (250: 10).

Издержки капиталиста: 50 рублей—средства производства, 50 коп.× 25, т.-е. $12^1/_2$ рублей—рабочая сила, итого $62^1/_2$ рубля. Стоимость ружья—750 часовъ, цѣнность—75 рублей; въ результатѣ $12^1/_2$ рублей прибыли.

Источникъ прибыли такой: производство рабочей силы на день стоитъ 5 часовъ, ея стоимость—5 часовъ, а дневная работа наемнаго работника—10 часовъ; получаетъ онъ въ день 50 копеекъ, а въ цѣнность продукта его трудъ вноситъ цѣлый рубль. Тѣ $12^1/_2$ рублей, за которые капиталистъ купилъ рабочую силу на 25 дней, представляютъ 125 часовъ, а сумма живого труда, затраченная за 25 дней,—250 часовъ. Работникъ не только отработалъ все, во что обходится его содержаніе, но и создалъ новой стоимости 125 часовъ, по 5 часовъ на день. Эта новая стоимость называется «прибавочной стоимостью»; она-то и составляетъ причину прибыли капиталиста.

Первые 5 часовъ ежедневныхъ затратъ энергіи работника представляютъ изъ себя такъ называемое необходимое рабочее время—время, когда работникъ отрабатываетъ стоимость своей рабочей силы. Остальные часы представляютъ прибавочное рабочее время—время прибавочнаго труда.

Итакъ, хотя рабочая сила есть товаръ, но совсѣмъ особеннаго свойства: ея потребленіе создаетъ болѣе значительную стоимость, чѣмъ ея собственная. Вся цѣль и весь смыслъ производства для капиталиста заключается въ томъ, чтобы, прилагая затраты рабочей силы нанятыхъ

работниковъ къ данной, принадлежащей ему стоимости, воплощенной въ средствахъ производства, производить въ свою пользу прибавочную стоимость, которая при продажѣ продуктовъ принимаетъ денежную форму прибыли. Для капиталиста его капиталъ—«самовозрастающая цѣнность».

Въ приведенномъ примѣрѣ капиталъ, вложенный капиталистомъ въ его предпріятіе—выдѣлку ружья, составляетъ въ денежной формѣ $62^1/_2$ рубля, соотвѣтствующихъ 625 часамъ «мертваго труда». Изъ нихъ тѣ 500 часовъ, которые воплощены въ матеріалахъ и орудіяхъ производства, только вошли безъ измѣненія въ общую стоимость продукта, только «сохранились» въ процессѣ производства, а въ созданіи прибавочной стоимости не принимаютъ никакого участія. Это такъ называемая «постоянная часть капитала» или, короче, постоянный капиталъ. Остальные 125 часовъ, представляющіе изъ себя стоимость пріобрѣтенной капиталистомъ рабочей силы, обладаютъ иными свойствами: они не только «сохраняются» въ процессѣ труда, въ процессѣ потребленія рабочей силы капиталистомъ, но въ общей стоимости продукта замѣщаются цѣлыми 250 часами «живого» труда, слѣдовательно, испытываютъ количественное измѣненіе, увеличиваясь на 125 часовъ прибавочной стоимости. Это—«перемѣнная часть капитала» или перемѣнный капиталъ.

Итакъ, только перемѣнный капиталъ, на который пріобрѣтается рабочая сила, создаетъ въ дѣйствительности прибавочную стоимость; капиталъ постоянный—стоимость средствъ производства—лишенъ этой способности.

Отношеніе прибавочной стоимости къ перемѣнному капиталу или, что то же—отношеніе прибавочнаго рабочаго времени къ необходимому—называется нормой прибавочной стоимости. Въ приведенномъ примѣрѣ на ежедневную затрату перемѣннаго капитала въ 50 копеекъ приходится 5 часовъ прибавочнаго труда, соотвѣтствующихъ также 50 копейкамъ, и норма прибавочной стоимости$=100^0/_0$. Очевидно, норма прибавочной стоимости можетъ служить мѣрою той выгоды, которую капиталисты извлекаютъ изъ купленной рабочей силы, мѣрою эксплоатаціи. Поэтому ее правильно было бы также называть «нормою эксплоатаціи».

Итакъ, сущность капиталистическаго производства заключается въ томъ, что рабочая сила, сдѣлавшись товаромъ, будучи пріобрѣтена капиталистомъ за его перемѣнный капиталъ, потребляется въ производствѣ, причемъ воспроизводитъ свою стоимость и создаетъ еще прибавочную стоимость, которая является источникомъ «прибыли» класса капиталистовъ.

Среди экономистовъ существовало мнѣніе, что прибыль класса ка-

питалистовъ создается не въ производствѣ, а въ обмѣнѣ,—будто бы она обусловливается тѣмъ, что капиталистъ продаетъ товаръ выше его стоимости. Напр., товаръ, стоимость котораго 100 часовъ и соотвѣтствующая стоимости цѣна 10 рублей, онъ мѣняетъ на товаръ, котораго стоимость 110 часовъ, цѣна 11 рублей; получается прибыль 1 рубль. Но въ дѣйствительности такимъ способомъ могутъ обогащаться только отдѣльные люди; прибыль к л а с с а капиталистовъ такъ объяснять нельзя. Если первый капиталистъ за товаръ цѣной въ 10 рублей получилъ товаръ цѣной въ 11 рублей, то второй, наоборотъ, вмѣсто 11 рублей получилъ 10, т.-е. 1 рубль убытку. Оба вмѣстѣ они не получаютъ ни прибыли, ни убытка, до обмѣна у нихъ было товару въ общей суммѣ на 21 рубль, и послѣ обмѣна осталось столько же, только у кого было больше—стало меньше, и наоборотъ. Если даже предположить, что каждый продавецъ непремѣнно обманываетъ покупателя въ свою пользу, то вѣдь продавцу въ свою очередь придется быть покупателемъ, и, стало быть, онъ будетъ обманутъ въ свою очередь.

Вообще, если бы не было другого источника прибыли, кромѣ обмѣна, то классъ капиталистовъ не могъ бы существовать.

4. Вліяніе развивающихся капиталистическихъ предпріятій на отсталыя формы производства.

Мануфактуры возникали и развивались среди сложнаго сочетанія разнообразныхъ экономическихъ формъ. Въ городской обрабатывающей промышленности господствовала домашняя форма капиталистическаго производства, но сохранялись также значительные остатки ремесленнаго строя со свойственными ему корпоративными организаціями. Въ деревнѣ количественно преобладали обломки натуральнаго производства—мелкія земледѣльческія хозяйства съ различными подсобными промыслами; торговый капиталъ стремился распространить на нихъ свою организаторски-эксплоататорскую дѣятельность; это въ значительной мѣрѣ удавалось ему, но не вполнѣ, такъ какъ онъ встрѣчалъ на своемъ пути немалыя препятствія въ видѣ многочисленныхъ пережитковъ феодальныхъ отношеній. Процессъ разложенія и устраненія отсталыхъ формъ, начатый силою торговаго капитала, подъ вліяніемъ капитала промышленнаго пошелъ значительно быстрѣе, пролагая для себя, кромѣ прежнихъ, и новые пути.

Вступая въ конкурренцію съ мелкой ремесленной формой производства, крупная мануфактурная оказывается сильнѣе и вытѣсняетъ первую. Высокая производительность технически-раздѣленнаго труда въ мануфактурахъ вела къ такому сильному пониженію стоимости, а слѣдовательно, и цѣны продуктовъ, какого не въ состояніи было

выдержать ремесло. Поэтому ремесло быстро приходило въ упадокъ въ тѣхъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности, которыя захватывались мануфактурой; а число такихъ отраслей непрерывно возрастало.

Чтобы хотя временно удержаться въ неравной конкурренціи, цеховымъ мастерамъ приходилось, какимъ бы то ни было образомъ, увеличивать производительность труда или, по крайней мѣрѣ, усиливать его эксплоатацію. Благодаря этому, съ особенной силой выступаютъ въ эпоху мануфактуръ всѣ тѣ симптомы разложенія старыхъ ремесленныхъ организацій, которые въ меньшей степени обнаруживались еще въ предыдущую эпоху: развитіе духа исключительности въ средѣ мастеровъ, стремленіе ихъ всячески препятствовать переходу подмастерьевъ въ самостоятельные ремесленники, распаденіе прежней непосредственной связи мастеровъ съ подмастерьями, жестокая классовая борьба между организаціями первыхъ и организаціями вторыхъ, наконецъ, уменьшеніе сплоченности, внутренней связи самихъ цеховъ, выражавшееся въ стремленіи отдѣльныхъ мастеровъ обходить стѣснительныя для нихъ лично установленія цеховъ и эксплоатировать своихъ товарищей—другихъ мастеровъ—по способамъ торговаго капитала. Жизнеспособность цеховъ быстро понижалась.

Подчиняясь закону, общему для всѣхъ отживающихъ формъ, цеховыя организаціи не только теряли при этомъ свою общественную полезность, но становились даже вредными, какъ задержка дальнѣйшаго развитія. Обладая монополіей производства и отчасти монополіей рынка въ большинствѣ городовъ, цехи сильно стѣсняли развитіе мануфактуръ. Между тѣмъ, масса «избыточнаго населенія» искала кому продать свою рабочую силу, и существующія предпріятія не могли всю ее поглотить. Интересы большей части общества требовали дальнѣйшаго развитія мануфактуръ; а для этого необходима была свобода капитала, отмѣна цеховыхъ стѣсненій и привилегій.

Защищая свои узкіе интересы, цехи съ непримиримой враждой относились къ техническому прогрессу, который угрожалъ гибелью мелкимъ производителямъ. Пользуясь своимъ общественнымъ значеніемъ, своимъ вліяніемъ на государство, цехи всѣми силами мѣшали введенію въ общественную технику новыхъ изобрѣтеній, причемъ нерѣдко достигали того, что изобрѣтенія эти погибали вмѣстѣ съ изобрѣтателями. Въ такихъ фактахъ реакціонная роль старыхъ организацій обнаруживалась съ особенной ясностью.

Такимъ образомъ, въ сознаніи растущихъ промышленныхъ классовъ, какъ буржуазіи, такъ и пролетаріевъ, постепенно распространялась и укоренялась мысль о необходимости уничтоженія цехового строя. Дѣя-

тельность государства все въ большей степени направлялась противъ отживающихъ организацій.

Утрачивая свое общественное значеніе, цехи начинали понемногу разрушаться и формально. Прежде всего они лишались своей прежней независимости. Королевская власть присвоила себѣ право давать званіе мастера, и энергично пользовалась этимъ правомъ для увеличенія доходовъ казны. Въ выдачѣ патентовъ на званіе мастера открывался широкій просторъ произволу: патенты, выданные однимъ государемъ, слѣдующій объявлялъ недѣйствительными по той причинѣ, что и ему нужны были деньги. Нерѣдко вмѣсто такихъ патентовъ продавались. какъ было указано, привилегіи на обходъ цеховыхъ ограниченій; чаще всего дѣлалось то и другое одновременно.

Несмотря на ослабленіе власти цеховъ, они даже въ Англіи еще во второй половинѣ XVIII вѣка пытались остановить побѣдоносный ходъ капиталистическаго развитія. Извѣстно, напр., что корпорація механиковъ г. Глазго, узнавши, что Джемсъ Уаттъ не входившій въ число ея членовъ, работаетъ надъ моделью паровой машины, запретила ему заниматься этой работой. Но подобные случаи въ указанный періодъ являлись уже рѣдкостью, тѣмъ болѣе, что въ молодой хлопчатобумажной промышленности, составлявшей основу развивающагося англійскаго капитализма, не было никакихъ цеховыхъ ограниченій. Въ общемъ, всякая регламентація промышленности въ Англіи исчезла сама собой, и закону 1814 года пришлось лишь подтвердить то, что успѣло уже войти въ обычай. Во Франціи законодательная отмѣна цехового устройства началась за 15 лѣтъ до Великой Революціи, которая однимъ ударомъ (въ 1789 г.) уничтожила его послѣдніе остатки. Но и тутъ цехи въ это время едва держались, совершенно стѣсненные конкуренціей мануфактуръ и домашняго капиталистическаго производства. Изъ передовыхъ странъ цеховыя привилегіи продержались дольше всего въ Пруссіи; здѣсь онѣ фактически были отмѣнены эдиктомъ 1810 г. Позднѣйшія попытки вернуться къ цехамъ,—попытки, предпринятыя нѣмецкими ремесленниками въ періодъ революціи 1848, были, разумѣется, лишь реакціонной утопіей; уничтожить свободу промысловъ, какъ этого требовалъ франкфуртскій ремесленный парламентъ въ 1848 г., когда надъ Германіей возвышались уже сотни фабричныхъ трубъ, значило повернуть вспять ходъ экономическаго развитія; эти попытки были обречены на неудачу.

Во время крѣпостного права и въ началѣ періода капитализма среди крестьянскаго населенія были еще повсюду распространены подсобные промыслы. Особенно важную роль между ними играло производство одежды—пряжа, ткачество, шитье; затѣмъ производство многихъ необходимыхъ въ хозяйствѣ орудій.

Продукты подсобныхъ промысловъ частью потреблялись въ собственныхъ хозяйствахъ производителей, частью шли на продажу. Съ развитіемъ денежныхъ отношеній, съ превращеніемъ крестьянскихъ повинностей, податей и налоговъ изъ натуральныхъ въ денежныя, и особенно съ выступленіемъ на сцену торговаго капитала, производство на продажу получало въ подсобныхъ промыслахъ рѣшительное преобладаніе надъ производствомъ для потребленія. При этомъ организація подсобныхъ промысловъ, становясь въ зависимость отъ рынка, принимала формы домашней капиталистической промышленности.

Переходъ къ мануфактурѣ совершался въ данной области весьма постепенно. Сама мануфактура въ деревнѣ, по большей части, надолго сохраняетъ слѣды «подсобнаго» характера тѣхъ промысловъ, изъ которыхъ возникла: ея работники не являются исключительно ея работниками—въ лѣтнее время они возвращаются къ своимъ сельскохозяйственнымъ работамъ; мануфактура же, вполнѣ или отчасти, бездѣйствуетъ. Нерѣдко общая экономическая отсталость деревни приводила даже къ тому, что мануфактура разлагалась: капиталистъ находилъ болѣе выгоднымъ, чтобы крестьяне выполняли работу въ своихъ домахъ, занимаясь ею какъ подсобнымъ промысломъ. Дѣло въ томъ, что при низкомъ уровнѣ потребностей крестьянина и при второстепенномъ для него, какъ земледѣльца, значеніи подсобнаго заработка, продукты домашняго производства могутъ продаваться очень дешево, несмотря на отсталую технику.

Подобное раздробленіе фабрики, основанной по преимуществу на ручномъ трудѣ, имѣло мѣсто въ Россіи. Въ первой половинѣ XIX столѣтія (да и раньше) у насъ наблюдается своеобразный процессъ распаденія крупнаго производства на болѣе мелкія производственныя единицы. Работа на бумаготкацкихъ фабрикахъ сокращается, но вокругъ фабрикъ съ поразительной быстротой начинаетъ развиваться кустарная промышленность. Съ 1836 г. по 1857 г. число рабочихъ бумаготкацкихъ фабрикъ упало съ 95.000 до 75.000, но за тотъ же самый періодъ ввозъ въ Россію хлопка и бумажной пряжи возросъ съ 865.000 пудовъ до 2.765.000, т.-е. больше, чѣмъ въ 3 раза. Все сырье, которое не подвергалось обработкѣ на фабрикахъ, шло кустарямъ, и многія бумаготкацкія фабрики въ значительной степени превратились въ раздаточныя конторы, въ типичныя организаціи торговаго капитализма. Предприниматели находили для себя болѣе выгоднымъ эксплоатировать крестьянъ въ ихъ собственныхъ избахъ, чѣмъ собирать ихъ подъ крышею фабрикъ. Крестьянамъ же, стонавшимъ подъ гнетомъ крѣпостного права, ткачество доставляло подсобный, но постоянный заработокъ. Съ точки зрѣнія технической, развитіе кустарныхъ промысловъ въ указанный періодъ не представляло никакихъ трудностей, такъ какъ

ткацкій станъ можно было съ одинаковымъ успѣхомъ соорудить какъ на фабрикѣ, такъ и въ крестьянской избѣ. Этотъ фактъ—примитивность техники—былъ одной изъ главныхъ причинъ, дававшихъ возможность раздаточнымъ конторамъ свободно конкурировать съ фабриками. Послѣднія нерѣдко погибали подъ ударами кустарей, которые удлиненіемъ рабочаго дня, безчеловѣчной эксплоатаціей своихъ семей и усиленіемъ интенсивности труда съ избыткомъ покрывали преимущества крупнаго производства.

Однако такое разложеніе фабрики, ея разсѣяніе въ пространствѣ, обратный переходъ промышленнаго капитала въ торговый, было, во всякомъ случаѣ, преходящимъ, и всюду устранялось дальнѣйшимъ прогрессомъ техники. Вытѣсненіе ручного ткацкаго станка и замѣна его механическимъ, явленіе, наблюдавшееся въ Россіи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, оказалось губительнымъ для домашней промышленности, или, что то же, для кустарей. Оно отразилось на нашихъ кустаряхъ не менѣе тяжело, чѣмъ распространеніе машины въ эпоху техническаго переворота на ручныхъ ткачахъ Англіи. Механическій ткацкій станокъ привелъ къ колоссальному росту числа рабочихъ, занятыхъ на фабрикѣ, и къ прогрессивному экономическому вырожденію кустарей. За тридцатилѣтіе, протекшее съ 1866 г. по 1895 г., число рабочихъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ возросло съ 95.000 до 242.000, т.-е. больше, чѣмъ въ $2^1/_2$ раза, число же кустарей, занятыхъ въ той же отрасли, уменьшилось съ 66.000 до 20.000, т.-е. больше, чѣмъ въ 3 раза; иными словами, въ 1866 году количество рабочихъ, работавшихъ на дому, составляло 70% работавшихъ въ фабричномъ зданіи, въ 1895 г. этотъ процентъ упалъ до 8.

Кромѣ того, сокращалось и производство для непосредственнаго потребленія. Мануфактура создавала сильный спросъ на сырые матеріалы, и крестьянамъ оказывалось выгоднѣе ихъ продавать, чѣмъ обрабатывать. Къ тому же, большее изящество произведеній крупно-капиталистическихъ предпріятій при значительной дешевизнѣ часто заставляло крестьянъ предпочитать ихъ произведеніямъ собственнаго труда.

Такъ съ прогрессомъ техники въ крупномъ производствѣ совершается развитіе общественнаго раздѣленія труда; земледѣліе отдѣляется отъ обрабатывающей промышленности, крестьянинъ либо идетъ на фабрику, либо ограничивается земледѣльческимъ трудомъ.

При этомъ мелкое земледѣльческое производство теряетъ часть своей устойчивости, лишаясь той опоры, которую оно имѣло въ подсобныхъ промыслахъ, и сила его сопротивленія вновь развивающимся экономическимъ формамъ понижается.

Такова основная тенденція развитія промышленнаго капитала. Въ эпоху мануфактуръ, первой стадіи промышленнаго капитализма, она

проявляется въ сравнительной слабой степени, отчасти даже вполнѣ маскируется возникновеніемъ въ связи съ мануфактурами нѣкоторыхъ новыхъ и развитіемъ нѣкоторыхъ прежнихъ подсобныхъ промысловъ: поставка матеріаловъ для мануфактуръ становится выгоднымъ дѣломъ, и крестьяне, частью самостоятельно, частью при помощи предпринимателей-капиталистовъ, берутъ на себя производство этихъ матеріаловъ, если только позволяетъ техника дѣла. Въ эпоху машинъ кустарничество быстро идетъ къ вымиранію.

Въ земледѣліи капитализмъ развивается, вообще, не такъ быстро и успѣшно, какъ въ обрабатывающей промышленности.

Техника сельскаго хозяйства не допускаетъ того широкаго разложенія труда, какое наблюдается въ мануфактурахъ. Возможно ли, напр., раздѣлить на составныя части такую операцію, какъ паханье? Къ тому же различныя земледѣльческія работы выполняются въ различное время, что еще болѣе уменьшаетъ значеніе техническаго раздѣленія труда въ данной области.

Поэтому, даже въ эпоху мануфактуръ, крупное и мелкое земледѣльческое производство мало различаются по производительности труда, такъ что послѣднее довольно успѣшно выдерживаетъ конкуренцію.

Впрочемъ, крупныя земледѣльческія предпріятія уже съ самаго начала обладаютъ извѣстными техническими преимуществами, особенно въ сферѣ доставки средствъ производства съ рынка и готовыхъ продуктовъ на рынокъ. Естественно, что и техника крупныхъ предпріятій развивается быстрѣе. И все-таки мелкое хозяйство еще долго продолжаетъ удерживаться въ конкурренціи съ крупнымъ. Недостатки техники вознаграждаются весьма высокой напряженностью труда мелкаго земледѣльца. Въ этомъ существенный недостатокъ такого хозяйства. Только громадная затрата трудовой энергіи даетъ мелкому земледѣльцу возможность устоять въ конкуренціи, такъ что въ общемъ трудъ вознаграждается плохо.

5. Денежное обращеніе.

Основной, почти всеобщій способъ распредѣленія для капиталистическаго общества есть о б м ѣ н ъ, неорганизованное, рыночное распредѣленіе. Въ процессѣ обмѣна каждый общественный классъ и каждый отдѣльный членъ класса получаетъ свою долю общественнаго продукта. Непосредственное распредѣленіе сохраняется обыкновенно лишь внутри семейнаго хозяйства.

Значительному развитію обмѣна соотвѣтствуетъ прогрессъ денежнаго обращенія. Въ капиталистическомъ производствѣ деньги—необходимый двигатель; безъ нихъ оно немыслимо. На деньги капиталистъ пріобрѣтаетъ средства производства и рабочую силу. Когда, путемъ взаимо-

дѣйствія этихъ элементовъ производства, получается продуктъ, онъ опять-таки долженъ быть проданъ за деньги. На вырученныя деньги или на часть ихъ вновь покупается рабочая сила, орудія и матеріалы, товаръ вновь продается и т. д. Затѣмъ товаръ переходитъ изъ рукъ въ руки до потребителя опять съ помощью денегъ.

Такимъ образомъ, для нормальнаго хода капиталистической жизни является въ высшей степени важнымъ, чтобы денежное обращеніе совершалось правильно и безпрепятственно, чтобы предложеніе денегъ всегда соотвѣтствовало спросу. Какимъ образомъ это достигается?

Какъ было указано, деньги представляютъ изъ себя такую форму стоимости, которая допускаетъ сбереженіе на неопредѣленное время и накопленіе въ неограниченномъ количествѣ. Благодаря этому, онѣ порождаютъ и стремленіе къ безграничному накопленію и сбереженію. Въ результатѣ—общая сумма денегъ въ странѣ съ мѣновымъ хозяйствомъ почти всегда значительно превосходитъ то количество, которое непосредственно необходимо для обращенія. Весь излишекъ находится внѣ сферы обращенія—въ карманахъ, сундукахъ и подвалахъ владѣльцевъ—и играетъ роль денежнаго сокровища.

Именно благодаря существованію сокровища, предложеніе на денежномъ рынкѣ можетъ при обыкновенныхъ условіяхъ легко и быстро приноравливаться къ спросу.

Спросъ на деньги опредѣляется совокупностью условій обмѣна и кредита. Величина этого спроса для извѣстнаго періода времени, какъ было выяснено, узнается слѣдующимъ образомъ: къ суммѣ цѣнъ товаровъ, продающихся за наличныя, прибавляется сумма приходящихся въ данный періодъ срочныхъ платежей—минусъ тѣ изъ нихъ, которые взаимно уничтожаются, и результатъ дѣлится на среднее число оборотовъ монеты. Слѣдовательно, колебанія спроса на деньги зависятъ: либо отъ измѣненій количества и цѣнъ товаровъ, либо отъ измѣненій въ размѣрахъ и техникѣ кредитнаго дѣла, либо отъ измѣненій въ скорости обращенія денегъ.

Допустимъ, что для періода въ 1 недѣлю общая сумма цѣнъ продаваемыхъ на рынкѣ за наличныя товаровъ составляетъ 1 милліонъ рублей, сумма срочныхъ платежей минусъ тѣ, которые взаимно уничтожаются—$^1/_2$ милліона, среднее число оборотовъ монеты—1. Тогда цифра спроса на деньги равняется 1.500.000 рублей. На слѣдующую недѣлю, благодаря возрастанію количества или повышенію цѣны товаровъ, общая сумма ихъ цѣнъ—$1^1/_2$ милліона рублей, при неизмѣнныхъ остальныхъ условіяхъ. Лишніе $^1/_2$ милліона покупатели товаровъ принуждены вынуть изъ своихъ сундуковъ и заплатить продавцамъ—инымъ способомъ нельзя пріобрѣсти товаровъ. Предложеніе денегъ, т.-е. количество ихъ въ обращеніи, оказывается увеличеннымъ на $^1/_2$

милліона, а сокровище—на такую же сумму уменьшеннымъ. Наоборотъ, если бы сумма цѣнъ товаровъ не увеличилась, а уменьшилась, тогда часть денегъ, вмѣсто того чтобы пойти въ уплату за товары, осталась бы въ карманахъ владѣльцевъ, увеличивая собою денежное сокровище.

Точно такъ же обстоитъ дѣло при возрастаніи или пониженіи суммы срочныхъ платежей. При этомъ техника кредита имѣетъ большое значеніе. Съ развитіемъ кредитныхъ учрежденій развивается «жиро-оборотъ», сущность котораго заключается въ слѣдующемъ. Отдѣльныя предпріятія держатъ свои деньги въ банкахъ на текущихъ счетахъ. Банки при этомъ выступаютъ въ качествѣ кассировъ этихъ предпріятій. Положимъ, что Ивановъ, имѣющій деньги на текущемъ счетѣ въ данномъ банкѣ, долженъ уплатить Петрову, имѣющему текущій счетъ въ томъ же банкѣ, нѣкоторую сумму денегъ. Съ этой цѣлью Ивановъ дѣлаетъ заявленіе банку (пишетъ «чекъ»), чтобы онъ переписалъ соотвѣтствующую сумму съ одного счета на другой. Такимъ образомъ, Ивановъ разсчитывается съ Петровымъ безъ всякаго посредства денегъ. Но разныя лица могутъ хранить свои деньги въ разныхъ банкахъ. Въ виду этого создаются особыя учрежденія—именуемыя разсчетными палатами—которыя производятъ разсчетъ между банками. Въ разсчетныхъ палатахъ сопоставляются сумма, которую данный банкъ долженъ уплатить, съ суммой, которую онъ долженъ получить. Деньгами выплачивается лишь разница. Если нѣтъ кредитныхъ учрежденій, въ которыхъ сопоставляются и переводятся долги различныхъ предпріятій, то для кредитнаго рынка требуется больше денегъ: приходится деньгами расплачиваться отчасти и по такимъ долгамъ, которые взаимно уничтожились бы, если бы были одновременно приведены въ извѣстность и взаимно сопоставлены; сумма такихъ долговъ увеличиваетъ собой количество денегъ въ обращеніи вмѣсто того, чтобы перейти въ сокровище.

Допустимъ теперь, что при неизмѣнной суммѣ цѣнъ товаровъ—1 милліонъ, и при неизмѣнной суммѣ срочныхъ платежей—$^1/_2$ милліона, среднее число оборотовъ монеты повысилось съ 1 до 2: товары и деньги обращаются быстрѣе. Тогда рынокъ успѣваетъ вмѣсто одного—два раза воспользоваться одной и той же суммой денегъ; капиталистъ, напримѣръ, успѣваетъ за свою 1.000 рублей купить средства производства, затѣмъ вернуть ее изъ продажи своихъ товаровъ и вновь купить на нее средства производства, т.-е. вмѣсто 2.000 обойтись одной тысячей рублей. Весь денежный рынокъ требуетъ, слѣдовательно, только 750.000 рублей, вмѣсто прежнихъ 1.500.000; лишнія 750.000 остаются невынутыми изъ кармана ихъ владѣльцевъ и увеличиваютъ собою сокровище. При уменьшеніи скорости товаро-денежнаго обра-

щенія происходитъ противоположныя явленія, и часть сокровища переходитъ въ сферу обращенія.

Такимъ образомъ, при нормальномъ, обычномъ теченіи дѣлъ устанавливается соотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ денегъ. Сокровище играетъ роль резерва, откуда деньги приливаютъ, въ случаѣ надобности, въ область обращенія, и куда отливаетъ, въ противоположномъ случаѣ, ихъ излишекъ.

Съ развитіемъ капиталистическаго общества сумма денегъ, обращающихся на рынкѣ, возрастала гораздо быстрѣе, чѣмъ сокровище; но и сокровище должно было увеличиваться, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно, съ теченіемъ времени, оказалось бы недостаточнымъ для регулированія громаднаго денежнаго рынка въ его колебаніяхъ. Производство денегъ необходимо должно было возрастать. И дѣйствительно, еще самые первые шаги капитализма въ Европѣ ознаменованы были небывалымъ привозомъ благородныхъ металловъ изъ новооткрытыхъ странъ, особенно Америки. Значеніе этого прилива денегъ, впрочемъ, ослаблялось до извѣстной степени тѣмъ фактомъ, что стоимость денегъ, а стало быть и ихъ покупательная сила, понизилась по сравненію съ средневѣковымъ міромъ; а это зависѣло отъ большей, чѣмъ прежде, легкости добыванія денежныхъ металловъ, благодаря которой количество общественно-трудовой энергіи, воплощенное въ данной суммѣ денегъ, оказывалось значительно уменьшеннымъ.

Дѣло не ограничилось тѣмъ, что въ обращеніе была брошена масса благородныхъ металловъ. Спросъ на деньги возрасталъ съ громадной быстротой, и съ теченіемъ времени вызвалъ примѣненіе, кромѣ металлическихъ денегъ, еще такъ называемыхъ **банковыхъ билетовъ** или **банкнотъ**, которымъ соотвѣтствовали наши довоенные кредитные билеты.

Сущность банковыхъ билетовъ, которые, наравнѣ съ металлическими деньгами, выполняютъ функцію средствъ обращенія, лучше всего выясняется изъ исторіи ихъ возникновенія.

Какъ мы уже знаемъ, Средніе вѣка отличались необыкновеннымъ разнообразіемъ монетъ. Едва ли не каждый феодалъ чеканилъ деньги по установленному имъ образцу. Это вносило чрезвычайную путаницу въ денежное обращеніе, и далеко не всякій умѣлъ разбираться въ обращавшихся на рынкѣ монетахъ. Распознаваніе денегъ—опредѣленіе ихъ достоинства—стало дѣломъ особыхъ спеціалистовъ—средневѣковыхъ «банкировъ», главнымъ занятіемъ которыхъ былъ размѣнъ различныхъ монетъ.

Купцы носили свои деньги къ этимъ «банкирамъ», размѣнивали соотвѣтственно своимъ надобностямъ или же оставляли свои капиталы у нихъ на храненіе. Въ послѣднемъ случаѣ банки условно выражали

полученные ими вклады въ какой-нибудь одной денежной единицѣ, и записывали соотвѣтствующую сумму за вкладчикомъ. Всякіе новые взносы и выдачи отмѣчались, конечно, на счетахъ кліента, который уплачивалъ банкиру, исполнявшему обязанности его кассира, извѣстное вознагражденіе.

Такого рода банки раньше всего возникли въ торговыхъ городахъ Италіи. На первыхъ порахъ купецъ, желавшій уплатить деньги своему кредитору, долженъ былъ лично явиться къ банкиру, взять у него соотвѣтствующую сумму и передать ее по принадлежности. Если же кредиторъ хранилъ свои деньги у того же самаго банкира, то должникъ дѣлалъ распоряженіе о перечисленіи суммы, равной его долгу. на счета кредитора. Однако съ теченіемъ времени эти операціи значительно упростились. Банкиры стали выдавать своимъ кліентамъ особыя депозитныя квитанціи, т.-е. удостовѣренія о пріемѣ на храненіе денегъ. Купцамъ уже не было надобности являться лично въ банкъ. Для уплаты денегъ своимъ кредиторамъ они дѣлали на квитанціяхъ передаточныя надписи, которыя обезпечивали послѣднимъ возможность въ любое время получить у банкира металлическія деньги. Поскольку банкиры пользовались довѣріемъ въ средѣ купцовъ, лица, получавшія вмѣсто денегъ депозитныя квитанціи или чеки, не спѣшили обмѣниватъ ихъ въ банкѣ на металлъ, а хранили ихъ у себя или пускали въ дальнѣйшій оборотъ.

Банкиры стали замѣчать, что значительная часть выдаваемыхъ ими квитанцій не предъявляются къ размѣну на полноцѣнныя металлическія деньги, и что извѣстная часть хранящихся у нихъ вкладовъ лежитъ всегда неприкосновенной. Это побудило банкировъ пускать въ обращеніе, помимо депозитныхъ квитанцій, которыя выдавались вкладчикамъ и въ точности соотвѣтствовали внесеннымъ ими суммамъ, еще другія квитанціи, непокрытые металломъ. Опытъ указывалъ банкиру, какая часть выпущенныхъ имъ документовъ всегда остается въ обращеніи и не предъявляется къ обмѣну. Сообразуясь съ этимъ, онъ получалъ возможность опредѣлять размѣръ общей суммы необезпеченныхъ металлической наличностью денежныхъ знаковъ, которую онъ можетъ выпустить въ обращеніе, не рискуя отказаться отъ размѣна.

Указанная операція банковъ получила названіе эмиссіонной операціи, а выпускаемые ими денежные знаки—банковыхъ билетовъ, банкнотъ или размѣнныхъ бумажныхъ денегъ.

Съ развитіемъ капитализма эмиссіонные банки пріобрѣли огромное значеніе во всѣхъ передовыхъ странахъ. Вмѣстѣ съ обмѣномъ возросла потребность въ денежныхъ знакахъ. Такіе знаки выпускались въ достаточномъ количествѣ эмиссіонными банками. Послѣдніе уменьшали потребность въ металлическихъ деньгахъ и сберегали капиталистиче-

скому хозяйству тѣ массы общественнаго труда, которыя при отсутствіи банкнотъ приходилось бы затрачивать на добычу благородныхъ металловъ.

Въ настоящее время эмиссіонные банки либо находятся въ рукахъ государства (нашъ бывш. Государственный банкъ), либо въ рукахъ частныхъ акціонерныхъ обществъ (таковы, напр., Англійскій банкъ, Французскій банкъ и т. д.). Въ послѣднемъ случаѣ они подчинены строгому контролю государственной власти и носятъ полуофиціальный характеръ.

Количество необходимыхъ денежныхъ знаковъ опредѣляется, какъ мы видѣли, экономическими законами. Выпускъ банкнотъ сверхъ этого количества создаетъ въ странѣ избытокъ денежныхъ знаковъ. Если бы это были металлическія деньги, то весь избытокъ вышелъ бы изъ обращенія и образовалъ бы денежное сокровище; въ обращеніи осталось бы количество необходимое для потребностей обмѣна. При наличности банкнотъ и благороднаго металла, всякій предпочитаетъ, конечно, хранить въ качествѣ «сокровища» не банкноты, а золотыя деньги. Поэтому всякое чрезмѣрное увеличеніе количества банкнотъ влечетъ за собой увеличеніе требованій размѣна послѣднихъ на золото. Эмиссіонный банкъ при этомъ можетъ очутиться въ чрезвычайно тяжеломъ положеніи, и дойти даже до банкротства. Чтобы избѣгнуть подобнаго рода явленія, государство вводитъ дѣятельность эмиссіонныхъ банковъ въ строго опредѣленныя рамки, устанавливаемыя закономъ страны.

Ограниченія выпуска банкнотъ въ разныхъ странахъ различны. Въ Австро-Венгріи, напримѣръ, $^2/_3$ находящихся въ обращеніи банкнотъ должны быть покрыты золотой наличностью; если ихъ общее количество превышаетъ 200 милліоновъ гульденовъ, то государствомъ взимается съ излишка пяти-процентный налогъ. Тотъ же принципъ положенъ въ основу дѣятельности германскаго эмиссіоннаго банка. У насъ въ Россіи до войны дѣйствовала англійская система. По закону 1897 года Государственный банкъ имѣлъ право выпускать кредитныхъ билетовъ на сумму въ 600 милліоновъ рублей подъ золотое обезпеченіе въ 300 милліоновъ. Все, что выпускалось сверхъ 600 мил., должно было быть цѣликомъ покрыто золотомъ. Эмиссіонное право Государственнаго банка, право выпуска непокрытыхъ золотомъ кредитныхъ билетовъ (соотвѣтствующихъ банкнотамъ), измѣрялось, такимъ образомъ, 300 милліоновъ рублей.

Несмотря, однако, на законодательныя ограниченія выпуска банкнотъ, государство нерѣдко используетъ эмиссіонные банки въ своихъ цѣляхъ. Оно руководствуется при этомъ не потребностями обращенія, а интересами своей казны. Выпускъ банкнотъ играетъ для государства роль безпроцентнаго займа; оно печатаетъ «кредитки» и оплачиваетъ

ими казенные заказы, государственную службу и т. д. Особенно часто государство прибѣгаетъ къ этой операціи, когда оно ощущаетъ острую нужду въ деньгахъ, а обычныхъ налоговыхъ поступленій оказывается недостаточно. Въ такомъ положеніи государство бываетъ во время войны, революціи и т. п. Но, выпуская чрезмѣрное количество банкнотъ, государство вызываетъ описанное выше явленіе. Количество банкнотъ, предъявляемыхъ къ размѣну на металлъ, все увеличивается, и государство вынуждается объявить о прекращеніи размѣна.

Силою закона оно заставляетъ гражданъ принимать неразмѣнныя «бумажныя деньги», и само тоже принимаетъ ихъ въ уплату податей, налоговъ и т. д. Банкнотное обращеніе при этихъ условіяхъ превращается въ бумажно-денежное. Такое превращеніе банкнотъ въ неразмѣнныя бумажныя деньги имѣло мѣсто почти во всѣхъ воюющихъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи, гдѣ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото былъ прекращенъ закономъ 26-го іюля 1914 года.

Рядомъ съ неразмѣнными бумажками золото въ обращеніи не удерживается: оно или превращается въ сокровище, или уходитъ за границу для уплаты за привозные товары. Въ сферѣ внутренняго обращенія остаются однѣ бумажныя деньги, но ихъ обыкновенно бываетъ слишкомъ много. Уйти изъ обращенія имъ очень трудно: за границей ихъ не принимаютъ, а сокровище они довольно сомнительное, ненадежное. Въ результатѣ количество бумажныхъ денегъ оказывается выше потребностей обращенія, и имъ приходится выполнять функцію, которая раньше выполнялась значительно меньшей суммой денежныхъ знаковъ. Это влечетъ за собой обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, и соотвѣтствующее повышеніе цѣнъ на товары.

Если въ обращеніи наряду съ бумажными деньгами сохраняются металлическія, то послѣднія расцѣниваются выше. На металлъ, какъ говорятъ, устанавливается лажъ. Это значитъ, что за металлическую денежную единицу уплачиваютъ извѣстную надбавку, или, наоборотъ, за неразмѣнную бумажно-денежную единицу даютъ меньше ея номинальной стоимости. Случаи установленія лажа въ исторіи денежнаго обращенія представляютъ далеко не рѣдкое явленіе.

Особенно интересные факты даетъ въ этомъ отношеніи Великая французская революція. Въ 1790 г. Національное Собраніе превратило свои ассигнаты (типъ государственнаго займа) въ бумажныя деньги. Когда ассигнатовъ было сравнительно немного, ихъ цѣнность мало отличалась отъ цѣнности металлическихъ денегъ, но лишь только выпускъ ассигнатовъ сталъ возрастать, какъ они начали стремительно обезцѣниваться. Такъ, въ началѣ 1791 года, когда ассигнатовъ было меньше, чѣмъ на милліардъ франковъ (точнѣе ливровъ,—металлическій ливръ равнялся $^{80}/_{81}$ теперешняго франка), за 100 франковъ ассигнатами да-

вали 91 франкъ металломъ; въ январѣ 1793 года, когда количество ассигнатовъ было доведено почти до 3-хъ милліардовъ, они обезцѣнились до 51%. Дальнѣйшій выпускъ ассигнатовъ—въ 1796 г. ихъ количество дошло до 46 милліардовъ—привелъ къ ихъ катастрофическому обезцѣненію. Въ мартѣ 1796 г. за 100 фр. ассигнатами давали 1/3 франка металломъ, т.-е. въ 300 разъ меньше ихъ номинальной стоимости. Дѣло доходило до того, что за телячью котлету платили 650 фр., за щуку 1000 фр., за пирожное 50 фр. и т. д.—У насъ въ Россіи обезцѣненіе ассигнацій, явившіеся результатомъ ихъ чрезмѣрнаго выпуска въ концѣ XVIII и въ первыя десятилѣтія XIX столѣтія, доходило до 20 копеекъ серебромъ, причемъ это обезцѣненіе, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, шло параллельно росту количества ассигнацій.

Цѣна банкнотъ или бумажныхъ денегъ, выраженная въ металлѣ, носитъ названіе курса. Внутри страны курсъ банкнотъ не подверженъ колебаніямъ; на иностранномъ рынкѣ эти колебанія ограничены весьма тѣсными предѣлами. Въ международной торговлѣ расплата за товары производится обычно не металлическими деньгами, а векселями, т.-е. опредѣленнаго рода долговыми расписками, составленными въ узаконенной формѣ. Положимъ, русскій торговецъ А отправилъ партію пшеницы англійскому купцу С. Англійскій фабрикантъ Д продалъ на такую же сумму машины русскому В. Тогда В покупаетъ у А вексель на англичанина С и посылаетъ англичанину Д, который и получаетъ съ С по этому векселю. Пересылать денегъ вовсе не пришлось, а каждый получилъ свое; избѣгнуты издержки и рискъ двойной пересылки. Подобную же роль играютъ и банкноты (кредитные билеты), разсматриваемые на международномъ рынкѣ, какъ обязательства той страны, которая ихъ выпустила. Если сумма, которую данная страна должна уплатить другимъ странамъ въ опредѣленный промежутокъ времени (за привезенные товары, проценты по займамъ и т. д.), окажется больше той суммы, которую послѣднія должны уплатить ей, то на международномъ рынкѣ образуется избытокъ векселей и банкнотъ первой страны. Это влечетъ за собой увеличенное ихъ предложеніе на иностранныхъ рынкахъ. Охотниковъ покупать ихъ находится мало, и они начинаютъ обезцѣниваться. Но это обезцѣненіе имѣетъ извѣстные предѣлы.

Положимъ, что въ Германіи образовался избытокъ русскихъ векселей и кредитныхъ билетовъ, что ихъ больше той суммы, въ которыхъ нуждается Германія для покрытія своихъ текущихъ обязательствъ Россіи. Въ этомъ случаѣ спросъ на наши векселя и кредитные билеты незначителенъ, и полной стоимости, изъ разсчета, какъ это было до войны, 216 марокъ за 100 рублей, за нихъ никто платить не будетъ. Курсъ рублей начнетъ понижаться. При этомъ онъ можетъ дойти до

такого уровня, когда собственникъ нашего кредитнаго билета предпочтетъ его не продавать, а отправить въ Петербургъ и размѣнять на золотые рубли, которые всегда выражаются въ одной и той же суммѣ германскихъ золотыхъ марокъ. Пересылка русскаго золота въ Берлинъ, вмѣстѣ съ упаковкой и страховкой, стоила тогда 81 копейку со 100 рублей. Вычетъ изъ нормальной курсовой стоимости рубля 0.81% и даетъ тотъ предѣлъ, ниже котораго курсъ размѣнныхъ русскихъ кредитныхъ билетовъ въ Берлинѣ упасть не могъ. Если бы въ Германіи оказался недостатокъ русскихъ кредитныхъ билетовъ, то измѣненіе курса сложилось бы въ пользу Россіи, но выше нормальнаго курсъ могъ бы подняться только на 0.81%. Такимъ образомъ курсовыя колебанія русскихъ кредитныхъ билетовъ въ Германіи или германскихъ банкнотъ въ Россіи были ограничены 1, 62%, если считать колебанія въ сторону повышенія и пониженія. Изъ приведеннаго примѣра ясно, что курсовыя колебанія зависятъ отъ разстоянія между странами. Разница между высшими и низшими курсами русскихъ кредитныхъ билетовъ измѣрялась въ Англіи 3 рубл. 61 коп. со 100 рубл., въ Парижѣ 4 рубл. 2 коп., въ Нью-Іоркѣ 9 рубл. 2 коп., и т. д.

Иначе обстоитъ вопросъ съ неразмѣнными бумажными деньгами. Паденіе ихъ курса не ограничено никакими предѣлами: курсъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, понижаясь подъ вліяніемъ указанныхъ выше экономическихъ, а также политическихъ причинъ, т.-е., недовѣрія къ выпускающему ихъ правительству, можетъ падать много ниже ихъ нормальной курсовой стоимости.

Паденіе курса, естественно, вызываетъ повышеніе всѣхъ цѣнъ внутри страны, а повышеніе курса, наоборотъ, паденіе цѣнъ. Но колебанія цѣнъ не сразу слѣдуютъ за измѣненіями курса. Всего быстрѣе приспособляются къ курсу цѣны тѣхъ товаровъ, которые производятся главнымъ образомъ для вывоза, и тѣхъ, которые ввозятся изъ-за границы: это именно потому, что курсъ бумажекъ опредѣляется прежде всего на заграничномъ рынкѣ; на внутреннемъ денежномъ рынкѣ онъ не можетъ прямо опредѣляться съ точностью, такъ какъ тамъ почти не обращаются металлическія деньги, по которымъ устанавливается курсъ бумажныхъ. Болѣе медленно измѣняются цѣны тѣхъ товаровъ, которые ввозятся или вывозятся только отчасти, а преимущественно производятся и потребляются внутри страны. Всего позже приходятъ въ соотвѣтствіе съ высотой курса цѣны тѣхъ товаровъ, которые и производятся и потребляются внутри страны. Къ числу такихъ товаровъ принадлежитъ и рабочая сила. Поэтому, паденіе курса, вообще, невыгодно для рабочаго класса: цѣны необходимыхъ средствъ къ жизни повышаются быстрѣе, чѣмъ заработная плата; капиталисты ни-

когда не спѣшатъ повысить ее сообразно съ повышеніемъ цѣнъ на средства къ жизни.

Неразмѣнныя бумажныя деньги оказываются такимъ образомъ крайне неустойчивымъ мѣриломъ цѣнности. Для мѣнового хозяйства онѣ чрезвычайно неудобны, потому что коммерческіе разсчеты становятся невозможными. Торговать при помощи рубля, который каждый день мѣняетъ свою цѣнность, то же, что мѣрить аршиномъ, который то и дѣло мѣняетъ свою длину.

Чтобы избѣгнуть этого ненормальнаго явленія, всѣ страны, переживавшія такое бумажно-денежное обращеніе, стремились къ возстановленію металлическаго обращенія и, слѣдовательно, устойчивой денежной единицы. Въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка русскія ассигнаціи сильно упали въ курсѣ, который притомъ непрерывно мѣнялся. Когда дальнѣйшіе выпуски ассигнацій были прекращены, курсъ сталъ болѣе или менѣе устойчивымъ и колебался около 27 коп. серебромъ за ассигнаціонный рубль. Тогда рѣшено было произвести денежную реформу, которая была проведена рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ, принятыхъ съ 1839 г. по 1843 г. 3 руб. 50 коп. ассигнаціями были приравнены 1 рублю серебромъ. Ассигнаціи въ указанной пропорціи стали размѣниваться на «кредитные билеты», т.-е. банкноты, которые, въ свою очередь, безпрепятственно размѣнивались на серебро. Денежное обращеніе было такимъ образомъ упорядочено, но не надолго. Крымская война снова вызвала усиленный выпускъ кредитныхъ билетовъ, и правительство въ 1858 г. вынуждено было прекратить размѣнъ. Въ Россіи опять воцарилось на долгое время бумажно-денежное обращеніе. Курсъ опять сталъ колебаться, и въ 80-хъ годахъ падалъ почти до полтинника (когда угрожала война съ Германіей). Въ 90-хъ годахъ курсъ, благодаря ряду мѣръ, твердо установился на 66—67 копейкахъ золотомъ, т.-е. на $^2/_3$ нормальной стоимости. Тогда правительство приступило къ реформѣ, которая была проведена нѣсколько иначе, чѣмъ въ 1839—43 гг. Вмѣсто того, чтобы приравнять неразмѣнный и кредитный рубль 66—67 копейкамъ, было уменьшено содержаніе золота въ рублѣ на $^1/_3$, и кредитный рубль сталъ равенъ новому золотому рублю, т.-е. по существу $66^2/_3$ прежнихъ золотыхъ копеекъ. Старый рубль равнялся 26,136 долямъ, новый—17,424 долямъ чистаго золота.

Описанные методы приведенія въ соотвѣтствіе однихъ денежныхъ знаковъ съ другими носитъ названіе девальваціи.

Наканунѣ міровой войны крупныя воюющія страны всѣ обладали устойчивой денежной системой, въ основѣ которой лежало золото. Банкнотное обращеніе всюду дѣйствовало нормально. Война повлекла за собой во всѣхъ воюющихъ странахъ прекращеніе размѣна банкнотъ на золото, и слѣдовательно, установленіе бумажно-денежнаго обраще-

ія. Выпускъ бумажныхъ денегъ достигъ всюду колоссальныхъ размѣровъ; въ Россіи, напримѣръ, количество денежныхъ знаковъ величилось въ 30—35 разъ по сравненію съ мирнымъ временемъ. становленіе бумажно-денежнаго обращенія вызвало обезцѣненіе денегъ, и было одной изъ главныхъ причинъ роста дороговизны въ воюющихъ странахъ и, въ особенности, въ Россіи.

. Распредѣленіе общественнаго продукта между различными капиталистическими классами.

а) Прибыль.

Съ тѣхъ поръ, какъ возникъ общественный классъ торговцевъ, становилось особое выраженіе—«прибыль»—для обозначенія его доли ъ общественномъ продуктѣ, тогда какъ долю ремесленника, напр., бозначали словомъ «заработокъ». Различіе этихъ терминовъ ясно указываетъ на то, что по воззрѣніямъ, господствующимъ среди общества, оходъ ремесленника является прямымъ результатомъ его труда, тогда акъ доходъ торговца не находится въ такой зависимости отъ его руда. Принято думать, что торговецъ ничего не производитъ, акъ какъ продуктъ выходитъ изъ его рукъ въ такомъ же видѣ, въ акомъ былъ имъ пріобрѣтенъ; трудъ ремесленника, наоборотъ, производитъ очевидныя измѣненія въ матеріалѣ, создаетъ новый продуктъ.

Взглядъ этотъ основывается на одной видимости явленій и вытекаетъ изъ ошибочнаго сужденія. Продуктъ нельзя считать законченымъ, если онъ не можетъ быть потребленъ тамъ, гдѣ онъ произведенъ; еремѣщеніе его изъ одной мѣстности въ другую или изъ одного хозяйства въ другое есть необходимая заключительная операція «производства». Въ этомъ смыслѣ трудъ торговца ничѣмъ не отличается тъ ремесленнаго труда; и поскольку прибыль опредѣляется общественно-полезной затратою трудовой энергіи со стороны торговца, постольку она есть настоящій заработокъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что доходъ купца отнюдь не сводится, вобще говоря, къ одному торговому заработку. Купецъ съ самаго начала ыступаетъ въ роли торговаго капиталиста. Онъ подчиняетъ ебѣ мелкія предпріятія; и та прибыль, которую онъ изъ нихъ извлеаетъ, находится въ зависимости не отъ количества выполняемаго имъ бщественно-полезнаго труда, а отъ размѣровъ его капитала и его ласти надъ производителями. Такимъ образомъ, въ наибольшей своей асти прибыль не есть заработокъ; и чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей тепени дѣйствительный торговый заработокъ тонетъ въ торговой «прибыли», оказывается ничтожнымъ по сравненію съ ней.

То же относится и къ промышленному капиталисту: получаемая имъ

прибыль не стоитъ ни въ какомъ соотвѣтствіи съ величиною тѣхъ затратъ трудовой энергіи, которыхъ стоитъ ему его организаторска дѣятельность. Наоборотъ, параллельно съ расширеніемъ предпріятія капиталистъ, обыкновенно, передаетъ все бо́льшую часть своей работ наемнымъ работникамъ и сокращаетъ размѣры своего организаторскаго труда; а прибыль въ то же время возрастаетъ.

Въ этомъ смыслѣ обыденное противоположеніе капиталистическо прибыли заработку вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Происхожденіе промышленной прибыли было выяснено въ предыду щемъ: она возникаетъ изъ прибавочной стоимости, т.-е. изъ прибавочнаго труда наемныхъ работниковъ. Прибыль торговаго капитала в домашне-капиталистической системѣ также является результатомъ прибавочнаго труда мелкихъ производителей, независимыхъ только формально; разница между обоими случаями несущественна, и все болѣ сглаживается по мѣрѣ того, какъ торговый капитализмъ переходит въ промышленный.

Изслѣдуя вопросъ о прибыли капиталиста, надо прежде всего прин ять во вниманіе, что норма прибавочной стоимости далеко не доста точная мѣра прибыли; норма эта выясняетъ только одну сторону дѣла— насколько невыгодно для работника быть исполнителемъ въ чужомъ предпріятіи, но она не показываетъ другой стороны дѣла—насколько для капиталиста выгодно вести свое предпріятіе.

Въ предыдущемъ разбирался одинъ примѣръ капиталистическаго предпріятія—производство ружья. Норма прибавочной стоимости была тамъ 100⁰/₀, потому что тѣ $12^1/_2$ рублей, которые капиталистъ затратилъ на покупку рабочей силы, принесли ему 125 часовъ прибавочнаго труда, соотвѣтствующихъ $12^1/_2$ рублямъ. Но капиталистъ вложилъ въ дѣло не одинъ перемѣнный капиталъ, а еще 50 рублей постояннаго капитала—затрата на матеріалы и орудія. Онъ, по его расчету, получилъ $12^1/_2$ рублей прибыли на цѣлыхъ $62^1/_2$ рубля затраченнаго капитала, или $20^0/_0$ на капиталъ. Число процентовъ прибыли на весь капиталъ называется нормою прибыли.

Очевидно, что норма прибыли меньше нормы прибавочной стоимости, потому что норма прибавочной стоимости считается съ одного перемѣннаго капитала, а норма прибыли—со всего капитала, и постояннаго, и перемѣннаго. Въ приведенномъ примѣрѣ весь капиталъ въ 5 разъ больше перемѣннаго, и норма прибыли въ 5 разъ меньше нормы прибавочной стоимости.

У другого предпринимателя въ дѣло затрачено, положимъ, сравнительно еще большее количество постояннаго капитала, напр., цѣлыхъ $112^1/_2$ рублей на тѣ же $12^1/_2$ рублей перемѣннаго. Тогда, при той же нормѣ прибавочной стоимости, норма прибыли всего 12,5:125, т.-е. $10^0/_0$.

Слѣдовательно, второе предпріятіе представляется менѣе выгоднымъ, чѣмъ первое; и зависитъ это отъ того, что постояннаго капитала вложено во второмъ предпріятіи значительно больше.

Вообще, при одинаковой нормѣ прибавочной стоимости, норма прибыли тѣмъ ниже, чѣмъ меньше перемѣнный капиталъ по сравненію съ постояннымъ.

Иначе это выражаютъ такъ: норма прибыли при данной нормѣ прибавочной стоимости тѣмъ ниже, чѣмъ выше органическій составъ капитала. «Органическимъ составомъ» капитала называютъ отношеніе по стоимости между его постоянной и перемѣнной частями; «выше» считается органическій составъ тогда, когда постоянная часть относительно больше,—и это потому, что процессъ развитія, какъ будетъ дальше выяснено, ведетъ къ возрастанію относительной величины постояннаго капитала.

Весь предыдущій расчетъ представляетъ дѣло въ очень упрощенномъ видѣ: рѣчь идетъ въ немъ о нормѣ прибыли только для одного оборота капитала. Капиталистъ купилъ однажды матеріалы и орудія, нанялъ рабочихъ, продалъ товаръ, и затраченный капиталъ вернулся съ прибылью. Въ дѣйствительности дѣло происходитъ не такъ просто. Предприниматель не ограничивается однимъ оборотомъ своего капитала, а ведетъ дѣло въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени. Выгодность своего предпріятія онъ измѣряетъ процентомъ прибыли за годъ. По мѣрѣ надобности онъ покупаетъ рабочую силу, орудія, матеріалы; по мѣрѣ возможности—онъ продаетъ товаръ.

Его капиталъ дѣлаетъ цѣлый рядъ оборотовъ; притомъ обороты эти невозможно съ точностью отдѣлить одинъ отъ другого. Предприниматель одновременно и продаетъ изготовленный товаръ, и производитъ посредствомъ купленной рабочей силы новый, и покупаетъ все необходимое для дальнѣйшаго производства. Денежный капиталъ затрачивается по частямъ, и по частямъ возвращается, и далеко неравномѣрно.

Затрата на покупку рабочей силы возвращается капиталисту цѣликомъ при каждой продажѣ товара, который созданъ потребленіемъ этой рабочей силы. Точно также возвращается цѣликомъ при каждой продажѣ стоимость матеріаловъ, которые пошли на производство товара. Если, напр., капиталистъ продаетъ 1.000 аршинъ ситцу, то онъ долженъ при этомъ выручить все, во что ему обошлись матеріалы и рабочая сила, потребленная при производствѣ данныхъ 1.000 аршинъ (онъ долженъ, конечно, получить, сверхъ того, прибыль, но ее пока можно оставить въ сторонѣ).

Не то происходитъ съ капиталомъ, затраченнымъ на орудія: на мастерскую, станки, инструменты. Эта часть капитала не возвращается сразу при каждой продажѣ товара. Продавая 1.000 аршинъ ситцу,

капиталистъ еще не получаетъ въ числѣ прочихъ денегъ ту сумму, которую онъ затратилъ на мастерскую,—напр., 100.000 рублей. И это вполнѣ естественно: мастерская не уничтожилась, она стоитъ на своемъ мѣстѣ и послужитъ еще, можетъ быть, на много лѣтъ производства. Ея хватитъ, положимъ, на производство милліона аршинъ ситцу: тогда въ стоимость каждаго аршина входитъ одна милліонная стоимость мастерской, и при продажѣ 1.000 аршинъ должна вернуться только $^1/_{1000}$ затраченнаго на мастерскую капитала.

То же относится къ инструментамъ: при продажѣ ситцу къ капиталисту возвращается каждый разъ только нѣкоторая часть его затратъ на станки, веретена, при помощи которыхъ товаръ произведенъ. Если станка хватаетъ на 100.000 аршинъ, то при продажѣ 1.000 аршинъ капиталистъ возвращаетъ себѣ въ денежной формѣ $^1/_{100}$ стоимости станка, и т. д. Одно орудіе служитъ дольше, чѣмъ другое: мастерская, напр., 50 лѣтъ, станокъ—5 лѣтъ. Та доля капитала, которая затрачена на мастерскую, возвращается мелкими частями, и вернется вся только черезъ 50 лѣтъ; другими словами, продолжительность ея оборота—50 лѣтъ. Для капитала, употребленнаго на покупку станка, полный оборотъ совершается всего въ 5 лѣтъ. Капиталъ, потраченный на матеріалы и рабочую силу, оборачивается еще быстрѣе, напр., въ 1 мѣсяцъ.

Для капиталиста большое значеніе имѣетъ отмѣченное различіе между двумя долями его капитала: одна—затраты на матеріалъ и рабочую силу—сразу возвращается къ предпринимателю при каждой продажѣ товара; это—такъ называемый оборотный капиталъ; другая—затрата на орудія—по частямъ возвращается къ капиталисту; это—основной капиталъ. Основной капиталъ затрачивается при началѣ предпріятія въ сравнительно большомъ количествѣ сразу; оборотнаго же для веденія дѣла надо лишь столько, чтобы его хватало отъ одной продажи товара до другой; для расчетовъ предпринимателя такая разница очень важна.

Между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ есть еще другія черты различія. Основной капиталъ за все время своего примѣненія, пока не станетъ негоднымъ, не измѣняетъ формы: мастерская остается мастерской, топоръ—топоромъ. Оборотный капиталъ при производствѣ мѣняетъ свою форму: пряжа переходитъ въ ткань, уголь сгораетъ,—и то, и другое перестаетъ существовать въ прежнемъ видѣ; и рабочая сила, разъ она потреблена, перестаетъ быть капиталомъ, она не принадлежитъ болѣе капиталисту, и онъ принужденъ снова покупать ее для дальнѣйшаго производства.

Слѣдуетъ избѣгать смѣшенія оборотнаго капитала съ перемѣннымъ и основного—съ постояннымъ. Одно раздѣленіе капитала на части

дѣлается съ точки зрѣнія предпринимателя, другое—съ точки зрѣнія работника. Перемѣнный капиталъ—стоимость рабочей силы—есть только часть оборотнаго, потому что въ оборотномъ содержится еще стоимость матеріаловъ; постоянный же капиталъ больше основного, такъ какъ заключаетъ въ себѣ эту самую стоимость матеріаловъ.

Въ производствѣ:	Постоянный капиталъ.		Перемѣнный капиталъ.
	Орудія.	Матеріалы произв.	Рабочая сила.
Въ обращен.:	Основной капиталъ.	Оборотный капиталъ.	

Зная время оборота отдѣльныхъ частей капитала, можно вывести среднюю продолжительность оборота всего капитала, т.-е. выяснить, во сколько времени вся сумма вложеннаго капитала по частямъ, при отдѣльныхъ продажахъ, въ денежной формѣ перебываетъ въ рукахъ капиталиста.

Не трудно понять, какую роль въ разсчетахъ капиталиста играетъ это среднее время оборота: если при каждомъ оборотѣ получается $2^0/_0$ прибыли, то при трехъ оборотахъ процентъ прибыли будетъ $6^0/_0$, а при пяти—цѣлыхъ $10^0/_0$.

Для вопроса о процентѣ прибыли имѣетъ особое значенiе органическiй составъ капитала, т.-е. отношенiе между стоимостями его постоянной и перемѣнной частей. Покажемъ это на примѣрѣ.

Положимъ, что мы имѣемъ 3 предпрiятiя въ трехъ различныхъ отрасляхъ производства. Одно изъ нихъ A обладаетъ низкимъ органическимъ составомъ капитала: роль машинъ по сравненiю съ ролью живой рабочей силы въ немъ незначительна. Второе предпрiятiе B обладаетъ среднимъ, а третье C—высокимъ составомъ капитала: оно примѣняетъ усовершенствованныя техническiя средства, и при помощи сравнительно небольшого количества рабочихъ приводитъ въ движенiе огромные по стоимости количества матерiаловъ, вспомогательныхъ средствъ и т. д.

Допустимъ, что норма прибавочной стоимости въ данномъ обществѣ равна $100^0/_0$, т.-е., что на этомъ уровнѣ классу капиталистовъ удается поддерживать эксплоатацiю. Положимъ, далѣе, что во всѣхъ трехъ предпрiятiяхъ затраченный капиталъ совершаетъ годичный оборотъ, т.-е. что онъ въ теченiе года переноситъ всю свою стоимость на производимый продуктъ, который въ концѣ года распродается цѣликомъ въ одинъ прiемъ. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не такъ просто: основной капиталъ (строенiя и машины), какъ мы видѣли, «изнашивается», или переноситъ свою стоимость на изготовляемый при его

посредствѣ продуктъ въ продолженіе не одного года, а цѣлаго ряда лѣтъ, и при томъ разныя части въ различные періоды (въ приведенномъ примѣрѣ, строенія въ 50 лѣтъ, станки въ 5 лѣтъ); кромѣ того продажа продукта въ концѣ года, да еще цѣликомъ встрѣчается развѣ только въ сельскомъ хозяйствѣ, и то въ видѣ исключенія. Но всѣ эти допущенія лишь упрощаютъ нашъ примѣръ, а на наши выводы никакого вліянія оказать не могутъ.

Далѣе, положимъ, что всѣ три предпріятія (А, В и С) обладаютъ одинаковыми капиталами, равными 1 милліону рублей, и что ихъ перемѣнные капиталы равны соотвѣтственно 240.000 руб., 150.000 руб. и 60.000 рублей.

Мы получимъ тогда слѣдующую таблицу (числа выражаютъ тысячи рублей или единицы труда):

Предпріятіе.	Капиталъ.			Прибавоч. стоимость.	Норма прибыли.
	Перемѣнный.	Постоянный.	Весь.		
А.	240	760	1000	240	24%
В.	150	850	1000	150	15%
С.	60	940	1000	60	6%
Всего. . . .	450	2550	3000	450	15%

Итакъ, предполагая, что товары продаются по ихъ трудовой стоимости, мы видимъ, что нормы прибыли весьма различны въ зависимости отъ органическаго состава капитала даннаго предпріятія: А даетъ 24% прибыли, В—15%, С—6%.

Допустимо ли, однако, такое положеніе дѣлъ въ дѣйствительности? Нѣтъ, потому что оно противорѣчитъ законамъ конкурренціи, которые господствуютъ въ капиталистическомъ обществѣ. Когда въ дѣйствительности предпріятія одной отрасли производства оказываются болѣе выгодными, чѣмъ предпріятія другой, тогда совершается переходъ капиталовъ изъ второй въ первую: въ первой происходитъ расширеніе производства, и предложеніе ея продуктовъ на рынкѣ возрастаетъ; во второй происходитъ сокращеніе производства, и предложеніе ея продуктовъ понижается; тогда понижаются цѣны въ первой отрасли производства и повышаются во второй, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется выгодность тѣхъ и другихъ предпріятій, ихъ норма прибыли. Слѣдовательно, въ силу конкуренціи, происходитъ перемѣщеніе цѣнъ въ такомъ направленіи, чтобы доходность понизилась для болѣе выгодныхъ

предпріятій. Годовой процентъ прибыли, такимъ образомъ, стремится уравняться, онъ стремится къ нормѣ прибыли на весь общественный капиталъ, къ средней нормѣ прибыли.

Если органическій составъ предпріятія B совпадаетъ съ органическимъ составомъ всего общественнаго капитала, то 15% и будутъ той нормой прибыли, къ которой стремится доходность всѣхъ капиталистическихъ предпріятій. Переливъ капиталовъ изъ третьей отрасли промышленности въ первую повлечетъ за собой паденіе цѣнъ ниже трудовой стоимости въ A и подъемъ выше трудовой стоимости въ C, и процессъ этотъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не установятся такія цѣны, которыя дадутъ всѣмъ нашимъ предпріятіямъ одинъ и тотъ же процентъ прибыли, въ нашемъ примѣрѣ—15%. А при 15-ти процентной нормѣ прибыли всѣ наши предпріятія, обладающія одинаковымъ капиталомъ, дадутъ и одинаковую прибыль, именно 150.000 рублей. Сумма эта не совпадаетъ съ величиной прибавочной стоимости, созданной въ разсматриваемыхъ нами предпріятіяхъ: для A она будетъ меньше созданной въ немъ прибавочной стоимости на 90000 рублей, (240000—150000), для C—больше на 90000 рублей (150000—60000), и только для B обѣ эти величины совпадутъ.

Представивъ полученные результаты въ видѣ таблицы, мы получимъ (въ тысячахъ рублей и единицъ труда).

Предпріятіе.	Весь капиталъ.	Прибавоч. стоимость.	Норма прибыли.	Прибыль.	Трудовая стоимость всего продукта.	Цѣна всего продукта.	Прибыль больше или меньше прибавочной стоимости.
A.	1000	240	15%	150	1240	1150	— 90
B.	1000	150	15%	150	1150	1150	0
C.	1000	60	15%	150	1060	1150	+ 90
Всего . .	3000	450	15%	450	3450	3450	0

Если мы предположимъ, что каждое изъ предпріятій производитъ по 10000 штукъ изготовляемаго въ нихъ товара, то трудовая стоимость и фактическая средняя цѣна единицы товара выразятся слѣдующими цифрами:

	A	B	C
Трудовая стоимость	124 руб.	115 руб.	106 руб.
Цѣна	115 „	115 „	115 „
Больше или меньше	—9 „	0 „	+9 „

Итакъ, отдѣльный товаръ продается не по трудовой стоимости, а выше или ниже ея. То, что выигрывается па цѣнѣ однихъ товаровъ, проигрывается на цѣнѣ другихъ. Только въ общемъ и среднемъ, не дл отдѣльнаго товара, а для всего общественнаго продукта цѣна вполн соотвѣтствуетъ его трудовой стоимости.

Цѣны товаровъ, выравненныя конкурренціей по расчету средней при были, называются цѣнами производства.

Противники трудовой теоріи говорятъ, что если каждая цѣна про изводства можетъ отклоняться отъ трудовой нормы, то вся теорі падаетъ, потому что эти отклоненія должны неограниченно расти. Ка питалистъ покупаетъ для своего предпріятія, въ видѣ орудій и ма теріаловъ, множество различныхъ товаровъ, и всѣ они, или почт всѣ отклоняются отъ величины трудовой стоимости. Значитъ, в расчетъ издержекъ войдутъ уже эти, измѣненныя величины, и вс ихъ отклоненія прибавятся одни къ другимъ, да еще присоединитс новое, зависящее отъ средней нормы прибыли. Увеличенное таким образомъ измѣненіе цѣны войдетъ въ расчеты другихъ капиталистовъ покупающихъ товаръ у перваго, и увеличитъ отклоненія ихъ цѣнъ и т. д. Средніе трудовыя величины теряютъ тогда, какъ-будто, вс кое значеніе.

Ошибку здѣсь обнаружить легко, если примемъ во вниманіе, чт капиталистъ продаетъ свой товаръ прежде всего затѣмъ, чтобы про должать производство въ прежнихъ или еще увеличенныхъ размѣрахъ и слѣдовательно, на вырученныя деньги покупаетъ, въ первую очеред орудія, матеріалы и рабочую силу для дальнѣйшаго хода предпріяті Поэтому, если оставить въ сторонѣ прибыль, то можно сказать, ч капиталистъ мѣняетъ свой товаръ на средства производства, а деньги— только минутный посредникъ въ этомъ обмѣнѣ. Это и есть основно обмѣнъ при капиталистическомъ производствѣ. Изслѣдуемъ дѣло, при нявши его во вниманіе.

Пусть на одинъ оборотъ производства въ предпріятіи тратится по стояннаго капитала, c, въ видѣ матеріаловъ и изношенной части ору дій, количество, по трудовой стоимости равное 900 тысячъ часовъ про стого труда.

Перемѣнный капиталъ v, заработная плата рабочихъ, т.-е., в сущности, тѣ продукты, которые они купятъ на нее, и потребленіе кото рыхъ поддерживаетъ ихъ рабочую силу на время даннаго оборота произ водства, составляетъ, положимъ, по трудовой стоимости 100,000 часовъ

Итакъ, какова же будетъ трудовая стоимость произведеннаго то вара? Очевидно, 900 тысячъ плюсъ 100 тысячъ плюсъ еще вся сумм прибавочнаго труда рабочихъ предпріятія за этотъ оборотъ производ ства; т.-е. 1 милліонъ часовъ плюсъ m, или прибавочная стоимост

А за сколько онъ будетъ проданъ или, вѣрнѣе, обмѣненъ? Товары, которые должны быть на него, черезъ посредство денегъ, пріобрѣтены, это, конечно, опять средства производства для слѣдующаго оборота, т.-е. такое же количество матеріаловъ, какое было затрачено, и возстановленіе изношенной части орудій, что составляетъ опять трудовую стоимость 900 тысячъ часовъ, плюсъ снова такое же количество рабочей силы—100 тысячъ часовъ, плюсъ еще все то, изъ-за чего, собственно, капиталистъ ведетъ дѣло: его предметы потребленія и дополнительныя средства производства, если онъ расширяетъ предпріятіе; или же, если пока не расширяетъ, то деньги, которыя онъ накопляетъ для будущаго. Всѣ эти послѣднія пріобрѣтенія вмѣстѣ составляютъ реальную прибыль капиталиста.

Что же оказывается? Произведенная трудовая стоимость равна милліону часовъ плюсъ m (прибав. стоимость); обмѣнивается она на товары, стоимость которыхъ тоже милліонъ часовъ, плюсъ то количество товаровъ, которое образуетъ прибыль капиталиста. И такъ же для всякаго другого предпріятія. Ясно, что отклоненія отъ трудовой стоимости лежатъ только во второй части, т.-е., тамъ, гдѣ прибавочная стоимость превращается въ реальную прибыль; а въ первой, главной части, образованной постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ, $c+v$, отклоненія нѣтъ.

Если противники трудовой теоріи этого не видятъ, то именно потому, что они останавливаются на денежной цѣнѣ, не замѣчая, что деньги—только посредникъ въ пріобрѣтеніи средствъ производства и потребленія.

Надо еще прибавить, что основной товаръ капитализма—рабочая сила—нормально обмѣнивается вообще по трудовой стоимости, безъ такихъ постоянныхъ отклоненій, которыя зависятъ отъ нормы прибыли, а только со случайными и частными отклоненіями. Дѣло въ томъ, что она обмѣнивается, при посредствѣ денегъ, именно на предметы потребленія рабочихъ; а ея стоимость и есть, въ то же время, трудовая стоимость этихъ средствъ потребленія.

Продажа отдѣльныхъ товаровъ не вполнѣ по ихъ стоимости есть особенность капиталистическаго производства. При хозяйствѣ мѣновомъ, но не капиталистическомъ, а мелко-буржуазномъ,—которое, впрочемъ, никогда не существовало въ чистомъ видѣ, но къ которому приближалось ремесленно-городское и, кое-гдѣ, вольно-крестьянское хозяйство,—продавцомъ выступалъ непосредственный производитель; такъ или иначе, онъ долженъ былъ сообразоваться при обмѣнѣ со стоимостью продуктовъ, въ противномъ случаѣ отдѣльныя хозяйства, какъ было показано, приходятъ въ упадокъ и сокращаютъ производство, и происходящіе, въ силу этого, измѣненія въ спросѣ и предложеніи стремятся

возстановить соотвѣтствіе цѣнъ со стоимостями. Средняя рыночная цѣна товара тогда могла подходить къ его стоимости.

Не то въ капиталистическомъ обществѣ: товаръ продается не тѣмъ лицомъ, которое его произвело, а другимъ—капиталистомъ. Для капиталистовъ не является необходимостью обмѣнъ равныхъ количествъ общественно-трудовой энергіи, для нихъ важна **прибыль**. Процентъ прибыли долженъ быть одинаковъ, хотя бы цѣна и уклонялась отъ стоимости; и процессъ конкурренціи дѣйствуетъ такимъ образомъ, что предпріятія, отличающіяся высокимъ органическимъ составомъ, получаютъ, кромѣ своей прибавочной стоимости, еще прибавочную стоимость, созданную въ предпріятіяхъ низкаго органическаго состава. Совокупная прибавочная стоимость, созданная руками всего рабочаго класса, пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ характеръ добычи, которую отдѣльные капиталисты въ ходѣ конкурентной борьбы дѣлятъ между собой соотвѣтственно величинѣ затраченныхъ ими капиталовъ.

Все изложенное относительно годового процента прибыли относится не только къ чисто промышленнымъ, но такъ же къ торговымъ и кредитнымъ предпріятіямъ. Какъ бы ни былъ незначителенъ перемѣнный капиталъ такихъ предпріятій, какъ бы ни была незначительна сумма дѣйствительно производимой въ нихъ прибавочной стоимости, они должны давать обычный годовой процентъ прибыли, или будутъ оставлены, какъ невыгодныя, а капиталы перейдутъ въ другія отрасли общественнаго производства.

Впрочемъ, въ различныхъ отрасляхъ производства могутъ удерживаться извѣстныя различія въ высотѣ годового процента прибыли. Различія эти прежде всего зависятъ отъ того обстоятельства, что организаторская дѣятельность капиталиста въ однихъ предпріятіяхъ представляется более сложной и трудной, въ другихъ—менѣе. Перелагая свою организаторскую дѣятельность на наемныхъ рабочихъ, капиталистъ долженъ довольствоваться нѣсколько уменьшеннымъ процентомъ прибыли. По аналогичной причинѣ и кредитный процентъ на капиталъ обыкновенно ниже обычной промышленной прибыли. Если въ промышленномъ предпріятіи владѣлецъ денегъ получилъ бы въ годъ на свои 100 рублей 7 рублей прибыли, то, отдавая эти 100 рублей взаймы промышленному капиталисту, онъ удовольствуется и 5-ю рублями, и зато избавится отъ массы хлопотъ, съ которыми связано промышленное дѣло.

Другое условіе, создающее различія въ высотѣ прибыли, есть степень риска, соединеннаго съ веденіемъ дѣла. Чтобы было изъ-за чего капиталисту идти на необычно большой рискъ, прибыль должна быть выше обычной. Особенно это легко видѣть на примѣрѣ кредитныхъ предпріятій. При обычныхъ 7% промышленной прибыли кредитный ка-

питалистъ согласится взять, напр., 5 на 100 лишь въ томъ случаѣ, если должникъ представить достаточный залогъ; если такого залога не найдется, для кредитора 5% уже недостаточное вознагражденіе, такъ какъ онъ рискуетъ совсѣмъ не получить обратно своихъ денегъ. Поэтому кредиторъ можетъ взять въ подобномъ случаѣ 6, 8, 10% и даже болѣе.

Наконецъ, третьей причиной, препятствующей уравненію нормы прибыли, является степень техническаго закрѣпленія капитала въ предпріятіяхъ. На высокихъ ступеняхъ развитія капитализма все возрастающая часть капитала затрачивается на строенія, машины и т. под. Основной капиталъ быстро растетъ по сравненію съ оборотнымъ (сырьемъ, вспомогательными матеріалами и заработной платой), и перенесеніе капиталовъ изъ одной отрасли въ другую становится при этихъ условіяхъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Сравнимъ два случая. Пусть какое-нибудь торговое предпріятіе, подъ вліяніемъ конкурренціи, начинаетъ давать пониженный процентъ прибыли. Тогда собственникъ этого предпріятія легко можетъ реализовать весь свой оборотный капиталъ,—сбыть имѣющіеся у него товары и распустить приказчиковъ— и продать элементы своего основного капитала—прилавки, полки и т. д. Вырученныя деньги онъ можетъ вложить въ другую, болѣе прибыльную отрасль промышленности. Не таково положеніе собственника металлургическаго завода. Если бы прибыль его предпріятія понизилась, онъ не могъ бы съ такой легкостью, какъ торговецъ, извлечь свой капиталъ и перевести его въ другое предпріятіе; онъ былъ бы принужденъ пользоваться пониженной нормой прибыли, пока отсутствіе притока новыхъ капиталовъ въ его отрасль и увеличеніе спроса на производимые имъ товары не уравняютъ его прибыль со средней нормой.

Обычная норма годовой прибыли для даннаго общества опредѣляется всей суммой его капиталовъ и всей суммой производимой за годъ прибавочной стоимости. Если сумма капиталовъ—1.000 милліоновъ, а прибавочная стоимость—100 милліоновъ, средняя норма прибыли—10%. Впрочемъ, здѣсь надо сдѣлать поправку вотъ въ какомъ смыслѣ: часть прибавочной стоимости беретъ въ видѣ податей и налоговъ государство, другую часть, какъ будетъ показано дальше, въ видѣ ренты—землевладѣльцы. Пусть обѣ эти части составляютъ 30 милліоновъ. Тогда вся прибыль капиталистовъ 70 милліоновъ, средняя годовая норма 7%.

Въ эпоху мануфактуръ норма прибыли была очень высока, измѣрялась вообще десятками процентовъ (а при особенно благопріятныхъ условіяхъ доходила до 300—400%). Объяснять себѣ это приходится такимъ образомъ: пока трудъ остается ручнымъ, затраты на рабочую силу, т.-е. перемѣнный капиталъ, представляютъ очень значительную часть всего капитала, а такъ какъ прибыль создается перемѣнымъ

капиталомъ, то чѣмъ онъ больше, тѣмъ процентъ прибыли выше. Поэтому, хотя въ мануфактурныхъ предпріятіяхъ норма прибавочной стоимости и не очень высока, процентъ прибыли значителенъ.

Кромѣ того, пока мануфактуръ мало, и конкурренція между ними слаба, а преобладаетъ ремесленное, ручное производство, онѣ находятся какъ-бы въ привилегированномъ положеніи: производительность труда въ нихъ выше, чѣмъ въ ремесленныхъ предпріятіяхъ, а продавать онѣ могутъ по той же цѣнѣ, что и ремесленники; слѣдовательно, получаютъ своего рода сверхъ-прибыль.

Періодъ машинъ характеризуется по отношенію къ прибыли капиталистовъ двумя особенностями: во-первыхъ, постепеннымъ уменьшеніемъ годового процента прибыли на капиталъ и, во-вторыхъ, быстрымъ возрастаніемъ ея общей суммы. Разсмотримъ основныя причины той и другой особенности.

Машина есть орудіе труда, и ея стоимость входитъ въ составъ постояннаго капитала. Между тѣмъ, машина замѣняетъ работника-исполнителя и вытѣсняетъ, слѣдовательно, часть рабочей силы: затраты на покупку рабочей силы уменьшаются, т.-е. уменьшается перемѣнный капиталъ.

Такимъ образомъ, при введеніи каждой новой машины на мѣсто нѣкоторой части перемѣннаго капитала становится извѣстное количество постояннаго: рядомъ съ возрастаніемъ постояннаго идетъ уменьшеніе перемѣннаго.

Если при введеніи машины производство очень быстро расширяется, то и перемѣнный капиталъ можетъ самъ по себѣ не уменьшиться, а даже увеличиться: несмотря на машину, работниковъ можетъ понадобиться больше прежняго. Но постоянный капиталъ—затраты на машины и матеріалы—и въ этомъ случаѣ возрастаетъ, очевидно, гораздо сильнѣе перемѣннаго, и по сравненію съ постояннымъ перемѣнный все-таки уменьшается, т.-е. представляетъ меньшую его часть, чѣмъ прежде. Напримѣръ, до введенія машины перемѣнный капиталъ былъ 5.000 при 10.000 постояннаго, т.-е. $^1/_2$ постояннаго, или $^1/_3$ всего капитала; а при новыхъ условіяхъ перемѣннаго капитала оказывается 8.000 на 32.000 постояннаго, т.-е. $^1/_4$ постояннаго или $^1/_5$ всего капитала. Другими словами, взятый абсолютно, самъ по себѣ, въ отдѣльности, перемѣнный капиталъ возросъ, а относительно—взятый по сравненію съ цѣлымъ капиталомъ,—какъ часть цѣлаго капитала,—онъ уменьшился.

Въ общемъ, это относится и ко всякому прогрессу техники: если въ извѣстномъ производствѣ повышается производительность труда, то на данное количество постояннаго капитала—орудій и матеріаловъ—требуется меньше живого труда, чѣмъ прежде, меньше рабочей силы,

меньше перемѣннаго капитала. Но именно въ машинномъ производствѣ, гдѣ повышеніе производительности труда происходитъ особенно быстро, данное явленіе выступаетъ съ особенной яркостью.

Въ англійскомъ бумагопрядильномъ производствѣ въ началѣ XVIII вѣка весь вложенный капиталъ состоялъ наполовину изъ постояннаго и наполовину изъ перемѣннаго. Уже въ 60-хъ годахъ XIX вѣка постоянная часть капитала была $^7/_8$, а перемѣнная только $^1/_8$, т.-е. относительно меньше прежняго въ 4 раза, абсолютно же эта восьмая, благодаря росту всего капитала, была значительно больше прежней половины.

Въ предыдущемъ было выяснено, что прибавочная стоимость создается приложеніемъ рабочей силы, и что поэтому величина прибавочной стоимости зависитъ не отъ величины капитала, а отъ величины перемѣнной его части, на которую покупается рабочая сила.

Норма прибавочной стоимости показываетъ, сколько процентовъ составляетъ прибавочная стоимость на перемѣнный капиталъ; норма прибыли показываетъ число процентовъ прибавочной стоимости на весь—и постоянный, и перемѣнный капиталъ. Поэтому норма прибыли во столько разъ меньше нормы прибавочной стоимости, во сколько разъ перемѣнный капиталъ меньше всего капитала.

При введеніи машинъ и вообще при развитіи техники производства перемѣнный капиталъ относительно уменьшается. Если норма прибавочной стоимости не измѣняется, то норма прибыли должна понизиться.

Положимъ, норма прибавочной стоимости 100%, постоянный капиталъ 8.000, перемѣннаго 2.000 рублей, т.-е. первый составляетъ $^4/_5$, а второй $^1/_5$ всего капитала. Тогда прибавочная стоимость равняется 2.000 рублей, и норма прибыли 20%.

Примѣненіе новыхъ машинъ доводитъ постоянный капиталъ до 27.000, перемѣнный, положимъ, 3.000, т.-е. $^9/_{10}$ и $^1/_{10}$. Тогда прибавочная стоимость 3.000, норма прибыли только 10%. Хотя перемѣнный капиталъ и возросъ абсолютно на 1.000, но относительно онъ вдвое уменьшился ($^1/_{10}$ вмѣсто $^1/_5$), и норма прибыли уменьшилась вдвое.

Для упрощенія расчетовъ здѣсь принято, что вся прибавочная стоимость превращается въ прибыль капиталиста. Въ дѣйствительности это не такъ; но неточность тутъ незначительная, и сущности дѣла нисколько не измѣняетъ.

Возвращаемся къ нашему примѣру. Если бы предпринимателямъ удалось достигнуть того, чтобы норма прибавочной стоимости повысилась вдвое, т.-е. до 200%, то норма прибыли оказалась бы опять 20%, т.-е. уменьшенія процента тогда бы не произошло. Такимъ образомъ у предпринимателей есть способъ воспрепятствовать пониженію процента прибыли, а именно увеличеніе нормы прибавочной стоимости,

т.-е. усиленіе эксплоатаціи. И они пользуются этимъ способомъ (удлиненіе рабочаго дня, увеличеніе интенсивности труда и т. д.).

Но, примѣняя эти пріемы, капиталистъ имѣетъ дѣло не съ мертвой машиной, а съ живымъ существомъ. Машина инертна: въ зависимости отъ воли предпринимателя она можетъ дѣйствовать непрерывно по 24 часа въ сутки и съ такой скоростью, какую только допускаетъ ея устройство; при этомъ она износится, станетъ негодной для производства въ 4 раза скорѣе, чѣмъ если бы работала 12 часовъ и двигалась вдвое медленнѣе. Не таковъ организмъ человѣка; и усиленіе эксплоатаціи раньше или позже наталкивается на сопротивленіе со стороны рабочихъ, которое непрерывно возрастаетъ и переходитъ въ систематическую борьбу. Тогда относительное уменьшеніе перемѣннаго капитала, вытѣсненіе его постояннымъ ведетъ къ пониженію процента прибыли, что и наблюдается въ дѣйствительности.

Поэтому въ странахъ съ мало развитымъ капитализмомъ процентъ прибыли сравнительно высокъ: въ Россіи, напр., до войны, были не рѣдкостью предпріятія, дающія 25% на капиталъ, тогда какъ въ Западной Европѣ 10% считались очень хорошей доходностью. Конечно, тутъ дѣйствуютъ и другія причины, но главной и основной остается относительное уменьшеніе перемѣннаго капитала.

Пониженіе процента прибыли еще не означаетъ уменьшенія абсолютной величины прибыли, ея суммы. Если получать 20% съ капитала въ 10.000, то это составитъ доходъ въ 2.000; но всего 10% съ капитала въ 40.000 равняется цѣлымъ 4.000. Вообще, прибыль увеличивается, если возрастаніе капитала идетъ быстрѣе, чѣмъ пониженіе процента.

Въ эпоху машинъ капиталистическое накопленіе идетъ съ поражающей скоростью. Значительное накопленіе было необходимымъ условіемъ машиннаго производства; но само машинное производство въ своемъ необычайно быстромъ развитіи вызываетъ весьма ускоренное накопленіе.

Несмотря на возрастающее потребленіе непроизводительныхъ классовъ, непрерывно увеличивается и та доля прибавочной стоимости, которая обращается въ капиталъ, служащій для дальнѣйшаго извлеченія прибавочной стоимости изъ наемнаго труда. Накопленіе происходитъ гораздо быстрѣе, чѣмъ пониженіе процента прибыли, такъ что величина прибыли не только возрастаетъ, но возрастаетъ притомъ быстрѣе, чѣмъ когда-либо прежде.

Считаютъ, что въ Германіи «накоплялось» въ началѣ нынѣшняго вѣка ежегодно болѣе одного милліарда рублей, въ Англіи—около двухъ милліардовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ накопленіе шло еще быстрѣе: въ 1840 году все національное богатство исчислялось тамъ въ 3.700 милліоновъ долларовъ, въ 1894 году—около 82 милліардовъ (1 дол-

ларъ=1 руб. 96 коп. золотомъ), въ настоящее время около 200 милліардовъ.

Въ Англіи и Ирландіи цифра ежегоднаго дохода капиталистовъ и землевладѣльцевъ за періодъ 1843—1883 г. увеличилась болѣе чѣмъ вдвое—съ 344 до 720 милл. фунтовъ стерлинговъ (1 фунтъ стерл.=$9^3/_8$ рубля). Наибольшая доля этого возрастанія приходилась именно на прибыль предпринимателей.

Эти цифры даютъ нѣкоторое понятіе и о величинѣ собственно прибыли, и о всей той массѣ прибавочной стоимости, которая ежегодно создается въ странахъ машиннаго производства, а также и вообще о скорости развитія общественныхъ производительныхъ силъ.

Надо, впрочемъ, напомнить, что различія въ денежной оцѣнкѣ національныхъ доходовъ и національныхъ богатствъ для различныхъ періодовъ могутъ зависѣть не отъ одного накопленія, но отчасти также отъ пониженія стоимости денегъ (вслѣдствіе повышенія производительности труда, создающаго деньги-товаръ). Такое пониженіе стоимости денегъ дѣйствительно происходило за послѣдній періодъ, но оно такъ мало, что лишь въ слабой степени уменьшаетъ значеніе приведенныхъ цифръ. Кромѣ того, это значеніе еще нѣсколько ослабляется для цифръ національнаго богатства возрастаніемъ цѣнности того фиктивнаго капитала, который представляетъ изъ себя право частной собственности на землю (цѣна земли повышается благодаря повышенію ренты).

б) Земельная рента.

Въ феодальную эпоху жизни человѣчества, когда земледѣліе представляло изъ себя основную и господствующую форму производства, землевладѣніе было неразрывно связано съ организаторской ролью въ общественной борьбѣ съ природой. Доходъ землевладѣльца-феодала (барщина и оброкъ) былъ необходимымъ слѣдствіемъ этой организаторской дѣятельности, и въ то же время необходимымъ условіемъ для того, чтобы землевладѣлецъ выполнялъ свою общественно-полезную роль.

Развитіе мѣнового хозяйства измѣняетъ характеръ и значеніе землевладѣльческаго дохода. По формѣ, измѣненіе заключается въ томъ, что доходъ начинаетъ получаться не въ натуральномъ видѣ, т.-е. не прямо въ продуктахъ, а предварительно обращается въ деньги. По существу, измѣненіе заключается въ томъ, что доходъ этотъ все менѣе связывается съ организаторской производственной дѣятельностью землевладѣльца, такъ какъ, вовлеченный въ систему мѣновыхъ отношеній, феодалъ все въ большей степени избавляетъ себя отъ такой дѣятельности.

Это не значитъ, что доходъ землевладѣльца сталъ уменьшаться. Напротивъ, какъ было выяснено, именно подъ вліяніемъ развивающагося обмѣна феодальная эксплоатація значительно усиливалась, и породила сперва прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, а затѣмъ ихъ обезземеленіе, полное или частичное.

Когда исчезаютъ барщина и оброкъ, а зависимый крестьянинъ смѣняется частью свободнымъ мелкимъ собственникомъ-земледѣльцемъ, частью арендаторомъ, тогда отъ феодально-организаторской роли почти ничего не остается. Впрочемъ, помѣщикъ не всегда отдаетъ свою землю въ аренду, а нерѣдко при помощи наемныхъ работниковъ ведетъ на ней собственное хозяйство; но типъ хозяйства и тогда вполнѣ капиталистическій, непохожій на феодальную организацію производства. Доходъ землевладѣльца становится аналогиченъ «прибыли» капиталиста: земля превращается въ капиталъ, и изъ общей суммы прибавочной стоимости, производимой въ данномъ обществѣ, владѣлецъ земли долженъ получить свою долю, какъ всякій другой капиталистъ. Только размѣры этой доли опредѣляются нѣсколько иными условіями, чѣмъ для другихъ капиталистовъ.

Развитіе капиталистическихъ формъ землевладѣнія совершалось съ извѣстной постепенностью. Обломки феодальныхъ отношеній только въ Англіи исчезли въ срединѣ XVIII вѣка, въ прочихъ же европейскихъ странахъ сохранялись дольше: до конца XVIII вѣка во Франціи, до послѣдняго времени—въ Германіи, Австріи и др. Въ Россіи остатки феодально-крѣпостническихъ отношеній сохранились до революціи 1917 г., которая уничтожила помѣщичью собственность на землю.

Пережитки феодализма по формѣ весьма разнообразны для различныхъ странъ и эпохъ. Иногда они сводятся къ натурально-хозяйственной арендѣ; сюда относится, во-первыхъ, аренда за отработки, происшедшая изъ прежней барщины, во-вторыхъ, половничество, сходное съ феодальными оброчными отношеніями (арендаторъ-половникъ отдаетъ владѣльцу земли опредѣленную часть своего продукта, всего чаще половину, нерѣдко больше). Иногда, какъ, напр., въ Россіи, въ силу особенныхъ историческихъ условій, среди развивающихся капиталистическихъ отношеній сохранялись долгое время остатки крѣпостной общины: государство поддерживало общину въ силу тѣхъ же причинъ, по которымъ раньше ее поддерживалъ феодалъ: въ видахъ взысканія различныхъ повинностей удобнѣе имѣть дѣло съ общиной, члены которой связаны круговой порукой, чѣмъ съ отдѣльными хозяйствами.

Остатки прежнихъ отношеній экономическое развитіе устраняетъ различными путями. Какъ было уже раньше указано, ради собственной выгоды помѣщикъ, съ развитіемъ денежнаго хозяйства, начинаетъ

переводитъ крестьянскія повинности изъ натуральныхъ въ денежныя, ради собственной выгоды замѣняетъ потомъ въ массѣ случаевъ зависимыхъ наслѣдственныхъ арендаторовъ—вольными, и т. д. Тамъ, гдѣ остатки прошлаго сохраняются слишкомъ долго, такъ что чувствительно стѣсняютъ развитіе, они уничтожаются обыкновенно съ помощью законодательныхъ актовъ. Здѣсь не приходится разсматривать подробнѣе исторію подобныхъ измѣненій. Во всякомъ случаѣ, они совершались всюду, гдѣ совершалось развитіе мѣнового общества.

Сущность ренты и законы ея измѣненій выступаютъ всего яснѣе, если изучать ихъ на развитыхъ формахъ поземельныхъ отношеній капиталистическаго общества. Отношенія менѣе законченныя легче изслѣдовать, уже основываясь на нѣкоторомъ знакомствѣ съ болѣе законченными.

Предприниматель, обладающій капиталомъ, желаетъ организовать предпріятіе—промышленное, торговое, земледѣльческое—это безразлично. Никакое предпріятіе не можетъ быть устроено внѣ пространства; слѣдовательно, предпринимателю надо занять подходящій участокъ земли. Но въ культурной, капиталистической странѣ нѣтъ земли безъ владѣльца,—землю надо купить или арендовать, потому что даромъ ее не уступятъ.

Итакъ, предприниматель покупаетъ или арендуетъ участокъ земли, положимъ, совершенно необработанной, не заключающей въ себѣ ни атома человѣческаго труда,—земли, которая не имѣетъ стоимости. За что же, въ такомъ случаѣ платитъ предприниматель? З а в о з м о ж н о с т ь п р и л о ж е н і я о б щ е с т в е н н а г о т р у д а н а д а н н о м ъ п р о с т р а н с т в ѣ з е м л и. Тутъ обмѣнъ подчиняется не закону трудовой стоимости, а закону монополіи. Если бы земля не была монополизирована, капиталисту не пришлось бы платить за участокъ земли, за возможность приложенія на немъ общественнаго труда. Въ уплатѣ за простую возможность производственной дѣятельности нѣтъ ничего необычнаго для капиталистическихъ отношеній: вѣдь и самъ предприниматель получаетъ прибыль на томъ основаніи, что даетъ работнику возможность участвовать въ общественномъ производствѣ.

Форма уплаты—покупка или аренда—не имѣетъ большого значенія для даннаго вопроса. Пусть арендная плата за землю—1.000 рублей; если землевладѣлецъ продаетъ данный участокъ, то онъ беретъ за него такую сумму, которая безъ хлопотъ и риска давала бы ему годовой доходъ, равный 1.000 рублей. Если обычный кредитный процентъ составляетъ 4% въ годъ, то покупная цѣна участка составитъ 25.000 рублей, потому что эта сумма приноситъ владѣльцу 1.000 рублей дохода съ тѣмъ же удобствомъ, какъ въ формѣ ренты за землю. Вообще, покупная цѣна земли представляетъ изъ себя, какъ принято говорить,

капитализированную ренту, т.-е. ренту, замѣненную капиталомъ, дающимъ равную ей кредитную прибыль. Затратившн капиталъ на покупку земли, предприниматель относитъ эту затрату къ необходимымъ издержкамъ предпріятія, и долженъ получать обычную прибыль на эту затрату; другими словами, ставши землевладѣльцемъ, онъ долженъ впредь получать и ренту за землю.

Но съ кого получаетъ ренту предприниматель, который отдастъ ее землевладѣльцу, или беретъ себѣ, если земля принадлежитъ ему же? Очевидно, со своихъ покупателей, въ цѣнѣ продуктовъ. Такимъ образомъ, цѣна продукта, кромѣ обычныхъ издержекъ производства и обычной прибыли, должна окупать еще ренту; иначе предпріятіе не выгодно для капиталиста. Положимъ, горнопромышленникъ затратилъ на орудія, матеріалы и рабочую силу 750.000 рублей, при чемъ произведено милліонъ пудовъ чугуна; обычная норма прибыли 10% въ годъ, а рента за землю подъ рудникомъ и заводскими строеніями — 25.000 рублей; въ такомъ случаѣ продуктъ долженъ быть проданъ за 750.000+75.000+25.000 — за 850.000 рублей, по 85 копеекъ за пудъ, чтобы предпріятіе могло считаться доходнымъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ точки зрѣнія отдѣльнаго капиталиста, отдѣльнаго землевладѣльца. Въ какомъ видѣ представится оно съ точки зрѣнія всего общественнаго хозяйства?

Землевладѣлецъ желаетъ, чтобы рента была возможно выше; капиталистъ же стремится платить за землю возможно меньше, — въ этомъ состоитъ противоположность ихъ интересовъ. Отсюда — борьба за ренту. Исходъ борьбы опредѣляется, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, взаимнымъ отношеніемъ силъ, степенью власти землевладѣльца надъ капиталистомъ, и обратно. Если въ странѣ есть много свободной земли, которую ея владѣльцы желаютъ уступить подъ какія-нибудь предпріятія, земледѣльческія или промышленныя, то капиталисты находятся въ благопріятныхъ условіяхъ борьбы: землевладѣльцы сильно въ нихъ нуждаются, конкуррируютъ между собою на земельномъ рынкѣ и не могутъ требовать большой ренты. Наоборотъ, если незанятой земли, пригодной для предпринимательскихъ цѣлей, осталось уже сравнительно немного, тогда капиталисты больше нуждаются въ землевладѣльцахъ, сильнѣе конкуррируютъ между собою и принуждены платить болѣе высокую ренту.

При такихъ условіяхъ, очевидно, по мѣрѣ расширенія производства, и по мѣрѣ уменьшенія площади земли, не занятой капиталистическими предпріятіями, но пригодной для этого, должна возрастать власть земельныхъ монополистовъ надъ предпринимателями, должна повышаться рента. Предѣлъ этого повышенія во всякій данный моментъ зависитъ отъ соотношенія силъ и интересовъ въ борьбѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если

землевладѣльцы извѣстной страны начинаютъ требовать чрезмѣрно высокой платы за землю, т.-е. слишкомъ сильно урѣзываютъ прибыль капиталистовъ, то капиталисты изыскиваютъ средства перенести свои капиталы въ другія страны, что и наблюдается нерѣдко въ дѣйствительности. Если же это средство неосуществимо, то должно произойти замедленіе въ развитіи производства, такъ какъ для капиталистовъ уменьшена возможность накопленія; условія конкурренціи станутъ особенно тягостны, такъ что крушеніе болѣе мелкихъ предпринимателей ускорится; ихъ капиталы, объединившись въ рукахъ меньшаго числа крупныхъ капиталистовъ, представятъ изъ себя болѣе значительную силу, чѣмъ прежде, потому что эта сила менѣе раздроблена; и землевладѣльцы, которые легче справлялись съ болѣе слабыми предпринимателями, принуждены будутъ идти на уступки передъ болѣе сильными.

Итакъ, общая сумма ренты, получаемой въ данномъ обществѣ землевладѣльцами, зависитъ отъ слѣдующихъ двухъ условій: во-первыхъ, отъ общей суммы прибавочной стоимости, производимой въ странѣ и подлежащей дѣлежу между землевладѣльцами и предпринимателями; во-вторыхъ, отъ исторически сложившагося соотношенія силъ обоихъ классовъ въ борьбѣ за ренту и прибыль. Первое условіе опредѣляется, очевидно, общимъ уровнемъ развитія производства; но имъ же опредѣляется и второе условіе, какъ видно изъ того факта, что возрастаніе спроса на землю со стороны расширяющагося производства увеличиваетъ власть землевладѣльцевъ надъ предпринимателями, а замѣна мелкихъ предпріятій крупными имѣетъ обратное вліяніе.

Положимъ, общая сумма капитала страны—400 милліардовъ часовъ, что соотвѣтствуетъ 40 милліардамъ рублей; ежегодная сумма прибавочной стоимости—40 милліардовъ часовъ, въ денежной формѣ 4 милліарда рублей. Изъ нихъ: землевладѣльцы берутъ себѣ 1 милліардъ рублей, предпринимателямъ остается 3 милліарда. Норма прибыли за годъ оказывается тогда $7^1/_2$% (3 млд. на 40 млд.); и «норма ренты» для всей страны $2^1/_2$% (1 млд. на 40 млд.). Съ развитіемъ производства капиталъ возрастаетъ, напр., до 100 млд. рублей; прибавочная стоимость, положимъ, 9 милліардовъ; изъ нихъ землевладѣльцы, пользуясь возрастаніемъ своей власти надъ капиталистами, которымъ труднѣе, чѣмъ прежде, находить для себя землю подъ предпріятія, берутъ цѣлыхъ 3 млд., оставляя предпринимателямъ 6 млд.; норма прибыли 6%, величина ренты для всей страны 3%. Далѣе, производство еще возрастаетъ: сумма капитала—200 млд. рублей, прибавочная стоимость 15 млд.; но капиталистамъ удалось найти новое поле для приложенія капиталовъ, напр., страна завела колоніи, гдѣ много свободной дешевой земли, подходящей для земледѣльческихъ и промышленныхъ предпріятій. Тогда землевладѣльцы принуждены стать уступчивѣе; они бе-

рутъ уже меньше трети общей суммы прибав. стоим., именно 4 мл рублей; прибыль—11 млд., норма прибыли—$5^1/_2$%, на долю ренты-2%.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, какимъ образомъ распр дѣляется общая сумма ренты между отдѣльными землевладѣльцам

При этомъ надо принять во вниманіе неоднородность различных участковъ земли: на однихъ приложеніе труда болѣе производительн на другихъ—менѣе производительно. Такое различіе особенно ясно вы ступаетъ въ добывающей промышленности: въ земледѣліи—благодар неодинаковому плодородію земли—оказывается, что на одномъ участк урожай самъ 5, а на другомъ, при равныхъ затратахъ капитала труда, самъ 10; въ горномъ дѣлѣ—на одномъ участкѣ руда бол богатая металломъ, на другомъ—менѣе, и т. д. Но и въ обрабатыва щей промышленности немалое значеніе имѣетъ близость, напр., воды необходимой для производства, или возможность примѣнить движущу силу теченія рѣки, ручья. Далѣе, во всѣхъ рѣшительно капиталисти ческихъ предпріятіяхъ весьма важнымъ, по отношенію къ производи тельности труда, является разстояніе отъ рынковъ, гдѣ покупаютс матеріалы и продаются произведенные товары, а также наличност удобныхъ или неудобныхъ путей къ этимъ рынкамъ. Ибо стоимост перевозки входитъ въ стоимость продукта, и если перевозка стоит меньше труда, чѣмъ обыкновенно, то производительность труда въ дан номъ предпріятіи оказывается выше средней.

Итакъ, передъ нами рядъ однородныхъ предпріятій, положимъ, земледѣльческихъ, которыя ведутся въ неодинаковыхъ природныхъ усло віяхъ. На одномъ участкѣ земли, при издержкахъ на средства про изводства и рабочую силу, равныхъ 10.000 рублей, получается 10.000 пудовъ хлѣба, это—участокъ наихудшаго качества; на другомъ, пр тѣхъ же издержкахъ, получается хлѣба 15.000 пудовъ; на третьемъ, наилучшемъ по качеству—20.000 пудовъ. Обычный годовой процент прибыли, положимъ—5%. Предприниматель, который ведетъ хозяйство на худшемъ участкѣ земли, долженъ получать свои 5%, т.-е. 500 рублей прибыли въ годъ, иначе онъ счелъ бы предпріятіе невыгоднымъ, и постарался бы перенести свой капиталъ въ другую область производства. Но такъ какъ земля не принадлежитъ ему, и даромъ онъ ее получить не можетъ, то онъ принужденъ еще, сверхъ того, платить землевладѣльцу извѣстную ренту, конечно, не очень большую, потому что участокъ хуже другихъ: иначе предприниматель перенесетъ свой капиталъ въ другую страну, находя, что издержки по перевозкѣ товаровъ меньше излишка ренты. Пусть рента—300 руб. Итакъ, въ цѣнѣ продукта предпринимателю слѣдуетъ получить всего 10.800 руб. (10.000 р. издержекъ производства, 500 р. прибыли и 300 р. ренты).

лѣдовательно, пудъ хлѣба онъ долженъ продавать по 1 р. 8 к.; де-евле онъ продавать не можетъ—тогда ему пришлось бы бросать дѣло; одать дороже ему, вообще говоря, не удается—тогда его прибыль ыла бы выше обычной. Очевидно, въ данномъ обществѣ рыночная ѣна хлѣба и равняется приблизительно 1 р. 8 к. Если она ниже ой нормы, земледѣлiе сокращается, и цѣна хлѣба повышается вслѣд-вiе пониженнаго предложенiя; если она выше,—прибыль въ земле-ѣлiи больше обычной, капиталы стремятся въ эту область, и земле-адѣлецъ, пользуясь ихъ конкурренцiей, повышаетъ ренту такъ, чтобы ибыль свелась къ обычной, напр., беретъ себѣ 500—1.000 рублей.

Рента съ наихудшаго участка земли называется абсолютной нтой. Итакъ, обычная рыночная цѣна хлѣба соотвѣтствуетъ издерж-мъ производства при наихудшихъ природныхъ условiяхъ, въ кото-ыхъ капиталисты еще ведутъ дѣло, плюсъ обычная прибыль, плюсъ бсолютная рента. Это, очевидно, относится не къ одному хлѣбу, но ко всѣмъ другимъ продуктамъ; при чемъ въ обрабатывающей про-мышленности значенiе природныхъ условiй въ наше время сравнительно нѣе велико, чѣмъ въ земледѣлiи съ его отсталой техникой, съ его льной зависимостью отъ почвы, климата, съ его потребностью въ ольшихъ пространствахъ земли.

Рынокъ не дѣлаетъ никакого различiя между продуктомъ, произ-еденнымъ при худшихъ и при лучшихъ условiяхъ: цѣна одна и та же, нашемъ примѣрѣ 1 р. 8 к.; 15.000 пудовъ хлѣба, произведенныхъ втором участкѣ, будутъ, стало-быть, проданы за 16.200 руб., т.-е., верхъ обычныхъ издержекъ и прибыли, останется 5.700 руб, кото-ые землевладѣлецъ и присвоитъ въ видѣ ренты. Капиталисту изъ ихъ 5.700 рублей ничего не достанется—онъ получитъ только свою бычную прибыль, по закону годовыхъ нормъ прибыли: если бы рента казалась ниже 5.700 рублей, а прибыль больше 500 р., то немедленно вились бы конкуренты—другiе капиталисты, которые согласились бы повышенiе ренты.

Итакъ, владѣлецъ второго участка, сверхъ 300 руб. абсолютной енты, получаетъ еще 5.400 руб., которые и составляютъ такъ на-ываемую дифференцiальную ренту. Для владѣльца третьяго, маго лучшаго участка, дифференцiальная рента еще больше—10.800 уб., какъ можно видѣть изъ простого вычисленiя, подобнаго преды-ущему.

Тутъ можетъ явиться вопросъ, не противорѣчитъ ли теорiи тру-овой стоимости указанная связь между рыночной цѣной и худшими риродными условiями, въ какихъ только ведется еще производство. конечномъ счетѣ цѣны опредѣляются стоимостями, а стоимость сть среднее количество трудовой энергiи, необходимое для про-

изводства продукта, слѣдовательно, величина стоимости соотвѣтствуетъ затратамъ труда при среднихъ природныхъ условіяхъ, а не при худшихъ; казалось бы, и къ средней рыночной цѣнѣ должно относиться то же самое, т.-е. она должна соотвѣтствовать издержкамъ производства при среднихъ природныхъ условіяхъ плюсъ прибыль, плюсъ абсолютная рента. Но противорѣчіе здѣсь лишь кажущееся, и легко устраняется анализомъ.

Стоимость товара распадается, какъ извѣстно, на стоимость постояннаго и перемѣннаго капитала и прибавочную стоимость. Цѣна, соотвѣтственно этому, должна разлагаться на среднія издержки производства, среднюю прибыль и среднюю ренту (ибо общая сумма ренты и прибыли равна общей суммѣ прибавочной стоимости). У насъ же цѣна разлагается иначе: вмѣсто среднихъ издержекъ производства взяты издержки производства на худшемъ, наименѣе удобномъ для даннаго рода предпріятій участкѣ земли, а вмѣсто средней ренты взята абсолютная. Но не трудно видѣть, что насколько издержки на худшей землѣ больше издержекъ на средней, настолько абсолютная рента меньше средней, въ которую, кромѣ абсолютной, входитъ еще средняя дифференціальная рента. Такимъ образомъ, двѣ формулы цѣны между собою совершенно тождественны. Провѣримъ это на нашемъ числовомъ примѣрѣ, считая второй участокъ за средній:

Производство 10. 000 п. хлѣба на худшемъ участкѣ требует издержекъ постоян. и перемѣн. капит. 10.000 р.

5% прибыли	500 „
абсолютной ренты	300 „

Итого 10.800 р., по 1 р. 8 к. за п.

Средній участокъ равныхъ размѣровъ съ худшимъ, при затратѣ 10.000 рублей постояннаго и перемѣннаго капитала, даетъ 15.000 пуд., значитъ для сравненія съ худшимъ, надо брать участокъ въ $1^1/_2$ раза меньше, съ котораго получается также 10.000 пудовъ; тогда оказывается:

издержки постояннаго и перемѣннаго капитала	$6.666^2/_3$ р.	(въ $1^1/_2$ раза мен. 10.000 р.)
прибыль 5%	$333^1/_3$ „	
средняя рента	3.800 „	(въ $1^1/_2$ раза мен. 5.700 р.)

Итого 10.800 р., по 1 р. 8 коп. за пудъ.

Дѣло въ томъ, что при разсчетѣ для средняго участка издержекъ берется на $3.333^1/_3$ р. меньше, прибыли на $166^2/_3$ р. меньше, даже

абсолютной ренты на 100 р. меньше (200 р. вмѣсто 300 р., потому что участокъ берется въ $1^1/_2$ раза меньше), но зато въ цѣну входитъ отсутствующая для худшихъ участковъ средняя дифференціальная рента—3.600 р.: и результатъ получается одинъ и тотъ же ($3.333^1/_3 + 166^2/_3 + 100 - 3.600 = 0$).

Всѣ эти разсчеты примѣнимы и ко всѣмъ другимъ товарамъ, съ той только разницей, что въ обрабатывающей промышленности рента имѣетъ меньше значенія, чѣмъ въ земледѣліи: дифференціальная потому, что въ земледѣліи болѣе значительны колебанія производительности труда, зависящія отъ естественныхъ условій, а абсолютная—потому, что сельское хозяйство требуетъ сравнительно большихъ участковъ земли.

Изъ этого разсчета, между прочимъ, видно, въ какомъ смыслѣ цѣна опредѣляется трудовой стоимостью въ эпоху капитализма. Цѣна продукта опредѣляется средними издержками постояннаго и перемѣннаго капитала, плюсъ средній капиталистическій доходъ (сумма средней прибыли и средней ренты). А средняя норма капиталистическаго дохода опредѣляется отношеніемъ всей суммы прибавочной стоимости къ трудовой стоимости всего капитала страны. Такимъ образомъ, законъ трудовой стоимости опредѣляетъ цѣны косвенно, опредѣляя норму капиталистическаго дохода, которая, въ свою очередь, опредѣляетъ цѣну при данныхъ затратахъ постояннаго и перемѣннаго капитала.

Особенно громадныхъ размѣровъ достигаетъ дифференціальная рента въ промышленныхъ мѣстностяхъ и въ городахъ, гдѣ приложеніе общественнаго труда совершается наиболѣе интенсивно, гдѣ близость рынка создаетъ большое сбереженіе труда на перевозкѣ и храненіи товаровъ. Въ самомъ дѣлѣ, пусть одна фабрика, производящая милліонъ пудовъ товару, находится въ 1 верстѣ отъ рынка, а другая, такая же—въ 11 верстахъ; перевозка милліона пудовъ на 10 верстъ представляетъ громадную затрату, и если первая фабрика избѣгаетъ этой затраты, то при о б ы ч н о й величинѣ прибыли перваго фабриканта все сбереженіе уйдетъ въ дифференціальную ренту для землевладѣльца—въ уплату за возможность прилагать общественный трудъ при особенно благопріятныхъ условіяхъ. Впрочемъ, экономическая сила крупнаго капиталиста такова, что нерѣдко онъ оттягиваетъ себѣ часть этой дифференціальной ренты—и тѣмъ легче побиваетъ конкурентовъ.

Общій прогрессъ производства приводитъ, какъ было указано, къ тому, что рента возрастаетъ, помимо всякаго участія со стороны ея получателей: возрастаетъ, вмѣстѣ со спросомъ на землю для всякаго рода предпріятій, власть монополистовъ земли надъ предпринимателями.

При этомъ растетъ главнымъ образомъ дифференціальная рента, особенно, когда вблизи какихъ-нибудь участковъ проводятся хорошіе

пути сообщенія, сближающіе эти участки съ рынкомъ, или когда на этихъ участкахъ открываются новыя природныя богатства и т. п. [1]).

Такъ называемую арендную плату не слѣдуетъ прямо смѣшивать съ рентой. Арендуется, по большей части, не голая, необработанная земля, а вмѣстѣ съ находящимися на ней строеніями, вмѣстѣ съ улучшеніями, произведенными въ ней предыдущимъ трудомъ, нерѣдко вмѣстѣ съ орудіями, скотомъ и т. п. Все это представляетъ изъ себя нѣкоторый реальный капиталъ, который ссуживается арендатору, и который долженъ приносить кредитору, т.-е. землевладѣльцу, обычный кредитный процентъ. Часть арендной платы представляетъ, слѣдовательно, обычную прибыль на кредитный капиталъ землевладѣльца; эту часть надо вычесть изъ арендной платы, чтобы получить чистую ренту.

Рядомъ съ развитыми формами капиталистическаго землевладѣнія на раннихъ ступеняхъ развитія капитализма, и даже позже—въ большей части странъ, сохраняются формы менѣе законченныя, особенно въ земледѣліи. Къ числу такихъ формъ можно, пожалуй, отнести и тѣ хозяйства, въ которыхъ землевладѣлецъ и капиталистическій предприниматель совмѣщаются въ одномъ лицѣ, которое получаетъ и ренту, и прибыль. Но на этомъ здѣсь нѣтъ надобности останавливаться: такое совмѣщеніе почти ничего не измѣняетъ въ общемъ ходѣ дѣла.

Очень часто роль арендатора играетъ не капиталистъ, а мелкій производитель, обходящійся вполнѣ или почти безъ наемнаго труда, обыкновенно крестьянинъ-земледѣлецъ. Въ этомъ случаѣ «прибыль» фермера очень легко сводится къ нулю: мелкій арендаторъ не обладаетъ силой капиталиста, онъ не можетъ успѣшно бороться съ землевладѣльцемъ изъ-за арендной платы, и рента доводится до того уровня, при которомъ арендатору остаются только необходимыя средства къ жизни. Въ сущности, онъ тогда—наемный работникъ землевладѣльца, подъ маской самостоятельнаго арендатора. Подъ вліяніемъ торговаго капитала, который, со своей стороны, эксплоатируетъ мелкаго арендатора, доля этого послѣдняго падаетъ иногда еще ниже, до такой степени, которая обусловливаетъ вырожденіе производителя. Яркими примѣрами могутъ служить въ этомъ отношеніи Ирландія и, въ особенности, Россія. Русскіе крестьяне въ огромномъ большинствѣ случаевъ обладали надѣлами, которыхъ далеко не хватало для сколько-нибудь сноснаго су-

[1]) Благодаря постоянному росту ренты, земля продается обыкновенно дороже чѣмъ слѣдуетъ по расчету капитализаціи ренты: будущее возрастаніе ренты отчасти оплачивается въ цѣнѣ земли. При этомъ не мѣшаетъ отмѣтить, что продажа земли упрочиваетъ ренту. Въ самомъ дѣлѣ, капиталистъ, купившій землю, смотритъ на тѣ деньги, которыя за нее заплатилъ, какъ на вложенный въ землю капиталъ, который непремѣнно долженъ приносить соотвѣтственную прибыль. Ренту охраняетъ съ этого времени не только сила монополіи, но и сила конкурренціи капиталовъ, требующая равной для всѣхъ капиталовъ нормы прибыли.

ществованія. Это заставляло крестьянъ арендовать участки близлежащихъ помѣщичьихъ земель, которые могли бы имъ давать дополнительный заработокъ. При такихъ условіяхъ аренда имѣла кабальный характеръ. Помѣщикъ присваивалъ себѣ не только земельную ренту, но и прибыль крестьянина на затрачиваемый имъ, незначительный, правда, капиталъ (на орудія, скотину и т. п.); мало того, въ большинствѣ случаевъ онъ урѣзывалъ и значительную долю его дохода, соотвѣтствующаго заработной платѣ. Статистическія обслѣдованія кабальной (или «продовольственной») аренды въ Россіи показываютъ, что доходъ крестьянина, прибѣгающаго къ арендѣ дополнительнаго участка, меньше заработка наемнаго рабочаго. Особенно рѣзко выступалъ этотъ фактъ, когда крестьяне вынуждены были арендовать помѣщичью землю, отдѣляющую ихъ надѣлъ отъ дороги, водопоя, пастбища и т. п.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда землевладѣлецъ и земледѣлецъ совмѣщаются въ лицѣ одного и того же крестьянина, дѣло сводится, на первый взглядъ, къ тому, что одно и то же лицо получаетъ и заработную плату, и прибыль, и ренту. Въ дѣйствительности при этомъ прибыль обыкновенно весьма скоро переходитъ къ торговому капиталисту,—кулаку; а рента представляетъ, вообще, лишь незначительные размѣры, потому что классъ мелкихъ земледѣльцевъ-собственниковъ не имѣетъ за собой такой значительной исторически сложившейся общественной силы, какъ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ; а затѣмъ она тоже, большей частью, рано или поздно, отбирается торговымъ или ростовщическимъ капиталомъ.

Теперь вернемся к общему вопросу: что же такое земельная рента? Это та доля прибавочной стоимости, которую капиталистъ уступаетъ землевладѣльцу за возможность приложенія общественнаго труда на данномъ пространствѣ земли. Возможность эксплоатаціи силъ природы общественнымъ трудомъ неограничена: даже наиболѣе плодородная почва, и притомъ въ наиболѣе густо населенныхъ странахъ, далеко не вся обработана. Но общество не можетъ безпрепятственно всѣмъ этимъ пользоваться: оно встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны класса землевладѣльцевъ, и сопротивленіе это преодолѣвается съ помощью ренты.

Рента имѣетъ стремленіе непрерывно возрастать съ развитіемъ промышленной жизни. Обусловливается это тѣмъ, что промышленное развитіе общества, увеличивая спросъ на землю для всякаго рода предпріятій, увеличиваетъ тѣмъ самымъ монопольную силу землевладѣльческаго класса, его власть надъ остальнымъ обществомъ, и позволяетъ этому классу присваивать все болѣе значительную часть производимой прибавочной стоимости.

Такимъ образомъ, какъ бы быстро ни происходило возрастаніе прибыли капиталистовъ, рента возрастала еще быстрѣе. Однако, не безъ борьбы промышленно-торговая буржуазія подчинялась такому положенію вещей. Она всѣми силами противодѣйствовала возрастанію ренты за землю, понижающему прибыль.

Борьба ренты и прибыли велась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ всюду, гдѣ встрѣчались лицомъ къ лицу интересы землевладѣльца и капиталиста. Ея простѣйшая форма—борьба капиталистическаго фермера съ лэндлордомъ за арендную плату. Здѣсь все, чего фермеръ можетъ достигнуть,—сохраненіе за собой обычной предпринимательской прибыли; но даже это не всегда ему удается: благодаря тому, что изъ земли трудно безъ убытковъ вынуть вложенный въ нее капиталъ въ видѣ строеній, улучшеній почвы и т. п., фермеръ иногда оказывается вынужденъ мириться съ такимъ повышеніемъ арендной платы, которое ниже обычной нормы урѣзываетъ его прибыль.

Когда возрастаніе земледѣльческой ренты доводитъ хлѣбныя цѣны въ странѣ до чрезмѣрной высоты, повышая тѣмъ самымъ цѣну рабочей силы и еще болѣе понижая прибыль, тогда для промышленно-торговаго капитала становится выгоднымъ и цѣлесообразнымъ бороться съ рентой путемъ ввоза хлѣба изъ другихъ странъ: въ низко развитыхъ земледѣльческихъ странахъ, гдѣ рента еще не успѣла достигнуть большой высоты, гдѣ производство хлѣба обходится дешево благодаря дешевизнѣ рабочихъ рукъ, цѣны на хлѣбъ сравнительно низки, и ввозъ этого дешеваго хлѣба въ развитыя страны съ высокой рентой сильно урѣзываетъ ренту.

Противъ такого пріема борьбы землевладѣльческій классъ пускаетъ въ ходъ свою политическую силу, свое вліяніе на государство: добивается высокихъ пошлинъ на привозныя земледѣльческія продукты, иногда—прямого запрещенія ихъ ввоза. Такъ, въ Англіи весьма долго держались «хлѣбные законы», допускавшіе ввозъ хлѣба лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣна хлѣба на внутреннемъ рынкѣ достигала извѣстной, весьма высокой нормы. Противъ политической силы буржуазія могла пустить въ ходъ только подобную же силу; на этой почвѣ разгорѣлась борьба капитала и землевладѣнія, какъ цѣлыхъ болѣе или менѣе сплоченныхъ общественныхъ классовъ. Англійская буржуазія побѣдила въ этой борьбѣ, и въ 1846 году добилась свободнаго ввоза хлѣба. Въ результатѣ земледѣльческая рента была остановлена въ своемъ возрастаніи, даже на время довольно сильно понизилась.

Этимъ не ограничился побѣдоносный капиталъ въ своемъ торжествѣ: онъ колонизовалъ обширныя, въ высшей степени плодородныя, черноземныя равнины Сѣв. и Южн. Америки, Австраліи, Южной Африки; связалъ ихъ съ европейскими рынками посредствомъ усовершенство-

ванныхъ путей сообщенія и организовалъ эксплоатацію ихъ плодородія при помощи весьма совершенныхъ техническихъ пріемовъ, при чемъ важную роль сыграла земледѣльческая машина. Высокая производительность земледѣльческаго труда въ этихъ странахъ привела къ наводненію мірового рынка дешевымъ хлѣбомъ. Это было страшнымъ ударомъ для земледѣлія старыхъ капиталистическихъ странъ; и такъ какъ прибыль, по закону стремленія къ равной годовой нормѣ, рѣзко измѣниться не могла, то ударъ всего тяжелѣе отозвался на рентѣ этихъ странъ: ея возрастаніе было такъ сильно замедлено, что далеко не могло идти наравнѣ съ возрастаніемъ прибыли. Цифра земледѣльческой ренты въ Англіи даже нѣсколько понизилась съ 1843 года по 1893 (съ 42.127.000 ф. стерл. до 41.682.000 ф. стерл.).

Но если европейскіе землевладѣльцы испытали пониженіе ренты, то новые землевладѣльцы черноземныхъ странъ стали за то получать громадную ренту, и суть дѣла не измѣнилась: общая сумма земледѣльческой ренты продолжала сильно возрастать. Пониженіе ренты было одной изъ главныхъ причинъ той громадной задолженности европейскаго землевладѣнія, которая развилась за послѣдніе десятки лѣтъ прошлаго вѣка. Другой важной причиной была потребность въ улучшеніи земледѣльческой техники, возникшая изъ тяжелой конкурренціи; на улучшеніе земли и способовъ производства требовались капиталы, и ихъ землевладѣльцы должны были занимать. Задолженность эта привела къ тому, что значительная часть ренты уплачивается въ видѣ процента за долгъ кредитнымъ учрежденіямъ, которыя, такимъ образомъ, понемногу замѣняютъ прежнихъ получателей ренты.

Что касается до ренты не-земледѣльческой—съ земли подъ строеніями и т. п., то она и въ Европѣ не испытала остановки въ своемъ возрастаніи. Въ Англіи, напр., за 50 лѣтъ—съ 1843 по 1893 г.—она возрасла, по меньшей мѣрѣ, раза въ 3. Особенно быстро увеличивается она въ большихъ промышленно-торговыхъ городахъ; по мѣрѣ расширенія города плата за наемъ зданій въ центральныхъ его частяхъ доходитъ до громадныхъ размѣровъ, и ея возрастаніе приходится именно на ренту, потому что прибыль на капиталъ, вложенный въ постройку зданій, остается прежней. Въ отдѣльныхъ случаяхъ размѣры подобной ренты становятся почти невѣроятны: въ центральныхъ частяхъ самыхъ большихъ капиталистическихъ городовъ въ родѣ Лондона, Чикаго, цѣна квадратной сажени земли измѣряется десятками тысячъ рублей.

Въ отличіе отъ дифференціальной ренты, абсолютная является чистѣйшимъ пережиткомъ феодальныхъ отношеній, результатомъ экономическаго и политическаго господства класса землевладѣльцевъ надъ обществомъ. Она представляетъ собою вычетъ изъ совокупной прибавочной стоимости, который землевладѣльцы (лэндлорды, юнкера и т. д.)

присваивают себѣ въ силу факта владѣнія землей и вліянія на государственную власть. Поэтому вполнѣ естественно, что буржуазія въ борьбѣ за прибавочную стоимость стремилась, какъ мы видѣли, къ уничтоженію тѣхъ условій, которыя давали землевладѣльцамъ возможность накладывать свою руку на часть прибавочной стоимости, и тѣмъ самымъ уменьшать долю буржуазіи. Крайней буржуазной мѣрой въ этомъ направленіи могла бы быть полная экспропріація ренты у класса землевладѣльцевъ; а средствомъ для этого могла бы послужить національзація земли; государство затѣмъ сдавало бы ее въ аренду за плату, соотвѣтствующую дифференціальной рентѣ. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ съ тремя участками арендаторъ второго участка платилъ бы государству 5400 р., вмѣсто 5700 рублей помѣщику; арендаторъ третьяго—10,500 руб.; арендаторъ перваго ничего не платилъ бы, потому что абсолютная рента совсѣмъ уничтожилась бы вмѣстѣ съ монополіей частнаго землевладѣнія. Вся дифференціальная рента получалась бы буржуазнымъ государствомъ, т.-е., организаціей класса капиталистовъ, взятаго въ цѣломъ. Но эту реформу капитализмъ врядъ ли успѣетъ осуществить, и не только вслѣдствіе сопротивленія землевладѣльцевъ. Дѣло въ томъ, что борьба буржуазіи съ пережитками феодализма все болѣе ослабѣваетъ по мѣрѣ усиленія борьбы ея съ пролетаріатомъ: помѣщики—цѣнный союзникъ въ этой послѣдней борьбѣ; да къ тому же націонализація подрывала бы принципъ частной собственности въ сознаніи народныхъ массъ.

в) Заработная плата.

1. Формы заработной платы.

Стоимость рабочей силы рабочій получаетъ въ видѣ заработной платы.

Въ періоды натурально-хозяйственные наемный трудъ представляетъ рѣдкое исключеніе. Работа странствующаго ремесленника феодальныхъ временъ на дому у заказчика изъ принадлежащаго заказчику матеріала имѣетъ лишь внѣшнее сходство съ наемнымъ трудомъ; плата, которую получаетъ такой ремесленникъ, соотвѣтствуетъ не стоимости его рабочей силы, а стоимости, вновь произведенной его трудомъ,—тутъ еще нѣтъ никакой эксплоатаціи, потому что ремесленникъ самъ обладаетъ орудіями производства и, по меньшей мѣрѣ, такъ же легко можетъ обойтись безъ всякаго даннаго заказчика, какъ тотъ безъ него.

Впервые наемный трудъ начинаетъ играть замѣтную роль въ жизни тогда, когда въ городахъ развивается цеховая организація ремесла. Подмастерья и ученики уже представляютъ изъ себя наемныхъ

работниковъ мастера. Однако, до тѣхъ поръ, пока сохраняются патріархальныя отношенія въ предѣлахъ ремесленнаго хозяйства, пока роль подмастерья является только переходной ступенью къ званію мастера, заработная плата подмастерья не строго опредѣляется стоимостью рабочей силы, а бываетъ нѣсколько выше ея; иначе подмастерье за время своей службы не могъ бы скопить необходимыхъ средствъ, чтобы устроить затѣмъ собственную мастерскую и собственное хозяйство. Но когда торговый капиталъ разстраиваетъ прежнюю гармонію патріархально-ремесленныхъ отношеній и, эксплоатируя мастера, заставляетъ его эксплоатировать подмастерьевъ, тогда уровень заработной платы въ ремеслѣ падаетъ до уровня стоимости необходимыхъ жизненныхъ средствъ, до уровня стоимости рабочей силы.

Какъ было выяснено, торговый капиталъ только формально не превращаетъ мелкаго ремесленника и крестьянина въ наемныхъ работниковъ; въ дѣйствительности же, за ихъ трудъ онъ оставляетъ имъ только стоимость рабочей силы, такъ что по существу ихъ матеріальное положеніе не отличается отъ положенія наемныхъ работниковъ.

Развитіе промышленнаго капитала означаетъ развитіе наемнаго труда, который только съ этого времени начинаетъ играть крупную роль въ производственной жизни общества. «Заработокъ» самостоятельнаго мелкаго производителя все болѣе вытѣсняется заработной платой производителя-пролетарія.

Первичной формой заработной платы является натуральная, т.-е. плата продуктами, предметами потребленія. Эта форма заработной платы интересна, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что стоимость рабочей силы выступаетъ здѣсь съ очевидностью, какъ стоимость производства необходимыхъ средствъ къ жизни.

Натуральная плата удерживается особенно долго въ земледѣліи, что и понятно, такъ какъ его продукты какъ разъ представляютъ значительную часть необходимыхъ жизненныхъ средствъ работника. Въ этой области производства она отчасти сохраняется даже при довольно развитомъ капитализмѣ, но уже непремѣнно въ соединеніи съ денежной платой. Въ такой же смѣшанной, но по преимуществу натуральной формѣ получалъ свою плату подмастерье Среднихъ вѣковъ. И до сихъ поръ еще въ мелкихъ предпріятіяхъ хозяева часто находятъ болѣе выгоднымъ, чтобы работникъ жилъ «на хозяйскихъ харчахъ», и только часть платы получалъ деньгами.

Съ широкимъ развитіемъ обмѣна и денежнаго обращенія, натуральная плата всюду исчезаетъ. Денежная форма удобнѣе и для рабочаго, которому она даетъ возможность по личному выбору покупать средства потребленія, и для капиталиста, котораго она избавляетъ отъ труда покупать средства потребленія для рабочихъ.

При крупномъ капиталистическомъ производствѣ можно встрѣтить нѣчто въ родѣ смѣшанной платы, но въ совершенно особенной формѣ: такъ называемая «система прижимки». Предприниматель устраиваетъ при своемъ промышленномъ предпріятіи лавку и заставляетъ рабочихъ покупать въ ней продукты; цѣны назначаются, конечно, такія, которыя даютъ хорошую прибыль. «Система прижимки» позволяет капиталисту до крайности уменьшать дѣйствительную заработную плату, не прибѣгая къ явному ея пониженію. (Во многихъ странахъ, въ томъ числѣ въ Россіи, законодательство дѣлало попытки уничтожить эту систему или хотя бы ограничить ея примѣненіе. Но предприниматели зачастую находили средства обходить запрещенія).

Заработная плата разсчитывается по двумъ различнымъ способамъ: или поденно, понедѣльно, помѣсячно, вообще—повременно, или сдѣльно—поштучно. По первому типу производилась обыкновенно расплата мастера съ его подмастерьями. Второй въ наибольшей степени исторически связанъ съ домашне-капиталистической формой промышленности, гдѣ производитель и не могъ получать своей платы иначе, какъ поштучно.

Въ эпоху промышленнаго капитализма оба способа встрѣчаются рядомъ: капиталистъ выбираетъ тотъ изъ нихъ, который въ данномъ случаѣ для него выгоднѣе; оба имѣютъ свои удобства и свои неудобства для предпринимателя.

При повременной платѣ рабочій менѣе напрягаетъ свои силы, бережетъ ихъ; его трудъ менѣе интенсивенъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы усиленно онъ ни тратилъ своей энергіи, а за день онъ получитъ столько же.

Поштучная плата принуждаетъ работника трудиться гораздо напряженнѣе, онъ старается сдѣлать, какъ можно больше, потому что это увеличиваетъ его заработокъ. Но, благодаря поспѣшности работы, понижается качество продукта. Слѣдовательно, повременная плата выгоднѣе для предпринимателя тамъ, гдѣ особенное значеніе имѣетъ качество товара.

Впрочемъ, и при сдѣльной платѣ предприниматель можетъ, путемъ строгой браковки и штрафовъ, добиться постепенно большей тщательности въ работѣ, высокаго качества продуктовъ. Далѣе, сдѣльная плата имѣетъ то преимущество для предпринимателя, что даетъ возможность мало-по-малу увеличивать прибыль, получаемую отъ каждаго рабочаго. Это происходитъ такъ. Въ расчетѣ на лишній заработокъ, рабочіе трудятся энергичнѣе, и нѣкоторое время дѣйствительно получаютъ плату больше обычной. Но когда повышенная напряженность труда уже вошла у нихъ въ привычку, предприниматель понижаетъ расцѣнку, такъ что заработная плата спускается приблизительно до прежняго уровня.

Чтобы увеличить заработокъ, работники должны опять повышать интенсивность труда; а затѣмъ вновь повторяется пониженіе расцѣнки, и т. д.

При такихъ условіяхъ естественно, что съ развитіемъ капитализма сдѣльная плата все болѣе вытѣсняла повременную.

Чтобы заключить обзоръ формъ заработной платы, приходится еще упомянуть о платѣ съ участіемъ въ прибыли. Сверхъ повременной или сдѣльной платы, между работниками распредѣляется еще извѣстная часть прибыли, напр., 5—10%. Примѣняется эта форма платы, главнымъ образомъ, тамъ, гдѣ особенно важно заинтересовать рабочихъ въ качествѣ ихъ работы,—напр., на мануфактурахъ музыкальныхъ инструментовъ, или гдѣ желательно, въ виду малочисленности въ странѣ искусныхъ и опытныхъ работниковъ данной спеціальности, привязать какъ можно тѣснѣе рабочихъ къ д а н н о м у предпріятію. Ея значеніе заключается въ томъ, что она затемняетъ противорѣчіе классовыхъ интересовъ рабочаго и капиталиста.

Предприниматель отдаетъ заработную плату п о с л ѣ выполненія работы. Исключенія изъ этого правила очень рѣдки. Слѣдовательно, рабочій, вообще говоря, ссужаетъ капиталисту свою рабочую силу, отдаетъ ее въ кредитъ: она потребляется раньше, чѣмъ оплачивается.

Благодаря этому, пріобрѣтаетъ для рабочаго особенное значеніе срокъ расплаты—недѣльный, двухнедѣльный, мѣсячный, и т. д. Отъ одной получки до другой работникъ принужденъ обыкновенно жить въ долгъ. Но лавочникъ, у котораго онъ покупаетъ предметы потребленія, оказываетъ кредитъ не даромъ. Чѣмъ рѣже выдается плата, тѣмъ затруднительнѣе при такихъ условіяхъ положеніе работника.

2. Величина заработной платы.

Вопросъ о высотѣ заработной платы представляетъ нѣкоторыя спеціальныя трудности для изслѣдованія. Прежде всего слѣдуетъ разсмотрѣть, какимъ способомъ возможно производить сравненіе величины заработной платы для различныхъ мѣстностей и періодовъ времени.

При натуральной формѣ платы такое сравненіе является еще довольно легкимъ: гдѣ работнику даютъ больше продуктовъ, тамъ и плата выше (разумѣется, если продукты одинаковые; въ противномъ случаѣ возможны только весьма приблизительныя сужденія).

При денежной формѣ платы затрудненія возрастаютъ. Если въ одномъ мѣстѣ работникъ получаетъ вдвое больше денегъ, чѣмъ въ другомъ, это еще не значитъ, что его дѣйствительная плата выше. Деньги не сами по себѣ важны для рабочаго, а потому, что онъ покупаетъ на нихъ предметы потребленія. Если въ одной странѣ заработная плата 2 рубля, а въ другой 1 рубль, но въ первой странѣ всѣ предметы

потребленія рабочихъ вдвое дороже, то действительная плата въ обоихъ случаяхъ должна считаться равной.

Такимъ образомъ, приходится различать номинальную, кажущуюся величину платы: столько-то рублей, копеекъ,—и реальную, действительную величину; чтобы составить себѣ понятіе о реальной платѣ, надо выяснить, какое количество предметовъ потребленія покупается на данную денежную плату: столько-то фунтовъ хлѣба, мяса, столько-то аршинъ полотна, и т. д.

Сравнивать прямо денежную плату можно только въ одной и той же мѣстности, въ одно и то же время; иначе легко получаются грубыя ошибки.

Это еще не всѣ трудности. Въ сужденіи о высотѣ заработной платы необходимо принимать во вниманіе также длину рабочаго дня и интенсивность труда,—вообще, количество затратъ трудовой энергіи. Если рабочіе одной страны получаютъ столько же за 10-часовой день, сколько рабочіе другой страны за 12-часовой, то плату вторыхъ слѣдуетъ, очевидно, признать ниже. Если рабочій день въ обоихъ случаяхъ равной длины, напр., 10 часовъ, но работа во второмъ случаѣ интенсивнѣе, то уровень заработной платы для второй страны ниже.

Въ экономической литературѣ, благодаря всѣмъ указаннымъ трудностямъ, нерѣдки нескончаемые споры о томъ, повысилась или понизилась заработная плата тамъ-то и за такой-то періодъ времени.

Во всякомъ случаѣ, заработная плата есть не что иное, какъ рыночная цѣна рабочей силы. Поэтому, въ среднемъ она приблизительно соотвѣтствуетъ стоимости рабочей силы.

Какъ было изложено, стоимость рабочей силы есть стоимость удовлетворенія привычныхъ потребностей работника и его семьи. По этому поводу надо сдѣлать еще нѣкоторыя поясненія.

1) Въ ряду привычныхъ потребностей работника искусственно развитыя имѣютъ почти такое же вліяніе на стоимость рабочей силы и высоту платы, какъ естественныя.

Наблюденія показали, что если гдѣ-нибудь заработная плата, въ силу благопріятныхъ условій, долго продержалась на повышенномъ уровнѣ, тамъ она уже рѣдко возвращается къ прежней величинѣ или падаетъ ниже ея. Рабочіе упорно отстаиваютъ повышенную плату, чтобы имѣть возможность жить сообразно вновь пріобрѣтеннымъ привычкамъ. Если же все-таки плата понижается, то нерѣдко оказывается, что рабочій уменьшаетъ потребленіе мяса, хлѣба, лишь бы имѣть возможность купить табаку, вина, чаю, книгъ и т. д.

2) Когда говорится, что въ стоимость рабочей силы входитъ стоимость удовлетворенія потребностей семьи работника, то при этомъ подразумѣвается именно семья средняго размѣра.

Далѣе при этомъ предполагается, что въ данномъ обществѣ изъ цѣлой семьи продаетъ свою рабочую силу, среднимъ числомъ, одинъ только человѣкъ, который и зарабатываетъ на всѣхъ членовъ семьи. Если же изъ семьи работаетъ не одинъ человѣкъ, а больше, то плата всѣхъ вмѣстѣ работниковъ должна, въ среднемъ, быть достаточна для удовлетворенія потребностей семьи.

Въ общемъ доля всего общественнаго продукта, достающаяся рабочему классу, должна быть достаточна для того, чтобы рабочая сила могла воспроизводиться, чтобы къ услугамъ капитала всегда было необходимое количество работниковъ той или иной квалификаціи (токари, слесари, столяры и т. д.). Это значитъ, что заработной платы должно хватать для поддержанія жизни рабочаго и продленія его рода. Ниже этого уровня она, въ общемъ, быть не можетъ, ибо въ противоположномъ случаѣ началось бы вымираніе наемныхъ рабочихъ, и капиталистической системѣ пришелъ бы конецъ. Что касается спеціально заработной платы квалифицированныхъ рабочихъ, то и по отношенію къ ней примѣнимъ тотъ же принципъ. Устойчивое сокращеніе заработной платы рабочаго, потратившаго на обученіе долгое время и нуждающагося въ опредѣленномъ уровнѣ жизни, повлекло бы за собой ослабленіе и ухудшеніе качества его собственной рабочей силы и прекратило бы подготовку новыхъ, подобныхъ ему работниковъ.

Послѣ этихъ замѣчаній о заработной платѣ вообще, можно перейти къ вопросу о заработной платѣ въ эпоху мануфактуръ и въ эпоху машинъ.

Трудъ остается даже въ развитой мануфактурѣ все еще ручнымъ, какъ и въ ремеслѣ. Поэтому, личное искусство работника попрежнему имѣетъ большое значеніе.

Различные виды труда при техническомъ его раздѣленіи оказываются проще или сложнѣе, требуютъ большаго или меньшаго искусства и обученія. По сложности работы, по степени искусства и обученія рабочіе мануфактуръ раздѣляются на разряды, для которыхъ заработная плата неодинакова.

Низшій разрядъ составляютъ такъ называемые чернорабочіе или неискусные работники—представители «простого» труда для эпохи мануфактуръ. Отъ нихъ не требовалось никакого спеціальнаго обученія, имъ поручались такія операціи, которыя можетъ исполнить всякій. Они получали наименьшую плату, соотвѣтственно своимъ весьма низко развитымъ потребностямъ. Обезземеленные крестьяне, бродяги большихъ дорогъ, нищіе—доставляли мануфактурамъ наибольшую часть контингента чернорабочихъ.

Искусные рабочіе составляли своего рода аристократію и получали гораздо больше чернорабочихъ. Между ними существовало также раздѣ-

леніе на болѣе мелкіе разряды по степени искусства и по размѣрамъ платы. Источникомъ искусныхъ рабочихъ являлся первоначально классъ разорившихся ремесленниковъ, а также бывшіе подмастерья.

Принимая во вниманіе, что заработная плата опредѣляется стоимостью рабочей силы, т.-е. стоимостью удовлетворенія жизненныхъ потребностей работника, нетрудно понять, что въ эпоху мануфактуръ могли существовать крупныя и постоянныя различія въ заработной платѣ: выполняя неодинаковую роль въ производствѣ, затрачивая въ процессѣ работы неодинаковое количество общественно-полезной трудовой энергіи, различные разряды работниковъ должны были имѣть и различный уровень потребностей: не даромъ они различались даже по происхожденію изъ болѣе зажиточныхъ и менѣе зажиточныхъ общественныхъ группъ. Но почему отдѣльный капиталистъ считается съ различнымъ уровнемъ потребностей своихъ работниковъ, почему онъ не сбавляетъ плату обученныхъ до размѣровъ платы чернорабочихъ? Вѣдь онъ не заботится о томъ, что обученіе работника чего-нибудь стоило; а объ интересахъ общества въ цѣломъ онъ не размышляетъ.

Во-первыхъ, само собой понятно, что обученные рабочіе энергично отстаиваютъ свой высокій уровень потребностей. Въ исторіи борьбы рабочихъ Англіи не разъ наблюдалось, что такіе рабочіе, при чрезмѣрномъ пониженіи платы, предпочитали переходить въ чернорабочіе, гдѣ плата еще ниже, но и затраты нервной энергіи гораздо меньше.— Во-вторыхъ, въ борьбѣ за плату они находятся въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ, гораздо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ необученные. Первыхъ—меньше, конкурренція между ними слабѣе, замѣнить ихъ труднѣе, словомъ—отношеніе спроса и предложенія для нихъ болѣе выгодно, и капиталисту особенно трудно сбавлять ихъ плату.

Насколько выгоднымъ являлось въ общемъ положеніе обученныхъ рабочихъ по отношенію къ предпринимателямъ мануфактуръ, можно видѣть изъ слѣдующаго соображенія. Если нѣсколько работниковъ, выполняющихъ отдѣльную, необходимую въ ряду другихъ и требующую искусства операцію, отказываются работать, то, при невозможности немедленно замѣнить ихъ новыми, хозяинъ зачастую оказывается вынужденъ на время прекратить все производство или уступить. Спросъ на искусныхъ рабочихъ со стороны развивающагося мануфактурнаго производства былъ такъ значителенъ, что нерѣдко они имѣли возможность предписывать условія хозяевамъ. Конечно, такъ было не всегда и не вездѣ.

Во всякомъ случаѣ, наиболѣе многочисленную часть пролетаріата составляли чернорабочіе и мало обученные работники. Выйдя изъ среды тѣхъ общественныхъ классовъ, которые были угнетены и экономически обезсилены до послѣдней крайности, они лишь съ чрезвычайной ме-

длинностью развивали свои потребности. Поэтому, въ вѣкѣ XVI, XVII заработная плата стояла вообще низко. Еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ къ обрабатывающей промышленности, это относится къ возникающему капиталистическому земледѣлію, гдѣ «искуснаго» труда вообще почти нѣтъ, а потребности трудящихся особенно неразвиты.

Въ предпріятіяхъ болѣе отсталаго типа, организованныхъ по домашне-капиталистическому способу, уровень заработка производителей приблизительно такой же, какъ въ мануфактурахъ, или еще ниже. Торговый капиталъ еще меньше заботится о производителѣ, чѣмъ промышленный, для котораго изнуренный, вырождающійся рабочій слишкомъ очевидно невыгоденъ.

Благопріятнымъ условіемъ для высоты заработной платы является въ эпоху мануфактуръ тотъ фактъ, что женскій и дѣтскій трудъ еще очень мало распространенъ: изъ всей семьи продаетъ свою рабочую силу обыкновенно только одинъ человѣкъ. Такимъ образомъ, продажа одной рабочей силы доставляетъ средства существованія для цѣлой семьи. Благодаря этому, женщина продолжаетъ играть въ семьѣ ту же «натурально-хозяйственную» роль, что и раньше: она ограничивается веденіемъ домашняго хозяйства.

Низкая заработная плата эпохи мануфактуръ соединяется обыкновенно съ не особенно продолжительнымъ рабочимъ днемъ и невысокой интенсивностью труда.

Въ началѣ періода мануфактуръ длина рабочаго дня мало отличается отъ той, какая существовала для ремесленныхъ подмастерьевъ въ эпоху процвѣтанія ремесла—9, 10 часовъ въ сутки; иногда она оказывается даже меньше этого. Одинъ писатель XVII вѣка горько жалуется на эгоизмъ и лѣность англійскихъ рабочихъ, которые, работая 4—5 дней въ недѣлю по 8 часовъ, получаютъ необходимыя средства къ жизни и совершенно не заботятся о томъ, чтобы трудиться побольше.

Для представителей сложнаго труда такая незначительная продолжительность рабочаго времени объясняется главнымъ образомъ ихъ благопріятнымъ положеніемъ па рынкѣ труда. Для представителей простого труда дѣло зависѣло преимущественно отъ крайней неразвитости ихъ потребностей: были слишкомъ слабы побужденія добиваться большей платы путемъ болѣе продолжительной работы. Тѣми же самыми причинами обусловливалась также сравнительно невысокая интенсивность труда.

Такое положеніе вещей заставляло законодательство того времени принимать мѣры противъ излишней «лѣности» и «эгоизма» рабочихъ. Сюда, прежде всего, надо отнести строгіе законы относительно «бро-

дягъ», т.-е. безработныхъ, которые непремѣнно должны были куда-нибудь наниматься, если желали избѣгнуть жестокихъ наказаній отъ плетей до висѣлицы включительно. Этимъ способомъ массы бездомнаго люда дисциплинировались для того, чтобы стать пригодными для цѣлей промышленнаго капитала и, увеличивая собою предложеніе труда, сдѣлать менѣе строптивыми остальныхъ. Но цѣль достигалась лишь въ незначительной степени.

Далѣе, закономъ регламентировался рабочій день: устанавливалась его наименьшая длина. Напр., англійскіе законы XVII вѣка опредѣляютъ ее въ 11—12 часовъ и, въ случаѣ заключенія договора на менѣе продолжительный рабочій день, подвергаютъ штрафу и хозяина, и рабочаго. На практикѣ подобные законы выполнялись нестрого: нерѣдко ихъ обходили различными уловками, а то и прямо нарушали.

Въ болѣе позднихъ стадіяхъ періода мануфактуръ дѣло измѣнилось, и не въ пользу рабочихъ. Продолжающееся обезземеленіе крестьянъ и упадокъ мелкаго производства все болѣе увеличивали численность пролетаріата. Ни мануфактурное производство, ни остатки ремесла не въ состояніи были дать достаточно заработка этой массѣ голоднаго люда. Конкурренція на рабочемъ рынкѣ все болѣе обострялась.

Тѣмъ не менѣе, длина рабочаго дня возрастала лишь очень постепенно. Точныя данныя привести трудно; однако, слѣдующій фактъ съ убѣдительностью доказываетъ, что даже въ самомъ концѣ мануфактурнаго періода рабочій день не отличался особенно большой продолжительностью. Въ 1770 году авторъ одного экономическаго изслѣдованія предлагаетъ такой проектъ. Чтобы избавить Англію отъ всѣхъ безработныхъ и праздношатающихся, слѣдуетъ устроить для нихъ громадный рабочій домъ, который былъ бы, по выраженію автора проекта, настоящимъ «домомъ ужаса». Заключенные должны тамъ получать необходимыя средства существованія, и за это работать «цѣлыхъ 12 часовъ въ сутки». Судя по тому, что для «дома ужаса» предлагался 12-тичасовой день, можно думать, что обычная длина рабочаго дня была значительно меньше.

Такъ обстояло дѣло на первыхъ ступеняхъ развитія капитализма.

Мануфактурное раздѣленіе труда порождало раздробленіе рабочаго класса на группы съ различной высотою заработной платы соотвѣтственно различной сложности исполняемаго труда, различному обученію и искусству работниковъ. Одного рабочаго класса, благодаря этому, не было, а существовало множество классовъ рабочихъ, находившихся въ довольно несходныхъ матеріальныхъ условіяхъ жизни.

Устраняя мануфактурное разложеніе труда, замѣняя его спеціализаціей машинъ, машинное производство стремится устранить и прежнія

различія въ заработной платѣ, стремится уравнять ее для всѣхъ работниковъ. Если, благодаря машинѣ, все болѣе сходною становится производственная роль различныхъ работниковъ, то необходимо должно становиться сходнымъ и ихъ матеріальное положеніе.

Для работы при машинѣ требуется такъ мало обученія, что всякій можетъ пройти его въ сравнительно короткое время. Всѣ прежніе разряды рабочихъ постепенно сводятся къ одному, который во многомъ подходитъ къ чернорабочимъ. Главная разница та, что работникъ при машинѣ долженъ непремѣнно обладать нѣкоторымъ общимъ развитіемъ, нѣкоторой интеллигентностью: иначе рискованно и невыгодно было бы поручать ему машину, сложный механизмъ которой надо хоть сколько-нибудь понимать, чтобы всегда целесообразно управлять имъ. И чѣмъ машина автоматичнѣе, чѣмъ менѣе она требуетъ отъ работника прямого физическаго вмѣшательства въ ея работу, тѣмъ больше она требуетъ отъ него чисто психической работы—напряженнаго вниманія, соединеннаго съ сознательнымъ отношеніемъ къ дѣлу, съ пониманіемъ смысла и назначенія различныхъ частей механизма, ихъ взаимной связи въ работѣ.

Такимъ образомъ, подобно ручному труду чернорабочихъ, трудъ работниковъ при машинѣ превращается въ простой трудъ, т.-е., требующій наименьшей суммы обученія и развитія, при какой возможно участіе въ общественномъ производствѣ. Но въ эту наименьшую сумму входитъ нѣкоторая общая интеллигентность работника, и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе значительная.

Съ большей интеллигентностью необходимо связанъ болѣе высокій уровень потребностей, а слѣдовательно,—и болѣе высокая заработная плата. Такимъ образомъ, хотя каждый капиталистъ стремится возможно больше понижать заработную плату, но потребности производства заставляютъ его мириться съ фактическимъ ея повышеніемъ: если бы даже ему и удавалось временно преодолѣвать стремленіе рабочихъ къ такому повышенію, подавлять ихъ требованія, то сами они, при недостаточномъ удовлетвореніи ихъ повышенныхъ потребностей, оказались бы мало приспособленными къ работѣ съ машиной, а это было бы невыгодно и для него.

Кромѣ представителей «простого машиннаго» труда, въ производствѣ, какъ было указано, продолжаетъ принимать участіе также особая группа представителей сложнаго труда—интеллигентно-техническій персоналъ: ученые механики, технологи, химики, спеціалисты по общей организаціи предпріятій—директора, бухгалтеры и т. д. Этотъ сравнительно немногочисленный слой, по своей заработной платѣ, значительно отличается отъ простыхъ рабочихъ. Какъ средняя группа между

предпринимателями и рабочими, онъ при развитомъ капитализмѣ не можетъ, вообще, причисляться къ рабочему классу [1]).

Уже въ мануфактурный періодъ капитализма женскій и дѣтскій трудъ примѣняется въ производствѣ, но только въ весьма небольшихъ размѣрахъ. Для ручного труда мануфактуры нужна въ большинствѣ случаевъ такая физическая сила, какой не обладаютъ женщины и дѣти,—сила взрослыхъ мужчинъ. Поэтому, въ эпоху мануфактуръ женщины и дѣти рѣдко оказывали конкурренцію мужчинамъ продажею своей рабочей силы [1]).

При машинномъ производствѣ ручного труда мало, большая часть работъ не требуетъ физической силы взрослаго человѣка. Поэтому работа женщинъ и подростковъ начинаетъ находить все больше примѣненія; а тамъ гдѣ не требуется не только физической, но и психической силы взрослаго человѣка, тамъ выступаетъ на сцену трудъ дѣтей. Въ массѣ случаевъ для капиталиста является уже выгоднымъ замѣнить взрослыхъ мужчинъ болѣе дешевыми, хотя и болѣе слабыми работниками.

Въ результатѣ—конкурренція между рабочими усиливается, благодаря появленію на рынкѣ массы новыхъ рабочихъ силъ. Заработная плата падаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе возрастаетъ примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда. Нетрудно выяснить, гдѣ лежитъ та норма, къ которой стремится плата въ своемъ пониженіи. По закону стоимости, заработная плата должна соотвѣтствовать цѣнѣ обычныхъ средствъ потребленія рабочей семьи; но теперь это заработная плата не одного мужчины, какъ было раньше, а вмѣстѣ всѣхъ продающихъ свою ра-

---

[1]) Тѣмъ не менѣе, машинному капитализму свойственна тенденція сблизить эту группу по производственной роли, общественному положенію и психологіи съ группами менѣе сложнаго труда. Тенденція эта съ наибольшей силой дѣйствуетъ на низшую, болѣе многочисленную часть интеллигентно-техническаго персонала, которая и теряетъ мало-по-малу свою нижнюю границу, сливаясь съ непривиллегированной частью рабочихъ. Но такова тенденція развитія другой, меньшей части техническаго персонала, занимающей болѣе высокое положеніе на службѣ у капиталистовъ, болѣе близкой къ нимъ и по происхожденію, и по привычкамъ: по мѣрѣ прогресса экономическихъ отношеній, по мѣрѣ возрастанія ихъ опредѣленности, эта высшая часть интеллигентнаго персонала рѣшительно примыкаетъ къ предпринимательскому классу.

[2]) Гораздо больше примѣняется женскій и дѣтскій трудъ въ домашне-капиталистическомъ производствѣ; это зависитъ отъ того, что особенно жестокій характеръ эксплоатаціи мелкаго производителя торговымъ капиталомъ принуждаетъ хозяина мелкаго предпріятія въ свою очередь безпощадно эксплоатировать силы своей семьи, не обращая вниманія на несоотвѣтствіе работы съ силами трудящихся. Капиталисту мануфактуры выгоднѣе вести дѣло при помощи физически сильныхъ взрослыхъ рабочихъ; хотя имъ платить приходится больше, но при ручномъ трудѣ ихъ рабочая сила настолько превосходитъ рабочую силу женщинъ и дѣтей, что прибавочной стоимости отъ первыхъ можно получить все-таки сравнительно больше.

бочую силу членовъ семьи. Какъ прежде, такъ и теперь семья получаетъ, въ среднемъ, необходимыя средства существованія; разница лишь та, что въ капиталистическомъ производствѣ принимаетъ участіе уже не одинъ глава семьи, но также и его жена и дѣти.

Размѣры примѣненія женскаго и дѣтскаго труда возрастаютъ съ развитіемъ капитала. Въ Россіи, странѣ только съ недавнихъ поръ капиталистической, женщины на фабрикахъ въ началѣ XX вѣка составляли немного болѣе $^1/_4$, подростки около $^1/_{12}$, дѣти около $^1/_{40}$ всѣхъ работающихъ; спеціально же въ прядильно-ткацкой промышленности, гдѣ женскій трудъ примѣняется очень широко, женщины составляли около $^2/_5$ общаго числа рабочихъ. Въ старой, капиталистической странѣ—Англіи отношеніе уже иное; такъ, въ прядильно-ткацкой промышленности мужчины тамъ составляли немного болѣе четверти, женщины больше половины, подростки около $^1/_{12}$ и почти столько же дѣти до 13 лѣтъ.

Разница въ заработной платѣ мужчинъ, женщинъ и дѣтей довольно значительна. Такъ, на фабрикахъ и заводахъ московскаго района средняя плата мужчины была въ 2 раза больше платы женщины и въ 3 раза больше платы ребенка. Различія эти только отчасти зависятъ отъ меньшей способности женщинъ и дѣтей къ работѣ. Если сравнить плату за совершенно одинаковое количество работы, то оказывается, что мужчина все-таки получитъ больше, женщина меньше, ребенокъ еще меньше. Причина заключается въ томъ, что на рабочемъ рынкѣ женщины и дѣти въ меньшей степени способны отстаивать себя, что они въ общемъ менѣе сознательны и менѣе энергично борются за свои интересы.

Соціальные результаты женскаго и дѣтскаго труда весьма сложны и имѣютъ частью отрицательный, частью положительный характеръ.

Усилившаяся конкурренція между рабочими ставитъ каждаго изъ нихъ въ большую, чѣмъ прежде, зависимость отъ предпринимателя; рабочаго становится легче замѣнить, въ немъ меньше нуждаются, чѣмъ прежде. Число безработныхъ увеличивается.

Для женщинъ и особенно для дѣтей фабричная работа означаетъ, въ большинствѣ случаевъ, преждевременное истощеніе организма; это истощеніе нерѣдко доходитъ до такой степени, что влечетъ за собою настоящее вырожденіе рабочихъ.

Работа беременныхъ женщинъ дурно отзывается на здоровьѣ ихъ будущихъ дѣтей: дѣти рождаются слабыми, имѣютъ видъ недоношенныхъ и подвержены усиленной смертности. Къ тому же у работницы-матери слишкомъ мало времени для ухода за ребенкомъ.

Нѣсколько подросши—иногда уже съ 6—8 лѣтъ, если этому не препятствуютъ законы—ребенокъ самъ нанимается на фабрику. О фи-

зической слабости такихъ дѣтей свидѣтельствуютъ не только фабричные инспектора, но и сами предприниматели. (Въ Англіи до изданія фабричныхъ законовъ восьмилѣтнія дѣти работали на фабрикахъ часовъ по 14 въ сутки).

Продолжительный фабричный трудъ не только изнуряетъ тѣло дѣтей, онъ еще убиваетъ въ корнѣ ихъ умственныя силы, дѣлаетъ дѣтей тупыми, одичалыми, неспособными къ развитію, иногда доводитъ прямо до идіотизма. Изъ такихъ дѣтей выростаютъ люди, лишенные всякой самостоятельности, всякой нравственной энергіи, существа безотвѣтныя и безпомощныя, непригодныя ни на что кромѣ роли пассивнаго орудія въ чужихъ рукахъ.

Совмѣстная ночная работа мужчинъ, женщинъ и дѣтей является для рабочаго класса опаснымъ источникомъ половой развращенности.

Фабричный трудъ женщинъ и дѣтей разрушаетъ рабочую семью, отчуждая жену отъ мужа, мать отъ дѣтей. Съ этимъ связана масса такихъ страданій, какихъ не знали предыдущія эпохи жизни человѣчества.

Но въ то же время женщина выходитъ изъ прежняго рабскаго положенія въ семьѣ. Становясь самостоятельной работницей, пріобрѣтая, такимъ образомъ, экономическую независимость, она постепенно достигаетъ фактической равноправности съ мужемъ. Положеніе дѣтей въ семьѣ также становится менѣе безправнымъ.

Основное же значеніе женскаго и дѣтскаго труда заключается въ томъ возрастаніи производительныхъ силъ общества, которое достигается болѣе полнымъ участіемъ женщинъ и дѣтей въ общей системѣ сотрудничества. Изъ этого вытекаютъ отмѣченные положительные результаты примѣненія женскаго и дѣтскаго труда; результаты же отрицательные вытекаютъ только изъ современной капиталистической формы этого примѣненія, и не являются необходимыми при всякихъ общественныхъ условіяхъ, — напр., могутъ чрезвычайно ослабляться даже соотвѣтственно направленнымъ фабричнымъ законодательствомъ; тѣмъ болѣе необязательны они при коренномъ переустройствѣ общества.

3. Резервная армія капитализма.

Женскій и дѣтскій трудъ еще далеко не главная причина, вызывающая увеличеніе числа безработныхъ. Болѣе существенная причина — то быстрое повышеніе производительности труда, которое достигается при помощи машинъ и дѣлаетъ многихъ рабочихъ лишними для капиталистическаго производства, устраняетъ ихъ отъ производственной

дѣятельности. Этимъ путемъ создается такая масса безработныхъ, какой не могло быть въ предыдущіе періоды общественнаго развитія.

Въ общей системѣ капиталистическихъ отношеній и эта часть рабочаго класса не лишена производственнаго значенія. Она служитъ резервомъ для потребности производства въ рабочей силѣ. Когда благопріятныя условія рынка побуждаютъ предпринимателей расширить производство, тогда эта резервная армія промышленности является къ ихъ услугамъ, такъ что въ рабочей силѣ недостатка не оказывается.

Расширяясь, производство привлекаетъ нѣкоторую часть резерва, и онъ временно уменьшается. Но развитіе техники или съуженіе рынка снова дѣлаетъ излишнею въ производствѣ нѣкоторую часть прежде занятыхъ рабочихъ. (Особенно сильно дѣйствуютъ въ этомъ направленіи кризисы производства, о которыхъ придется говорить въ послѣдующемъ). Появленіе новыхъ машинъ, вызывая быстрое увеличеніе резерва, обусловливаетъ затѣмъ его постепенное уменьшеніе. Машина понижаетъ цѣну товаровъ, такъ что они становятся доступными для болѣе широкаго круга покупателей; расширеніе спроса позволяетъ расширить производство; соотвѣтственно этому, вытѣсненныя машиной рабочія руки вновь находятъ мѣсто въ производствѣ. Однако, резервная армія далеко не всегда возвращается полностью къ своимъ занятіямъ: нерѣдко уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ оказывается не временнымъ, а постояннымъ. Такъ, напр., въ Англіи за періодъ 1830—45 года, несмотря на расширеніе хлопчатобумажнаго производства на 142%, число занятыхъ въ немъ рабочихъ уменьшилось на 4%.

Въ общемъ, съ прогрессомъ машиннаго производства резервъ возрастаетъ. Своей конкурренціей съ занятыми рабочими онъ тяжело давитъ на высоту заработной платы. Развитіе путей сообщенія стремится предоставить резервную армію каждой отдѣльной страны, даже всѣхъ странъ вмѣстѣ, къ услугамъ каждаго отдѣльнаго предпринимателя, такъ что безработица въ однѣхъ мѣстностяхъ вліяетъ на рабочій рынокъ другихъ.

Кромѣ собственно рабочихъ, быстрый прогрессъ техники вытѣсняетъ изъ производства также самостоятельныхъ мелкихъ производителей, которые жили ручнымъ трудомъ и не могутъ конкуррировать съ машинами. Въ странахъ технически отсталыхъ, быстро, а не постепенно вводящихъ машины, или сразу становящихся рынками для машиннаго производства болѣе развитыхъ странъ, этимъ путемъ создается въ короткое время громадный «резервъ» для крупной промышленности, изъ котораго большая часть вымираетъ раньше, чѣмъ дѣйствительно понадобится капиталу. Такое вліяніе имѣли, напр., въ Остъ-Индіи въ 30-хъ годахъ англійскія хлопчатобумажныя машины. Если же есть возможность, вновь созданная безработная армія отправляется искать работы въ болѣе

развитыя капиталистическія страны. Такъ, разоренные силою европейскаго и нарождающагося китайскаго капитала мелкіе китайскіе производители массами появляются на западномъ берегу Америки. Ихъ конкурренція оказываетъ угнетающее дѣйствіе на мѣстный рабочій рынокъ, тѣмъ болѣе что при крайне низкомъ уровнѣ потребностей они за невѣроятно дешевую цѣну продаютъ свою рабочую силу. Все это относится не только къ цѣлымъ экономически отсталымъ странамъ, какъ Китай, попадающимъ въ сферу дѣйствія европейскаго капитала; это относится также къ экономически отсталымъ частямъ отдѣльныхъ капиталистическихъ обществъ. По мѣрѣ того, какъ промышленное развитіе захватываетъ такія отсталыя области—обезземеливаетъ крестьянъ, разоряетъ кустарей и ремесленниковъ,—оттуда возникаетъ наплывъ рабочей силы въ промышленные центры, на рабочій рынокъ крупнаго производства. Такъ было и въ Россіи. На фабрикахъ и заводахъ нерѣдко возникали столкновенія между коренными рабочими и пришлыми изъ крестьянъ, благодаря тому, что эти послѣдніе сбивали плату.

Нѣкоторое понятіе о современныхъ размѣрахъ промышленнаго резерва и его колебаніяхъ могутъ дать слѣдующія цифры. Въ 1856 году въ Англіи, по офиціальнымъ спискамъ, насчитывалось 880.000 лицъ, пользующихся общественной милостыней изъ налога для бѣдныхъ. Въ 1863—64 году, вслѣдствіе кризиса въ хлопчатобумажной промышленности, число это дошло до 1.080.000. Это еще неполныя цифры безработицы: далеко не всякій нуждающійся рѣшится прибѣгнуть къ общественной благотворительности; многихъ удерживаетъ чувство собственнаго достоинства; особенно, когда человѣкъ принадлежитъ къ резервной арміи лишь наполовину, т.-е. не совсѣмъ лишился работы, а только имѣетъ ея недостаточно. Для начала нынѣшняго вѣка цифра безработнаго населенія Англіи опредѣлялась наиболѣе компетентными изслѣдователями въ 1 милліонъ лѣтомъ и въ 1.750.000 зимою, не считая тѣхъ, которые живутъ всецѣло на счетъ общественной благотворительности. Для Германіи же въ концѣ 1895 г., т.-е. въ эпоху чрезвычайно быстраго развитія промышленности, офиціальныя данныя насчитывали 771.000 безработныхъ. Данныя по статистикѣ безработныхъ за болѣе или менѣе продолжительные періоды имѣются только для Англіи и Франціи, но и тѣ касаются лишь организованныхъ рабочихъ, получающихъ въ случаѣ безработицы поддержку отъ своихъ союзовъ. Эти данныя показываютъ, что въ Англіи безработные за 19 лѣтъ (1888—1906 г.) составляли въ среднемъ 4,4% общаго числа рабочихъ, входящихъ въ союзы, при чемъ эта цифра лишь въ одномъ году спускается до 2,1%, но зато въ другіе подымается до 7½%. Не менѣе показательными являются данныя для Франціи за 12 лѣтъ (1895—1906 г.г.), охватывающія, правда, еще меньшее количество рабочихъ,

чѣмъ въ Англіи. Среднее число безработныхъ составляло здѣсь за указанный періодъ 8,2%. Но эти цифры, конечно, явно преуменьшенныя, потому что рабочіе, которыхъ онѣ касаются, были организованы и, слѣдовательно, меньше остальныхъ подвержены безработицѣ.

Въ странахъ отсталыхъ, быстро вводящихъ крупное капиталистическое производство, какъ Россія, цифры резервной арміи должны быть относительно не меньше, если не больше, чѣмъ въ странахъ развитыхъ. Но для первыхъ гораздо труднѣе сдѣлать подсчетъ, потому что преобладаетъ скрытая форма безработицы. Крестьянинъ, принужденный оставить подсобные промыслы и потому имѣющій производительную работу только во время земледѣльческаго сезона,—кустарь, сокращающій производство вслѣдствіе уменьшенія спроса со стороны торговаго капитала,—принадлежатъ въ извѣстной мѣрѣ къ производственно-излишнему при данныхъ условіяхъ населенію, хотя, по внѣшности, остаются самостоятельными мелкими производителями.

Безработная часть рабочаго класса представляетъ изъ себя наиболѣе чистую форму о т н о с и т е л ь н а г о п е р е н а с е л е н і я.

Средства существованія капиталистическаго резерва разнообразны и неустойчивы: прежнія трудовыя сбереженія, общественная благотворительность, воровство, проституція и т. д. При этомъ, вообще, и рѣчи не можетъ быть о полномъ удовлетвореніи потребностей: голодъ, холодъ, нужда, вплоть до смерти отъ истощенія.

4. Рабочія организаціи.

При существованіи промышленнаго резерва условія рыночной конкурренціи становятся въ особенно сильной степени неравными для капиталиста и рабочаго. Среди рабочихъ, естественно, возникаетъ стремленіе хоть сколько-нибудь ослабить результаты этого неравенства условій.

Единственный способъ уменьшить невыгоды, возникающія изъ чрезмѣрной конкурренціи, это уменьшить самую конкурренцію. На такой путь и вступилъ рабочій классъ. Стали возникать и развиваться различныхъ типовъ п р о м ы ш л е н н ы я о р г а н и з а ц і и р а б о ч и х ъ.

Явленія этого не знала мануфактурная эпоха капитализма съ ея крайнимъ разъединеніемъ рабочаго класса, возникающимъ изъ мануфактурнаго раздѣленія труда. Устраняя это раздѣленіе, дѣлая все болѣе сходною производительную роль различныхъ работниковъ, уравнивая заработную плату, машинное производство создаетъ почву для ассоціацій. Объединяя массы людей въ одной мастерской, за однимъ дѣломъ, которое ведется по строго опредѣленнымъ правиламъ, промышленный капитализмъ пріучаетъ работниковъ къ единенію, воспи-

тываетъ въ нихъ духъ дисциплины—необходимая предпосылка для прочности и практическаго успѣха какихъ бы то ни было организацій.

Таковы основныя экономическія условія, благодаря которымъ стало возможнымъ возникновеніе и развитіе современныхъ рабочихъ организацій различнаго типа (профессіональные союзы или трэдъ-юніоны, политическіе союзы, производительныя, потребительныя товарищества и проч.).

Раньше всего профессіональные союзы стали складываться въ Англіи—странѣ, въ которой раньше всего выступило на сцену машинное производство. Первый трэдъ-юніонъ современнаго типа явился въ 1794 году, слѣдовательно, именно въ эпоху великаго техническаго переворота, перехода отъ мануфактуры къ машинѣ. Въ прочихъ странахъ распространеніе союзовъ происходило, вообще, по мѣрѣ распространенія промышленнаго капитализма. Всюду развитіе шло съ возрастающей скоростью [1]).

Первичная, наиболѣе простая, наименѣе устойчивая и въ то же время наименѣе совершенная форма рабочей организаціи есть стачка—случайное, временное объединеніе рабочихъ на почвѣ какой-нибудь частной практической цѣли, выражающееся обыкновенно въ совмѣстномъ прекращеніи работы. Непосредственное значеніе стачекъ заключается въ томъ, что при благопріятныхъ условіяхъ онѣ могутъ вести къ частнымъ улучшеніямъ въ матеріальномъ положеніи рабочихъ. Кромѣ того, нерѣдко стачки служили толчкомъ къ созданію болѣе опредѣленныхъ и болѣе прочныхъ организацій, каковы, напр., профессіональные союзы.

Профессіональные союзы представляютъ наиболѣе распространенную

---

[1]) Изслѣдуя вопросъ о формахъ и быстротѣ развитія подобныхъ организацій, приходится, конечно, принимать во вниманіе не только основныя экономическія отношенія—производственныя отношенія работниковъ и ихъ участіе въ распредѣленіи, но также и условія производнаго характера: состояніе народнаго образованія, политическія условія,—особенно законы о союзахъ и т. д. Насколько важно въ этомъ смыслѣ состояніе народнаго образованія (условіе, реально неотдѣлимое отъ общаго развитія производительныхъ силъ), можно судить по тому факту, что наиболѣе образованныя изъ государствъ западнаго міра—Соединенные Штаты, Англія, Германія—отличаются и наибольшимъ количествомъ рабочихъ ассоціацій. О значеніи свободы союзовъ (которая сама, конечно, зависитъ отъ взаимнаго отношенія силъ пролетаріата и другихъ группъ общества) даетъ нѣкоторое понятіе слѣдующій примѣръ. Въ 1868 г. французское законодательство допустило рабочіе союзы, но установило для нихъ извѣстныя ограниченія: черезъ 16 лѣтъ, въ 1884 году, во Франціи насчитывалось 283 союза. Законъ 1884 года отмѣнилъ послѣднія ограниченія—и за 7 лѣтъ, къ 1891 году, число организацій увеличилось почти вчетверо—до 1,127; къ началу войны насчитывалось свыше 5000 организацій съ числомъ членовъ, превышающимъ 1 милліонъ. Число рабочихъ, объединенныхъ въ профессіональные союзы составляло въ Англіи (въ 1910 г.) свыше 4 милліоновъ, и въ Германіи около 3 милліоновъ.

форму рабочихъ организацій. Онѣ складываются въ существенныхъ чертахъ по одному и тому же типу и преслѣдуютъ приблизительно сходныя цѣли. Типъ этотъ—болѣе или менѣе централистическое объединеніе, построенное на выборномъ началѣ, цѣли—повышеніе матеріальнаго уровня жизни посредствомъ взаимопомощи въ случаяхъ болѣзни, несчастій и пр., веденіе переговоровъ съ предпринимателями относительно заработной платы, а главнымъ образомъ—борьба съ ними, устройство стачекъ и т. д.; нерѣдко также повышеніе умственнаго и нравственнаго уровня посредствомъ библіотекъ, товарищескаго суда и т. п.

Профессіональные союзы вначалѣ объединяютъ чаще всего рабочихъ одного предпріятія, далѣе—одного рода предпріятій, далѣе—нѣсколькихъ близкихъ между собою отраслей производства; при этомъ они ограничиваются предѣлами одного города, одной области, одного государства. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ они заходятъ и дальше всѣхъ указанныхъ рамокъ—становятся международными, или въ одной странѣ сливаются въ обширныя федераціи рабочихъ союзовъ весьма различныхъ отраслей промышленности.

Профессіональные союзы въ наибольшей мѣрѣ способны ослаблять конкурренцію между рабочими на рынкѣ труда. Отсюда—опредѣленная связь между развитіемъ союзовъ и высотой платы: страны съ значительнымъ распространеніемъ профессіональныхъ союзовъ, именно Америка, гдѣ въ трэдъ-юніонахъ состоитъ треть всѣхъ рабочихъ, и Англія, гдѣ къ нимъ принадлежитъ четверть рабочихъ, отличаются болѣе высокой платой; плата рабочихъ принадлежащихъ къ союзамъ, выше, чѣмъ не принадлежащихъ. Въ Англіи, по старымъ цифрамъ Джиффена, съ 1843 года по 1883 норма прибавочной стоимости понизилась въ $1^1/_2$ раза: именно, въ 1843 году доходъ ремесленниковъ и рабочихъ составлялъ 171 милліонъ, прочихъ классовъ 342 милл. фунт. стерл., норма прибавочной стоимости около $200^0/_0$; въ 1883 году соотвѣтствующія цифры—550 милл. и 720 милліоновъ,—норма прибавочной стоимости около $130^0/_0$. По одному изъ новѣйшихъ и, можетъ быть болѣе точныхъ расчетовъ на долю рабочихъ приходится, однако, только 500 милліоновъ, на долю другихъ классовъ 800 милл., норма прибавочной стоимости $160^0/_0$.

Существенно измѣнить условій жизни рабочихъ профессіональныя организаціи не могутъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока охватываютъ не наибольшую часть рабочаго класса. Рабочіе, стоящіе внѣ профессіональныхъ союзовъ, оказываютъ сильную конкурренцію членамъ союзовъ. Притомъ тѣ улучшенія въ условіяхъ труда, которыя достигаются экономической борьбою профессіональныхъ союзовъ, не могутъ считаться прочными: капиталисты, выждавъ болѣе удобнаго для себя

момента, когда на рынкѣ труда спросъ на рабочія руки малъ, а предложеніе велико, вновь уменьшаютъ плату, удлиняютъ рабочій день и т. под.; рабочимъ приходится тогда или подчиняться, или начать новую борьбу при самыхъ невыгодныхъ, самыхъ тяжелыхъ условіяхъ.

Все это приводитъ рабочихъ къ убѣжденію, что необходимо законодательное закрѣпленіе сдѣланныхъ ими въ экономической борьбѣ завоеваній, законодательныя улучшенія условія труда. Необходимо, чтобы государственная власть охраняла жизнь, здоровье, интересы рабочихъ, чтобы къ этому ее обязывали соотвѣтственные законы. Но такъ какъ государство вообще есть организація классоваго господства, а современное государство—организація господства буржуазіи, то его только путемъ принужденія, только путемъ борьбы можно заставить издать и соблюдать законы, ограждающіе интересы рабочаго класса. Отсюда—политическая борьба пролетаріата за фабричные законы, за законы о сокращеніи рабочаго дня, о вознагражденіи за несчастія отъ машинъ, о страхованіи на случай болѣзни и старости и т. п. Борьба эта ведется путемъ стачекъ, путемъ демонстрацій, ведется и неорганизованными рабочими массами, и профессіональными союзами, и политическими рабочими организаціями. Ея завоеванія гораздо прочнѣе и надежнѣе, чѣмъ тѣ, которыя достигаются чисто экономической борьбой, а кромѣ того—они гораздо шире охватываютъ жизнь рабочихъ массъ, потому что законы издаются обыкновенно не для отдѣльныхъ предпріятій или группъ ихъ, но для цѣлыхъ отраслей промышленности, или даже для всѣхъ нихъ сразу.

Такая политическая борьба не захватываетъ, однако, самыхъ основъ экономической системы, и потому она все-таки можетъ только до извѣстной степени улучшить и смягчить условія жизни рабочаго класса, но не измѣнить ихъ по существу. Коренная необезпеченность продолжаетъ тяготѣть надъ всей жизнью рабочаго; при самыхъ лучшихъ фабричныхъ законахъ онъ можетъ во всякое время остаться безъ работы и безъ средствъ къ жизни, потому что остается прежняя анархія производства, прежняя стихійная власть рынка. Если вводится новая машина, или уменьшается на рынкѣ спросъ на тотъ или на иной товаръ, капиталисты принуждены выбрасывать на улицу десятки, сотни, тысячи рабочихъ; и этимъ выброшеннымъ никто и ничто при капиталистическомъ строѣ не можетъ гарантировать, что они найдутъ заработокъ. Передъ рабочимъ классомъ, когда онъ доходитъ до яснаго сознанія этой коренной необезпеченности и до сознанія ея зависимости отъ самыхъ основъ капиталистическаго строя, выступаетъ вопросъ о коренномъ преобразованіи общественнаго строя, объ измѣненіи его основъ, устраняющемъ анархію производства. Тогда рабочій классъ начинаетъ организоваться для борьбы за уничтоженіе частной собствен-

кости на землю и всѣ средства труда, и за передачу всего этого въ собственность общества, какъ цѣлаго, планомѣрно-организующаго производство. Эта борьба за соціализмъ ведется, конечно, также въ формѣ политической борьбы, и она-то создаетъ общую для цѣлой страны политическую организацію рабочаго класса и международный союзъ такихъ организацій—соціалистическія партіи и рабочій интернаціоналъ.

Въ этой борьбѣ за коренное переустройство соціальной системы профессіонально-экономическая борьба и борьба за фабричные законы получаютъ новое значеніе, какъ средства на пути къ конечной цѣли, какъ способъ развивать энергію и организованность и практическія способности рабочаго класса въ его основной борьбѣ.

Въ странахъ несвободныхъ, гдѣ господствующіе буржуазные, а въ самыхъ отсталыхъ странахъ—и феодальные классы стѣсняютъ въ своихъ интересахъ всякую политическую жизнь рабочаго класса и всякое развитіе его самосознанія, тамъ и борьба профессіонально-экономическая и борьба за фабричные законы, и борьба за соціализмъ вызываютъ, какъ свое необходимое средство и условіе, борьбу за гражданскую свободу и демократическое государственное устройство. Въ этой борьбѣ рабочій классъ можетъ находить себѣ союзниковъ въ сознательныхъ крестьянахъ, ремесленникахъ, въ представителяхъ плохо оплачиваемаго умственнаго труда—вообще, въ низшихъ классахъ буржуазнаго общества, экономически и политически угнетаемыхъ классами высшими.

Профессіональная борьба и борьба за фабричные законы особенно широко и успѣшно развивается въ странахъ съ наиболѣе обширнымъ рынкомъ, а значитъ, и наиболѣе обширнымъ спросомъ на рабочую силу: таковы были до 900-хъ годовъ Англія и Америка. Движеніе же соціалистическое наиболѣе сильно выступало не въ этихъ странахъ, и вообще не въ тѣхъ, которыя всего дальше ушли по пути развитія промышленнаго капитала, а скорѣе въ тѣхъ, которыя отличались наиболѣе быстрымъ его развитіемъ, какъ Германія. Но затѣмъ, на почвѣ завоеваній этого движенія, и профессіональная борьба и фабричные законы развивались съ такой быстротой, что и въ этомъ отношеніи такія страны быстро догоняли страны стараго капитализма.

Особую форму рабочихъ организацій представляютъ «кооперативы», потребительныя и ссудо-сберегательныя товарищества, которыя, впрочемъ, не менѣе распространены въ средѣ крестьянства и городской мелкой буржуазіи, чѣмъ въ собственно рабочей средѣ. Цѣль подобныхъ организацій—улучшеніе условій жизни рабочихъ путемъ коммерческихъ операцій: болѣе дешевой оптовой покупки жизненныхъ средствъ (потребительныя товарищества), мелкаго взаимнаго кредита (ссудо-сберегательныя), и т. п. Всеобщаго улучшенія въ матеріальныхъ условіяхъ

жизни рабочихъ такія организаціи вызвать сами по себѣ, независимо отъ профессіональныхъ и политическихъ союзовъ, не могутъ, ибо если бы онѣ и охватили весь рабочій классъ, то покупатели рабочей силы получили бы возможность немедленно понизить заработную плату на такую сумму, какая сберегается для каждаго рабочаго его участіемъ въ подобныхъ ассоціаціяхъ; и только дѣятельность профессіональныхъ, политическихъ и т. п. союзовъ можетъ упрочить пріобрѣтенное повышеніе уровня жизни. Въ общемъ процессѣ экономическаго развитія значеніе потребительныхъ и ссудо-сберегательныхъ ассоціацій таково, что онѣ ускоряютъ своей конкурренціей гибель мелкихъ торговцевъ и мелкихъ ростовщиковъ.

Особенно важны кооперативы крестьянскіе. Они содѣйствуютъ сплоченію разрозненной массы мелкихъ крестьянъ-хозяевъ, облегчаютъ ей самозащиту отъ ростовщичества-кулачества, помогаютъ улучшать технику производства, сообща заводя усовершенствованныя орудія и машины, недоступные по цѣнѣ отдѣльному хозяину, закупая высшаго сорта сѣмена, устраивая также нерѣдко общій сбытъ крестьянскихъ продуктовъ. Кооперативы смѣшанные, гдѣ рабочіе участвуютъ вмѣстѣ съ интеллигентными служащими и мелкой буржуазіей, являются наименѣе прогрессивнымъ типомъ: они не облегчаютъ, а затрудняютъ классовое сплоченіе, и часто заставляютъ рабочихъ—особенно, когда они въ меньшинствѣ—подчиняться чуждымъ классовымъ интересамъ.

Особый типъ кооперативовъ представляютъ производительныя товарищества. Это группы рабочихъ, имѣющія въ своемъ распоряженіи средства производства и ведущія собственныя предпріятія. Такимъ образомъ, члены этихъ ассоціацій являются и предпринимателями, и рабочими одновременно. Подобныя организаціи способны довольно значительно улучшить матеріальное положеніе своихъ членовъ, устраняя переходъ прибыли въ руки капиталиста.

Но только въ рѣдкихъ случаяхъ производительныя ассоціаціи могутъ основываться безъ посторонней помощи (въ родѣ, напр., помощи отъ государства): при современной техникѣ для начала предпріятія необходимъ, обыкновенно, значительный капиталъ. Далѣе, веденіе дѣла производительной ассоціацией представляетъ большія трудности: непривычка рабочихъ къ совмѣстной организаторской дѣятельности въ производствѣ, незначительность ихъ капитала, враждебное отношеніе капиталистовъ, которымъ при ихъ крупныхъ средствахъ иногда удается конкурренціей подорвать предпріятіе рабочихъ, и т. д.

Организуясь среди капиталистическихъ отношеній, производительныя ассоціаціи при благопріятныхъ условіяхъ радикально улучшаютъ положеніе своихъ членовъ, т.-е. сравнительно немногихъ рабочихъ. Тогда интересы этихъ немногихъ начинаютъ рѣзко расходиться съ инте-

ресами остальныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, присоединять новаго члена на равныхъ условіяхъ со старыми для ассоціаціи становится прямо невыгоднымъ, когда у нея уже имѣется порядочный капиталъ. Если у ассоціаціи накопилось, напр., по 1.000 рублей на человѣка, то принимать новаго члена безъ тысячи рублей значитъ для нея просто дѣлиться своей прибылью съ другими.

Вообще нѣтъ ничего легче, какъ превращеніе рабочихъ предпринимателей въ особую аристократію среди рабочихъ. Нерѣдко случается, что производительныя ассоціаціи нанимаютъ себѣ постороннихъ работниковъ и платятъ имъ только обычную плату (напр., знаменитый «фамилистеръ» въ Гизѣ). Въ своемъ развитіи производительныя ассоціаціи стремятся перейти въ акціонерныя компаніи. Онѣ, въ сущности, только увеличиваютъ мелкую буржуазію. Нерѣдко онѣ и устраиваются не изъ чистыхъ работниковъ, а изъ производителей мелкобуржуазнаго типа, напр., крестьянскія артели въ Россіи. До сихъ поръ производительныя ассоціаціи сравнительно рѣдко имѣли успѣхъ.

Гораздо устойчивѣе и жизненнѣе потребительно-производительныя ассоціаціи. Накопивши большія средства, потребительныя общества устраиваютъ собственныя мастерскія, фабрики для производства нѣкоторыхъ, наиболѣе потребляемыхъ членами общества товаровъ. При этомъ для производимыхъ товаровъ сбытъ оказывается болѣе или менѣе обезпеченнымъ, и производство можетъ идти успѣшно, а рабочіе предпріятій обыкновенно получаютъ при этомъ сравнительно хорошую заработную плату и пользуются выгодами участія въ потребительной ассоціаціи.

5. Рабочее законодательство.

Политическая борьба рабочихъ за улучшеніе экономическихъ условій ихъ жизни и труда въ рамкахъ капиталистическаго строя порождаетъ фабричное законодательство.

Фабричное законодательство заключается въ томъ, что государство вмѣшивается въ организаторскую дѣятельность отдѣльныхъ капиталовъ и ограничиваетъ свободу договора между капиталомъ и трудомъ. Для государства потребность въ такомъ ограниченіи возникаетъ изъ столкновенія интересовъ отдѣльныхъ предпринимателей съ интересами всего капиталистическаго общества, т.-е. класса собственниковъ въ цѣломъ. Какія бы формы ни принимало въ различныхъ случаяхъ фабричное законодательство—ограниченіе рабочаго дня, установленіе отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи отъ машинъ, контроль за гигиеничностью условій работы и т. д.—по существу, дѣло сводится къ одному—къ измѣненію «заработной платы» въ самомъ ши-

рокомъ смыслѣ этого слова, къ измѣненію доли рабочихъ въ общественномъ распредѣленіи.

Чтобы выяснить, какимъ способомъ машинное производство, реформируя всѣ отношенія, создаетъ необходимость фабричныхъ законовъ, остановимся на частномъ примѣрѣ—на Англіи. Англія, какъ страна, гдѣ машинный капитализмъ развился всего раньше, прежде всѣхъ другихъ странъ приступила и къ фабричному законодательству.

Когда стремленіе капитала къ удлиненію рабочаго дня и къ пониженію заработной платы привело къ многимъ крайностямъ, угрожавшимъ рабочему классу вырожденіемъ, тогда обнаружилось, что въ измѣненіи такихъ условій заинтересованы не только сами рабочіе, энергично вступившіе въ борьбу за фабричные законы, но также и многіе другіе элементы общества. Во-первыхъ, землевладѣльческій классъ имѣлъ не мало основаній отнестись сочувственно къ стремленіямъ рабочихъ: всякое улучшеніе условій жизни рабочихъ, повышая ихъ потребности, повышаетъ ихъ спросъ на предметы потребленія, изъ которыхъ значительная часть производится въ земледѣліи: а усиленный спросъ на продукты земледѣлія означаетъ повышеніе ренты; кромѣ того, вражда землевладѣнія съ промышленнымъ капиталомъ изъ-за ренты и прибыли располагала, вообще, землевладѣльцевъ выступить противъ промышленныхъ капиталистовъ и въ вопросѣ о фабричныхъ законахъ. Мелкая буржуазія склонна была проявить дѣятельное сочувствіе къ рабочимъ по двумъ главнымъ причинамъ: отчасти, въ силу той же вражды къ крупному капиталу, который побиваетъ мелкую буржуазію во всѣхъ областяхъ конкурренціи; отчасти, въ силу непосредственнаго состраданія къ тяжкому положенію работниковъ, изъ которыхъ иные еще недавно принадлежали къ мелкой буржуазіи, и въ положеніе которыхъ многіе изъ мелкихъ буржуа сами легко попадаютъ при неблагопріятныхъ условіяхъ. Болѣе просвѣщенные изъ капиталистовъ, способные подняться надъ интересами даннаго предпріятія и данной минуты, понимали, что нѣкоторое повышеніе жизненнаго уровня рабочихъ окажется даже выгоднымъ для самого капитала, такъ какъ улучшается качество и интенсивность работы. Просвѣщенной англійской бюрократіи тѣ же соображенія были доступны еще въ большей мѣрѣ.

Въ результатѣ всѣхъ такихъ условій у рабочаго класса въ его борьбѣ за фабричные законы нашлись сильные союзники, и явилось законодательное ограниченіе рабочаго дня, первоначально только для женщинъ, подростковъ и дѣтей, какъ тѣхъ элементовъ рабочаго класса, отъ которыхъ непосредственно зависятъ здоровье и сила его послѣдующихъ поколѣній. Но при этомъ рабочій день взрослыхъ мужчинъ по большей части ограничивался самъ собою, такъ какъ женщины и

дѣти составляли значительную часть работниковъ, и продолжать производство безъ нихъ оказывалось неудобнымъ и невыгоднымъ.

До фабричныхъ законовъ 14—15-тичасовой день былъ довольно обычнымъ явленіемъ. Уже 14-тичасовой день оставляетъ человѣку меньше двухъ часовъ на удовлетвореніе всѣхъ его высшихъ человѣческихъ потребностей, если считать 8 часовъ на сонъ. А между тѣмъ мѣстами можно было встрѣтить и 18-тичасовой день.

По закону 1833 года, рабочій день въ важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности былъ ограниченъ 12 часами. Затѣмъ, послѣ ряда другихъ мелкихъ реформъ въ томъ же направленіи, законъ 1847 года довелъ рабочій день до 10 часовъ. За это же время была постепенно организована фабричная инспекція, особый государственный органъ для проведенія фабричныхъ законовъ въ жизнь и для преслѣдованія ихъ нарушеній. Благодаря сравнительно независимому положенію, которое дано было англійскимъ инспекторамъ въ ихъ дѣятельности, фабричные законы стали полнѣе осуществляться на практикѣ. (Отчеты англійскихъ инспекторовъ впервые познакомили Европу съ истиннымъ положеніемъ рабочаго класса, и дали богатый матеріалъ для изслѣдованія законовъ капиталистическаго строя.)

Въ странахъ отсталыхъ по своему политическому строю, какъ Россія, фабричная инспекція не обладала ни достаточной независимостью, ни достаточной просвѣщенностью и гуманностью, чтобы энергично отстаивать выполненіе законовъ, ограждающихъ интересы рабочихъ. Поэтому въ значительной степени законы эти оставались на бумагѣ.

Послѣ первыхъ шаговъ въ области фабричнаго законодательства послѣдующіе обходятся сравнительно дешевле, стоятъ меньшихъ усилій. Между прочимъ, если законодательныя ограниченія вводятся только въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, то капиталисты этихъ отраслей являются сторонниками дальнѣйшаго распространенія этихъ законовъ на другія производства, не желая, чтобы другіе капиталисты имѣли преимущество передъ ними въ дѣлѣ накопленія. Точно также, если, въ силу мѣстныхъ условій, одной части капиталистовъ приходится довольствоваться менѣе значительнымъ рабочимъ днемъ, чѣмъ остальнымъ, то эти капиталисты нерѣдко склонны бываютъ отстаивать законодательную нормировку рабочаго дня всей страны, нормировку въ такихъ только предѣлахъ, чтобы ихъ конкурренты потеряли свое преимущество передъ ними, а сами они не пострадали бы вовсе. Такъ, въ 1896 году, во время большихъ стачекъ въ Петербургѣ и др. мѣстахъ Россіи, стачекъ, въ которыхъ главнымъ требованіемъ являлось сокращеніе рабочаго дня, лодзинскіе хлопчатобумажные фабриканты, которые уже раньше вынуждены были энергичною борьбою своихъ рабочихъ сократить рабочій день, стояли за сокращеніе его закономъ

для всей страны, чтобы ихъ конкурренты изъ московскаго района, у которыхъ рабочій день былъ очень длинный, лишились этого преимущества передъ ними.

Значеніе нормировки рабочаго дня для производства таково: давая рабочимъ возможность жить болѣе сознательной жизнью, она создаетъ условія для улучшенія качества и повышенія интенсивности труда. Является возможность увеличивать скорость машинъ, поручать одному рабочему большее ихъ число, чѣмъ прежде, и т. п. Благодаря этому, уже вскорѣ послѣ введенія сокращеннаго дня оказывается, что ежедневная полезная затрата трудовой энергіи больше, чѣмъ прежде: что 12-тичасовой день представляетъ болѣе значительную сумму труда, чѣмъ 15-тичасовой, 10-тичасовой больше, чѣмъ 12-тичасовой.

Возрастаніе интенсивности труда заставляетъ капиталистовъ скоро примириться съ закономъ о рабочемъ днѣ, такъ какъ прибыль обыкновенно оказывается не меньше, а нерѣдко больше прежней. Впрочемъ, есть предѣлъ, за которымъ сокращеніе рабочаго дня должно уменьшить прибавочную стоимость, такъ какъ дальше извѣстныхъ границъ интенсивность труда идти не можетъ. Трудно сказать, ближе или дальше этой границы лежитъ 8-мичасовой день; во всякомъ случаѣ, при нынѣшнихъ общественныхъ условіяхъ, онъ близокъ къ этой границѣ. Движеніе въ пользу 8-мичасового дня началось съ 50-хъ годовъ и особенно усилилось съ 1889 года, когда первый конгрессъ II Интернаціонала объявилъ 1-ое мая рабочимъ праздникомъ, главнымъ лозунгомъ котораго является требованіе 8-мичасового рабочаго дня.

Вначалѣ уменьшеніе рабочаго дня влечетъ за собою уменьшеніе безработицы; но благодаря быстрому возрастанію интенсивности труда, уменьшеніе это бываетъ только временное: вскорѣ оказывается возможнымъ обходиться съ прежнимъ или еще меньшимъ количествомъ рабочихъ рукъ.

Вслѣдъ за Англіей, и другія капиталистическія страны начали вводить у себя фабричные законы. При этомъ вліяніе исторической среды, вліяніе мірового капитализма на остальныя страны выразилось въ томъ, что имъ фабричное законодательство достается вообще легче, цѣною меньшей борьбы (какъ и развитіе промышленнаго капитализма идетъ въ нихъ сравнительно быстрѣе).

Во всѣхъ странахъ законодательство шагъ за шагомъ захватывало различныя стороны фабричнаго дѣла. Прежде всего, оно ограничивало, обыкновенно, трудъ женщинъ и дѣтей. Работа дѣтей до извѣстнаго возраста по большей части вовсе воспрещается. Затѣмъ мѣстами законъ ограничилъ даже рабочее время взрослыхъ мужчинъ. Въ Россіи первый шагъ въ этомъ направленіи, правда, очень незначительный и не-

надежный, былъ сдѣланъ закономъ 2 іюня 1897 года, результатомъ упомянутыхъ выше стачекъ 1896 года.

Кое-гдѣ закономъ была воспрещена ночная работа для женщинъ и дѣтей (въ Швейцаріи также для мужчинъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ предпріятій, въ которыхъ сама техника требуетъ непрерывнаго производства). Значеніе этого закона очевидно: не говоря уже о прямомъ вредѣ ночной работы для здоровья людей, она служитъ еще сильнымъ источникомъ нездороваго развитія половой жизни среди рабочаго класса.

Затѣмъ, во многихъ странахъ законъ устанавливаетъ правила относительно чистоты въ мастерскихъ, относительно ихъ вентиляціи, относительно мѣръ предосторожности противъ вредныхъ производствъ и опасныхъ машинъ.

Жертвами нездоровыхъ условій производства гибнутъ ежегодно многія тысячи людей; но эти жертвы не поддаются прямому учету—о нихъ можно только косвенно судить по громадной смертности въ той или другой отрасли производства. Относительно же числа людей, раненыхъ и убитыхъ при производствѣ, статистика существуетъ, и для государствъ Западной Европы даже довольно точная. Изъ этой статистики видно, что, напр., въ Германіи за одинъ 1894 годъ общее число несчастныхъ случаевъ съ работниками было 216.000, а число убитыхъ равнялось 6.000 человѣкъ, да около 3.000 вслѣдствіе сильныхъ увѣчій лишились навсегда возможности работать. Насколько важными оказываются на практикѣ законы о мѣрахъ предосторожности противъ несчастныхъ случаевъ, видно, напр., изъ слѣдующаго: въ Англіи въ 1874 году на желѣзныхъ дорогахъ было убитыхъ—1 изъ 320 рабочихъ, раненыхъ—1 изъ 89; въ 1894 году, когда уже дѣйствовали нѣкоторые законы о мѣрахъ огражденія, убитыхъ было въ $2^1/_2$ раза меньше: 1 изъ 796, раненыхъ почти вдвое меньше—1 изъ 140.

Въ нѣкоторыхъ странахъ фабричное законодательство опредѣляетъ отвѣтственность предпринимателей за несчастія съ рабочими при производствѣ и организуетъ страхованіе рабочихъ на случай болѣзни, увѣчья, старости—иногда съ обязательнымъ участіемъ предпринимателей въ страховыхъ кассахъ (страховой законъ 1912 года въ Россіи).

Мѣстами фабричное законодательство обязываетъ хозяевъ имѣть школы для подростковъ и т. п.

Общая экономическая отсталость сельскаго хозяйства сказывается, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что законодательная защита сельскихъ рабочихъ выступаетъ позже и проводится въ жизнь въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ защита промышленныхъ рабочихъ,—соотвѣтственно медленному развитію экономической и политической борьбы сельскаго пролетаріата.

Въ развитіи производительныхъ силъ общества законодательная нормировка условій труда имѣетъ громадное положительное значеніе: во-первыхъ, она ускоряетъ техническій прогрессъ уже тѣмъ, что повышаетъ стоимость рабочей силы, благодаря чему замѣна человѣческой работы машиною становится болѣе выгодной для предпринимателей; во-вторыхъ, она ускоряетъ гибель мелкихъ предпріятій, которымъ гораздо труднѣе перенести повышеніе затратъ капитала на рабочую силу и на различныя улучшенія обстановки работъ, чѣмъ предпріятіямъ крупнымъ; въ-третьихъ, государственное вмѣшательство лишаетъ каждый отдѣльный капиталъ привилегіи быть единственнымъ и полновластнымъ организаторомъ производства; въ-четвертыхъ, улучшая положеніе рабочаго класса, оно создаетъ болѣе благопріятныя условія для развитія пролетарскаго сознанія и пролетарской борьбы, направленной къ коренному преобразованію общества.

г. Налоги.

Капиталистическое общество слагается изъ классовъ съ противоположными интересами. Въ своемъ чистомъ, абстрактномъ видѣ оно состоитъ изъ буржуазіи и пролетаріата, которые ведутъ между собой непрерывную борьбу за раздѣлъ совокупнаго продукта производства. Буржуазія стремится къ увеличенію составляющей ея долю прибавочной стоимости, а пролетаріатъ, наоборотъ, прилагаетъ всѣ усилія, чтобы добиться увеличенія заработной платы, идущей на воспроизводство его жизненной энергіи. Но такъ какъ и прибавочная стоимость и заработная плата суть части одного и того же цѣлаго—годового общественнаго продукта, производимаго руками рабочихъ, то жизненныя стремленія обоихъ классовъ неизбѣжно выливаются въ форму классовой борьбы, которая принимаетъ то скрытыя, то явныя формы.

Если это такъ, если капиталистическое общество слагается изъ элементовъ, по существу своему враждебныхъ другъ другу, если между этими элементами происходитъ непрерывная борьба, и если, наконецъ, это общество не разваливается, а все-таки существуетъ, то ясно, что должна быть какая-нибудь сила, которая поддерживаетъ существующій порядокъ. Это прежде всего значитъ, что должна существовать организація, которая охраняетъ частную собственность, держитъ въ повиновеніи рабочій классъ и помогаетъ буржуазіи эксплоатировать его. Такою организаціей и является буржуазное или капиталистическое г о с у д а р с т в о съ его бюрократіей, постоянной арміей, полиціей, судами, тюрьмами и т. д., и т. д.

Капиталистическое государство есть та сила, которая даетъ буржуазіи возможность непрерывно закрѣплять и воспроизводить существую-

щія производственныя отношенія. Поэтому капиталистическое государство есть, въ первую голову, орудіе классоваго господства буржуазіи (отсюда—«господствующіе» или «правящіе классы»), которая держитъ въ своихъ рукахъ весь государственный аппаратъ—безразлично, представляетъ ли онъ абсолютную или конституціонную монархію, или демократическую республику.

Но этимъ задачи государства не исчерпываются.

Капиталистическое хозяйство характеризуется анархической структурой. Оно состоитъ изъ десятковъ и сотенъ тысячъ отдѣльныхъ предпріятій, которые связаны между собой только обмѣномъ. Болѣе прочной организаціонной связи они не знаютъ. Слѣдствіемъ подобной структуры является конкурренція, или другими словами, борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Но у отдѣльныхъ производственныхъ единицъ, у отдѣльныхъ предпріятій есть и общіе интересы. Это интересы всего класса капиталистовъ, взятаго въ цѣломъ. Помимо организаціи, которая держитъ въ повиновеніи рабочій классъ, буржуазія должна обладать аппаратомъ, выполняющимъ тѣ общія задачи, которыя являются технически необходимыми въ производственной системѣ капитализма. Къ такимъ задачамъ относится организація путей сообщенія и сношеній, регулированіе денежнаго обращенія, организація дѣла народнаго образованія, которое является могущественнымъ орудіемъ развитія производительныхъ силъ и, слѣдовательно, всего буржуазнаго общества, медицинской помощи для народныхъ массъ, болѣзни которыхъ подрываютъ рабочую силу, ему необходимую, и угрожаютъ, какъ эпидеміи, здоровью высшихъ классовъ, и т. д., и т. д. Выполненіе всѣхъ этихъ задачъ также выпадаетъ на долю организаціи господства буржуазіи—капиталистическаго государства.

Но для всего этого государство нуждается въ средствахъ. Эти средства при помощи налоговой системы извлекаются изъ національнаго дохода страны, т.-е. изъ ежегодно создаваемаго въ ней совокупнаго продукта. Спрашивается, изъ какой части національнаго дохода государство черпаетъ налоги: изъ прибавочной стоимости или изъ заработной платы? Абстрактный анализъ показываетъ, что источникомъ налоговъ въ чистомъ капиталистическомъ обществѣ можетъ быть только прибавочная стоимость. Въ самомъ дѣлѣ, заработная плата—это та часть совокупнаго общественнаго продукта, которая идетъ, какъ выяснено выше, на воспроизводство жизненной энергіи рабочаго класса, на поддержаніе существованія и воспитаніе пролетаріевъ; она выражаетъ нормальную стоимость примѣняемой въ производствѣ рабочей силы, стоимость средствъ существованія работниковъ. Затрата опредѣленной части общественнаго продукта на содержаніе рабочихъ для капиталистической системы столь же необходима, какъ и затрата

на возстановленіе изнашивающихся машинъ и созданіе новыхъ орудi
труда. Если бы капиталистическое хозяйство удѣляло рабочему класс
меньше, чѣмъ нормальную стоимость рабочихъ силъ, то началось б
вымираніе и дисквалификація (ухудшеніе качества труда) работниковъ
началось бы, стало-быть, разрушеніе основной производительной силы
а, слѣдовательно, и общая деградація капиталистическаго хозяйства
чего при обычныхъ условіяхъ не наблюдается.

Принято различать два рода налоговъ: косвенные и прямые. Косве
ными называются налоги на вступающіе въ обращеніе товары, напр.
на чай, сахаръ, керосинъ, соль и т. п.; прямыми—тѣ налоги, которы
имѣютъ объектомъ обложенія капиталы, землю, дома, людей, дохо
ды и т. п. Основной особенностью косвеннаго обложенія является воз
можность для облагаемаго переложить соотвѣтствующіе налоги на тре
тьихъ лицъ—именно на покупателей. Такъ, если русскіе сахарозавод
чики въ 1914 году уплачивали съ каждаго фунта сахара, выпускаемаг
на рынокъ, 5 коп., то это значитъ, что покупатель платилъ за нег
на 5 коп. дороже той суммы, которую ему пришлось бы уплатить пр
отсутствіи налога на сахаръ. Относительно прямыхъ налоговъ принят
считать, что они непереложимы, но это въ полной мѣрѣ относитс
лишь къ одному изъ видовъ прямыхъ налоговъ—къ прогрессивно-по
доходному [1]. Какъ бы то ни было, но указанное разграниченіе уста
новилось потому, что способы ихъ взиманія различны и требуютъ
различныхъ техническихъ аппаратовъ.

Приведенная характеристика косвенныхъ налоговъ находится какъ
будто въ противорѣчіи съ высказаннымъ выше положеніемъ о томъ, чт
источникомъ налоговъ является прибавочная стоимость. Въ самомъ дѣлѣ
косвенные налоги перекладываются на потребителей; облагаютс

[1] Изъ прямыхъ налоговъ слѣдуетъ выдѣлять налоги реальные. Это тѣ налог
которые, въ отличіе отъ прямыхъ личныхъ налоговъ (напримѣръ, подоходнаго), обл
гающихъ весь доходъ или все имущество плательщика, имѣютъ объектомъ обложені
вещи, приносящія доходъ или имѣющіе цѣнность. Къ подобнымъ налогамъ отн
сятся налоги на строенія, промысловый, поземельный и т. д. Реальные налоги, п
добно косвеннымъ, перелагаются на потребителей. Въ самомъ дѣлѣ, къ каким
результатамъ приводитъ, напримѣръ, подомовой налогъ? Домовладѣльцы, подоб
всѣмъ капиталистамъ, будутъ вкладывать свои капиталы въ домостроеніе толь
тогда, когда они будутъ получать обычный процентъ прибыли. Если введенный п
домовой налогъ будетъ урѣзывать эту прибыль, то норма прибыли домовладѣльце
понизится по сравненію съ нормой прибыли другихъ капиталистовъ. Слѣдствіе
этого будетъ то, что постройка новыхъ домовъ на время прекратится, а цѣны
квартиры будутъ повышаться до тѣхъ поръ, пока прибыль домовладѣльцевъ не п
дымется до обычной нормы. А это и значитъ, что домовой налогъ ляжетъ на ква
тиронанимателей. Отсюда видно, что реальные налоги лишь по способу взима
являются прямыми; на самомъ дѣлѣ онѣ представляютъ лишь замаскированную фор
косвенныхъ налоговъ.

обычно предметы широкаго потребленія; покупателями послѣднихъ въ развитомъ, идеализированномъ капиталистическомъ обществѣ являются по преимуществу рабочіе. Значить, налогъ черпается изъ дохода рабочихъ, другими словами, изъ заработной платы. Но это противорѣчіе только кажущееся, ибо введеніе косвеннаго налога вызываетъ уменьшеніе реальной заработной платы рабочихъ ниже нормальной стоимости рабочей силы, а это, какъ выяснено, влечетъ за собой неизбѣжное повышеніе денежной заработной платы за счетъ сокращенія прибавочной стоимости капиталистовъ.

Все это относится, однако, къ завершенному капитализму, къ такому капитализму, при которомъ существуетъ только буржуазія и пролетаріатъ, и который не знаетъ промежуточныхъ классовыхъ группировокъ, въ родѣ ремесленниковъ, крестьянъ и, вообще, самостоятельныхъ мелкихъ товаропроизводителей. Въ отсталыхъ капиталистическихъ странахъ, гдѣ мелкая буржуазія—въ особенности, крестьянство—составляетъ подавляющую часть населенія, государство путемъ косвеннаго обложенія извлекаетъ огромные доходы изъ трудового заработка мелкаго буржуа; оно при этомъ присваиваетъ себѣ не только ту часть его дохода, которая соотвѣтствуетъ прибавочной стоимости, но нерѣдко отнимаетъ у него часть необходимаго продукта, который соотвѣтствуетъ заработной платѣ. Типичнымъ примѣромъ такихъ странъ можетъ служить Россія, гдѣ косвенные налоги въ 1916 году составляли около $^4/_5$ всѣхъ налоговыхъ поступленій, и гдѣ доходный бюджетъ былъ почти цѣликомъ построенъ на трудовомъ доходѣ многомилліоннаго крестьянства. Россія въ этомъ отношеніи представляла прямую противоположность капиталистически развитой Англіи, въ которой косвенные налоги въ томъ же 1916 году составляли не болѣе одной трети доходовъ государственной казны.

Въ странахъ отсталыхъ, или только еще вступающихъ на путь капиталистическаго развитія, косвенное обложеніе, едва затрогивающее прибавочную стоимость класса капиталистовъ и поражающее почти исключительно мелкую буржуазію, служитъ могучимъ орудіемъ экспропріаціи самостоятельнаго товаропроизводителя. Вмѣстѣ съ торговымъ и ростовщическимъ капиталомъ, косвенное обложеніе экспропріируетъ крестьянъ и ремесленниковъ и гонитъ ихъ въ ряды наемныхъ рабочихъ. Это явленіе принимаетъ особенно рѣзкія формы въ колоніяхъ, гдѣ передовыя капиталистическія націи сознательно примѣняютъ систему косвенныхъ налоговъ съ цѣлью разоренія туземцевъ.

Но все это касается странъ отсталыхъ, сохраняющихъ остатки докапиталистическаго производства. Во вполнѣ же развитомъ капиталистическомъ обществѣ, налоги, какъ косвенные, такъ и прямые, черпаются въ конечномъ счетѣ изъ прибавочной стоимости. Но если

это такъ, то почему пролетаріатъ во всѣхъ капиталистическихъ странахъ ведетъ столь рѣшительную борьбу за уничтоженіе косвеннаго обложенія и за замѣну его прямымъ?

Дѣло въ томъ, что косвенные налоги лишь въ конечномъ счетѣ черпаются въ капиталистическихъ странахъ изъ прибавочной стоимости. При ихъ первоначальномъ введеніи они увеличиваютъ размѣры совокупной прибавочной стоимости за счетъ уменьшенія заработной платы. Это означаетъ увеличеніе нормы эксплоатаціи въ общественномъ масштабѣ, а, слѣдовательно,—при прочихъ равныхъ условіяхъ—абсолютное ухудшеніе положенія рабочаго класса.—Мы говорили выше, что доля работниковъ въ общественномъ продуктѣ не можетъ быть меньше извѣстнаго минимума, именно стоимости ихъ необходимыхъ средствъ существованія. Но если косвенные налоги понижаютъ заработную плату ниже этого минимума, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что денежная заработная плата немедленно же автоматически возрастаетъ. Напротивъ того, она подымается въ результатѣ обостренной классовой борьбы, стачекъ и т. п., и рабочему классу приходится нерѣдко затрачивать колоссальную энергію, чтобы вернуться къ прежнему уровню жизни. Завоеваніе прежнихъ позицій происходитъ при этомъ не сразу, а иногда въ теченіе весьма долгаго времени.

Кромѣ того, косвенные налоги имѣютъ регрессивный характеръ: они падаютъ на плательщика тѣмъ большей тяжестью, чѣмъ меньше его доходъ. Въ самомъ дѣлѣ, косвенные налоги устанавливаются обычно на предметы широкаго потребленія, на соль, спички, сахаръ, табакъ и т. п. Но если доходъ одного лица больше дохода другого, положимъ, въ 1000 разъ, то это отнюдь не значитъ, что первый съѣдаетъ въ 1000 разъ больше соли, или потребляетъ въ 1000 разъ больше спичекъ: онъ покупаетъ этихъ товаровъ раза, можетъ быть, въ 3—4 больше, чѣмъ первый; т.-е., лицо, имѣющее доходъ въ 100.000 рублей, платитъ лишь въ 3—4 раза больше того, чей доходъ измѣряется какой-нибудь сотней. Если обложеніе отнимаетъ у второго 1% его заработка, то у перваго лишь 0,004% дохода.

Всѣ эти причины заставляютъ пролетаріатъ и, вообще, трудящіяся массы бороться за полное уничтоженіе регрессивныхъ косвенныхъ налоговъ и за установленіе прогрессивно-подоходнаго налога. Послѣдній взимается только съ доходовъ, начиная съ опредѣленной величины. Трудовыхъ доходовъ онъ не долженъ затрагивать. Кромѣ того, налоговая ставка при прогрессивно-подоходномъ налогѣ растетъ вмѣстѣ съ доходомъ, ложась наибольшей тяжестью на большіе доходы.

Такъ, при доходѣ отъ 2 до 3 тысячъ взимается 1%, при доходѣ отъ 3 до 7 тысячъ $1^1/_2$% и т. д., при чемъ прогрессія возрастаетъ

до опредѣленнаго предѣла (иначе она могла бы вырасти до 100% и поглотить весь доходъ).

Прогрессивно-подоходнымъ налогомъ избѣгается черезчуръ быстрое разореніе мелкихъ производителей—крестьянъ и ремесленниковъ,—вредное для пролетаріата тѣмъ, что оно создаетъ громадную безработную армію. Для капитализма оно тоже можетъ быть вредно тѣмъ, что подрываетъ покупательную силу крестьянскихъ массъ, ихъ спросъ на его продукты.

Установленіе единаго прогрессивно-подоходнаго налога является одной изъ программныхъ задачъ пролетаріата, поскольку онъ ведетъ борьбу въ рамкахъ буржуазно-демократическаго государства. Съ осуществленіемъ соціализма всякіе налоги, въ томъ числѣ и прогрессивно-подоходные, должны стать излишними, потому что весь общественный продуктъ, какъ необходимый, такъ и прибавочный, поступаютъ въ распоряженіе всего трудового коллектива, который цѣлесообразно используетъ его въ своихъ интересахъ.

7. Основныя тенденціи въ развитіи промышленнаго капитализма.

Экономически руководящимъ классомъ въ системѣ капитализма является промышленная буржуазія. Основную движущую силу развитія представляетъ попрежнему конкурренція, съ ея психологическимъ результатомъ—стремленіемъ къ безграничному накопленію, къ безграничному расширенію предпріятій.

Разсмотримъ, какъ дѣйствуютъ эти силы развитія въ предѣлахъ отдѣльнаго предпріятія, и какъ онѣ проявляются во взаимныхъ отношеніяхъ предпріятій. Такъ какъ доля капиталиста въ общественномъ распредѣленіи есть прибавочная стоимость, то, организуя производство, капиталистъ необходимо стремится къ увеличенію прибавочной стоимости отъ предпріятія.

Величина прибавочной стоимости въ отдѣльномъ предпріятіи зависитъ отъ двухъ условій: во-первыхъ, отъ размѣровъ прибавочной стоимости, создаваемой каждымъ работникомъ, и, во-вторыхъ, отъ числа работниковъ. Увеличивая то или другое, предприниматель увеличиваетъ сумму прибавочной стоимости даннаго предпріятія.

Пусть необходимое рабочее время—5 часовъ, прибавочное—тоже 5 часовъ. Самый простой способъ увеличить прибавочную стоимость, создаваемую каждымъ работникомъ, заключается, очевидно, въ томъ, чтобы увеличить прибавочное время, при чемъ рабочій день становится длиннѣе. Если рабочій день вмѣсто 10 часовъ сдѣлать 12 часовъ, то прибавочная стоимость будетъ создаваться не въ теченіе 5, а въ те-

ченіе 7 часовъ ежедневно; величина ея возрастетъ въ 1, 4 раза (норма прибавочной стоимости вмѣсто прежнихъ 100%—140%). Такое увеличеніе рабочаго дня имѣетъ свои предѣлы. Больше 24 часовъ въ сутки рабочій день физически невозможно устроить. Кромѣ того, организмъ работника не выносить слишкомъ продолжительнаго труда: работа идетъ плохо, она мало интенсивна. Слишкомъ длинный рабочій день можетъ оказаться менѣе выгоднымъ для предпринимателя, чѣмъ болѣе короткій, напр., 15-часовой день менѣе выгоденъ, чѣмъ 12-часовой, если работа въ первомъ случаѣ въ $1^1/_2$ раза менѣе интенсивна. Наконецъ, сами рабочіе не соглашаются на чрезмѣрное удлиненіе рабочаго дня, и вступаютъ въ энергичную борьбу съ предпринимателями.

Кромѣ прямого увеличенія рабочаго дня, на извѣстной ступени развитія производства существуетъ еще возможность замаскированнаго увеличенія. Этотъ способъ примѣнялся раньше всего въ земледѣліи. Когда феодалъ, расширяя собственное хозяйство, присваивалъ себѣ земли зависимыхъ крестьянъ, то вполнѣ обезземелить этихъ послѣднихъ оказывалось дѣломъ для него самого рискованнымъ: обезземеленные уходили въ городъ, такъ какъ ничто ихъ не привязывало уже къ деревнѣ, и помѣщикъ могъ остаться совсѣмъ безъ рабочей силы. Во избѣжаніе этого, владѣлецъ земли оставлялъ въ пользованіи многихъ крестьянъ небольшіе участки земли съ находящимися на нихъ постройками. Размѣры участковъ были такъ ничтожны, что ихъ владѣльцы (англійскіе «коттэджеры», германскіе «коссеты») могли добывать съ собственнаго хозяйства лишь небольшую часть необходимыхъ средствъ къ жизни и, слѣдовательно, вынуждены были предлагать свою рабочую силу сосѣднимъ помѣщикамъ. При этомъ наниматель даетъ крестьянину, въ формѣ заработной платы, не всю стоимость рабочей силы, а меньше, такъ, чтобы для крестьянина общая сумма заработной платы и дохода съ его собственнаго хозяйства составляла цѣну необходимыхъ средствъ къ жизни.

На раннихъ ступеняхъ развитія крупнаго производства аналогичный пріемъ примѣняется и въ обрабатывающей промышленности: рабочимъ даются въ распоряженіе участки земли, достаточные для разведенія небольшихъ огородовъ. И здѣсь заработная плата уменьшается соотвѣтственно доходности участка; для этого частью понижаютъ расцѣнки, частью дѣлаютъ прямые вычеты за пользованіе огородомъ.

Въ обоихъ случаяхъ результатъ оказывается одинъ и тотъ же: общая продолжительность рабочаго времени для работника-земледѣльца или рабочаго фабрики увеличивается всѣми часами, которые онъ посвящаетъ на воздѣлываніе своего земельнаго участка. Въ то же время становится неизбѣжнымъ чрезвычайное истощеніе и упадокъ жизненныхъ силъ трудящагося. Однако, работникъ остается какъ бы прикрѣплен-

нымъ къ мѣсту благодаря той привлекательности, которую представляетъ для него веденіе, хотя бы призрачнаго, собственнаго хозяйства.

Къ тѣмъ же, въ сущности, экономическимъ результатамъ приводитъ послѣ уничтоженія крѣпостного права дробленіе крестьянскихъ надѣловъ: они достигаютъ такой малой величины, что не могутъ ни прокормить своихъ владѣльцевъ, ни занять всей ихъ рабочей силы: крестьянамъ приходится или прямо продавать остатокъ своей рабочей силы въ ближнихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ, или арендовать добавочную землю. Условія аренды при этомъ бываютъ таковы, что самая аренда оказывается, по внимательномъ разсмотрѣніи, просто замаскированной продажей рабочей силы: доходъ отъ аренды лишь дополняетъ собою заработокъ крестьянина до уровня стоимости необходимыхъ средствъ къ жизни. Крупные землевладѣльцы отдаютъ свою землю въ аренду мелкими участками, а не основываютъ собственнаго крупнаго хозяйства просто потому, что при данныхъ затратахъ они такимъ способомъ получаютъ въ свое распоряженіе большее количество работы. Нетрудно представить себѣ, насколько тяжелой должна оказаться эта промежуточная стадія перехода крестьянина въ наемнаго работника.

Такая система представляетъ извѣстныя выгоды для предпринимателей лишь до тѣхъ поръ, пока нѣтъ настоятельной потребности въ повышеніи интенсивности труда, и пока его качество не имѣетъ большого значенія. Поэтому она съ теченіемъ времени исчезаетъ, раньше въ обрабатывающей промышленности, которая развивается быстрѣе, а затѣмъ понемногу и въ земледѣліи (гдѣ даже до нашихъ дней она обнаруживаетъ извѣстную живучесть).

Почти совершенно одинаковое значеніе съ удлиненіемъ рабочаго дня имѣетъ для капиталиста повышеніе напряженности труда; здѣсь только увеличенная затрата трудовой энергіи укладывается въ рамки меньшаго числа часовъ. Увеличитъ ли предприниматель 10-тичасовой день до 11 часовъ, или достигнетъ повышенія интенсивности работы на $^1/_{10}$, это для него безразлично, если оставить въ сторонѣ нѣкоторые мелкіе расчеты (въ родѣ того, что при болѣе короткомъ днѣ меньше затраты на отопленіе, освѣщеніе мастерской и т. д.). Обычнымъ средствомъ повышенія интенсивности труда является, какъ было указано, поштучная плата. Въ раннихъ стадіяхъ капитализма такой способъ увеличенія прибавочной стоимости играетъ сравнительно небольшую роль, потому что онъ почти несовмѣстимъ съ удлиненіемъ рабочаго дня, которое тогда широко примѣнялось, и потому, что при низкомъ уровнѣ развитія рабочаго класса, плохомъ питаніи и вообще низкихъ потребностяхъ высокая интенсивность труда просто невозможна.

Если рабочій день остается прежній, а необходимое рабочее время уменьшается, тогда опять-таки возрастаютъ прибавочное время и при-

бавочная стоимость. Напр., если при 12-тичасовомъ днѣ необходимое время уменьшается съ 6 до 5 часовъ, то прибавочное возрастаетъ съ 6 до 7 часовъ.

Но какимъ способомъ уменьшается необходимое время? Очевидно, путемъ пониженія стоимости рабочей силы: чѣмъ она меньше, тѣмъ меньше надо времени, чтобы ее отработать.

Стоимость рабочей силы есть стоимость необходимыхъ для рабочаго жизненныхъ средствъ, то количество общественно-трудовой энергіи, которое требуется для ихъ производства. Если эти средства—хлѣбъ, мясо, бумажныя ткани и пр.—начинаютъ добываться съ меньшей затратой трудовой энергіи, чѣмъ прежде, если, стало быть, повышается производительность труда въ земледѣліи, хлопчатобумажномъ дѣлѣ и т. д., то стоимость рабочей силы тѣмъ самымъ понижается.

Такъ, если стоимость обычныхъ предметовъ потребленія рабочаго на одинъ день составляла раньше 5 часовъ, а вслѣдствіе развитія способовъ производства дошла до 4 часовъ, то при 10-тичасовомъ днѣ прибавочное время возрастаетъ съ 5 до 6 часовъ, а норма прибавочной стоимости съ 100% до 150%. При этомъ денежная плата рабочаго соотвѣтственно понижается, напр., съ 50 коп. до 40 коп., но на эти деньги онъ можетъ покупать прежнее количество предметовъ потребленія.

При возрастаніи производительности труда, создающаго предметы потребленія рабочихъ, возрастаніе прибавочной стоимости происходитъ сразу для всѣхъ капиталистовъ даннаго общества. Но при извѣстныхъ условіяхъ и отдѣльный предприниматель, независимо отъ всѣхъ другихъ, можетъ уменьшить въ своемъ предпріятіи необходимое время и увеличить такимъ образомъ прибавочное. Это бываетъ тогда, когда ему удается сдѣлать производительность труда въ своемъ предпріятіи выше, чѣмъ обычная производительность труда въ данной отрасли производства. Напр., онъ вводитъ у себя гораздо большее раздѣленіе труда, чѣмъ то, которое существуетъ въ другихъ подобныхъ предпріятіяхъ, или примѣняетъ машину, еще не вошедшую въ общее употребленіе. Пусть это—фабрикантъ ножей, и пусть его усовершенствованіе ровно вдвое повышаетъ производительность труда: стоимость ножа вмѣсто 4 часовъ измѣряется у него 2 часами. Такъ какъ всѣ прочіе фабриканты частью еще не успѣли, частью, по недостатку капитала, не могли ввести данное усовершенствованіе, то общественная стоимость ножа попрежнему 4 часа. Положимъ, рабочій день продолжается 12 часовъ, и стоимость рабочей силы измѣряется 6-ю часами, при чемъ каждый часъ соотвѣтствуетъ, положимъ, 10 коп. Итакъ, прежде на каждаго рабочаго въ день приходилось 3 сдѣланныхъ ножа: цѣна ножа (предполагаемъ, что онъ продается по стоимости) 40 коп., и на 60 коп.

перемѣннаго капитала въ пользу капиталиста получалось 60 коп. прибавочной стоимости. Теперь каждый рабочій дѣлаетъ въ день 6 ножей, которые продаются попрежнему за 40 коп. штука, такъ какъ общественная ихъ стоимость не измѣнилась: за 6 штукъ получается 2 р. 40 к., перемѣнный капиталъ 60 к., въ пользу предпринимателя остается 1 р. 80 к. Необходимое время въ данномъ предпріятіи оказывается всего 3 часа вмѣсто 6 часовъ: норма прибавочной стоимости 300% вмѣсто 100% [1]).

Такимъ образомъ, когда отдѣльный капиталистъ увеличиваетъ въ своемъ предпріятіи производительность труда, то возрастаетъ величина прибавочной стоимости отъ его предпріятія. Но явленіе это только временное. Мало-по-малу и другіе предприниматели вводятъ у себя тѣ же техническія улучшенія; а кто не обладаетъ достаточнымъ для этого капиталомъ, тотъ разоряется въ непосильной конкурренціи. Обычный способъ производства ножей оказывается измѣнившимся—общественно-необходимое на производство ножа время меньше прежняго, именно 2 часа. Цѣна ножей уменьшается, прибыль каждаго отдѣльнаго капиталиста, въ томъ числѣ и того, который раньше всѣхъ ввелъ усовершенствованіе, понижается до обычнаго размѣра, или даже еще сильнѣе.

Слѣдовательно, каждому отдѣльному капиталисту выгодно вводить у себя техническія усовершенствованія; но для всего класса капиталистовъ въ цѣломъ эти усовершенствованія такой выгоды не представляютъ, потому что въ концѣ-концовъ приводятъ къ пониженію стоимости и цѣны товаровъ.

Увеличивая различными путями прибавочную стоимость отъ своихъ рабочихъ, капиталистъ тѣмъ самымъ увеличиваетъ и свою прибыль, которая, собственно, для него и важна. Но существуетъ также цѣлый рядъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ предприниматель можетъ увеличить свою прибыль сверхъ обычной и независимо отъ количества прибавочной стоимости. Сюда относятся способы необычнаго сбереженія постояннаго и перемѣннаго капитала.

Если при устройствѣ мастерской предприниматель устраиваетъ необычную экономію на самыхъ размѣрахъ зданія, такъ что рабочіе постоянно находятся въ тѣснотѣ: если онъ сводитъ къ наименьшей возможной величинѣ расходы на отопленіе и освѣщеніе, на вентиляцію и гигіеническія приспособленія: если онъ заставляетъ работать одними

[1]) Надо замѣтить, что въ дѣйствительности капиталистъ будетъ продавать свои ножи не по рыночной средней цѣнѣ, а нѣсколько ниже ея, для того, чтобы скорѣе и вѣрнѣе распродать свой товаръ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что, дѣлая ножи съ меньшими, чѣмъ прежде, затратами, онъ увеличитъ, конечно, ихъ производство, а стало быть—и предложеніе ихъ на рынкѣ.

и тѣми же орудіями до такого крайняго ихъ изнашиванія, какого не допускаютъ у себя другіе предприниматели въ виду опасности для рабочихъ или другихъ неудобствъ, все это—сверхъ-обычное сбереженіе постояннаго капитала. Уменьшается общая величина затратъ капитала, на которую приходится данная сумма прибыли,—повышается, слѣдовательно, для даннаго капиталиста процентъ прибыли, хотя сумма прибавочнаго труда въ предпріятіи не измѣняется [1]).

Если предприниматель покупаетъ рабочую силу ниже ея общественной стоимости, это — сверхъ-обычное сбереженіе перемѣннаго капитала.

И здѣсь индивидуальная прибыль возрастаетъ, хотя не измѣняется сумма прибавочной стоимости (ибо прибавочная стоимость есть излишекъ затратъ трудовой энергіи работниковъ надъ *общественной* стоимостью ихъ рабочихъ силъ, а эта стоимость остается прежнею).

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ способы, примѣненіе которыхъ увеличиваетъ прибыль отъ предпріятія при *данномъ* числѣ рабочихъ силъ. Если возрастаетъ число рабочихъ, то очевидно, что соотвѣтственно возрастаетъ прибавочная стоимость, а за ней и прибыль: отъ 200 рабочихъ прибавочнаго труда вдвое болѣе, чѣмъ отъ 100 и т. д.

Большое число рабочихъ имѣетъ еще то значеніе, что позволяетъ развивать раздѣленіе труда, а слѣдовательно,—и его производительность; послѣднее же, какъ было показано, ведетъ къ временному или постоянному увеличенію прибавочной стоимости.

Прямое увеличеніе суммы прибавочнаго труда путемъ удлиненія рабочаго дня или повышенія интенсивности работы находитъ свои крайніе предѣлы въ свойствахъ человѣческаго организма, а при извѣстныхъ условіяхъ—въ сопротивленіи рабочаго.

Повышеніе производительности труда въ предпріятіи ограничивается общимъ состояніемъ техники и знаній въ данное время. Невозможно ввести усовершенствованія, пока оно еще не изобрѣтено.

Сверхъ-обычное сбереженіе капитала—«сверхъ-эксплоатація»—возможно, разумѣется, лишь постольку, поскольку оказывается недостаточнымъ сопротивленіе рабочихъ.

Почти неограниченно примѣнимъ тотъ способъ увеличенія прибыли, который заключается въ увеличеніи числа рабочихъ, при соотвѣтственномъ расширеніи всего предпріятія. Препятствіемъ ему является только

---

[1]) Сюда не слѣдуетъ относить тѣхъ случаевъ, когда въ отдѣльномъ предпріятіи больше, чѣмъ въ другихъ, утилизируются различные отбросы производства: это просто повышеніе производительности труда, такъ какъ утилизируемые отбросы являются только лишними продуктами производства, что *становится особенно* очевиднымъ, если предприниматель продаетъ ихъ.

недостатокъ спроса на товары или недостатокъ капитала на расширеніе дѣла.

Всякое расширеніе предпріятія совершается путемъ капиталистическаго накопленія. Оно заключается въ томъ, что часть своей прибыли капиталистъ не растрачиваетъ на свои потребности, а присоединяетъ къ капиталу: покупаетъ на нее орудія, матеріалы, рабочую силу. Такое накопленіе бываетъ необходимо и въ другихъ случаяхъ, помимо простого расширенія дѣла; напр., чтобы увеличить производительность труда въ предпріятіи, надо сдѣлать дополнительныя затраты на техническія улучшенія. Даже удлиненіе рабочаго дня ведетъ къ увеличенію затратъ на матеріалы и орудія, слѣдовательно, къ накопленію.

Капиталистическое накопленіе слѣдуетъ строго отличать отъ простого, первоначальнаго накопленія, которое заключается не въ расширеніи предпріятій, а только въ присоединеніи денегъ къ деньгамъ.

Въ эпоху капитализма въ жизни имѣетъ значеніе одно капиталистическое накопленіе; первоначальное не только становится незначительно по размѣрамъ, но и фактически сводится къ накопленію капиталистическому. Въ самомъ дѣлѣ, пусть вся сумма первоначально накопленныхъ капиталовъ даннаго общества измѣряется милліардомъ рублей; на эти деньги основаны капиталистическія предпріятія, приносящія прибавочную стоимость размѣромъ 100 милліоновъ въ годъ. Для упрощенія, допускаемъ, что капиталисты не производятъ возрастающаго накопленія, а потребляютъ весь прибавочный продуктъ. Въ такомъ случаѣ, на слѣдующій годъ капиталъ попрежнему милліардъ, но изъ первоначально накопленныхъ осталось только 900 милліоновъ, прочіе 100 милліоновъ потреблены капиталистами въ формѣ средствъ существованія и предметовъ роскоши; возобновлены же эти 100 милліоновъ насчетъ прибавочной стоимости. На слѣдующій годъ изъ первоначально накопленныхъ останется 800 милліоновъ, а 200 милліоновъ представляютъ капиталистически-накопленную прибавочную стоимость, и т. д. Черезъ 10 лѣтъ исчезнутъ остатки первоначальнаго накопленія, и весь капиталъ сведется къ прибавочной стоимости этихъ 10 лѣтъ.

Слѣдовательно, всякій данный капиталъ, какимъ бы способомъ ни было произведено первоначальное накопленіе, можно разсматривать, какъ накопленную прибавочную стоимость. Какъ было выяснено, и само первоначальное накопленіе въ наибольшей мѣрѣ сводилось къ различнымъ формамъ присвоенія прибавочнаго труда (крѣпостное право, рабство, колоніальный грабежъ и т. д.); сбереженіе, производимое самими трудящимися въ свою пользу, играло при этомъ самую ничтожную роль. Изъ этого видно, какую цѣну имѣетъ ученіе буржуазныхъ экономистовъ о происхожденіи капиталовъ изъ личнаго сбереженія.

Итакъ, стремясь къ накопленію вообще, къ увеличенію своей денежной силы, капиталистъ естественнымъ путемъ приходитъ къ необходимости накопленія капиталистическаго, къ необходимости расширять свое предпріятіе, вкладывая въ него новыя и новыя затраты капитала изъ полученной прибыли.

Но если бы жажда накопленія денегъ имѣла свои границы, дальше которыхъ она неспособна была бы побуждать капиталиста къ расширенію и техническому развитію предпріятія, то непосредственная конкурренція предпріятій все равно заставила бы продолжать то и другое дальше этой границы.

Конкурренція между предпріятіями заключается въ томъ, что каждое изъ нихъ стремится отбить рынокъ у прочихъ. Борьба ведется путемъ пониженія цѣнъ и повышенія качества товаровъ.

Въ борьбѣ этой крупныя предпріятія съ большими капиталами имѣютъ рѣшительное преимущество передъ болѣе мелкими.

Издержки производства въ крупныхъ предпріятіяхъ меньше, чѣмъ въ мелкихъ, даже въ томъ случаѣ, когда уровень техники въ нихъ совершенно одинаковъ. Положимъ, что мы имѣемъ двѣ прядильныя фабрики, изъ которыхъ одна насчитываетъ 10 станковъ, а другая 100 такихъ же станковъ. Вторая фабрика будетъ вырабатывать пряжи въ 10 разъ больше, чѣмъ первая, но издержки ея отнюдь не будутъ въ 10 разъ больше. Постройка второй фабрики обойдется не въ 10 разъ дороже постройки первой, а, положимъ, только въ 8 разъ; ей придется держать не 10 кочегаровъ, а, положимъ, только 4,—не 10 машинистовъ, а только одного. Особенно значительной оказывается экономія крупныхъ предпріятій на движущей силѣ. Слѣдующая таблица показываетъ, какъ понижается стоимость одной лошадиной силы въ часъ по мѣрѣ увеличенія размѣровъ двигателя:

Размѣръ двигателя.	1 лош. сила.	3 лош. силы.	6 лош. силъ.
Паровой двигатель	15 коп.	9 коп.	$7^1/_2$ коп.
Газовый „	12 „	$8^1/_2$ „	$7^1/_2$ „
Керосиновый двигатель . .	30 „	14 „	11 „

Мы видимъ, что увеличеніе мощности парового двигателя въ 6 разъ влечетъ за собой сокращеніе расходовъ на каждую лошадиную силу на 50%. Для керосиноваго двигателя этотъ процентъ возрастаетъ до 63. При крупныхъ машинахъ наблюдается еще болѣе значительная экономія горючаго матеріала: на полученіе 1 лошад. силы при паровой

машинѣ въ 100 силъ приходится затрачивать лишь $3^1/_2$ кол., т. е. въ $4^1/_2$ раза меньше, чѣмъ при машинѣ въ 1 лош. силу.

Но этого мало. Крупныя предпріятія, располагающія большими капиталами, могутъ не только вести производство въ болѣе широкомъ масштабѣ, и тѣмъ самымъ, какъ сказано, удешевлять издержки производства: они имѣютъ возможность обзаводиться новѣйшими техническими усовершенствованіями, которыя еще больше удешевляютъ стоимость производства товаровъ. Патенты на новѣйшія изобрѣтенія покупаются часто за сотни тысячъ и даже милліоны рублей; а такія единовременныя затраты посильны, разумѣется, только крупнымъ капиталистамъ.

Особенно велика бываетъ разница въ количествѣ трудовой энергіи, которую приходится затрачивать при производствѣ даннаго товара машиннымъ путемъ и ручными инструментами. Это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Къ началу XX вѣка въ Америкѣ требовалось при производствѣ:

	Ручнымъ путемъ.	Машиннымъ путемъ.
10 плуговъ	1.180 час.	$37^1/_2$ час.
500 фунтовъ масла	125 „	$12^1/_2$ „
100 час. механизм.	341.866 „	8.343 „
1000 фунт. хлѣба въ фунт. булкахъ . .	28 „	$8^{14}/_{15}$ „

Эти цифры не означаютъ конечно, что стоимость изготовленнаго продукта понижается въ соотвѣтствующее число разъ, потому что при машинномъ производствѣ на продуктъ переносится, какъ было выяснено, и нѣкоторая часть стоимости машины; но если даже принять во вниманіе это обстоятельство, то трудовыя затраты на данный товаръ въ крупномъ предпріятіи, гдѣ работа производится при помощи машинъ, все же окажутся на много меньше, чѣмъ соотвѣтствующія затраты мелкихъ предпріятій, въ которыхъ работа совершается ручнымъ путемъ.

Кромѣ того, крупные капиталы, а, слѣдовательно, и крупныя предпріятія возрастаютъ гораздо быстрѣе, чѣмъ мелкія. Чѣмъ больше предпріятіе, тѣмъ больше прибыли приноситъ оно своему владѣльцу, тѣмъ бóльшую долю этой прибыли онъ можетъ затрачивать на расширеніе своего предпріятія. Если капиталистъ получаетъ 5.000 руб. годового дохода, то этой суммы едва хватаетъ для скромнаго существованія, приличествующаго его состоянію: онъ долженъ либо отказаться отъ

расширенія своего предпріятія, либо, въ лучшемъ случаѣ, «сберечь», скажемъ, 1000 рублей, т.-е. одну пятую своего дохода. Предприниматель, получающій 100.000 рублей годового дохода, можетъ «сберечь»—или затрачивать на расширеніе своей фабрики—четыре пятыхъ, и проживать при этомъ въ 4 раза больше перваго. Если же предприниматель владѣетъ капиталомъ, приносящимъ 1 милліонъ ежегодно, то онъ при обычныхъ условіяхъ едва ли можетъ истратить болѣе $^1/_{10}$ этого дохода на личное потребленіе; онъ не затруднится отдать на расширеніе предпріятія девять десятыхъ своего годового дохода.

Крупныя предпріятія имѣютъ тѣмъ больше шансовъ завоевать рынокъ, что они легко выдерживаютъ нѣкоторое пониженіе цѣнъ. Мелкій капиталистъ, который, можетъ быть, самъ едва существуетъ на свою прибыль, зачастую разоряется даже при кратковременномъ паденіи цѣнъ, а продолжительное губитъ его почти навѣрное. Предприниматель крупный, тратя на свои потребности лишь незначительную часть своей прибыли, остальное же на расширеніе дѣла, при уменьшеніи цѣнъ перестаетъ только расширять предпріятіе; если даже онъ и терпитъ убытки, то сравнительно нескоро разоряется окончательно.

Не выдерживая конкурренціи, мелкіе предприниматели оказываются вынуждены продавать свои мастерскія и орудія, при чемъ теряютъ организаторскую роль въ общественномъ производствѣ. Крупные же капиталисты пріобрѣтаютъ себѣ прежде принадлежавшія мелкимъ средства производства, и такимъ образомъ постепенно сосредоточиваютъ, концентрируютъ капиталы въ своихъ рукахъ.

Этотъ процессъ наблюдался во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, и, въ частности, также въ Россіи. Особенно яркую картину даетъ въ этомъ отношеніи наше бумаготкацкое производство. До тѣхъ поръ, пока не появился механическій ткацкій станокъ, техническія условія были одинаковы для крупныхъ фабрикъ и мелкихъ или кустарныхъ заведеній. Преимущества крупныхъ предпріятій мелкій производитель—въ большинствѣ случаевъ кустарь—съ успѣхомъ окупалъ удлиненіемъ рабочаго дня и эксплоатаціей членовъ своей семьи, до дѣтей включительно. Благодаря этому, мелкія предпріятія развивались въ текстильной промышленности весьма успѣшно, оказывая очень часто чувствительную конкурренцію фабрикамъ. Но лишь только началось распространеніе механическаго ткацкаго станка, пріобрѣтеніе котораго было подъ силу исключительно крупнымъ капиталистамъ, какъ началось и катастрофическое паденіе мелкаго производства; мелкіе предприниматели и, въ частности, кустари оказывались не въ силахъ выдерживать конкурренцію; они разорялись и, поскольку со стороны крупныхъ фабрикъ предъявлялся спросъ на рабочую силу, уходили работать на фабрику.

Такъ, въ Медынскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, количество ручныхъ станковъ за одинъ 1877 годъ уменьшилось на одну треть. въ Можайскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, число «мастерковъ» съ 1871 года по 1880 сократилось на двѣ трети, и т. д., и т. д. Въ результатѣ, число мелкихъ производителей. работавшихъ у себя на дому, за 28 лѣтъ (съ 1866 г. по 1894 г.) уменьшилось на 70%. въ то время, какъ число фабричныхъ рабочихъ возросло на 160%.

Все бóльшая и бóльшая доля производства сосредоточивалась постепенно въ крупныхъ предпріятіяхъ. Въ 1866 г. на долю фабрикъ. насчитывающихъ свыше 1000 рабочихъ, приходилось 50% общаго количества рабочихъ. занятыхъ въ хлопчатобумажной промышленности. въ 1894 году этотъ процентъ возросъ до 75. Напротивъ того, на долю среднихъ и мелкихъ фабрикъ, имѣвшихъ менѣе 500 рабочихъ, приходилось въ 1866 году 28% общей суммы рабочихъ, а въ 1894 году лишь 12%. Если мы предположимъ, что производительность труда рабочаго, занятаго на крупной фабрикѣ, такая же. какъ и въ мелкомъ и среднемъ предпріятіи (а это, конечно, преуменьшеніе первой, такъ какъ производительность труда, какъ намъ извѣстно, возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія предпріятія), то мы получимъ что изъ 100 аршинъ тканей, поступавшихъ на рынокъ въ 1866 году. половина была изготовлена на крупныхъ фабрикахъ, имѣвшихъ свыше тысячи рабочихъ. въ 1894 году фабрики этого типа выпускали на рынокъ уже 3/4 всѣхъ изготовлявшихся въ странѣ тканей. То же наблюдалось въ каменноугольной промышленности. Въ 1882—83 г.г. добыча угля на крупныхъ копяхъ съ производствомъ болѣе 5000 вагоновъ въ годъ составляла около 40% всей годовой добычи, а въ 1894—95 г.г. уже около 80%.

Таковъ процессъ концентраціи производства. который есть въ то же время процессъ концентраціи капиталовъ, или ихъ сосредоточенія во все меньшемъ и меньшемъ числѣ предпріятій. Статистически это сказывается въ непрерывномъ уменьшеніи числа собственниковъ и въ возрастаніи численности пролетаріата. Въ Германіи напримѣръ, число «самостоятельныхъ» составляло въ 1882 г. 32%, а въ 1895 году 29%; число рабочихъ соотвѣтствующимъ образомъ увеличилось,—измѣненіе значительное для такого короткаго промежутка. То же самое видно изъ увеличенія количества рабочихъ, имѣющихъ право выбирать въ германскій рейхстагъ: въ 1882 году число рабочихъ избирателей составляло 25% общаго числа избирателей, въ 1895 году—52,6%, въ 1907 г.—54.1%. въ 1910—56.2%. Напротивъ того. число избирателей-собственниковъ соотвѣтствующимъ образомъ убывало.

Процессъ концентраціи капиталовъ, который выражается въ ростѣ крупныхъ предпріятій. въ сосредоточеніи все возрастающей доли производства на крупныхъ фабрикахъ и заводахъ и, наконецъ, въ гибели

мелкихъ предпріятій, является результатомъ капитализированія, т.-е. превращенія въ дѣйствующій капиталъ огромныхъ массъ прибавочной стоимости, производимой отдѣльными капиталами. Но этотъ процессъ дополняется еще централизаціей капиталовъ, т.-е. соединеніемъ уже существующихъ отдѣльныхъ капиталовъ въ одинъ. Она состоитъ въ организаціи товариществъ и акціонерныхъ обществъ, которыя объединяютъ выросшіе независимо другъ отъ друга капиталы, и даютъ возможность сразу организовать гигантскія предпріятія, свойственныя эпохѣ развитого капитализма. Создавшись путемъ такой централизаціи капиталовъ, крупныя предпріятія еще болѣе ускоряютъ процессъ концентраціи, ибо ростъ концентраціи усиливается вмѣстѣ съ увеличеніемъ размѣровъ отдѣльныхъ предпріятій.

Процессъ централизаціи находитъ свое высшее выраженіе въ объединеніи отдѣльныхъ капиталистическихъ предпріятій подъ общимъ управленіемъ, или другими словами, въ созданіи предпринимательскихъ организацій, охватывающихъ иногда цѣлыя отрасли промышленности. Подобныя организаціи, извѣстныя подъ названіемъ картелей, синдикатовъ и трестовъ, составляютъ отличительную особенность новѣйшаго капитализма, и будутъ разсмотрѣны нами въ дальнѣйшемъ [1]).

Прямымъ слѣдствіемъ концентраціи и централизаціи капиталовъ является централизація рабочихъ. Разбросанные на первыхъ стадіяхъ развитія капитализма въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ отдѣльныхъ предпріятій, они постепенно сосредоточиваются на крупныхъ фабрикахъ и заводахъ. Подъ одной крышей работаютъ тысячи, а въ одномъ предпріятіи иногда и десятки тысячъ рабочихъ, связанныхъ своимъ общимъ положеніемъ и общностью интересовъ. Это облегчаетъ организацію рабочихъ массъ, которыя соединяются въ могущественные батальоны, ведущіе совмѣстную борьбу за улучшеніе своего матеріальнаго положенія.

А необходимость этой борьбы дѣлается все болѣе и болѣе настоятельной, потому что капиталъ используетъ ростъ производительности труда исключительно въ своихъ интересахъ. На долю рабочаго класса

---

[1]) Концентрація и централизація капиталовъ сами по себѣ стремятся уменьшить число предпріятій; но въ раннія эпохи развитія промышленнаго капитализма это явленіе не выступаетъ съ полной ясностью, будучи замаскировано противоположнымъ процессомъ: за счетъ первоначальнаго накопленія непрерывно основываются новыя и новыя предпріятія. — То, что выше было сказано относительно болѣе крупныхъ и болѣе мелкихъ капиталистовъ, относится также, до извѣстной степени, къ предпринимателямъ болѣе ловкимъ, искуснымъ, опытнымъ въ веденіи дѣлъ, и къ предпринимателямъ менѣе практичнымъ. Первые изъ своихъ капиталовъ извлекаютъ больше выгодъ, какъ будто бы ихъ капиталы были крупнѣе. По мѣрѣ того, какъ организаторская дѣятельность въ предпріятіяхъ передается наемнымъ спеціалистамъ, эта сторона дѣла начинаетъ терять свое значеніе.

достается все меньшая и меньшая доля продукта, ежегодно создаваемаго его руками. Такъ, съ 1890 г. по 1905 г. стоимость продуктовъ, производимыхъ рабочимъ классомъ Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, увеличилась на 110%, т.-е. больше, чѣмъ въ 2 раза; но доля этихъ продуктовъ, полученная рабочими, упала съ 20,2% до 17,9%. Чрезвычайно показательны въ этомъ отношеніи отчеты германскихъ профессіональныхъ союзовъ. Такъ, согласно отчету союза горнорабочихъ за 1913—14 г., доля заработной платы въ стоимости созданныхъ продуктовъ на каменноугольныхъ копяхъ съ 1905 г. по 1913 г. понизилась съ 58,8% до 51,2%, въ копяхъ бураго каменнаго угля соотвѣтствующій процентъ за тотъ же промежутокъ времени упалъ съ 46,8 до 41,5, а въ соляныхъ копяхъ съ 32,9 до 26,4. Союзъ рабочихъ металлистовъ Германіи указываетъ, что въ десяти крупнѣйшихъ предпріятіяхъ, насчитывающихъ въ среднемъ отъ 60 до 70 тысячъ рабочихъ, заработная плата за пятилѣтіе съ 1905 по 1909 г. возрасла лишь на 3,69%, въ то время, какъ прибыль этихъ предпріятій увеличилась на 14,73%, а ихъ капиталы на 25—35%.

Концентрація капиталовъ влечетъ за собой уничтоженіе мелкихъ предпріятій, а, слѣдовательно, усиленный ростъ пролетаризаціи. Но крупное машинное производство, какъ было выяснено, требуетъ относительно меньшаго количества рабочихъ, чѣмъ производство мелкое. Поэтому спросъ капитала на рабочія руки не поспѣваетъ за ростомъ численности пролетаріата. Извѣстная, все возрастающая часть рабочихъ, вынуждена оставаться безъ работы, въ резервной арміи капитала, и вести нищенское существованіе. Статистика всѣхъ капиталистическихъ странъ показываетъ непрерывное процентное увеличеніе рабочихъ, вынужденныхъ обращаться за помощью капиталистической благотворительности. Особенно сильно это отражается на старыхъ рабочихъ, которые выбрасываются капиталомъ на улицы, какъ ненужный ему элементъ. Въ Англіи, одной изъ богатѣйшихъ странъ міра, отъ 40 до 45% всѣхъ пролетаріевъ впадаютъ на старости лѣтъ въ нищету.

Итакъ, положеніе рабочаго класса становится все болѣе и болѣе необезпеченнымъ, уровень его жизни если и повышается, то только цѣною тяжелой борьбы, и гораздо медленнѣе, чѣмъ прибыль капитала, иногда даже и понижается. А если номинальная (денежная) заработная плата обычно и растетъ, то въ массѣ случаевъ это—лишь видимость улучшенія жизненнаго быта рабочихъ, потому что вздорожаніе жизни повсюду обгоняетъ увеличеніе ихъ денежной платы.

Далѣе. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что капиталъ долженъ удѣлять рабочему классу въ видѣ заработной платы такое количество продуктовъ, котораго хватило бы для воспроизводства рабочей силы, т.-е. для поддержанія жизни рабочихъ и для продолженія ихъ рода.

Другими словами, капиталъ изъ годового продукта долженъ удѣлять извѣстную долю и на воспитаніе подростающаго поколѣнія рабочихъ. Но по мѣрѣ развитія капитализма происходитъ пролетаризація мелкихъ производителей. Дешевые товары крупно-капиталистическаго производства разрушаютъ мелкія хозяйства не только передовыхъ странъ, но и отсталыхъ. Капиталистическая конкурренція пролетаризируетъ не только крестьянъ, ремесленниковъ и кустарей такъ называемыхъ цивилизованныхъ народовъ, но и отсталыхъ странъ Азіи и Африки. Эти страны выбрасываютъ огромныя массы рабочей силы, которыя покидаютъ свою родину и отправляются за заработкомъ въ капиталистическія страны Европы и Америки. Капитализмъ, подобно рабовладѣльческой системѣ классическаго міра, которая черпала рабовъ изъ среды варваровъ, получаетъ рабочую силу изъ Кореи, Китая, Японіи, Африки и т. д. Правда, это рабочая сила неквалифицированная; но машинное производство во многихъ случаяхъ и не требуетъ особаго искусства и особыхъ навыковъ.

Итакъ, классъ капиталистовъ получаетъ готовые кадры работниковъ, на воспитаніе которыхъ ему, какъ классу, не приходится затрачивать ровно ничего. Это означаетъ, во-первыхъ, что общая сумма, получаемая рабочимъ классомъ, соотвѣтствующимъ образомъ уменьшается, и во-вторыхъ, что рабочіе развитыхъ капиталистическихъ странъ наталкиваются на конкурренцію такъ называемыхъ «черныхъ» и «желтыхъ» рабочихъ. Уровень жизни послѣднихъ, или стоимость воспроизводства ихъ рабочей силы, ниже чѣмъ для такъ называемыхъ цивилизованныхъ рабочихъ. Отсюда еще бо́льшая шаткость положенія рабочаго класса.

Все это обостряетъ профессіональную, политическую и, вообще, классовую борьбу пролетаріата, который начинаетъ сознавать, что въ предѣлахъ капиталистическаго общества нѣтъ спасенія. Онъ начинаетъ поэтому борьбу за уничтоженіе капиталистическаго общества и за организацію производства на новыхъ, соціалистическихъ началахъ. Въ развитіи этой борьбы концентрація капиталовъ, какъ видимъ, играетъ огромную роль. Она способствуетъ организаціи рабочихъ и проясняетъ ихъ классовое самосознаніе, разоблачая антагонистическій (противорѣчивый) характеръ капиталистическаго строя, при которомъ производство принимаетъ все болѣе общественный характеръ, а присвоеніе остается частнымъ, индивидуальнымъ.

8. Понятіе о рынкѣ и кризисы.

Въ натурально-хозяйственныхъ системахъ процессъ производства ведется по опредѣленному, напередъ намѣченному плану. Представимъ себѣ такъ называемую большую крестьянскую семью славянскаго типа,

хозяйство, объединяющее 60—80 человѣкъ, и экономически вполнѣ самодовлѣющее. Руководителямъ подобнаго хозяйства прекрасно извѣстны, съ одной стороны, размѣръ его потребностей—необходимое ему количество съѣстныхъ припасовъ, одежды, орудій и т. д.—и, съ другой стороны, количество имѣющихся въ его распоряженіи производительныхъ силъ, т. е. наличныхъ средствъ производства и трудоспособныхъ людей. Движущей силой такого хозяйства является стремленіе къ наиболѣе полному удовлетворенію потребностей его членовъ. Послѣднее и служитъ исходной точкой для распредѣленія производительныхъ силъ.

Если нашему хозяйству нужно, положимъ, 1500 пудовъ хлѣба, 600 аршинъ холста, 5 новыхъ телѣгъ и т. д., то оно не станетъ, конечно, въ ущербъ производству холста и телѣгъ увеличивать свою запашку, чтобы получить въ 2 раза больше хлѣба, чѣмъ ему въ дѣйствительности нужно. Напротивъ, оно будетъ распредѣлять имѣющіяся у него средства производства и рабочія силы такъ, чтобы наиболѣе цѣлесообразно удовлетворить потребности своихъ членовъ: извѣстная часть рабочихъ будетъ занята хлѣбопашествомъ, другая, тоже вполнѣ опредѣленная часть будетъ работать надъ изготовленіемъ телѣгъ, тканей и т. д.

Ясно, что никакого «перепроизводства» здѣсь быть не можетъ. Производство изъ году въ годъ протекаетъ вполнѣ регулярно, безъ всякихъ потрясеній, и лишь стихійныя бѣдствія, въ родѣ неурожая, пожара или эпидеміи, могутъ нарушить его нормальный ходъ, его движеніе по разъ навсегда проторенной тропѣ.

Иную картину представляетъ мѣновое, и въ особенности, капиталистическое хозяйство. Слагаясь изъ массы формально независимыхъ другъ отъ друга отдѣльныхъ предпріятій, оно имѣетъ неорганизованный, анархичный характеръ. Ни одинъ капиталистъ не знаетъ, сколько товаровъ того или другого рода будетъ куплено, какъ великъ будетъ спросъ на нихъ. Тутъ нѣтъ органа, который указывалъ бы каждому отдѣльному предпріятію, сколько оно должно произвести за данный періодъ, и нѣтъ органа, который распредѣлялъ бы произведенные продукты между потребителями. Напротивъ того, каждый предприниматель дѣйствуетъ за свой страхъ и рискъ, и стремленія его всецѣло сводятся къ расширенію производства съ цѣлью увеличенія количества извлекаемой имъ прибыли.

Единственнымъ регуляторомъ капиталистическаго производства, взятаго въ цѣломъ, является движеніе товарныхъ цѣнъ. Если количество товаровъ въ данной отрасли превышаетъ объективную потребность въ нихъ, то предложеніе превышаетъ спросъ, и цѣны начинаютъ падать; при обратныхъ условіяхъ онѣ повышаются. Въ первомъ случаѣ предприниматели, опасаясь убытковъ, приступаютъ къ сокращенію произ-

водства; во второмъ случаѣ они расширяютъ его. Въ этомъ отношеніи движеніе цѣнъ подобно регулятору паровой машины, которой автоматически выравниваетъ ея ходъ: когда машина ускоряетъ свой ходъ, шары регулятора подъ вліяніемъ возрастанія центробѣжной силы подымаются, это поднятіе посредствомъ системы рычаговъ обусловливаетъ съуженіе отверстія, черезъ которое паръ изъ котла проникаетъ въ цилиндръ, и машина, вслѣдствіе этого, замедляетъ свой ходъ; когда движеніе машины замедляется, регуляторъ подобнымъ же путемъ его ускоряетъ. Такимъ образомъ, регуляторъ паровой машины, какъ и движеніе цѣнъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ, обнаруживаютъ и выправляютъ нарушеніе лишь послѣ того, какъ оно совершилось. Разница только въ томъ, что регуляторъ автоматически и немедленно устраняетъ эти нарушенія, въ то время, какъ измѣненія въ движеніи цѣнъ воздѣйствуютъ на производство не сразу и не непосредственно, а черезъ индивидуальныхъ предпринимателей, которые зачастую оказываются не въ состояніи справиться съ ими же созданнымъ положеніемъ.

Итакъ, регулирующій органъ натурально-хозяйственной системы и сознательная воля коллектива замѣнены здѣсь властью рынка, силами, стоящими надъ человѣкомъ и независимыми отъ его воли. Рынокъ — вотъ мѣсто, гдѣ находятъ себѣ сбытъ произведенные товары, гдѣ предприниматель можетъ превратить произведенныя стоимости во всеобщую, денежную форму, и гдѣ онъ можетъ найти то или иное примѣненіе для полученной въ его предпріятіи прибыли. Рынокъ—вотъ та слѣпая сила, которая руководитъ всѣми дѣйствіями капиталистическаго предпринимателя. А если это такъ, то мы прежде всего должны приступить къ изслѣдованію рынка.

Каждая отрасль промышленности является рынкомъ для цѣлаго ряда другихъ отраслей и, со своей стороны, служитъ для нихъ рынкомъ.

Горныя предпріятія даютъ топливо и матеріалы для машиностроительныхъ заводовъ, которые, въ свою очередь, поставляютъ первымъ разнообразныя машины: вентиляторы, подъемные механизмы и т. д.; кожевенная промышленность нуждается въ дубильныхъ веществахъ, доставляемыхъ химическимъ производствомъ, а послѣднее, со своей стороны, не можетъ обойтись безъ приводныхъ ремней, изготовляемыхъ въ кожевенной промышленности; машины, сырье и всякіе вспомогательные матеріалы необходимы для всѣхъ отраслей промышленности, стало быть и для производства средствъ потребленія; а рынкомъ для средствъ потребленія являются, прежде всего, рабочія силы, связанныя положительно со всѣми отраслями промышленности. Бумажное производство работаетъ, главнымъ образомъ, для типографскаго; прядильное для ткацкаго, хлопковыя плантаціи для прядильнаго, и т. д. Благодаря такимъ связямъ измѣненіе рынка (расширеніе или съуже-

ніе) въ одной отрасли распространяется изъ нея на другія, и вызываетъ гораздо болѣе значительное измѣненіе капиталистическаго производства, взятаго въ цѣломъ.

Положимъ, напримѣръ, что спросъ на книги, газеты, журналы и т. п. расширился на 1 милліонъ рублей. Это повлечетъ за собой сбытъ бумажныхъ фабрикъ, скажемъ, на 500 тысячъ рублей, сбытъ заводовъ, производящихъ печатныя машины, на 200 тысячъ рублей, и, наконецъ, сбытъ химической промышленности, изготовляющей типографскія краски, на 100 тысячъ рублей; расширеніе въ печатномъ производствѣ вызвало, такимъ образомъ, новое, правда, меньшаго размаха, расширеніе въ рядѣ другихъ отраслей. Но этимъ дѣло не ограничивается: бумажныя фабрики предъявятъ спросъ на дополнительное количество древесной массы и машинъ; заводамъ, поставляющимъ печатныя машины и наборъ, нужно будетъ увеличенное количество металловъ, а химическому производству потребуется дополнительное количество продуктовъ каменноугольной промышленности. Поднимется третья волна расширенія, которая, въ свою очередь, обладаетъ меньшимъ размахомъ, чѣмъ предыдущая; за третьей послѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ волнъ, все болѣе и болѣе слабыхъ. Все это увеличитъ количество занятыхъ рабочихъ, а слѣдовательно, и спросъ на средства потребленія; результатомъ этого будетъ распространеніе новой волны расширенія, которая будетъ, конечно, слабѣе той первоначальной волны, которая ее вызвала. Увеличеніе прибыли капиталистовъ можетъ послужить причиной увеличенія спроса на предметы ихъ личнаго потребленія, но эта волна расширенія будетъ обладать еще меньшимъ размахомъ, чѣмъ вызванная возрастаніемъ спроса на предметы потребленія рабочихъ.

Всѣ отрасли промышленности, обнаруживающія описанную выше цѣпную связь, необходимо разграничить на два крупныхъ подраздѣленія: на производство средствъ производства (орудій и матеріаловъ) и на производство средствъ потребленія. Къ первому подраздѣленію относятся производство разнообразныхъ машинъ, сырья (металловъ, хлопка, пряжи, красокъ и т. п.) и вспомогательныхъ матеріаловъ (угля, смазочнаго масла, освѣтительнаго матеріала и пр.); второе подраздѣленіе составится изъ отраслей, которыя служатъ для удовлетворенія непосредственныхъ человѣческихъ потребностей,—сюда войдутъ предпріятія сельскаго хозяйства, хлѣбопекарни, скотобойни, колбасныя фабрики, ткацкія предпріятія, типографское дѣло, и т. д. Особенность производства средствъ потребленія заключается въ томъ, что оно самостоятельно можетъ служить исходной точкой для волны расширенія или съуженія рынка, въ то время, какъ отрасли производства средствъ производства являются послѣдующими звеньями въ цѣпи

этого расширенія или съуженія. При всей анархичности капиталистическаго хозяйства, оно отнюдь не производитъ машинъ ради машинъ, угля ради угля и желѣза ради желѣза. Правда, есть машины, которыя служатъ для производства другихъ машинъ такого же назначенія. При помощи токарныхъ станковъ можно производить токарные станки, на которыхъ, въ свою очередь, будутъ производиться токарные станки, но въ концѣ-концовъ на нихъ все-таки будутъ изготовлять машины для выработки предметовъ потребленія; хотя токарные станки, такимъ образомъ, и «рождаютъ» себѣ подобныхъ, но въ концѣ-концовъ они все же служатъ для изготовленія орудій сельскаго хозяйства, земледѣльческихъ и иныхъ, сепараторовъ, отдѣляющихъ сливки отъ молока, мясорубокъ, необходимыхъ въ фабричномъ производствѣ колбасы, ткацкихъ станковъ, производящихъ ткани, печатныхъ станковъ и тысячъ другихъ орудій, машинъ и аппаратовъ, которые предназначены для производства разнообразнѣйшихъ предметовъ потребленія человѣка. А если это такъ, то волны расширенія могутъ исходить только изъ области производства средствъ существованія, и основу расширенія рынка, взятаго въ цѣломъ, составляетъ ростъ потребительскаго рынка. Конечно, производство средствъ производства, какъ указано выше, тоже можетъ вызвать измѣненіе рынка, но эти измѣненія не самостоятельнаго характера: они сами представляютъ вторичныя, производныя явленія.

Размѣръ общаго расширенія рынка въ зависимости отъ расширенія потребительнаго рынка поддается даже приблизительному математическому подсчету. Положимъ, что въ «цѣнахъ производства» каждаго товара доля прибыли составляетъ 10%, а доля издержекъ на средства производства и рабочую силу 90%. Тогда при расширеніи потребительнаго рынка на 1 милліонъ рублей потребуется добавочное количество средствъ производства и средствъ существованія для рабочихъ на 900.000 рублей; но для производства товаровъ, соотвѣтствующимъ 900.000 рублямъ, опять потребуется добавочное количество средствъ производства и средствъ существованія на сумму, равную 90% отъ 900.000 руб., т.-е. на 810.000 руб. Но и для производства этихъ товаровъ необходимы средства производства и средства существованія для рабочихъ, и опять-таки на сумму, равную 90% отъ 810.000 руб., т.-е. на 729.000 руб. Послѣднее расширеніе рынка повлечетъ за собой новое расширеніе на 90% этого количества, и т. д. Такимъ образомъ, толчекъ, данный расширеніемъ потребительнаго рынка на 1 милліонъ рублей, вызываетъ безконечную волну расширенія, которая въ своемъ распространеніи непрерывно ослабляется, пока не замретъ совсѣмъ. Чтобы получить общую величину расширенія намъ, слѣдовательно, придется сложить слѣдующій безконечный рядъ чиселъ:

$$1.000.000 + 900.000 + 810.000 + 729.000 + 656.100 + \ldots$$

Сумма этого ряда чиселъ называемаго геометрической прогрессіей, равна, по законамъ алгебры

$$\frac{1.000.000}{1 - \frac{9}{10}} = 10.000.000$$ [1]).

Итакъ, расширеніе потребительнаго рынка на 1 милліонъ обусловливаетъ общее расширеніе всего капиталистическаго рынка на 10 милліоновъ рублей. Это имѣетъ мѣсто, когда доля прибыли въ цѣнахъ производства составляетъ 10%. Если бы эта доля составляла 5%, то соотвѣтствующее расширеніе, согласно приведенной формулѣ, выразилось бы въ суммѣ, равной

$$\frac{1.000.000}{1 - \frac{19}{20}} = 20.000.000 \text{ руб.}$$

При 4% мы имѣли бы расширеніе въ 25 милліоновъ, и т. д. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ гораздо сложнѣе, потому что доля прибыли въ цѣнахъ производства не одинакова для всѣхъ отраслей промышленности; но эти подсчеты вполнѣ передаютъ сущность тѣхъ связей, которыя имѣются въ капиталистической дѣйствительности.

Выясненіе цѣпной связи между отдѣльными отраслями промышленности даетъ намъ возможность приступить къ разсмотрѣнію процесса **реализаціи**, и тѣхъ условій, которыя необходимы для безпрепятственнаго теченія капиталистическаго производства.

Реализація товаровъ есть не что иное какъ ихъ продажа на рынкѣ; она является конечной цѣлью производства для всякаго капиталистическаго предпріятія и средствомъ, съ помощью котораго оно почерпаетъ энергію для дальнѣйшей жизни. Если прекращается реализація, если та или другая фабрика не можетъ сбыть изготовленныхъ товаровъ, то она не въ состояніи купить новаго сырья и нанимать рабочихъ: ея производство должно прекратиться.

Наиболѣе гладкое теченіе процесса реализаціи товаровъ всего капиталистическаго производства въ цѣломъ мы имѣемъ въ томъ случаѣ, если производство не расширяется. Послѣднее имѣетъ мѣсто, когда классъ капиталистовъ затрачиваетъ всю прибавочную стоимость на лич-

---

[1]) Въ алгебрѣ доказывается, что сумма безконечно убывающей геометрической прогрессіи равна частному отъ дѣленія ея перваго члена на разность, полученную отъ вычитанія знаменателя прогрессіи изъ единицы. Знаменателемъ прогрессіи называется число, показывающее, во сколько разъ послѣдующій членъ прогрессіи меньше предыдущаго.

ныя потребности, и стало-быть, не прибѣгаетъ къ накопленію. Масштабъ производства при этихъ условіяхъ не измѣняется, и въ теченіе длительнаго періода идетъ повтореніе производственной дѣятельности общества въ однихъ и тѣхъ же размѣрахъ, то, что называютъ **простымъ воспроизводствомъ**.

Разобьемъ все производство въ цѣломъ на два указанныхъ выше подраздѣленія: на производство средствъ производства и производство средствъ потребленія. Положимъ, что въ первомъ подраздѣленіи величина стоимости капитала, который ежегодно затрачивается на производство, равна 5.000 какихъ-нибудь единицъ (трудовыхъ или денежныхъ—безразлично), и что эта сумма распадается на 4.000 постояннаго капитала (средства произв.) и на 1.000 перемѣннаго капитала (зараб. плата). Тогда нашъ капиталъ представится въ такомъ видѣ:

$$\text{I. } 4.000\,c + 1.000\,v = 5.000 \text{ [1]}.$$

Пусть стоимость ежегодныхъ затратъ капитала во второмъ подраздѣленіи равна 2.500 ед., и составъ ихъ такой:

$$\text{II. } 2.000\,c + 500\,v = 2.500.$$

Эти капиталы въ обоихъ подраздѣленіяхъ служатъ исходнымъ пунктомъ для производственнаго цикла.

Положимъ, что норма прибавочной стоимости равна 100%, или, другими словами, что стоимость прибавочнаго продукта равна стоимости перемѣннаго капитала. Въ такомъ случаѣ въ I подраздѣленіи въ концѣ года будетъ выработано на

$\text{I. } 4.000\,c + 1.000\,v + 1.000\,m = 6.000$ — средствъ производства; и во II подраздѣленіи на

$\text{II. } 2.000\,c + 500\,v + 500\,m = 3.000$ — средствъ потребленія.

Изъ общей суммы въ 3.000 II подраздѣленія 500 потребляется рабочими того же самаго подраздѣленія: эта сумма соотвѣтствуетъ ихъ заработной платѣ. То же самое происходитъ съ прибавочной стоимостью, которая, согласно нашему допущенію, цѣликомъ идетъ на личное потребленіе капиталистовъ. Итого, стало быть, во II подраздѣленіи потребляется 1000 ед. Не слѣдуетъ, конечно, думать, что капиталисты и рабочіе потребляютъ только продукты ихъ предпріятій: отдѣльныя предпріятія внутри этого подраздѣленія обмѣниваются равноцѣнностями, причемъ одни покупаютъ у другихъ, другіе—у третьихъ, третьи—у первыхъ, и т. д., пока они взаимно не реализуютъ стоимости товаровъ безъ всякихъ задержекъ.

---

[1]) Буквой c означаютъ постоянный, буквой v — перемѣнный капиталъ.

Въ подраздѣленіи II остается еще 2.000 средствъ потребленія которыя будутъ потреблены въ подраздѣленіи I: 1.000 рабочими этого подраздѣленія, а 1.000—его капиталистами. Въ обмѣнъ за эти 2.000 подраздѣленіе I дастъ II-му на такую же сумму средствъ производства, при помощи которыхъ оно сумѣетъ начать новый циклъ производства. Въ подраздѣленіи I, за вычетомъ 2.000 отданныхъ II, останется средствъ производства на 4.000. Въ процессѣ обмѣна они распредѣлятся между предпріятіями подраздѣленія I и послужатъ исходнымъ пунктомъ для слѣдующаго цикла, который опять начнется въ прежнихъ размѣрахъ. Второй циклъ будетъ протекать такъ, какъ первый, за вторымъ послѣдуетъ третій, и т. д.; реализація будетъ происходить какъ-бы по шаблону, безъ всякихъ затрудненій.

Въ случаѣ простого воспроизводства реализація, такимъ образомъ, протекаетъ совершенно безпрепятственно, и въ ходѣ производства никакихъ нарушеній наблюдаться не будетъ. Но такой случай мыслимъ лишь теоретически,—на самомъ дѣлѣ простое воспроизводство представляетъ собой рѣдкое исключеніе, такъ какъ человѣческое общество не топчется на одномъ мѣстѣ, а развивается. Въ дѣйствительности прибавочная стоимость лишь отчасти потребляется капиталистами, которые, подъ вліяніемъ стихійныхъ силъ конкурренціи, бо́льшую часть ея затрачиваютъ на расширеніе предпріятій: въ жизни наблюдается не простое, а р а с ш и р е н н о е в о с п р о и з в о д с т в о, при которомъ реализація становится не такъ легка.

Для упрощенія анализа допустимъ, что все производство является единымъ техническимъ аппаратомъ. Пусть весь ежегодно затрачиваемый общественный капиталъ состоитъ изъ 1.000 какихъ-нибудь единицъ (это могутъ быть милліоны часовъ рабочаго времени, милліоны рублей, франковъ и т. п.). Положимъ далѣе, что органическій составъ капитала, т.-е. отношеніе стоимости его постоянной и перемѣнной частей, равенъ отношенію 4:1. Тогда весь нашъ общественный капиталъ можно представить какъ 800c+200v. При нормѣ прибавочной стоимости въ 100%, мы по завершеніи перваго періода обращенія будемъ имѣть продуктъ стоимостью въ 800c+200v+200m=1200. Если мы имѣемъ передъ собой случай расширеннаго воспроизводства, то прибавочная стоимость (200m) лишь частью идетъ на личное потребленіе капиталистовъ; другая часть накопляется, т.-е. превращается въ производительный капиталъ. Пусть накопленію подлежитъ половина прибавочной стоимости—100. Тогда эта сумма при н е и з м ѣ н н о с т и органическаго состава капитала должна распасться на 80c+20v. Второй періодъ обращенія начнется съ капиталомъ въ 880c+220v и завершится производствомъ продукта въ 880c+220v+220m=1320. Чтобы накопленіе въ этихъ размѣрахъ было возможно, необходимо было про-

извести добавочное количество средствъ производства на 80 единицъ стоимости, и средствъ существованія для рабочихъ на 20. Если бы этого не произошло, если бы, напримѣръ, средствъ существованія рабочихъ попрежнему было произведено лишь на 200 ед., то въ производствѣ средствъ производства обнаружилось бы перепроизводство на 80, которыя не нашли бы себѣ сбыта. Равновѣсіе капиталистической системы нарушилось бы.

Но допустимъ, что нарушенія никакого не произошло, и что разсматриваемый періодъ обращенія кончился благополучно. Наступаетъ третій періодъ, въ которомъ половина прибавочной стоимости предыдущаго періода, т.-е. 110, подлежитъ накопленію. Прибавочный продуктъ, при неизмѣнности органическаго состава капитала, долженъ распасться на 88 единицъ стоимости въ средствахъ производства, плюсъ 22 въ средствахъ потребленія рабочихъ, плюсъ 110 въ средствахъ потребленія капиталистовъ. Чтобы это имѣло мѣсто въ дѣйствительности, производство должно расшириться уже не на 100 (80c+20v), какъ въ предыдущемъ случаѣ, а на 110 (88c+22v).

Но имѣются ли всегда въ дѣйствительности при накопленіи благопріятныя условія для реализаціи?

Мы видѣли, что потребленіе капиталистовъ должно возрастать въ такой же мѣрѣ, какъ и расширеніе производства: со 100 до 110, со 110 до 121, и т. д. Но по мѣрѣ возрастанія размѣровъ прибавочной стоимости потребленіе капиталистами половины этой прибавочной стоимости становится все болѣе затруднительнымъ, все менѣе вѣроятнымъ: если капиталистъ прежнихъ временъ могъ тратить на себя изъ 20 тысячъ дохода 10 тысячъ, то затрата, напр., 500 тыс. изъ милліоннаго дохода удастся лишь при крайней расточительности, т.-е., другими словами, должна быть рѣдкимъ явленіемъ. Это—во-первыхъ. Далѣе, капиталистъ, находящійся подъ вѣчной угрозой быть побитымъ въ конкурренціи, вынуждается къ неустанному расширенію производства; и онъ, разумѣется, не руководствуется тѣмъ, что для успѣшной реализаціи допустимо накопленіе лишь половины (какъ предположено въ нашемъ примѣрѣ) прибавочной стоимости. Наконецъ, численность класса капиталистовъ уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ ограничиваются и размѣры ихъ потребленія. Но разъ это такъ, то передъ нами выступаетъ тенденція къ относительному съуженію рынка предметовъ потребленія, которое, согласно разсмотрѣнной цѣпной связи, вызываетъ общее съуженіе рынка, значительно превосходящее первоначальный толчокъ. Уже здѣсь таятся условія, ведущія къ разстройству системы всего капиталистическаго производства.

Такъ обстоитъ дѣло при неизмѣнности техники. Но силы, нарушающія равновѣсіе капиталистической системы, становятся еще зна-

чительнѣе въ случаѣ техническихъ усовершенствованій, которыми неизбѣжно сопровождается развитіе капитализма. Въ самомъ дѣлѣ, пусть въ какой-нибудь отрасли были введены техническія улучшенія, но расширенія производства не произошло. Тогда для выработки прежняго количества товаровъ потребуется, благодаря повышенію производительности труда, меньшее число рабочихъ. Это вызоветъ сокращеніе потребительнаго рынка, которое, какъ показано выше, повлечетъ за собой гораздо болѣе значительное съуженіе рынка въ цѣломъ. Въ рядѣ отраслей намѣтится перепроизводство и, слѣдовательно, нарушеніе всей системы.

Правда, обычно за техническимъ прогрессомъ идетъ расширеніе производства. Пусть, напримѣръ, въ текстильной промышленности введены новыя машины. Повышая производительность труда, онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, способствуютъ удешевленію товаровъ; и фабриканты, въ надеждѣ, что производимыя ими ткани станутъ предметомъ болѣе широкаго массового потребленія, будутъ вести производство въ болѣе широкомъ масштабѣ. Количество рабочихъ силъ, занятыхъ въ разсматриваемой отрасли, можетъ при этомъ не уменьшиться, и сокращеніе потребительнаго рынка тогда не произойдетъ. Онъ можетъ даже нѣсколько увеличиться за счетъ усиленнаго спроса на предметы потребленія капиталистовъ; и уже несомнѣнно возрастетъ спросъ во всѣхъ отрасляхъ, доставляющихъ для текстильной промышленности средства производства. Равновѣсіе, такимъ образомъ, можетъ быть возстановлено, и притомъ на расширенномъ базисѣ.

Иное получается тогда, когда техническія улучшенія происходятъ не въ сферѣ производства средствъ потребленія, какъ въ предыдущемъ случаѣ, а въ сферѣ производства средствъ производства. Положимъ, что совершенствуется, напримѣръ, производство машинъ. Тогда для изготовленія прежняго количества машинъ нужно меньшее количество рабочихъ рукъ. Расширить производство, сохранивъ прежнее количество рабочихъ, можно лишь въ томъ случаѣ, если расширятся тѣ отрасли, которыя пользуются машинами. Для этого необходимо, конечно, расширеніе основной, потребительной части рынка; а между тѣмъ мы имѣемъ не расширеніе, а съуженіе потребительнаго рынка, вызванное сокращеніемъ числа рабочихъ въ производствѣ машинъ. Чтобы реализація товаровъ протекала безпрепятственно, необходимо, стало-быть, чтобы наряду съ расширеніемъ производства машинъ произошло и расширеніе ряда другихъ отраслей промышленности,—а шансовъ для этого очень немного. Тутъ-то передъ капиталистической системой выступаетъ серьезная угроза нарушенія ея равновѣсія.

Для его возстановленія капитализмъ находитъ иногда новые районы сбыта въ видѣ внѣшнихъ рынковъ. Такими районами могутъ быть от-

сталыя до-капиталистическія страны, напримѣръ, колоніи, или же некапиталистическіе слои буржуазныхъ государствъ, именно крестьянское хозяйство [1]). Но крестьянское хозяйство въ процессѣ своего развитія тоже рано или поздно вовлекается въ сферу капитализма, и перестаетъ быть для него «внѣшнимъ рынкомъ». То же самое происходитъ съ отсталыми странами. Капитализмъ разрушаетъ въ нихъ натурально-хозяйственныя формы: онъ развиваетъ въ нихъ товарное производство, и наводняя ихъ своими товарами, влечетъ массовую гибель мелкихъ производителей. Колоніи, такимъ образомъ, превращаются въ промышленныя страны, входя, какъ новые конкурренты, въ систему міровою капитализма. Область внѣшнихъ рынковъ все болѣе съуживается; и они не могутъ предотвратить перепроизводства, а могутъ лишь отсрочить его обнаруженіе. Оно неизбѣжно, потому что стихійная сила конкурренціи порождаетъ стремленіе капиталистическаго производства къ безпредѣльному расширенію. Каждый отдѣльный предприниматель не можетъ не подчиняться этому стремленію, не можетъ остановиться въ расширеніи предпріятія и въ развитіи его техники; иначе онъ былъ бы очень скоро побитъ въ конкурренціи другими, болѣе энергичными капиталистами. И такъ какъ стремленіе уцѣлѣть свойственно каждому отдѣльному капиталисту, то всѣ они одинаково дѣйствуютъ такъ, что производство въ цѣломъ проявляетъ тенденцію къ безграничному расширенію. А мы видѣли, что по мѣрѣ развитія капитализма и сопровождающаго его роста машиннаго производства создаются условія относительнаго съуженія основной части рынка, именно рынка потребительнаго. Сталкиваясь, обѣ эти тенденціи рано или поздно неизбѣжно приводятъ къ глубокому разстройству всей капиталистической системы: налицо оказывается общее перепроизводство.

Явленія общаго перепроизводства впервые выступили съ достаточной опредѣленностью въ первой четверти XIX вѣка, когда машинный капитализмъ сдѣлалъ уже значительные успѣхи; мануфактурный капитализмъ не зналъ этихъ явленій, потому что ему не было свойственно такое стремительное развитіе производства, и потому, что для расширенія рынковъ имѣлась масса некапиталистическихъ странъ.

Общее перепроизводство выражается въ такъ называемыхъ промышленныхъ кризисахъ. Промышленный кризисъ представляетъ изъ себя глубокое и обширное потрясеніе всей системы общественнаго хозяйства, сложный комплексъ разнообразныхъ явленій, поразительныхъ

[1]) Обычно внѣшнимъ рынкомъ называется рынокъ, расположенный за предѣлами даннаго капиталистическаго государства; но если мы разсматриваемъ единый, міровой капитализмъ, то понятіе „внѣшній рынокъ“ въ этомъ смыслѣ для насъ не имѣетъ значенія.

и угрожающихъ по своему характеру: рѣзкое паденіе цѣнъ, разореніе множества предпріятій, массовая безработица, и т. д. Это—громадное, общественно-стихійное бѣдствіе, охватывающее, время отъ времени, капиталистическій міръ.

Чтобы выяснить себѣ, почему явленія перепроизводства могли обнаруживаться не постепенно, въ видѣ, наприм., явнаго, медленно возрастающаго переполненія рынковъ съ медленнымъ паденіемъ цѣнъ, а быстро, въ формѣ настоящихъ «кризисовъ», надо принять во вниманіе сложное цѣпное строеніе всего капиталистическаго механизма и неорганизованность капиталистическаго производства. Ни одинъ предприниматель не можетъ имѣть точныхъ свѣдѣній ни о состояніи промышленности въ ея цѣломъ, ни о положеніи дѣлъ въ отдѣльныхъ ея отрасляхъ. Биржевая организація, правда, позволяетъ получать нѣкоторыя свѣдѣнія подобнаго рода, публикуя ежедневно бюллетени о состояніи цѣнъ во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ мірового рынка; но при стремительномъ возрастаніи всего производства и при значительныхъ колебаніяхъ спроса она не даетъ средствъ судить объ измѣняющихся отношеніяхъ между общими размѣрами производства и общей суммой спроса. Такимъ образомъ, быстрое расширеніе производства продолжается не только тогда, когда спросъ еще достаточенъ, но и нѣкоторое время послѣ того, какъ соотвѣтствіе того и другого уже нарушено. Скрытое перепроизводство уже существуетъ, но оно еще ничѣмъ не проявляется: фабрикантъ продолжаетъ свое дѣло не только въ прежнихъ, но еще въ большихъ размѣрахъ, полагая, что найдетъ покупателей, какъ находилъ до сихъ поръ; оптовый торговецъ дѣлаетъ у него огромныя закупки, разсчитывая на постепенный сбытъ или на немедленную спекулятивную перепродажу товара. По внѣшности положеніе дѣлъ является вполнѣ благопріятнымъ; и тѣмъ сильнѣе возрастаетъ перепроизводство.

Наконецъ, наступаетъ моментъ, когда перепроизводство обязательно обнаруживается въ недостаткѣ покупателей на какіе-нибудь товары. Цѣна этихъ товаровъ рѣзко понижается, и разоряются многіе изъ предпринимателей, промышленныхъ и торговыхъ, предлагающихъ данные товары на рынкѣ; другіе же принуждены сократить или временно пріостановить свое производство. Такимъ образомъ, въ одной области общественнаго хозяйства происходитъ рѣзкое сокращеніе производства со всѣми его послѣдствіями, въ видѣ пониженія заработной платы, безработицы и т. п. Въ силу тѣсной цѣпной связи между различными отраслями производства въ кризисъ вовлекаются другія отрасли, напримѣръ, тѣ, которыя доставляютъ первой матеріалы, и тѣ, которыя доставляютъ орудія,—спросъ на все это оказывается сразу рѣзко пониженнымъ,—потомъ тѣ, которыя подобнымъ же образомъ связаны съ

этими послѣдними отраслями, и т. д. Волны съуженія распространяются такимъ образомъ лавино-образно, кризисъ охватываетъ всѣ отрасли, и весь организмъ капиталистическаго хозяйства заболѣваетъ тяжелой болѣзнью.

Само собой понятно, что въ общемъ экономическомъ крушеніи торговое и кредитное дѣло неминуемо участвуютъ вмѣстѣ съ другими отраслями производства. Надо только прибавить, что, въ силу самаго своего характера, предпріятія того и другого рода подвергаются особенно сильному потрясенію: торговцы всѣхъ непосредственнѣе испытываютъ на себѣ вліяніе недостаточнаго спроса, а банки страдаютъ и отъ разоренія массы своихъ должниковъ, которые перестаютъ имъ платить, и отъ неумѣренныхъ требованій со стороны напуганныхъ кризисомъ вкладчиковъ, которые спѣшатъ взять деньги изъ банка на руки. Разореніе же торговцевъ и банкировъ опять-таки разстраиваетъ дѣла очень многихъ пользующихся ихъ услугами промышленныхъ капиталистовъ, и т. д.

Такъ явленія кризиса съ однихъ отраслей производственной жизни распространяются на другія. Въ этомъ сказываются высокая сложность и связность капиталистической организаціи. Въ эпоху натуральнаго хозяйства, когда отдѣльныя группы жили почти изолированной жизнью, ничего подобнаго быть не могло: даже полная гибель однѣхъ группъ мало вліяла на судьбу другихъ. Въ ремесленно-городскомъ обществѣ связь между хозяйствами уже сильнѣе развита, но въ каждомъ данномъ случаѣ она является болѣе или менѣе тѣсною лишь для сравнительно небольшого числа ихъ,—и разстройства хозяйственной жизни не распространяются широко. Капиталистическое общество съ его высоко развитымъ раздѣленіемъ труда подобно въ этомъ отношеніи высшимъ организмамъ, тогда какъ предыдущія общественныя формаціи можно сравнить съ низшими организмами: если разрушить часть тѣла у человѣка, то весь организмъ испытываетъ тяжелый кризисъ, такъ что вредное вліяніе отражается и на органахъ, наиболѣе удаленныхъ отъ мѣста воздѣйствія; наоборотъ, у какого-нибудь полипа или червя, со слабымъ раздѣленіемъ жизненной дѣятельности между частями тѣла, даже очень сильное мѣстное поврежденіе мало отзывается на остальныхъ элементахъ организма.

Явленія типичнаго остраго кризиса характеризуются поразительной рѣзкостью перехода отъ процвѣтанія къ крушенію. Вплоть до самаго начала кризиса промышленность быстро развивается, и наканунѣ рокового дня оживленіе достигаетъ высшей степени. Размѣры производства громадны, но сбытъ товаровъ идетъ хорошо, рынки, повидимому, достаточны. Оптовые торговцы покупаютъ у фабрикантовъ и другъ у друга, мелкіе у оптовыхъ; спекулянты, покупая для перепродажи, со-

здаютъ фиктивное возрастаніе спроса. И капиталисты, и рабочіе чувствуютъ себя лучше, чѣмъ когда-либо. Излишекъ товаровъ все болѣе накопляется. Скрытая болѣзнь развивается внутри общественнаго организма. Она разражается кризисомъ лишь тогда, когда достигла уже значительной степени, и потому-то ея проявленія такъ страшно интенсивны.

Первымъ симптомомъ надвигающагося крушенія является обыкновенно гибель наиболѣе спекулятивныхъ по своему характеру предпріятій. Проходитъ слухъ о банкротствѣ одной, другой, третьей фирмы. Область кредита, наиболѣе чувствительная часть экономическаго организма, немедленно отражаетъ на себѣ возникшее потрясеніе, и отражаетъ съ чрезвычайной силой—въ формѣ кредитнаго кризиса.

Кредитъ основанъ на чувствѣ довѣрія, а чувства людей измѣнчивы. При всякомъ толчкѣ, который угрожаетъ общественному хозяйству, на всѣхъ капиталистовъ—и крупныхъ, и мелкихъ—нападаетъ неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, страхъ за свои капиталы. Гдѣ царствуетъ страхъ, тамъ исчезаетъ довѣріе и падаетъ кредитъ. Кредитныя сдѣлки прекращаются. Вездѣ, гдѣ возможно, стараются обратно получить отданныя деньги. Ищутъ денегъ, денегъ и денегъ, потому что не довѣряютъ болѣе людямъ, а только деньгамъ. Паническій страхъ нападаетъ на биржевиковъ, банкировъ, рентьеровъ; банки осаждаются толпами вкладчиковъ. Принужденные платить кредиторамъ, но не получая денегъ съ должниковъ, многіе банки погибаютъ; за ними разоряются ихъ вкладчики—капиталисты.

Торговые и промышленные предприниматели, въ лихорадочной погонѣ за деньгами, спѣшатъ продавать товары; между тѣмъ, спросъ еще сокращается, такъ какъ всѣ стараются удержать деньги въ рукахъ. Рынки загромождены массой товаровъ, цѣны понижаются до послѣдней крайности. Одно за другимъ падаютъ уже и промышленныя предпріятія, а уцѣлѣвшія сокращаютъ или пріостанавливаютъ производство. Резервная армія быстро возрастаетъ на цѣлыя сотни тысячъ человѣкъ, въ число которыхъ входятъ и тысячи разорившихся капиталистовъ. Погибаетъ все слабое въ капиталистическомъ смыслѣ; но и сильнымъ приходится плохо.

Вслѣдъ за днями кризиса наступаетъ періодъ застоя. Крупныхъ новыхъ крушеній не происходитъ, но и улучшенія тоже нѣтъ: производство и рынокъ въ угнетенномъ состояніи.

Мало-по-малу громадныя массы товаровъ начинаютъ таять на рынкѣ: понемногу ихъ сбываютъ. Постепенно, одно за другимъ, оправляются крупныя предпріятія и приступаютъ къ расширенію дѣла. Совершается шагъ за шагомъ переходъ отъ застоя къ умѣренному процвѣтанію. Производство снова достигаетъ прежнихъ размѣровъ, а затѣмъ перерастаетъ

ихъ. При этомъ оказывается, что изъ прежнихъ мелкихъ предпріятій многія исчезли безъ слѣда, и общее число предпріятій уменьшилось. Оживленіе возрастаетъ. Развитіе производства вновь становится неудержимо стремительнымъ. Повтореніе причинъ вызываетъ повтореніе слѣдствій—и за моментомъ высшаго процвѣтанія наступаетъ новый кризисъ.

Весь этотъ кругъ явленій уже нѣсколько разъ повторялся въ послѣднемъ столѣтіи. Первый общій кризисъ производства произошелъ въ 1825—26 году; второй—въ 36—37 г., далѣе въ 47-мъ и 57 гг.; до этого времени періодичность была довольно правильная, съ промежуткомъ въ десять лѣтъ. Затѣмъ послѣдовалъ міровой кризисъ 1873 года. По своей силѣ и продолжительности онъ далеко превосходилъ всѣ предыдущіе: распространяясь изъ страны въ страну, по всему свѣту, онъ продолжался нѣсколько лѣтъ, по крайней мѣрѣ до 1878 года. Затѣмъ, до начала 90-хъ годовъ не наблюдалось широкаго общаго процвѣтанія, а преобладалъ застой. Но мало-по-малу застой вновь смѣнился роскошнымъ расцвѣтомъ міровой промышленности, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сильнѣйшаго оживленія въ 99-мъ году начался новый кризисъ, охватившій всю капиталистическую Европу. Онъ съ особенной силой поразилъ Россію, но проявился вездѣ. Онъ продолжался нѣсколько лѣтъ, и размѣры его были громадны. Такъ, во Франціи, которая пострадала отъ него меньше, чѣмъ напр., Германія, число безработныхъ возросло на пол-милліона—съ 400 тысячъ въ 1896 г. до 900 тысячъ въ 1902 году.

Итакъ, исторія капитализма показываетъ, что, хотя кризисы и повторяются, но не черезъ одинаковые промежутки времени. Первые кризисы отдѣлены другъ отъ друга приблизительно десятью годами, но кризисъ 1873 разразился лишь черезъ 16 лѣтъ послѣ предшествующаго ему потрясенія, а кризисъ на рубежѣ XX вѣка черезъ 26 лѣтъ.

Это зависитъ отъ того, что продолжительность цикловъ (подъема и застоя) зависитъ отъ замедляющихъ и ускоряющихъ условій. Къ условіямъ перваго рода относится усложненіе и расширеніе капиталистической системы, которая по мѣрѣ своего развитія охватываетъ все новыя и новыя страны. Общественное раздѣленіе труда, увеличеніе спеціализаціи также оказываетъ замедляющее дѣйствіе. Связь между отраслями, вырабатывающими предметы непосредственнаго потребленія и тѣми, которыя доставляютъ для нихъ необходимые матеріалы и орудія, все болѣе усложняется, и распространеніе волнъ съуженія или расширенія рынка требуетъ болѣе продолжительнаго времени.

Къ условіямъ, ускоряющимъ наступленіе кризисовъ, относится прежде всего усовершенствованіе техники сообщеній. Какъ желѣзныя дороги, пароходныя сообщенія, такъ и средства сношеній (телеграфъ,

телефонъ, почта) сокращаютъ время, необходимое для перевозки товаровъ, и ускоряютъ обращенie капитала, а, слѣдовательно, и перiоды цикловъ. Въ томъ же направленiи дѣйствуетъ интеграцiя предпрiятiй, которая заключается въ томъ, что предпрiятiя, производящiя сырье и полуфабрикаты, объединяются съ предпрiятiями, которыя занимаются окончательной обработкой товаровъ (хлопковыя плантацiи—хлопко-очистительныя фабрики—прядильныя фабрики—ткацкiя фабрики [1]).

Если тѣ и другiя тенденцiи обладаютъ одинаковой силой и уравновѣшиваются, то продолжительность цикла, какъ это имѣло мѣсто въ 1836—47 гг. и въ 1847—57 гг., остается болѣе или менѣе неизмѣнной. Если берутъ верхъ замедляющiя тенденцiи, циклы удлиняются (1857—1873 г.г. и 1873—1899 г.г.).

Отъ общихъ кризисовъ капиталистическаго производства кризисы частные отличаются, во-первыхъ, своимъ происхожденiемъ изъ причинъ болѣе частнаго характера, чѣмъ тенденцiя капитализма къ перепроизводству, и, во-вторыхъ, своими сравнительно меньшими размѣрами: они захватываютъ иногда отдѣльныя страны, иногда извѣстную область общественнаго хозяйства, сравнительно слабо отзываясь внѣ этой ограниченной сферы. Но такiе частные кризисы могутъ сами по себѣ быть чрезвычайно сильны, по интенсивности проявленiй мало отличаясь въ отдѣльныхъ случаяхъ отъ настоящихъ мiровыхъ кризисовъ.

Причинами частныхъ кризисовъ являются войны, революцiи, неурожаи, громадныя биржевыя спекуляцiи... Такъ, англiйскiй хлопковый кризисъ 1863—64 года былъ вызванъ войной въ Соединенныхъ Штатахъ; общее экономическое угнетенiе, пережитое Россiей въ 1891—92 году, зависѣло отъ сильнаго неурожая, и т. п. Разсмотримъ на конкретномъ примѣрѣ механизмъ возникновенiя подобныхъ кризисовъ.

Междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1860—64 гг., извѣстная подъ названiемъ войны за освобожденiе негровъ, была результатомъ противоположности интересовъ между господствующими классами сѣвера и юга—промышленной буржуазiей и землевладѣльческой аристократiей. Первая стремилась къ протекцiонизму, къ высокимъ пошлинамъ на продукты обрабатывающей промышленности, которые желала продавать по дорогой цѣнѣ; вторая добивалась свободной торговли, чтобы дешево покупать тѣ же самые продукты. Въ производствѣ же сырыхъ матерiаловъ дешевый рабскiй трудъ юга былъ неудобнымъ конкуррентомъ для предпринимателей сѣвера, пользовавшихся наемнымъ трудомъ. Когда экономическая борьба приняла форму войны, то въ Англiи произошелъ кризисъ вслѣдствiе недостатка хлопка для

[1]) Объ интеграцiи или комбинированiи предпрiятiя см. ниже, въ отдѣлѣ о финансовомъ капитализмѣ.

прядильно-ткацкаго производства, такъ какъ значительная часть хлопка ввозилась изъ южныхъ штатовъ. Хлопчато-бумажная промышленность испытала сильнѣйшее сокращеніе размѣровъ, и резервная армія увеличилась приблизительно на двѣсти тысячъ человѣкъ. Такъ общественная борьба въ одной странѣ вызвала производственный кризисъ въ другой, благодаря той тѣсной экономической связи между странами, которую создаетъ общественное раздѣленіе труда.

Во всякомъ случаѣ, по отношенію къ такимъ частнымъ кризисамъ, которые непосредственно вызываются политическими потрясеніями, спекуляціей, вообще условіями явно общественнаго характера, не трудно выяснить, что основная ихъ причина тождественна съ причиной общихъ кризисовъ—неорганизованный характеръ общественнаго раздѣленія труда. Но и тамъ, гдѣ кризисъ порождается, на первый взглядъ, чисто стихійными причинами, напр., метереологическими условіями, приводящими къ неурожаю, при болѣе тщательномъ анализѣ обнаруживается обыкновенно та же основная причина. Напр., такіе большіе неурожаи, какъ въ 1891 г. въ Россіи, становятся возможны только при сильномъ истощеніи почвы хищническимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ. Переходъ отъ натуральнаго производства къ мѣновому и вызываемый этимъ переходомъ упадокъ крестьянскаго хозяйства принуждалъ крестьянъ прибѣгать къ чрезмѣрному расширенію запашекъ и усиленной эксплоатаціи земли, при чемъ производительныя силы земли не возстановляются по мѣрѣ ихъ растрачиванія. Только истощенная почва ставитъ земледѣліе въ такую зависимость отъ условій погоды, что дѣлаются возможными, и даже отъ времени до времени неминуемо должны случаться такіе неурожаи, которые сразу поражаютъ цѣлую страну. Слѣдовательно, и здѣсь сильный кризисъ не есть явленіе случайное для данной системы отношеній; сравнительно случайнымъ оказывается лишь тотъ фактъ, что кризисъ разражается, напр., въ 1891, а не въ 1890 или 1892 году.

Изъ различныхъ областей общественнаго хозяйства наиболѣе легко поддается разстраивающимъ вліяніямъ область кредита. Такъ какъ сущность кредита составляетъ довѣріе, то для кредитнаго кризиса достаточной причиной является простая возможность потрясенія условій производства. Напр., угрожаетъ война; является опасеніе, что она разоритъ нѣкоторыя страны, что капиталисты тѣхъ странъ, а особенно ихъ правительства, перестанутъ платить свои долги. Ненадежность положенія подрываетъ кредитъ. Возникаетъ при этомъ усиленный спросъ на деньги, многіе предприниматели оказываются вынуждены немедленно платить такіе долги, по которымъ разсчитывали получить отсрочку. Благодаря несоотвѣтствію спроса и предложенія денегъ, собственно кредитный кризисъ осложняется денежнымъ кризисомъ: съ упадкомъ

кредита соединяется недостатокъ денегъ на необходимыя уплаты. Потрясеніе распространяется, конечно, и на сферы собственно промышленныя, такъ какъ для промышленныхъ капиталистовъ, капиталъ которыхъ заключается, главнымъ образомъ, въ средствахъ производства и въ произведенныхъ товарахъ, а не въ деньгахъ, усиленный спросъ на деньги весьма тягостенъ.

По формѣ, кризисы представляютъ изъ себя нѣкоторую деградацію общественнаго хозяйства, временное пониженіе производительныхъ силъ общества; но они же служатъ и могущественнымъ побужденіемъ къ техническому прогрессу, къ дальнѣйшему развитію производительныхъ силъ. Во-первыхъ, конкуренція, благодаря кризису, обостряется до крайности; во-вторыхъ, стремленіе вознаградить понесенныя потери побуждаетъ капиталистовъ изыскивать новыя средства обогащенія; наконецъ, въ-третьихъ—и это главное—причину своихъ убытковъ, понесенныхъ во время кризиса, капиталистъ видитъ въ чрезвычайномъ пониженіи цѣны на товаръ и, естественно, старается довести технику предпріятія до такой высоты, чтобы даже весьма пониженныя цѣны не причиняли убытка.

Ускоряя техническій прогрессъ, кризисы способствуютъ развитію капиталистическихъ отношеній со всѣми ихъ послѣдствіями, къ числу которыхъ относятся и новые кризисы. Здѣсь тенденція къ развитію тѣснѣйшимъ образомъ сплетается съ тенденціей къ деградаціи.

Итакъ, мы видѣли, что кризисы являются неизбѣжной болѣзнью, которая время отъ времени поражаетъ все капиталистическое общество. Кризисы—постоянная угроза для него, и передъ капиталистами встаетъ вопросъ о регулированіи производства.

Но возможно ли въ рамкахъ капитализма подобное регулированіе? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно, и вотъ почему. Урегулировать производство, значитъ прежде всего уничтожить его анархію, а вмѣстѣ съ нею царящую въ капиталистическомъ хозяйствѣ конкурренцію. Въ отдѣльныхъ капиталистическихъ странахъ иногда централизуются цѣлыя отрасли промышленности въ могущественныя организаціи—въ синдикаты и трѐсты. Этимъ организаціямъ нерѣдко удается, правда, уничтожить конкурренцію между частными предпріятіями той или иной отрасли; но на міровомъ рынкѣ—а такимъ и является рынокъ капиталистическій—конкурренція остается, по той причинѣ, что соглашенія между крупными капиталистическими единицами, вслѣдствіе противорѣчія ихъ интересовъ, обычно не заключаются, а если и заключаются, то лопаются, какъ мыльные пузыри. По сравненію съ неограниченнымъ царствомъ свободной конкурренціи дѣло измѣняется только въ томъ, что борьба многочисленныхъ отдѣльныхъ капиталистовъ замѣняется борьбой между немногими, но экономически хорошо воору-

женными баталіонами капиталистовъ, объединенныхъ въ синдикаты и трёсты.

Мысль объ уничтоженіи кризисовъ въ буржуазномъ обществѣ имѣетъ поэтому совершенно утопическій характеръ. Кризисы зависятъ отъ основныхъ особенностей капитализма, и могутъ исчезнуть только вмѣстѣ съ нимъ. Только организованное хозяйство, расчитанное не на полученіе прибыли, а на возможно болѣе полное удовлетвореніе потребностей всего общества, только общество, не знающее «недостаточной» покупательной способности массъ, слѣдовательно, только общество безклассовое можетъ уничтожить кризисы.

Эпоха финансоваго капитализма.

---

1. Кредитъ.

Кредитъ, который раньше игралъ второстепенную роль, какъ дополненіе къ денежному обращенію, при машинномъ капитализмѣ развивается въ поразительно обширную, сложную и стройную систему, являющуюся могучимъ дѣятелемъ общаго экономическаго развитія.

Капиталистическая система отношеній требуетъ отъ каждаго предпринимателя очень частыхъ, болѣе или менѣе значительныхъ денежныхъ уплатъ. Между тѣмъ, какъ бы много денегъ ни находилось въ обращеніи, онѣ не могутъ всегда оказываться подъ рукой. Даже у самаго богатаго капиталиста бываютъ минуты, когда его наличныхъ денегъ недостаточно для расплаты, между тѣмъ какъ въ другое время въ его рукахъ безъ надобности находятся большія суммы. Капиталистическое производство встрѣтило бы величайшія препятствія для своего развитія, если бы всѣ уплаты производились только на наличныя: первое денежное затрудненіе разстраивало бы всѣ дѣла предпринимателя.

Изъ этого понятно, что съ развитіемъ капитализма, съ возрастаніемъ капиталовъ и увеличеніемъ скорости ихъ оборотовъ, кредитное дѣло непрерывно расширяется и пріобрѣтаетъ все больше значенія въ общественномъ хозяйствѣ.

Совершенствуется и самая форма кредитно-капиталистическихъ предпріятій, которыя въ изучаемую эпоху являются главнымъ образомъ въ видѣ такъ называемыхъ банковъ. Банки служатъ посредниками между спросомъ на кредитъ и его предложеніемъ, получаютъ кредитъ отъ тѣхъ, кто можетъ его оказывать, и оказываютъ его тѣмъ, кто въ немъ нуждается.

Банки возникли еще раньше машиннаго производства, но только при немъ они получили полное развитіе и широкое распространеніе.

Исторически, современный банкиръ является потомкомъ двухъ средневѣковыхъ дѣятелей: ростовщика и мѣнялы. Первый достаточно характеризованъ въ предыдущемъ, на второмъ надо остановиться.

При чрезвычайной политической раздробленности феодальнаго міра, благодаря праву каждаго государя самостоятельно чеканить монету, на рынкѣ обращалась такая масса различныхъ монетъ, что являлась необходимость въ мѣняльныхъ учрежденіяхъ. Характерный для феодальнаго міра недостатокъ общественной безопасности приводилъ къ тому, что мѣнялы, у которыхъ находились постоянно большіе запасы денегъ, должны были принимать особенныя мѣры къ ихъ сохраненію отъ кражъ и грабежей. Поэтому у мѣнялъ деньги сберегались сравнительно надежно, и многіе торговцы находили удобнымъ отдавать свои деньги на сохраненіе мѣняламъ, за что и платили извѣстное вознагражденіе. Деньги вкладчиковъ хранились до перваго требованія, и употреблять ихъ для оборотовъ мѣнялы не имѣли права [1]).

Такъ какъ въ одномъ мѣняльномъ предпріятіи находились деньги различныхъ лицъ, то взаимныя расплаты между этими лицами стали совершаться посредствомъ простой переписки счета у мѣнялъ.

Въ организаціи этихъ мѣняльныхъ предпріятій, которыя съ теченіемъ времени получили названіе банковъ, развитіе капитализма съ его послѣдствіемъ—сильнымъ спросомъ на кредитъ—вызвало существенныя измѣненія.

Продолжительный опытъ указалъ банкирамъ, что часть находящихся на храненіи денегъ съ удобствомъ можно было бы пускать въ ростъ, такъ какъ никогда вкладчики не требуютъ всѣ одновременно всѣхъ своихъ денегъ и, къ тому же, ихъ требованія покрываются новыми вкладами.

Изъ наблюденій выяснилось, что вклады и обратныя требованія происходятъ съ извѣстной правильностью, вслѣдствіе опредѣленныхъ экономическихъ причинъ, такъ что явилась возможность предвидѣть періодическіе приливы и отливы денегъ.

Въ различныхъ странахъ существуютъ различные **общіе** сроки платежей, къ которымъ пріурочивается наибольшая часть долговыхъ обязательствъ. Такіе сроки опредѣляются для каждой данной страны иногда прямо естественными условіями ея производства, иногда—обычаями, экономическое происхожденіе которыхъ прослѣдить трудно, хотя не можетъ подлежать сомнѣнію, что и эти обычаи имѣютъ свои корни въ матеріальныхъ условіяхъ жизни общества. Въ земледѣльческихъ, напр., странахъ время расплаты чаще всего совпадаетъ съ временемъ продажи хлѣба. На обычаяхъ, повидимому, основаны предпраздничные сроки платежей: къ Рождеству—въ Англіи, къ Святой—въ Россіи. Въ

---

[1]) Изъ средневѣковыхъ мѣняльныхъ лавокъ, какъ мы видѣли въ главѣ о денежномъ обращеніи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Италіи, возникли эмиссіонные банки.

такіе сроки денежный рынокъ сразу предъявляетъ очень большой спросъ на деньги для расплаты. Масса денегъ изъ области «сокровища» временно переходитъ въ сферу обращенія; кассы кредитныхъ учрежденій быстро пустѣютъ. Получается даже нѣкоторое разстройство денежнаго рынка, но всегда непродолжительное и не имѣющее серьезнаго значенія: скоро излишекъ денегъ вновь возвращается въ область сокровища, и опустошенныя кассы кредитныхъ учрежденій вновь наполняются, иногда въ тотъ же день.

Основываясь на такихъ законностяхъ въ денежномъ обращеніи, банкиры начали отдавать разнымъ лицамъ въ кредитъ часть хранившихся у нихъ вкладовъ,—вначалѣ только на короткое время и подъ вѣрное обезпеченіе. Тогда вкладчики оказались настоящими «кредиторами» банка, и ужъ банкъ сталъ платить имъ извѣстный процентъ за пользованіе ихъ вкладами, тогда какъ прежде всего было наоборотъ—вкладчики платили за храненіе.

Такъ возникли двѣ первичныя операціи банковъ: пріемъ вкладовъ или депозитная операція—основная изъ «пассивныхъ», т.-е. тѣхъ, въ которыхъ банкъ является должникомъ, получаетъ кредитъ,—и ссудная операція—основная изъ «активныхъ», т.-е. тѣхъ, въ которыхъ банкъ является кредиторомъ, оказываетъ кредитъ.

Депозитная операція и въ количественномъ отношеніи является главной пассивной операціей во всѣхъ странахъ съ развитымъ кредитомъ. Она практикуется въ двухъ главныхъ формахъ: вклады срочные и безсрочные. Срочные вклады, а въ особенности долгосрочные (бываютъ и «вѣчные» вклады), представляютъ для банка то преимущество, что не могутъ быть неожиданно потребованы обратно. Безсрочные же или вклады на «текущій счетъ» во всякое время могутъ быть взяты обратно; ихъ банкъ принужденъ пускать въ оборотъ съ большой осторожностью, и потому процентъ по нимъ платится менѣе значительный, чѣмъ по срочнымъ вкладамъ.

Имѣя за собой множество вкладовъ, банкъ никогда не находится въ полной безопасности отъ крушенія; оно легко можетъ произойти, если вкладчики, въ силу какихъ-либо непредвидѣнныхъ экономическихъ измѣненій, сразу въ необычно большомъ количествѣ потребуютъ свои вклады. Это происходитъ тѣмъ легче и бываетъ тѣмъ болѣе опасно, что безсрочные вклады составляютъ обыкновенно большую часть средствъ банка, и что принадлежатъ они по большей части промышленнымъ и торговымъ предпринимателямъ. Всякое потрясеніе, экономическое или политическое, въ особенности кризисы, заставляетъ такихъ вкладчиковъ немедленно требовать отъ банка свои деньги, чтобы быть обезпеченными отъ случайностей.

Повышеніе и пониженіе процента по вкладамъ служитъ для банка

однимъ изъ средствъ, по мѣрѣ надобности, привлекать деньги въ кассу банка или вызывать отливъ ихъ. Напримѣръ, положимъ, что въ банкѣ есть много свободныхъ денегъ, а спроса на нихъ со стороны капиталистовъ не замѣчается, и банкъ, слѣдовательно, принужденъ платить проценты по вкладамъ, которыхъ онъ не пустилъ въ оборотъ; тогда банкъ понижаетъ процентъ по вкладамъ, и приливъ новыхъ вкладовъ сильно сокращается, а часть прежнихъ вкладчиковъ беретъ свои деньги обратно, чтобы выгоднѣе помѣстить ихъ.

Какъ видоизмѣненіе депозитной операціи, можно разсматривать выпускъ «закладныхъ листовъ», долговыхъ обязательствъ банка съ постепенной, продолжительной уплатой какъ процентныхъ денегъ, такъ и основной суммы долга. Закладные листы соотвѣтствуютъ долгосрочнымъ вкладамъ, которые банкъ возвращаетъ не сразу въ концѣ срока, а по частямъ.

Изъ расплаты между вкладчиками путемъ переписки счета у мѣнялы—банкира развилась «чековая» система расплатъ. Современный капиталистъ рѣдко имѣетъ при себѣ большія деньги—онъ ихъ хранитъ въ банкѣ. А когда капиталисту надо произвести уплату, онъ прибѣгаетъ къ «чеку», т.-е. пишетъ въ тотъ банкъ, гдѣ лежатъ его вклады, записку съ распоряженіемъ выдать такому-то столько-то. Чаще всего и получатель не беретъ денегъ прямо на руки; ихъ записываютъ въ счетъ его собственныхъ вкладовъ, если они находятся въ томъ же банкѣ; въ противномъ случаѣ, деньги переводятъ на имя его постояннаго банкира. Такъ избѣгается прямая передача денегъ, и потребность въ наличныхъ деньгахъ сильно уменьшается. Наиболѣе широко практикуется чековая система въ странахъ экономически передовыхъ, какъ Англія, гдѣ сумма цѣнностей, ежедневно переходящихъ этимъ путемъ отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ, измѣряется многими милліонами рублей.

Громадная экономическая сила большихъ банковъ, отовсюду стягивающихъ капиталы и объединяющихъ въ своемъ распоряженіи средства многихъ тысячъ капиталистовъ и некапиталистовъ, создаетъ этимъ банкамъ такое общественное значеніе, что на формальное обязательство такого банка уплатить извѣстную сумму въ обществѣ смотрятъ, какъ на нѣчто равносильное самой уплатѣ. Отсюда возникаетъ эмиссіонная операція или выпускъ банковыхъ билетовъ, уже разсмотрѣнный нами въ главѣ о денежномъ обращеніи.

Изъ активныхъ операцій первичной и основной является, какъ было выяснено, ссуда подъ залогъ. Между различными ея видами раньше другихъ развилась ломбардная операція, заемъ подъ залогъ движимыхъ предметовъ. Первоначально, когда эта операція имѣла форму простого мелкаго ростовщичества, въ залогъ принимались только предметы большой цѣнности и малаго объема—золотые слитки, драгоцѣнные

камни и пр., а съ развитіемъ товарнаго обращенія и кредита—преимущественно товары и цѣнныя бумаги.

Сами банки заложенныхъ товаровъ не хранятъ. Это дѣло становится спеціальностью особой группы предпріятій—товарныхъ складовъ, которые за извѣстное вознагражденіе принимаютъ товары и хранятъ ихъ, а владѣльцамъ выдаютъ варранты—свидѣтельства о пріемѣ товаровъ съ обозначеніемъ ихъ цѣнности. Такія свидѣтельства банкъ принимаетъ въ залогъ и даетъ по нимъ ссуду; если должникъ несостоятеленъ, банкъ получаетъ товаръ по варранту и продаетъ. (Ссуда, конечно, всегда меньше цѣны товара, обыкновенно около $60^0/_0$).

Подобнымъ же образомъ принимаются въ залогъ дубликаты накладныхъ и коносаменты, т.-е. свидѣтельства желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ, транспортныхъ обществъ о томъ, что товаръ принятъ и погруженъ.

Съ развитіемъ кредита, въ товарномъ обращеніи является масса разнообразныхъ «цѣнныхъ бумагъ»: государственныхъ долговыхъ обязательствъ, акцій различныхъ обществъ и т. под. Въ послѣдующемъ объ этихъ бумагахъ придется говорить особо; по существу онѣ представляютъ одно и то же—законныя свидѣтельства на полученіе извѣстной части прибыли даннаго общества. Такія «цѣнныя бумаги» банки принимаютъ также въ залогъ. Отсюда возникаетъ еще одна изъ многочисленныхъ опасностей, угрожающихъ банкамъ: такъ какъ рыночныя цѣны цѣнныхъ бумагъ могутъ сильно колебаться въ зависимости отъ спроса и предложенія, то банкъ, выдавая подъ залогъ ихъ ссуды, всегда рискуетъ потерпѣть убытки вслѣдствіе паденія ихъ цѣны.

Ипотечной операціей называется выдача ссудъ подъ залогъ недвижимости (земли, дома и т. под.). Подобныя ссуды бываютъ, въ большинствѣ случаевъ, долгосрочными; землевладѣльцы нуждаются обыкновенно въ деньгахъ для улучшеній въ хозяйствѣ, или для пріобрѣтенія новыхъ земель, или, наконецъ, на личное потребленіе; во всѣхъ этихъ случаяхъ они могутъ только постепенно выплачивать изъ своихъ доходовъ занятыя деньги, тѣмъ болѣе, что въ земледѣліи капиталъ обращается, вообще, медленно. Поэтому банки, занимающіеся ипотечной операціей, сами принимаютъ только долгосрочныя ссуды, такъ какъ невозможно давать взаймы на долгое время, получая кредитъ на короткое. Главную и характерную пассивную операцію для подобныхъ банковъ представляетъ выпускъ закладныхъ листовъ.

Особый видъ ссудныхъ операцій представляетъ «личный кредитъ», т.-е. выдача ссуды безъ всякаго залога, единственно на основаніи довѣрія къ занимающему лицу. Это—сравнительно рискованная операція (въ Россіи, напр.. она вызвала крушеніе многихъ банковъ), и особой роли при развитомъ капитализмѣ не играетъ.

Значительно видоизмѣненную форму ссудной операціи представляетъ учетъ или дисконтъ векселей. Тутъ банкъ, вмѣсто того, чтобы давать ссуду подъ залогъ цѣнной бумаги—векселя, прямо покупаетъ эту бумагу, т.-е. связанное съ ней право на полученіе денегъ по векселю.

Крупное производство порождаетъ громадное распространеніе продажъ въ кредитъ. Но всякому кредитору деньги могутъ понадобиться раньше, чѣмъ истечетъ срокъ векселя. Тогда кредиторъ предъявляетъ вексель въ банкъ. Если банкъ находитъ, что вексель надеженъ, то уплачиваетъ по немъ, пріобрѣтая его для себя; при этомъ уплачивается, естественно, не вся вексельная сумма, а извѣстный процентъ съ нея идетъ въ пользу банка. Такая операція называется дисконтированіемъ векселя, а процентъ въ пользу банка—дисконтнымъ или учетнымъ процентомъ.

Величина учетнаго процента опредѣляется двумя условіями: во-первыхъ, обычной величиной кредитнаго процента въ данномъ обществѣ, во-вторыхъ, степенью риска для кредитора—банка. Положимъ, учитывается вексель за 2 мѣсяца до срока; обычный $^0/_0$ по ссудамъ $6^0/_0$ въ годъ или $1^0/_0$ за 2 мѣсяца. Банку было бы невыгодно взять въ свою пользу менѣе $1^0/_0$, потому что ту сумму, которую онъ отдаетъ за вексель, онъ могъ бы вмѣсто того пустить въ оборотъ, отдать взаймы на 2 мѣсяца и получить $1^0/_0$ прибыли. А если сюда присоединяется рискъ не получить по векселю, или если банкъ находитъ рискованнымъ вообще выпускать въ данный моментъ деньги изъ своей кассы, то учетный процентъ повышается, напр., до $1^1/_2$—$2^0/_0$ за 2 мѣсяца.

Измѣненіе дисконтнаго процента и процента по ссудамъ, подобно измѣненію процента по вкладамъ, служитъ для банка средствомъ вліять на величину кассовой наличности сообразно со своими расчетами. Если учетный процентъ и процентъ по ссудамъ повышается, деньги удерживаются въ кассѣ банка, потому что дисконтировать векселя и занимать въ банкѣ становится менѣе выгоднымъ; при пониженіи—деньги, наоборотъ, отливаютъ.

Весьма своеобразный характеръ имѣетъ операція покупки и продажи банкомъ за свой счетъ цѣнныхъ бумагъ—акцій, процентныхъ бумагъ и т. п.,—операція, впрочемъ, до извѣстной степени аналогичная и учету векселей. Въ случаѣ повышенія цѣны купленныхъ бумагъ банкъ получаетъ прибыль, въ противномъ случаѣ—убытокъ. Это одна изъ формъ такъ называемой биржевой игры, дающей возможность какъ быстраго обогащенія, такъ и быстраго разоренія. Подобная игра часто приводитъ къ банкротству банка, а если онъ велъ игру не на собственныя деньги—къ разоренію вкладчиковъ.

Таковы самыя главныя черты дѣятельности банковъ. Въ дѣйствитель-

ности, она отличается чрезвычайной сложностью, даже запутанностью; изслѣдованіе банковаго дѣла въ деталяхъ представляетъ громадную массу трудностей.

Банки представляють изъ себя значительную группу капиталистическихъ предпріятій съ масою наемныхъ работниковъ и съ громадными капиталами. Наемные работники кредитныхъ предпріятій принадлежатъ главнымъ образомъ къ «интеллигентному персоналу»: конторщики, бухгалтеры, кассиры, директора и т. д. Чтобы успѣшно вести операціи и миновать всѣ связанныя съ кредитнымъ дѣломъ опасности, банку необходимо быть хорошо освѣдомленнымъ какъ относительно общаго положенія дѣлъ на рынкѣ, такъ и относительно положенія дѣлъ тѣхъ лицъ и учрежденій, съ которыми онъ ведетъ операціи; отсюда—потребность во множествѣ наемныхъ агентовъ, доставляющихъ свѣдѣнія, и въ «свѣдущихъ людяхъ», умѣющихъ цѣлесообразно обрабатывать эти свѣдѣнія; нерѣдко банки содержатъ при себѣ цѣлые комитеты подобныхъ спеціалистовъ. Такъ въ кредитномъ дѣлѣ возникаетъ сложная система раздѣленія труда; въ этой системѣ организаторская дѣятельность людей, направляющихъ предпріятіе, простирается далеко за предѣлы самого предпріятія: она въ одно и то же время оказываетъ прямое вліяніе на жизнь массы промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, и непосредственно отражаетъ на себѣ ихъ общее состояніе.

Какъ было уже сказано, основное общественное значеніе кредитныхъ предпріятій заключается въ томъ, что они своей дѣятельностью облегчаютъ и ускоряютъ развитіе капиталистическаго производства со свойственными ему экономическими отношеніями и со всѣми ихъ общественными результатами.

Кредитъ даетъ промышленнымъ и торговымъ капиталистамъ такія средства для веденія и расширенія ихъ дѣлъ, какихъ они не могли бы извлечь непосредственно изъ своихъ предпріятій.

Во всякомъ предпріятіи не весь необходимый для его веденія капиталъ затрачивается сразу: значительная часть должна лежать въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени, какъ запасъ на текущіе расходы и непредвидѣнные случаи. По мѣрѣ расширенія своего предпріятія капиталистъ принужденъ изъ года въ годъ увеличивать размѣры своего денежнаго запаса. Въ прежнія времена всѣ такія деньги оставались въ рукахъ капиталиста мертвымъ «сокровищемъ». Теперь предприниматель отдаетъ ихъ въ банкъ, и онѣ становятся настоящимъ капиталомъ, во-первыхъ, съ общественной точки зрѣнія, такъ какъ черезъ банкъ онѣ попадаютъ къ другому капиталисту, который непосредственно примѣняетъ ихъ для полученія прибавочной стоимости, во-вторыхъ, и съ точки зрѣнія перваго капиталиста, которому онѣ приносятъ при этомъ нѣкоторую прибыль.

Съ другой стороны, благодаря тѣмъ же банкамъ, капиталистъ легко расширяетъ свое предпріятіе, не обладая необходимымъ денежнымъ запасомъ,—на счетъ будущей прибыли. Это дѣлается тѣмъ легче, что процентъ по вкладамъ, платимый банками, служитъ приманкой, извлекающей на свѣтъ и такія деньги, которыя при иныхъ условіяхъ ни за что не сдѣлались бы капиталомъ, а были бы положены въ сундукъ, зарыты въ землю, залиты въ воскъ, вообще—лежали бы въ качествѣ мертваго «сокровища». Теперь кредитъ собираетъ въ руки капиталистовъ и эти средства некапиталистовъ: сбереженія какой-нибудь прислуги, крестьянина, ремесленника, рабочаго, пройдя черезъ ссудо-сберегательныя кассы, попадаютъ въ руки крупнаго предпринимателя, который употребитъ ихъ для расширенія своего предпріятія.

Таково значеніе кредитной системы для всего общества: объединяя капиталы, она содѣйствуетъ объединенію вообще производительныхъ силъ общества, слѣдовательно, ускоряетъ побѣду общества надъ природой.

Разсматривая непосредственное значеніе кредитнаго дѣла для различныхъ экономическихъ классовъ, приходится отмѣтить слѣдующее: въ классѣ капиталистовъ кредитъ чрезвычайно ускоряетъ развитіе двухъ различныхъ процессовъ. Во-первыхъ, быстрѣе совершается процессъ отдѣленія крупныхъ капиталистовъ отъ мелкихъ: одни, имѣя возможность широко пользоваться кредитомъ, быстро расширяютъ свои предпріятія и увеличиваютъ капиталы; другимъ кредитъ доступенъ лишь въ ничтожной степени, въ общемъ, онъ скорѣе оказывается противъ нихъ, и конкурренція становится для нихъ тѣмъ тяжелѣе. Во-вторыхъ, быстрѣе совершается процессъ отдѣленія распредѣлительной и потребительной роли капиталистовъ отъ ихъ организаторской роли въ производствѣ. Все болѣе значительной части капиталистовъ банки даютъ возможность жить процентами съ капиталовъ, не утруждая себя личнымъ веденіемъ предпріятій; все большее число капиталистовъ обращается въ чистыхъ «рентьеровъ». (Слово «рента» обозначаетъ вообще доходъ, возникающій не изъ личной дѣятельности въ производствѣ, организаторской или исполнительской, а изъ одного обладанія какой-нибудь собственностью, т.-е. съ точки зрѣнія производства—паразитическій доходъ. Такова земельная рента, которую землевладѣлецъ получаетъ единственно на основаніи владѣнія землей, такова и рента съ капитала, отданнаго въ кредитъ банку или частнымъ лицамъ).

Для рабочихъ, занятыхъ производительнымъ трудомъ, непосредственнаго значенія развитіе кредита не имѣетъ: кредитъ существуетъ, вообще говоря, не для нихъ.

Размѣры кредитнаго дѣла въ настоящее время громадны и увеличиваются со страшной быстротой. Даже въ такой промышленно-отсталой

странѣ, какъ Россія, обороты банковъ измѣрялись милліардами рублей. Въ Японіи за 10 лѣтъ, съ 1894 по 1904 г., собственный капиталъ банковъ увеличился въ 5 разъ—отъ 112 милл. іенъ до 540 милл., сумма вкладовъ на сбереженіи возрасла въ 10 разъ, отъ 292 до 2.988 милл. іенъ (іена—около рубля на до-военныя деньги).

Роль банковъ и кредита чрезвычайно велика въ эпоху промышленнаго капитализма, но съ переходомъ послѣдняго въ его новѣйшую стадію, въ стадію такъ называемаго финансоваго капитализма, она возрастаетъ еще больше. Банки начинаютъ принимать непосредственное участіе въ управленіи промышленными, торговыми и т. под. предпріятіями и выступаютъ въ качествѣ организаторовъ промышленной жизни. Существовавшія уже раньше активныя операціи банковъ, которыя сводятся къ покупкѣ цѣнныхъ бумагъ, особенно акцій, принимаютъ все болѣе широкіе размѣры. Имѣя въ своихъ рукахъ акціи, банки пріобрѣтаютъ вліяніе на ходъ дѣлъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, и въ концѣ-концовъ перенимаютъ функціи индивидуальныхъ капиталистовъ стараго типа. Эти новыя функціи банковъ основываются на развитіи акціонерной формы предпріятій.

2. Акціонерная форма предпріятій.

Акціонерныя общества представляютъ особую форму капиталистическихъ предпріятій, форму, которая отличается величайшей гибкостью и подвижностью прилагаемаго въ нихъ капитала.

Они даютъ возможность капиталисту, вложившему нѣкоторую сумму въ промышленное, торговое или банковое предпріятіе, въ любое время извлечь эту сумму обратно, и притомъ въ денежной формѣ. Участвуя сегодня въ желѣзнодорожномъ заводѣ, онъ можетъ завтра же стать участникомъ ткацкой фабрики, универсальнаго магазина, желѣзнодорожнаго общества, пароходной компаніи, и т. д. Какимъ же образомъ достигается подобная легкость передвиженія или мобилизаціи капитала? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо выяснить сущность акціонерныхъ обществъ, ихъ возникновеніе и особенности.

Допустимъ, что нѣсколько лицъ образовали товарищество, чтобы устроить чугунно-литейный заводъ. Съ этой цѣлью всѣ сообща вносятъ милліонъ рублей, которые идутъ на пріобрѣтеніе участка земли, на возведеніе построекъ, на оборудованіе завода, на покупку сырья, на заработную плату и проч. Пусть такихъ участниковъ было 4 человѣка. Первый внесъ 100.000 руб., второй—200.000, третій—300.000, а четвертый—400.000. Степень участія пайщиковъ-учредителей въ предпріятіи, такимъ образомъ, неодинакова,—неодинакова и доля прибыли, которая будетъ доставаться каждому изъ нихъ. Чтобы опредѣлить положеніе каждаго изъ учредителей, они печатаютъ особыя свидѣтель-

ства на право полученія доли изъ будущаго дохода предпріятія, такъ называемыя акціи, и распредѣляютъ ихъ между собой соотвѣтственно внесеннымъ суммамъ. Если на каждые 100 рублей, пущенныхъ въ общее дѣло, выдается одна акція, то первый получитъ 1000 такихъ акцій, второй—2000, и т. д. Послѣ составленія годового отчета оказалось, положимъ, что заводъ далъ 200.000 рублей чистой прибыли. Это значитъ, что на каждые 100 руб. должно быть выдано 20 руб. Ясно, что такое свидѣтельство на право полученія дохода есть цѣнная бумага; а если это такъ, то собственникъ или держатель акціи можетъ ее въ любое время продать другому лицу, которое будетъ получать доходъ вмѣсто него.

Но продастъ ли онъ свою акцію за 100 руб.? Мы видѣли, что 100 рублей, затраченныхъ на чугунно-литейный заводъ, даютъ 20% прибыли. А между тѣмъ 100 руб., помѣщенныхъ въ банкъ или вложенныхъ въ государственный заемъ, дающій твердый фиксированный доходъ, принесутъ значительно меньшую прибыль, соотвѣтствующую среднему рыночному проценту, напримѣръ, 4%. Собственникъ акціи могъ бы потребовать съ покупателя за свою сторублевую акцію 500 рублей, какъ разъ столько, сколько нужно внести въ банкъ, чтобы получать 20 руб. доходу. Но такъ какъ помѣщеніе денегъ въ въ торговопромышленныя предпріятія сопряжено съ нѣкоторымъ рискомъ,—вѣдь доходность ихъ можетъ и понизиться,—то покупатель акціи захочетъ получать на затраченные деньги не 4%, какъ съ твердо-процентной бумаги или съ вклада въ банкъ, а нѣсколько больше, скажемъ 5%. Онъ заплатитъ тогда за акцію 400 руб., т.-е. въ 4 раза больше того, что затратилъ учредитель.

Доходъ предпріятія, какъ мы видѣли въ главѣ о распредѣленіи въ эпоху промышленнаго капитализма, распадается на процентъ на капиталъ и на предпринимательскую прибыль. Если предпріятіе даетъ 20%, то можно сказать, что 5% составляетъ процентъ на капиталъ, а 15% предпринимательскую прибыль. Нашъ новый держатель акціи на свои 400 руб. получаетъ только процентъ на капиталъ: онъ выступаетъ, слѣдовательно, не въ качествѣ промышленнаго, а въ качествѣ денежнаго капиталиста. Предпринимательскую прибыль, какъ видимъ, забрали учредители въ видѣ учредительской прибыли, которая нерѣдко достигаетъ огромныхъ размѣровъ. Такъ, если бы учредители въ нашемъ примѣрѣ захотѣли продать всѣ свои акціи, то они вмѣсто затраченнаго милліона выручили бы 4 милліона рублей; они вернули бы себѣ весь авансированный капиталъ и выручили бы еще добавочныхъ 3 милліона барыша, которые и составляютъ «капитализированную» учредительскую прибыль. Самые крупные барыши, пѣнки съ предпріятій достаются, слѣдовательно, кучкамъ крупныхъ капита-

листовъ или же банкамъ, которые одни только и могутъ быть учредителями современныхъ гигантскихъ заводовъ и фабрикъ, требующихъ подчасъ милліоны, а иногда и десятки милліоновъ рублей. Акціонерная форма предпріятій является, такимъ образомъ, могущественнымъ орудіемъ централизаціи капиталовъ въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ.

Нѣкоторые экономисты полагаютъ, что акціонерная форма предпріятій приводитъ къ «демократизаціи» капитализма. Они разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: акцію стоимостью въ 200—300 рублей можетъ купить и человѣкъ небогатый, даже рабочій, а если это такъ, то онъ можетъ стать и участникомъ капиталистическаго предпріятія, хотя бы того самаго, въ которомъ онъ работаетъ. Но это, конечно, не вѣрно. Во-первыхъ, держатель акціи превращается въ обыкновеннаго ссуднаго капиталиста: онъ получаетъ, какъ мы видѣли, лишь средній рыночный процентъ—предпринимательская прибыль, т.-е. сливки съ предпріятія, поступаетъ въ карманы учредителей. Во-вторыхъ, отдѣльная акція не дастъ ея держателю никакой возможности принимать хотя бы косвенное участіе въ управленіи предпріятіемъ. Правленіе акціонернаго общества избирается, правда, общимъ собраніемъ акціонеровъ, но фактическое вліяніе оказываютъ здѣсь не отдѣльныя акціи, а цѣлыя «пачки», т.-е. крупные держатели. Мелкіе акціонеры обычно и не являются на собранія,—не только потому, что они своими единичными голосами не могутъ оказать никакого вліянія, но и потому, что акціи обычно бываютъ разбросаны по всей странѣ, и даже по всему міру: пріѣзжать за 1000 верстъ, чтобы подать на собраніи акціонеровъ 1—2 голоса, не имѣетъ, конечно, никакого смысла. Господство надъ акціонерными обществами находится, такимъ образомъ, въ рукахъ крупныхъ держателей акцій, которые себя же или своихъ довѣренныхъ выбираютъ директорами. Непосредственное участіе въ управленіи предпріятіемъ даетъ крупнымъ акціонерамъ возможность получать гораздо большія прибыли, чѣмъ рядовому акціонеру. Прежде всего они получаютъ фиксированную долю прибыли («тантьемы») и огромные директорскіе оклады, которые совершенно не соотвѣтствуютъ оплатѣ даже высоко квалифицированнаго и организаторскаго труда въ капиталистическомъ обществѣ. Кромѣ того, крупные акціонеры, стоя ближе всего къ предпріятію, могутъ лучше всѣхъ прочихъ использовать такъ называемую рыночную конъюнктуру: когда предвидится поступленіе новыхъ заказовъ, а, стало быть, увеличеніе прибылей, они закупаютъ акціи; когда шансы на увеличеніе доходности уменьшаются, они во-время сбываютъ свои акціи, и перелагаютъ всѣ послѣдствія паденія курса на другихъ.

Для того, чтобы пріобрѣсти фактическое господство надъ акціонернымъ обществомъ, нужно имѣть больше половины голосовъ. Но

это только теоретически. Опытъ показываетъ, однако, что обыкно венно для этого достаточно имѣть въ рукахъ не болѣе 40, иногд даже 30 процентовъ всѣхъ акцій. Такимъ образомъ получается, чт немногіе капиталисты или финансовыя группы получаютъ возможност распоряжаться капиталами, которые во много разъ превосходятъ вло женныя ими деньги. Особенно сильно возрастаетъ власть крупнаг капитала благодаря сложнымъ системамъ финансированія одного акціо нернаго общества другимъ. Простѣйшей изъ этихъ системъ являетс организація «дочерняго общества». Положимъ, что акціонерное обще ство А обладаетъ капиталомъ въ 7 милліоновъ рублей, изъ которых 4 милліона находятся въ рукахъ капиталиста В (или группы капита листовъ), фактически управляющаго этимъ обществомъ. Пусть это пер вое общество рѣшило основать предпріятіе съ акціонернымъ капиталом въ 25 милліоновъ рублей. Чтобы удержать въ своихъ рукахъ власт надъ новымъ предпріятіемъ, оно, разсуждая теоретически, должно со хранить за собой на 13 милліоновъ рублей акцій; остальныя акціи номинальной стоимостью въ 12 милліоновъ рублей, могутъ быть пущен въ обращеніе. Но чтобы сохранить за собой («въ своемъ портфелѣ» на 13 милліоновъ рублей акцій, общество А должно внести на орга низацію предпріятія соотвѣтствующую сумму денегъ. Эти деньги он получаетъ путемъ выпуска облигаціоннаго займа, по которому выпла чивается не дивидендъ, а строго опредѣленный процентъ. Облигаці права голоса на акціонерныхъ собраніяхъ, а, стало быть, и прав участія въ управленіи предпріятіемъ не даютъ; это право переноситс на общество-учредительницу А. Такимъ образомъ получается, что ка питалистъ В, обладающій капиталомъ въ 4 милліона рублей, господ ствуетъ надъ акціонернымъ предпріятіемъ А и его «дочернимъ» обще ствомъ, т.-е. въ общей сложности, надъ капиталомъ въ 32 милліон рублей.

Система дочернихъ обществъ получила широкое распространеніе в всѣхъ странахъ съ развитымъ кредитомъ. Такъ, механическое пред пріятіе Orenstein Koppel въ Германіи основало 10 дочернихъ обществъ изъ которыхъ самыя крупныя находятся въ Россіи, въ Парижѣ, в Мадридѣ, въ Вѣнѣ, въ Іоганнесбургѣ (въ Южн. Африкѣ). Всеобща компанія электричества (A. E. G.) имѣло свои дочернія общества в Лондонѣ, въ Петербургѣ, въ Парижѣ, въ Генуѣ, въ Стокгольмѣ, в Брюсселѣ, въ Вѣнѣ, въ Миланѣ, въ Мадридѣ, въ Берлинѣ и въ цѣлом рядѣ другихъ городовъ. Извѣстный рижскій машиностроительный за водъ «Фельзеръ и К°.» является дочернимъ обществомъ германскаг общества Augsburg-Nürenberg. Петровская бумагопрядильня, Спасская бумагопрядильня и Шлиссельбургская ситценабивная фабрика—дочерні общества одной англо-русской компаніи. Особенно чудовищныхъ раз-

мѣровъ промышленная олигархія достигаетъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ: здѣсь часто приходится встрѣчаться не только съ «дочерними», но и «внучатными» и «правнучатными» обществами, которыя подчинены соотвѣтствующимъ «материнскимъ» «дѣдовскимъ» и «прадѣдовскимъ» организаціямъ.

Итакъ, развитіе акціонерной формы предпріятій вноситъ существенныя измѣненія въ самый характеръ капиталистической собственности: ея власть по отношенію къ процессу производства ограничивается. Она даетъ рядовому капиталисту лишь право на долю общественной прибавочной стоимости, но не допускаетъ съ его стороны вмѣшательства въ ходъ производства. И именно это ограниченіе даетъ владѣльцамъ части акцій неограниченное господство надъ всѣмъ капиталомъ; собственность большинства мелкихъ капиталистовъ подвергается все большимъ и большимъ ограниченіямъ; ихъ былое неограниченное распоряженіе производствомъ устраняется навсегда, а кругъ лицъ господствующихъ надъ нимъ все болѣе съуживается. Такимъ образомъ индивидуальные собственники какъ-бы перестаютъ существовать: они превращаются въ общество капиталистовъ; у отдѣльныхъ лицъ остается лишь право на извѣстную долю общественнаго дохода, а руководство капиталистическимъ производствомъ сосредоточивается въ рукахъ лицъ, которыя внесли въ него лишь нѣкоторую часть капитала, хотя и большую по своимъ цифрамъ, но малую, иногда ничтожную по сравненію съ общей его массой.

Этотъ процессъ ускоряется по мѣрѣ развитія акціонерной формы предпріятій, а послѣднее идетъ быстрыми шагами впередъ. Ростъ акціонерныхъ обществъ во всѣхъ странахъ объясняется ихъ преимуществами надъ индивидуальными предпріятіями. Разсмотримъ эти преимущества ближе.

Прежде всего необходимо отмѣтить легкость учрежденія крупныхъ предпріятій акціонерными обществами. Отдѣльные капиталисты рѣдко обладаютъ тѣми огромными капиталами, которые необходимо затратить для постройки современныхъ гигантскихъ заводовъ, а тѣмъ болѣе такихъ сооруженій, какъ каналы, желѣзныя дороги и т. п. Это подъ силу только акціонерному обществу, которое обращается ко всему классу капиталистовъ, и получаетъ возможность быстро мобилизовать потребныя ему суммы.

Акціонерныя общества обладаютъ также большей энергіей роста, чѣмъ частныя предпріятія. Кредитъ отдѣльнаго капиталиста, вообще говоря, ограниченъ размѣрами его оборотнаго капитала. Поэтому онъ, какъ общее правило, можетъ расширять свое предпріятіе только за счетъ своихъ собственныхъ прибылей. Такого ограниченія не знаетъ акціонерное общество. Если ему нужны средства для расширенія про-

изводства или для постановки усовершенствованныхъ вновь изобрѣтенныхъ машинъ, оно прибѣгаетъ къ эмиссіи—или выпуску новыхъ акцій. Потребовалось, напримѣръ, чугунно-литейному заводу, о которомъ мы говорили выше, еще 250.000 рублей для постройки новаго корпуса и постановки новыхъ вагранокъ,—для этого оно выпускаетъ на денежный рынокъ 2500 новыхъ акцій, и на добытыя такимъ образомъ средства производитъ расширеніе предпріятія. Достигается это обычно при посредствѣ банковъ, которые сами покупаютъ вновь выпущенныя акціи или берутъ на себя ихъ реализацію, т.-е. размѣщеніе.

Помимо этого акціонерныя предпріятія обладаютъ значительно большей устойчивостью и живучестью, чѣмъ индивидуальныя предпріятія. Покажемъ это на примѣрѣ. Пусть нашъ чугунно-литейный заводъ далъ всего лишь 2% прибыли. Частный предприниматель при такихъ условіяхъ очутился бы въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. При задолженности въ пол-милліона (весь капиталъ мы предположили равнымъ одному милліону) у него не только ничего не осталось бы, но онъ не могъ бы даже покрыть расходовъ по уплатѣ процентовъ своимъ кредиторамъ. Болѣе серьезный ударъ могъ бы довести его до банкротства. Другое дѣло—акціонерное общество. Если его прибыль въ силу какихъ-нибудь обстоятельствъ—кризиса, техническаго несовершенства и т. п.—упадетъ до 2%, то цѣна акцій на биржѣ начинаетъ падать, и онѣ, вмѣсто своей номинальной цѣны въ 100 рублей, получаютъ биржевую стоимость въ 40 рублей. Новые держатели акцій будутъ получать 2 рубля прибыли на сорокъ, т.-е. 5%. Весь этотъ процессъ происходитъ не на заводѣ, а гдѣ-то далеко на фондовой биржѣ (такъ называются мѣста, гдѣ происходитъ торговля цѣнными бумагами), и самое производство при этомъ не затрагивается. Къ тому же надо замѣтить, что «оздоровленіе» достигается акціонернымъ предпріятіемъ гораздо легче, чѣмъ индивидуальнымъ. Прибѣгая при помощи банка къ новой эмиссіи, оно вводитъ новыя машины, расширяетъ свой оборотный капиталъ, и сравнительно быстро поправляетъ пошатнувшіяся дѣла.

Если принять во вниманіе все сказанное, то намъ станетъ понятнымъ то распространеніе и тотъ колоссальный ростъ акціонерныхъ предпріятій и капиталовъ, которыми ознаменовались послѣднія десятилѣтія. Въ 1909 году 79% (по стоимости) всѣхъ товаровъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ изготовлялось въ акціонерныхъ предпріятіяхъ. Уже въ 1900 году въ рукахъ акціонерныхъ обществъ Германіи находилось $^3/_4$ лошадиныхъ силъ всѣхъ двигателей германской промышленности (паровыхъ и нефтяныхъ двигателей, водяныхъ и вѣтряныхъ турбинъ и т. д.). Въ Австріи число акціонерныхъ обществъ

за время съ 1905 по 1910 г. увеличилось съ 587 до 709, на 21%, а акціонерный капиталъ на 39%. Въ Англіи число акціонерныхъ обществъ въ 1911 году дошло до 53.700, увеличившись за 5 лѣтъ на $^1/_3$. То же самое, но еще въ большей степени происходило въ Россіи. Благодаря усиленному учредительству, связанному съ расширеніемъ военной промышленности, акціонерныя общества росли у насъ, начиная съ 1915 года до начало 1917 г., какъ грибы послѣ дождя. Но и въ нормальное время Россія въ послѣднія десятилѣтія не отставала отъ Западной Европы. Достаточно указать, что съ 1903 г. по 1912 г., за одно десятилѣтіе, россійскій акціонерный капиталъ возросъ въ семь разъ. Правда, среди нихъ была масса обществъ, которыя явились результатомъ преобразованія индивидуальныхъ предпріятій [1]), но это и указываетъ на всеобщій ростъ акціонерной формы предпріятій и, стало быть, на прогрессивное обезличиваніе капитала. Насколько далеко зашелъ этотъ процессъ въ міровомъ хозяйствѣ, видно изъ того, что съ 1903 по 1912 г. было выпущено акцій въ общей сложности на 1.754 милліона рублей, изъ которыхъ 60% падаетъ на послѣднее пятилѣтіе.

3. Частно-капиталистическія монополіи.

Рядомъ съ обезличеніемъ капитала акціонерной формой предпріятій идетъ другой процессъ, не менѣе характерный для новѣйшаго капитализма,—процессъ объединенія отдѣльныхъ предпріятій, охватывающій иногда цѣлыя отрасли промышленности.

Старый описанный выше капитализмъ представлялъ собою царство свободной конкурренціи. Движимый безудержнымъ стремленіемъ къ наживѣ, предприниматель улучшеніемъ техники, расширеніемъ предпріятія и утонченными методами эксплоатаціи рабочихъ стремился понижать издержки производства, путемъ уменьшенія цѣнъ захватывать

---

[1]) Преобразованіе индивидуальныхъ предпріятій въ акціонерныя—явленіе весьма распространенное въ послѣднія десятилѣтія. Оно широко практикуется въ тѣхъ случаяхъ, когда капиталъ частныхъ владѣльцевъ или товариществъ оказывается недостаточнымъ для дальнѣйшаго веденія дѣла. Въ подобныхъ случаяхъ капиталисты, обыкновенно при участіи финансовыхъ группъ, производятъ оцѣнку своихъ предпріятій, преобразовываютъ ихъ въ акціонерныя общества, и берутъ себѣ соотвѣтствующее количество акцій; участіе финансовыхъ группъ выражается здѣсь въ томъ, что онѣ увеличиваютъ капиталъ такого рода предпріятій своими взносами, получая при этомъ эквивалентъ въ видѣ акцій. Насколько распространенъ этотъ процессъ, видно изъ того, что у насъ въ Россіи изъ 761 акціонерныхъ обществъ съ капиталомъ въ 800 мил. руб., учрежденныхъ въ 1901—1911 годахъ, 529 обществъ съ капиталомъ въ 565 мил. рублей падаетъ на частновладѣльческія предпріятія, принявшія акціонерную форму.

все возрастающую массу покупателей и побивать такимъ образомъ своихъ конкуррентовъ. Прибыль отдѣльныхъ капиталистовъ могла при этомъ упасть ниже средняго уровня, типичнаго для данной страны. Подобное паденіе нормы прибыли данпаго предпріятія влекло за собой передвиженіе вложеннаго въ него капитала въ другую отрасль, болѣе доходную. Но это было возможно при низкомъ органическомъ строеніи капитала, когда подавляющая масса средствъ, вложенныхъ въ то или другое предпріятіе, состояла по преимуществу изъ суммъ, которыя шли на заработную плату рабочимъ, когда, слѣдовательно, капиталъ, затраченный на фабричныя зданія, на машины и на сырье, составлялъ не главную долю всего капитала предпріятія. При такихъ условіяхъ капиталисту нетрудно было ликвидировать свои старыя предпріятія: распустивъ рабочихъ, онъ сразу же могъ изъять наибольшую часть своего капитала и употребить ее въ другой отрасли промышленности.

Такія передвиженія капитала («миграціи») становятся, однако, все болѣе и болѣе затруднительными по мѣрѣ развитія капитализма. Рядомъ съ развитіемъ капитализма идетъ развитіе техники, которое обусловливаетъ ростъ органическаго состава капитала. Все большая часть вкладываемыхъ въ предпріятіе средствъ затрачивается на постоянный капиталъ (на средства производства) и все меньшая часть—на перемѣнный капиталъ (на заработную плату). Если при низкомъ состояніи техники на заработную плату шло 800 рублей изъ каждой затраченной тысячи, то теперь изъ той же тысячи идетъ на заработную плату 200, а часто и того еще меньше. Особенно важно то обстоятельство, что ростъ постояннаго капитала сопровождается увеличеніемъ части его, вложенной въ машины и въ зданія и составляющей, какъ извѣстно, основной капиталъ. Чрезвычайно показательны въ этомъ отношеніи данныя американской статистики. Такъ, съ 1880 г. по 1905 стоимость основного капитала въ производствѣ средствъ производства увеличилась въ Соединенныхъ Штатахъ на 315% (больше, чѣмъ въ 4 раза), а заработная плата—всего лишь на 192% (меньше, чѣмъ въ 3 раза). Въ производствѣ средствъ потребленія стоимость основного капитала за тотъ же 25-тилѣтній періодъ возросла на 224% (больше, чѣмъ въ 3 раза), а заработная плата—лишь на 115% (немного больше, чѣмъ въ 2 раза). Не менѣе характеренъ и другой примѣръ. Въ Америкѣ въ рельсопрокатномъ производствѣ на тонну (61 пудъ) фабриката приходилось заработной платы въ 1880 году 15 центовъ (30 коп.), а въ 1901 году—1 центъ; при вытягиваніи проволоки на тонну въ 1880 году 212 центовъ заработной платы, а въ 1901 году—всего лишь 12 центовъ, и т. д.—Мѣсто рабочаго замѣняетъ механизмъ, и прежнія обширныя мастерскія съ толпами рабочихъ, которые тѣснятся около мел-

кихъ машинъ, превращаются въ гигантскіе заводы и фабрики, гдѣ крошечные люди совершенно стираются передъ исполинскими аппаратами, характеризующими современную промышленность.

Благодаря этому явленію, вложенный капиталъ не всегда можетъ быть извлеченъ и перенесенъ въ другую сферу приложенія. Капиталистическія предпріятія (въ особенности предпріятія такъ называемой тяжелой промышленности—горнозаводской и металлургической) могутъ съ развитіемъ конкурренціи надолго оставаться въ такомъ положеніи, что процентъ прибыли въ нихъ непомѣрно низокъ. И эта угроза становится тѣмъ болѣе опасной, что средняя норма прибыли съ развитіемъ капитализма обнаруживаетъ неуклонную тенденцію къ пониженію (см. главу о прибыли). Если средняя норма прибыли раньше составляла 20%, то предѣлы ея колебаній были гораздо шире, чѣмъ въ новѣйшій періодъ, когда средняя норма прибыли спускается до 5—6%: незначительное потрясеніе можетъ губительнымъ образомъ отразиться на жизни отдѣльнаго капиталистическаго предпріятія.

Капиталисты ищутъ выхода изъ подобнаго положенія, и находятъ его въ созданіи частнокапиталистическихъ монополій, которыя противостоятъ покупателю, какъ единыя могущественныя организаціи. Организаціонныя формы капиталистическихъ монополій имѣютъ самый разнообразный характеръ и въ зависимости отъ этого носятъ разныя названія: картелей, синдикатовъ, трёстовъ и т. д. Но цѣль ихъ одна и та же—ограниченіе свободной конкурренціи для увеличенія доходности входящихъ въ объединеніе предпріятій. Пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ для этого картели, могутъ выражаться въ установленіи минимальныхъ цѣнъ, въ ограниченіи размѣровъ производства, въ распредѣленіи рынка между отдѣльными участниками, въ установленіи одинаковыхъ условій при покупкѣ въ кредитъ и т. д., и т. д. Если же самостоятельность отдѣльныхъ предпріятій по отношенію къ рынку уничтожается, т.-е., если продажа вырабатываемыхъ ими товаровъ производится черезъ общую для всѣхъ контору, то мы имѣемъ передъ собою синдикатъ. Слѣдующей организаціонной ступенью частнокапиталистическихъ монополій является трёстъ, при которомъ отдѣльныя предпріятія совершенно обезличиваются и сливаются въ одно гигантское акціонерное общество, объединенное общимъ правленіемъ и вѣдающее не только сношеніями слившихся предпріятій съ рынкомъ, но и ихъ внутреннимъ распорядкомъ—улучшеніемъ техники, взаимоотношеніями съ рабочими и т. д.

Процессъ синдицированія (какъ и трёстированія) происходитъ прежде всего между однородными предпріятіями: угольныя копи объединяются съ угольными копями, табачныя фабрики—съ табачными фабриками

и т. д. Это—такъ называемое горизонтальное синдицированіе. Но на этомъ объединеніе не останавливается: оно охватываетъ и разнородныя предпріятія, поскольку они занимаются послѣдовательными стадіями обработки какихъ-нибудь продуктовъ. Особенно часто подобнаго рода объединеніе, называемое вертикальнымъ синдицированіемъ, комбинированіемъ или интеграціей производственныхъ единицъ, происходитъ между предпріятіями, вырабатывающими готовые товары, и предпріятіями, доставляющими сырье. При благопріятной экономической конъюнктурѣ производство сырья не поспѣваетъ за производствомъ готовыхъ издѣлій. Это объясняется тѣмъ, что для расширенія производства сырья требуется относительно болѣе продолжительный промежутокъ времени, чѣмъ для расширенія фабричной промышленности [1]). Слѣдствіемъ этого является вздорожаніе сырья, которое сильно урѣзываетъ прибыли обрабатывающей промышленности. При низкой конъюнктурѣ наблюдаются обратныя явленія: производство сырья сравнительно слабо поддается сокращенію, а это вызываетъ паденіе цѣнъ на него и убытки. Результатомъ подобной неустойчивости въ прибыльности разсматриваемыхъ предпріятій и является вертикальное синдицированіе и оборудованіе съ самаго начала колоссальныхъ комбинированныхъ предпріятій, охватывающихъ обработку тѣхъ или иныхъ продуктовъ во всѣхъ стадіяхъ.

Примѣрами комбинированія могутъ служить объединенія прокатныхъ заводовъ, доменныхъ печей и каменноугольныхъ шахтъ, ткацкихъ фабрикъ, бумагопрядиленъ и хлопковыхъ плантацій, рыбныхъ промысловъ съ соляными копями. Конкретную иллюстрацію такихъ объединеній можетъ дать знаменитый крупповскій заводъ въ Германіи. Онъ строитъ броненосцы, пользуясь собственнымъ углемъ, коксомъ, сталью, желѣзомъ и другими сырыми продуктами и полуфабрикатами; онъ имѣетъ собственныя копи для добычи разнаго рода минераловъ, собственные прокатные заводы, даже собственныя типографіи и переплетныя, обслуживающія его конторы [1]).

Въ приведенныхъ примѣрахъ связь между комбинирующимися предпріятіями ясна; но бываютъ случаи, когда вертикальное синдицированіе охватываетъ отрасли, которыя находятся въ самой отдаленной зависимости другъ отъ друга. Въ такихъ случаяхъ часто приходится

---

[1]) Чтобы расширить производство въ сельскомъ хозяйствѣ требуется цѣлый годъ, оборудованіе новой шахты въ русскомъ каменноугольномъ бассейнѣ продолжается 5—7 лѣтъ; увеличеніе площади посѣва хлопка сопряжено обычно съ производствомъ сложныхъ оросительныхъ работъ, которыя затягиваются иногда на нѣсколько лѣтъ, и т. д.

[2]) У насъ Мальцовскіе заводы, напр., включаютъ лѣсныя дачи, чугуно-плавильное производство, машиностроительное, цементное (цементъ вырабатывается изъ шлаковъ), арматурное и т. д. Все это связано сѣтью подъѣздныхъ путей.

серьезно задумываться надъ тѣми нитями, которыя объединяютъ отдѣльныя производства современныхъ капиталистическихъ странъ. Какая, напримѣръ, связь между производствомъ керосина и бѣлилъ? А между тѣмъ могущественный Сѣверо-Американскій нефтяной трёстъ овладѣлъ монополіей на производство бѣлилъ. Оказывается слѣдующее. Побочными продуктами нефтяного трёста являются смазочныя масла; но тутъ въ качествѣ конкуррента выступаетъ трёстъ льняного масла. Въ результатѣ непродолжительной борьбы нефтяной трёстъ скупаетъ большинство акцій льняного и присоединяетъ его къ себѣ. Но этимъ дѣло не оканчивается. Льняное масло идетъ въ значительныхъ количествахъ на приготовленіе бѣлилъ, бѣлила же составляютъ одинъ изъ главныхъ продуктовъ свинцоваго трёста. Въ конечномъ итогѣ акціи послѣдняго скупаются все тѣмъ же нефтянымъ трёстомъ, и производство керосина комбинируется съ производствомъ бѣлилъ.

Основная задача какъ вертикальныхъ, такъ и горизонтальныхъ объединеній—повышеніе прибыли. Назначивъ опредѣленныя цѣны, они выступаютъ въ качествѣ полныхъ и безраздѣльныхъ хозяевъ надъ рынкомъ, которому они властно диктуютъ свои условія: синдикаты и трёсты подобны въ этомъ отношеніи царской «монополькѣ», сосредоточившей въ своихъ рукахъ «казенную продажу питей». Синдикатамъ даже нѣтъ надобности захватить все производство. Имъ нѣтъ нужды завладѣть положительно всѣмъ производствомъ, чтобы быть полными хозяевами, ибо стоящія внѣ объединенія предпріятія («дикія») все равно не могутъ насытить всего спроса. Но если существованіе «дикихъ» составляетъ серьезную угрозу для синдиката, то онъ объявляетъ «боевыя» цѣны, которыя убиваютъ его противниковъ или заставляютъ ихъ войти въ синдикатъ. А достигши монопольнаго положенія, синдикаты приступаютъ къ непрерывному взвинчиванію цѣнъ. Вотъ пара примѣровъ. Американскій нефтяной трёстъ, начавъ въ 1882 году съ $5^1/_4\%$ дивиденда, довелъ его въ первое десятилѣтіе текущаго вѣка до 40—48%. Ниточный трёстъ въ Англіи дошелъ до 20—25%. Образовавшійся у насъ наканунѣ войны табачный трёстъ увеличилъ доходы вошедшихъ въ него фабрикъ на 70%, и т. д. Въ дѣлѣ повышенія цѣнъ синдикаты и трёсты знаютъ только одно препятствіе, а именно сокращеніе количества продаваемаго продукта, или даже уменьшеніе числа его покупателей, которые, подъ вліяніемъ дороговизны, начинаютъ цѣликомъ или частично отказываться отъ продуктовъ, производимыхъ даннымъ синдикатомъ [1]). Такое явленіе можетъ въ извѣстный

[1]) Здѣсь могутъ имѣть мѣсто тѣ же явленія, которыя наблюдаются въ исторіи косвеннаго обложенія. Чрезмѣрное повышеніе акциза заставляетъ нерѣдко потребителя ограничить свои потребности, и сокращаетъ производство обложеннаго товара до такихъ предѣловъ, что повышенная ставка приноситъ правительству уменьшенную сумму поступленій.

моментъ привести къ уменьшенію прибыли и остановить синдикатъ отъ дальнѣйшаго повышенія цѣнъ.

Установленіе монополіи даетъ, такимъ образомъ, синдикатамъ и трёстамъ возможность продавать свои товары значительно выше тѣхъ предѣловъ, вокругъ которыхъ колеблются товарныя цѣны при наличности неограниченной конкурренціи, столь типичной для капитализма XIX столѣтія. Цѣны производства, т.-е. издержки производства плюсъ средняя прибыль, перестаютъ съ достаточной точностью опредѣлять рыночныя цѣны товаровъ: на потребителя налагается еще косвенный налогъ, который сплошь и рядомъ уменьшаетъ реальную заработную плату рабочаго-потребителя.

Росту прибылей и безграничному обогащенію синдикатовъ способствуетъ также ограниченіе или даже полное устраненіе торговаго посредничества. При обособленномъ существованіи работающихъ другъ на друга предпріятій между ними вклинивались иногда цѣлые десятки торговыхъ посредниковъ, изъ коихъ каждый присваивалъ себѣ долю совокупной общественной прибавочной стоимости. Не то мы видимъ съ развитіемъ синдицированія. Комбинированная система однимъ ударомъ выбрасываетъ всѣ эти промежуточныя звенья, дѣлая совершенно излишними услуги торговаго капитала. Что касается до однородныхъ, горизонтальныхъ объединеній, то они чаще всего обзаводятся собственными складами, или сводятъ роль купца къ дѣятельности приказчика-коммиссіонера. Нѣкогда могущественный торговый капиталъ, господствовавшій на зарѣ капитализма надъ всею хозяйственной жизнью, становится во вполнѣ подчиненное положеніе по отношенію къ промышленному капиталу.

Прежнія торговыя прибыли, распылявшіяся въ разныхъ рукахъ, остаются въ кассахъ синдикатчиковъ. Но и въ томъ случаѣ, когда они пользуются помощью купца, доля, которая достается послѣднему, чрезвычайно мала. Такъ, напримѣръ, у насъ, въ Россіи, до организаціи синдиката «Продамета» (общества для продажи издѣлій русскихъ металлургическихъ заводовъ) агенты заводовъ за свои услуги по продажѣ желѣза получали по 5—6 коп. съ пуда, тогда какъ со времени созданія «Продамета» всѣ торговыя издержки заводчиковъ вмѣстѣ съ потерями отъ банкротствъ исчислялись всего-навсего в $1^1/_2$—2 коп. на пудъ.

Господство надъ рынкомъ ставитъ частнокапиталистическія монополіи въ особенно благопріятныя условія въ періоды экономическихъ кризисовъ. Образуя соглашеніе (синдикатъ, картель) или единое предпріятіе (трёстъ), они при наступленіи кризиса сразу сокращаютъ производство, искусственно удерживаютъ на складахъ свои товарные запасы, и тѣмъ самымъ въ значительной степени ослабляютъ катастрофическое паденіе цѣнъ.

Итакъ, монопольное положенiе на рынкѣ даетъ синдикатамъ и трёстамъ огромныя преимущества надъ единичными, необъединенными предпрiятiями. Этимъ и объясняется гигантскiй ростъ синдикатнаго движенiя за послѣднiя десятилѣтiя.

Наиболѣе внушительныхъ размѣровъ этотъ процессъ достигъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, которые даютъ поистинѣ чудовищные размѣры централизацiи промышленности. Возьмемъ, напримѣръ, добыванiе нефти и ея производныхъ. Въ концѣ прошлаго столѣтiя оно находилось въ рукахъ 400 не связанныхъ между собой предпрiятiй; въ 1903 году нефтяной трёстъ слилъ всѣ эти предпрiятiя воедино. Въ 900-хъ годахъ онъ уже держалъ въ своихъ рукахъ 95% всей добываемой въ Америкѣ нефти. Чтобы дать представленiе о несмѣтныхъ богатствахъ этого трёста, достаточно сказать, что онъ въ 1909 году располагалъ 12.000 вагонами-цистернами, 60 громадными океанскими пароходами, 8000 резервуарами для нефти и т. д., и т. д.

Уже въ началѣ текущаго столѣтiя американскiе трёсты владѣли 81% производства химическихъ продуктовъ, 77% производства металлическихъ издѣлiй, 66% производства стали (стальной трёстъ еще богаче нефтяного: въ 1911 году его капиталъ достигъ $2^1/_3$ миллiардовъ рублей), 60% производства бумажныхъ и печатныхъ издѣлiй, 85% производства свинца, и т. д. Особенно яркую картину объединенiя представляетъ собой желѣзнодорожное дѣло Сѣверной Америки. Совсѣмъ недавно американскiя желѣзныя дороги, протяженiе которыхъ достигаетъ полумиллiона верстъ (свыше половины мiровой сѣти), находились въ рукахъ 5.000 отдѣльныхъ акцiонерныхъ компанiй. Наканунѣ войны почти всѣ желѣзнодорожныя линiи Сѣв. Америки перешли въ руки нѣсколькихъ финансовыхъ группъ, во главѣ съ миллiардерами, имена которыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ извѣстны даже малому ребенку.

Сѣверо-Американскiе Соединенные Штаты въ дѣлѣ трёстированiя ушли дальше всѣхъ остальныхъ капиталистическихъ странъ. Сѣверная Америка рисуется наблюдателю страной, покрытой нѣсколькими десятками крупнѣйшихъ заводовъ и фабрикъ съ ихъ филiальными отдѣленiями; они господствуютъ положительно надъ всей страной, и нельзя шагу ступить, чтобы не почувствовать на себѣ влiянiя какого-нибудь трёста. Вотъ какъ одинъ писатель описываетъ обѣдъ въ какомъ-нибудь американскомъ ресторанѣ: «Официантъ подаетъ вамъ рюмочку передъ обѣдомъ: напитокъ, главной составной частью котораго является виски, состоитъ подъ контролемъ Whisky Trust (капиталъ 70 миллiоновъ); бульонъ зависитъ отъ чикагскаго Beef Trust (200 миллiоновъ рублей); устрицы—отъ недавно основаннаго Oyster Trust (10 миллiоновъ рублей).—Вы требуете закусокъ—редиски, сельдерея, маслинъ—приготовьте толику для Farm and daily Product Trust (30 миллiоновъ рублей), съ жаркимъ—Fowls Trust (40 миллiоновъ рублей).—

Идетъ дессертъ: пудингъ—это продуктъ American Flour C⁰ (240 милліоновъ рублей); фрукты—American Fruit C⁰; бисквиты—Nationale Biscuit Trust; взбитыя сливки—American ice Cream C⁰.—Вамъ хочется выпить кофе или выкурить сигару: не забывайте Coffee Syndicate (120 милліоновъ рублей) и Tabacco Trust (150 милліоновъ рублей). Какъ видите, очень много трёстовъ сразу».

Не менѣе классическую страну частнокапиталистическихъ монополій представляетъ Германія, которая наканунѣ войны насчитывала свыше 400 объединеній. Изъ отдѣльныхъ синдикатовъ особенно выдѣляется Рейнско-вестфальскій угольный синдикатъ, который къ 1-ому января 1913 года вырабатывалъ 93% всего рурскаго угля или 54% всего германскаго угля (5.640 милліоновъ пудовъ). Крупнѣйшую роль играетъ и Эссенскій чугунный синдикатъ: наканунѣ войны онъ выбрасывалъ на рынокъ 204 милліона пудовъ чугуна въ годъ (43—44% всего производства страны). Затѣмъ можно отмѣтить сахарный синдикатъ, дающій 70% внутренняго и 80% внѣшняго сбыта, бумажный синдикатъ, контролирующій свыше 80% производства печатной бумаги, и т. д.

Нѣтъ нужды останавливаться на синдикатномъ движеніи Франціи, Англіи, Бельгіи, Австріи и другихъ капиталистическихъ странъ. Всѣ онѣ охвачены прогрессивнымъ процессомъ созданія частнокапиталистическихъ монополій, которыя прокладываютъ себѣ пути во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ, касающихся Россіи.

Наиболѣе видное мѣсто среди русскихъ синдикатовъ занималъ «Продамета». Въ 1912 году онъ контролировалъ производство и объединялъ продажу 83% сортового и листового желѣза, 95% балокъ и швеллеровъ, 75% желѣзнодорожныхъ рельсовъ и 100% осей русской выработки. Далѣе шелъ «Продуголь», захватившій производство почти всего угля Донецкаго бассейна (95%, или около $^2/_3$ всего русскаго производства. Этотъ синдикатъ систематически ограничивалъ предложеніе угля на рынки, и во время войны выдѣлялся своимъ высокимъ «патріотизмомъ», который выражался въ томъ, что онъ, создавая искусственно угольный голодъ, непрерывно взвинчивалъ цѣны «чернаго хлѣба» всей промышленности вообще и военной въ частности. За «Продуголемъ» слѣдовали сахарный синдикатъ (100% производства), «Кровля» (70% производства кровельнаго желѣза), «Мѣдь» (95%), «Платина» (90%), табачный трёстъ (70%), пробочный трестъ (100%), синдикатъ по производству сельскохозяйственныхъ орудій (свыше 70%), «Продвагонъ» (97% производства вагоновъ). Вообще, трудно указать какую-нибудь отрасль промышленности, которая не была бы у насъ въ той или иной мѣрѣ затронута синдикатнымъ движеніемъ; оно захватывало производство спичекъ, бутылокъ, зеркальнаго стекла, кирпичей, соли, рѣчной транспортъ и т. д.

Итакъ, во всѣхъ странахъ наблюдается развитіе капитализма къ полной монополизаціи цѣлыхъ отраслей промышленности, какъ однородныхъ, такъ и разнородныхъ. Производство все болѣе и болѣе концентрируется и централизуется, совершенно подавляя индивидуальную волю отдѣльнаго капиталиста и противоставляя рынку могущественныя высоко-организованныя капиталистическія объединенія. Этотъ процессъ еще болѣе ускоряется банками, которые выступаютъ въ качествѣ организаціонныхъ центровъ всей современной промышленности, двигая ее по пути дальнѣйшей централизаціи.

4. Банки, какъ организаціонные центры промышленности.

Прежде банки были мало заинтересованы въ судьбахъ отдѣльныхъ фабрично-заводскихъ предпріятій. Они обычно давали фабриканту кредитъ подъ вексель на опредѣленный срокъ. Фабрикантъ такимъ образомъ увеличивалъ свой оборотный капиталъ, и вскорѣ же возвращалъ свой долгъ учрежденію, ссудившему ему деньги. Банкъ при этомъ былъ лишь заинтересованъ въ томъ, чтобы должникъ закончилъ благополучно намѣченную имъ операцію (закупку сырья, обработку и продажу готоваго товара). Судьбы банка совершенно не связывались съ судьбами тѣхъ, кого онъ ссужалъ.

Въ послѣднія десятилѣтія наблюдается другое. Размѣры предпріятій растутъ, ихъ оборудованіе становится не подъ силу отдѣльнымъ капиталистамъ [1]). Тутъ-то и являются на сцену банки, которые выступаютъ уже не въ качествѣ кредиторовъ, а въ качествѣ учредителей: они, подобно насосамъ, всасываютъ въ себя всѣ свободныя средства страны, а затѣмъ закрѣпляютъ значительную ихъ часть въ промышленности. Учредительство становится одной изъ наиболѣе важныхъ операцій банковъ. Эмиссія (выпускъ) промышленныхъ фондовъ (акцій) составляетъ самую доходную ихъ активную операцію. Слѣдующія цифры могутъ показать размѣры тѣхъ прибылей, которыя германскіе банки получили на этомъ дѣлѣ съ 1895 по 1900 г. Эмиссія акцій промышленныхъ предпріятій дала прибыли:

въ 1895 г.	38,6%
„ 1896 „	36,1%
„ 1897 „	66,7%
„ 1898 „	67,7%
„ 1899 „	66,9%
„ 1900 „	55,2%

[1]) Достаточно указать, напримѣръ, что оборудованіе башмачной фабрики, разсчитанной на 180—200 рабочихъ, обходилось (до войны) въ Германіи въ $^1/_2$ милліона рублей, или что организація комбинированнаго чугунно-литейнаго завода требуетъ въ той же странѣ затраты не менѣе 20 милліоновъ.

За 1891—1900 гг: банки «заработали» на выпускѣ нѣмецкихъ промышленныхъ фондовъ свыше одного милліарда. Все это не что иное, какъ львиная доля учредительскихъ барышей—капитализированной предпринимательской прибыли.

Но не слѣдуетъ думать, что банки сбываютъ всѣ акціи учрежденныхъ при ихъ посредствѣ предпріятій. Они обычно сохраняютъ за собой такое количество акцій, которое даетъ имъ возможность господствовать въ новомъ акціонерномъ обществѣ. Позиція банка по отношенію къ торгово-промышленному предпріятію измѣняется кореннымъ образомъ. Его деньги вкладываются въ нѣдра земли, въ стальные станки, въ каменныя стѣны и желѣзнодорожныя насыпи. Онъ кровно заинтересованъ не только въ исходѣ той или иной операціи созданнаго при его участіи предпріятія,—онъ заинтересованъ во всей его дѣятельности, во всемъ его существованіи. Банковый капиталъ, существовавшій нѣкогда раздѣльно отъ торгово-промышленнаго капитала, сливается, сращивается съ нимъ воедино и образуетъ финансовый капиталъ.

Этотъ процессъ «сращиванія» распространяется не только на вновь учрежденныя предпріятія, но и на существующія. Исторія промышленности послѣднихъ лѣтъ есть исторія завоеванія фабрикъ и заводовъ банковымъ капиталомъ. Банки собираютъ 25—35% всѣхъ акцій намѣченнаго ими предпріятія, и этого оказывается достаточно, чтобы получить при выборахъ въ правленіе большинство голосовъ и чтобы выбрать своихъ директоровъ. Другимъ способомъ подчиненія банковому капиталу торгово-промышленныхъ предпріятій является «оздоровленіе» послѣднихъ. Положимъ, что какой-нибудь заводъ, вслѣдствіе отсталой техники или недостаточности оборотнаго капитала, начинаетъ давать убытки или пониженныя прибыли. Для увеличенія доходности требуются новыя капитальныя затраты, и нашъ заводъ вынужденъ обратиться къ помощи банка. Банкъ соглашается на это, но становится участникомъ разсматриваемаго предпріятія: если оно является акціонернымъ обществомъ, банкъ обезпечиваетъ себѣ достаточное количество акцій, чтобы осуществлять надъ нимъ контроль; если это предпріятіе индивидуальное, банкъ придаетъ ему акціонерную форму. Въ томъ и другомъ случаѣ оно усыновляется банковымъ капиталомъ.

Распространеніе господства финансоваго капитала не надо, однако, понимать въ томъ смыслѣ, что промышленники становятся рабами банковъ. При развитіи новѣйшаго капитализма происходитъ процессъ, глубоко отличный, напримѣръ, отъ завоеванія ремесленника или кустаря торговымъ капиталомъ. Сращеніе банковаго капитала съ промышленнымъ есть явленіе двухстороннее: заправилы промышленности входятъ въ правленія банковъ, а представители банковъ входятъ въ

руководящіе органы акціонерныхъ обществъ, синдикатовъ и трестовъ.

Насколько велико вліяніе банковъ на промышленность передовыхъ капиталистическихъ странъ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Уже въ 1903 году 6 наиболѣе крупныхъ нѣмецкихъ банковъ были представлены въ 750 наблюдательныхъ совѣтахъ промышленныхъ акціонерныхъ обществъ; 197 заправилъ банковъ и ихъ довѣренныхъ занимали 2.918 должностей—директорскихъ и членовъ правленій, при чемъ отдѣльныя лица обладали по полсотнѣ мандатовъ. Въ Америкѣ 89 представителей банковъ занимали въ 1908 году свыше 2000 директорскихъ мѣстъ, и нѣкоторые изъ нихъ одновременно управляли или контролировали 50—75 предпріятій. У насъ въ Россіи 5 главныхъ банковъ (Международный, Русско-Азіатскій, Азовско-Донской, Учетно-ссудный и Русскій Торгово-Промышленный) вліяли на промышленный капиталъ въ 700 милліоновъ рублей, при чемъ на долю Международнаго приходилось не меньше полумилліарда: въ сферу его вліянія входили нефтяные промыслы, золотые пріиски, металлургические, машиностроительные и вагоностроительные заводы, рудники, цементные заводы, частныя желѣзныя дороги, и т. д.; и въ органахъ, управлявшихъ всѣми этими предпріятіями, засѣдали представители Международнаго банка.

Разъ создается такая заинтересованность банковъ въ промышленности, то вполнѣ естественно, что паденіе прибыли или, наоборотъ, ея повышеніе отражается прежде всего на самыхъ крупныхъ акціонерахъ. Отсюда естественное стремленіе со стороны банковъ къ согласованію интересовъ отдѣльныхъ подпавшихъ подъ ихъ вліяніе предпріятій. Это достигается прежде всего персональной уніей, т.-е. участіемъ отдѣльныхъ представителей банковъ въ правленіяхъ заводовъ или фабрикъ одной какой-нибудь отрасли или отраслей разнородныхъ. Въ первомъ случаѣ они стремятся къ тому, чтобы предпріятія ограничили существующую между ними конкурренцію, во второмъ случаѣ они толкаютъ контролируемыя ими предпріятія къ образованію вертикальныхъ комбинацій. Въ дальнѣйшемъ эти тенденціи выливаются въ образованіе синдикатовъ и трестовъ. Такъ, созданіе «Продаметы» было дѣломъ объединенныхъ усилій четырехъ банковыхъ группъ; организація русскаго табачнаго треста, слившаго такія крупныя предпріятія, какъ т-во Дукатъ, т-во Лафермъ, т-во А. Н. Богданова и др., была проведена Русско-Азіатскимъ и Торгово-Промышленнымъ Сибирскимъ банками, и т. д.

Съ другой стороны, объединеніе промышленности и преимущества крупныхъ кредитныхъ организацій надъ мелкими влекутъ за собой централизацію банковъ. Въ Англіи этотъ процессъ привелъ къ тому, что число банковъ за одно десятилѣтіе уменьшилось со 159 до 73, т.-е.

больше, чѣмъ наполовину. Уменьшеніе это шло, конечно, не за счетъ гибели отдѣльныхъ банковъ, а за счетъ ихъ постепеннаго сліянія, которое, однако, не помѣшало увеличенію ихъ операцій свыше, чѣмъ на 66%. Въ Германіи дѣло дошло до того, что въ 1909 году 9 крупныхъ берлинскихъ банковъ вмѣстѣ съ зависимыми отъ нихъ кредитными учрежденіями управляли 11,3 миллiардами марокъ, т.-е. 83% всей суммы нѣмецкаго банковаго капитала. Въ началѣ войны они образовали соглашеніе, и поставили подъ свой контроль чуть не всю хозяйственную жизнь страны. Такимъ образомъ оправдались надежды одного нѣмецкаго буржуазнаго экономиста, который заявилъ, что не будетъ ничего неожиданнаго, если мы, проснувшись въ одинъ прекрасный день, увидимъ одни только трёсты, и что недалеко то время, когда изъ 300 человѣкъ, которые экономически управляли Германіей (въ 1914 г.), останется 50, 25 или еще меньше. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ 180 крупнѣйшихъ акціонеровъ банковъ руководятъ всей промышленной жизнью страны. Но и они не самостоятельны въ своихъ дѣйствіяхъ, а, со своей стороны, зависятъ отъ двухъ главныхъ американскихъ банковъ: National City Bank съ капиталомъ въ 26½ милліардовъ рублей, и National Bank of Commerce съ капиталомъ въ 36 милліардовъ рублей (до-военныхъ). Во главѣ перваго стоитъ Рокфеллеръ, второго—Морганъ, некоронованные короли и диктаторы финансоваго капитала Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. По такому же пути идетъ Франція. Одинъ французскій экономистъ называетъ 53 фамиліи (въ томъ числѣ Ротшильды, Шнейдеръ, Ростанъ и т. д.) которыя, являясь господами 108 банковъ, держатъ въ своихъ рукахъ 105 крупнѣйшихъ предпріятій тяжелой промышленности, 101 желѣзнодорожную компанію, 117 другихъ важнѣйшихъ промышленныхъ и финансовыхъ предпріятій, изъ которыхъ каждое распоряжается десятками или сотнями милліоновъ. Такой же ходъ развитія наблюдался въ Россіи. Въ 1917 г. у насъ между четырьмя крупнѣйшими коммерческими банками уже было закончено предварительное соглашеніе объ организаціи банковаго союза, который осуществлялъ бы контроль и направлялъ бы производство важнѣйшихъ торгово-промышленныхъ предпріятій въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ промышленности.

Итакъ, развитіе финансоваго капитализма ведетъ къ объединенію національной промышленности, которое совершается въ горизонтальномъ и въ вертикальномъ направленіи; предѣломъ этой тенденціи было бы образованіе въ каждой отдѣльной странѣ одного гигантскаго комбинированнаго трёста, который охватывалъ бы все производство и финансировался бы однимъ центральнымъ банкомъ. Система мірового капитализма, которая слагалась изъ сотенъ тысячъ отдѣльныхъ пре-

изводственныхъ единицъ, постепенно превращается въ совокупность нѣсколькихъ національныхъ государственныхъ трестовъ, которые противостоятъ другъ другу на аренѣ мірового рынка. Эти новѣйшія капиталистическія образованія господствуютъ не только надъ экономической жизнью соотвѣтствующихъ странъ: они пріобрѣтаютъ колоссальное вліяніе на ихъ внѣшнюю и внутреннюю политику, и являются тѣми силами, которыя рѣшаютъ вопросы мира и войны и бросаютъ другъ противъ друга миллюнныя арміи.

5. Имперіализмъ, какъ политика финансоваго капитала.

Политика современныхъ капиталистическихъ странъ можетъ быть объяснена лишь въ томъ случаѣ, если исходить изъ ихъ экономической структуры, изъ пониманія сущности финансоваго капитализма.

Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о таможенныхъ пошлинахъ, или протекціонизмѣ. Было время, когда промышленность молодыхъ капиталистическихъ странъ (Германіи, Соединенныхъ Штатовъ и т. д.) не могла, благодаря превосходству англійской техники, конкуррировать съ англійскими товарами. Въ эту пору была выдвинута идея воспитательныхъ пошлинъ,—воспитательныхъ въ томъ смыслѣ, что онѣ должны были способствовать развитію «отечественной» промышленности и опекать ее до тѣхъ поръ, пока цѣны производства внутри страны не сравняются съ цѣнами производства въ болѣе развитыхъ странахъ. Съ этого момента пошлины, по мысли основоположника ученія о такъ называемомъ воспитательномъ протекціонизмѣ (Фр. Листа), должны были быть совершенно уничтожены. Пояснимъ это на примѣрѣ. Пусть англійскій капиталистъ, благодаря высокому совершенству своихъ техническихъ средствъ, можетъ поставлять единицу какого-нибудь товара на германскій рынокъ за 20 марокъ, и пусть германскій капиталистъ въ состояніи продать тотъ же самый товаръ не дешевле, чѣмъ за 25 марокъ. Тогда на соотвѣтствующій англійскій товаръ устанавливается пошлина въ 5 марокъ. Въ такомъ случаѣ онъ на германскомъ рынкѣ будетъ стоить 25 марокъ, и «отечественный» капиталистъ получаетъ возможность конкуррировать со своимъ заграничнымъ коллегой. Но развитіе капитализма означаетъ прежде всего развитіе техники, а стало-быть удешевленіе издержекъ производства товаровъ. Положимъ, что цѣна производства взятаго въ нашемъ примѣрѣ товара упадетъ, вслѣдствіе указаннаго прогресса техники, до 22 марокъ. Тогда пошлина на него должна, по духу ученія о воспитательномъ протекціонизмѣ, понизиться съ 5 до 2 марокъ. Такимъ образомъ таможенныя пошлины, представлявшія въ свое время жизненную необходимость для молодыхъ капиталистическихъ странъ, по мѣрѣ техническаго прогресса должны были совершенно сойти со сцены. Воспитательный протекціонизмъ раз-

сматривался, какъ переходная мѣра къ свободной торговлѣ, не ограниченной никакими таможенными перегородками.

Но уничтоженія таможенныхъ пошлинъ, однако, не произошло. Напротивъ того, почти всѣ капиталистическія страны неуклонно идутъ по пути усиленія протекціонизма и непрерывно взвинчиваютъ пошлины. Какова же цѣль этой политики? Если Соединенные Штаты доводятъ таможенныя ставки на нѣкоторые товары до 150% ихъ стоимости, если Франція въ одинъ пріемъ повышаетъ ввозныя пошлины на 25% и т. п., то совершенно очевидно, что эти страны преслѣдуютъ при этомъ не цѣли обороны, а наступленія.

Если бы не было таможенныхъ перегородокъ, то частнокапиталистическія монополіи, охватывающія національные рынки, не имѣли бы возможности поднимать цѣны выше тѣхъ, которыя существуютъ на міровомъ рынкѣ. Онѣ были бы вынуждены отказаться отъ тѣхъ дополнительныхъ барышей, которые, какъ сказано выше, образуютъ какъ бы косвенный налогъ на потребителя. Поэтому синдикаты, оказывая давленіе на государственную власть, добиваются того что послѣдняя все выше и выше подымаетъ обложеніе ввозимыхъ товаровъ. Образуется высокая таможенная стѣна, которая не даетъ заграничнымъ товарамъ просачиваться на внутренній рынокъ, захваченный синдицированной промышленностью, и руководители послѣдней кладутъ себѣ въ карманъ всю разницу между искусственно вздутыми внутренними цѣнами и цѣнами, которыя, въ результатѣ свободной конкурренціи, устанавливаются на міровомъ рынкѣ.

Въ тѣсной связи съ картельными пошлинами (такъ называютъ пошлины новѣйшаго времени, не имѣющія ничего общаго съ воспитательнымъ протекціонизмомъ) находится бросовый экспортъ, заключающійся въ томъ, что товары сбываются на иностранномъ рынкѣ по сильно пониженнымъ цѣнамъ, иногда даже ниже издержекъ производства. Извѣстно, напримѣръ, что германскій спиртъ сбывался за границу на 50% дешевле, чѣмъ внутри страны, и что нѣмецкіе заводы по изготовленію балокъ сбываютъ въ Италію товаръ процентовъ на 30% дешевле, чѣмъ въ самой Германіи. Еще болѣе яркій примѣръ такого невѣроятнаго на первый взглядъ факта даетъ практика германскаго синдиката по производству гвоздей. За одно полугодіе онъ сбылъ за границу почти столько же, сколько на внутреннемъ рынкѣ, и потерпѣлъ на этомъ безъ малаго полмилліона рублей убытка. Съ подобными фактами мы сталкиваемся сплошь и рядомъ въ странахъ съ синдицированной промышленностью.

Спрашивается, какой интересъ синдикатамъ вывозить товаръ за границу, продавать его за безцѣнокъ и, вдобавокъ ко всему, терпѣть

еще огромные убытки? Оказывается, что синдикаты въ общей сложности, конечно, никакихъ убытковъ не несутъ. Дефициты по заграничнымъ поставкамъ покрываются искусственно взвинченными цѣнами внутри страны. Такъ, гвоздяной синдикатъ, о которомъ мы только что говорили, продавалъ въ Германіи гвозди на 70—72% дороже, чѣмъ за границей, и не только покрылъ убытки, но и нажилъ огромные барыши.

Такимъ образомъ картельныя пошлины имѣютъ своей непосредственной задачей взвинчиваніе цѣнъ внутри страны, эксплоатацію внутренняго потребителя, съ тѣмъ, чтобы дать синдикатчикамъ возможность развязать себѣ руки на иностранныхъ рынкахъ. Но чѣмъ больше внутренній рынокъ и число «своихъ» покупателей, тѣмъ крупнѣе синдикатскія прибыли внутри страны, тѣмъ легче и завоеваніе рынковъ тѣхъ странъ, вокругъ которыхъ «мирнымъ» путемъ борются національные капиталы передовыхъ государствъ. Отсюда — стремленіе расширить таможенныя перегородки, увеличить территоріи тѣхъ вотчинъ, гдѣ безраздѣльно царствуютъ національныя капиталистическія монополіи. Это — одно изъ проявленій имперіализма, одна изъ предпосылокъ современныхъ имперіалистическихъ войнъ.

Но стремленіе къ расширенію хозяйственныхъ территорій не единственная причина имперіалистическихъ войнъ. Огромную роль въ этомъ отношеніи играетъ вопросъ о рынкахъ сырья и сбыта готовыхъ товаровъ.

Какъ общее правило, добывающая промышленность и, въ частности, сельское хозяйство не поспѣваютъ въ своемъ развитіи за промышленностью обрабатывающей. Это вызываетъ въ послѣднія десятилѣтія непрерывный ростъ цѣнъ на всякаго рода сырье, и создаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе передовыхъ капиталистическихъ странъ къ тому, чтобы обезпечить себя рынками сырья. Рынками же сырья являются отсталыя страны, на которыя мировые хищники направляютъ свои усилія. Англіи, напримѣръ, нуженъ хлопокъ, и она находитъ себѣ соотвѣтствующее хозяйственное дополненіе въ Египтѣ; Россія для той же цѣли распространяетъ свои щупальцы на Туркестанъ, и т. д. Мы сталкиваемся здѣсь съ такимъ же явленіемъ, какъ и при вертикальномъ синдицированіи. Только тамъ комбинированіе предпріятій, обрабатывающихъ послѣдовательныя стадіи какого-нибудь товара, совершается обычно на основѣ соглашеній, въ то время какъ присоединеніе цѣлыхъ областей совершается аргументаціей оружія. Но по существу мы имѣемъ здѣсь дѣло съ фактами одного и того же экономическаго порядка: аннексія Египта, Туркестана и т. п. воспроизводитъ въ болѣе широкомъ масштабѣ тѣ самыя производственныя отношенія, которыя существуютъ между комбинированными предпріятіями въ предѣлахъ странъ, идущихъ по пути финансоваго капитализма.

Подобную же роль играютъ и рынки сбыта. Производительныя силы капитализма растутъ непрерывно. Количество товаровъ, выбрасываемыхъ современными капиталистическими гигантами, увеличивается все больше и больше. А между тѣмъ политика финансоваго капитала съ ея монопольными цѣнами и картельными пошлинами дѣлаетъ все, чтобы ограничить покупательную способность широкихъ народныхъ массъ. Такимъ образомъ создается непримиримое противорѣчіе между ростомъ производительныхъ силъ и недостаточностью рынка. Какой же отсюда выходъ? Отвѣтъ одинъ: рынки слабо развитыхъ промышленныхъ странъ—страны «дикія» и «полудикія», юго-восточная Африка и Бельгійское Конго, Турція и Персія, Австралія и Канада. Но земная поверхность ограничена, а аппетиты національно-государственныхъ трёстовъ болѣе или менѣе одинаковы. Отсюда—новые источники для столкновеній, для разрѣшенія конфликтовъ въ области «мирной» конкурренціи силою оружія.

Не менѣе важныя предпосылки имперіализма вытекаютъ изъ такъ называемаго экспорта или вывоза капитала. Мы указывали выше на цѣлый рядъ явленій, которыя служатъ источникомъ обогащенія магнатовъ финансоваго капитала. Это, съ одной стороны, колоссальные учредительскіе барыши, а съ другой стороны, картельныя цѣны, присвоеніе торговой прибыли, обогащеніе дополнительными барышами за счетъ таможенныхъ перегородокъ, которыя даютъ національно-государственнымъ трёстамъ полную возможность поднимать цѣны на всю величину ввозной пошлины, и т. д. Всѣ эти факторы способствуютъ накопленію огромныхъ капиталовъ, которые внутри страны обречены на бездѣйствіе. Дѣло въ томъ, что финансовый капитализмъ, стремясь къ монополіи, держитъ въ напряженіи рынокъ: онъ постоянно заботится о томъ, чтобы расширеніе производства не повлекло за собой чрезмѣрнаго предложенія товаровъ и неизбѣжнаго при этомъ паденія цѣнъ и прибыли. Но расширеніе производства за счетъ внѣшняго рынка тоже находитъ опредѣленныя границы, потому что эти рынки защищены нерѣдко китайской стѣной таможенныхъ перегородокъ. Это толкаетъ избыточные капиталы въ отсталыя страны, гдѣ сразу же насаждаются грандіозныя предпріятія нашего времени [1]).

Экспортъ капитала не слѣдуетъ, конечно, понимать исключительно какъ вывозъ денегъ: созданная пролетаріями прибавочная стоимость уплываетъ за границу въ видѣ машинъ, рельсовъ и т. п., и превраща-

[1]) Чтобы дать представленія о размѣрахъ экспорта капитала, достаточно указать, что Франція въ 1905 году имѣла за границей 40 милліардовъ франковъ, Германія накануне войны 35 милліардовъ марокъ, Англія 4 милліарда фунтовъ стерлинговъ и т. д.

ется тамъ въ функціонирующій капиталъ, имѣющій своимъ назначеніемъ созданіе все новыхъ и новыхъ массъ прибавочной стоимости. Вывозимые капиталы вкладываются въ нѣдра земли, въ копи и рудники, въ желѣзнодорожныя насыпи, въ каналы, въ колоссальныя оросительныя сооруженія и т. д. Всѣ эти предпріятія разсчитываются на барыши, которые во всякомъ случаѣ не меньше прибылей, реализуемыхъ внутри страны, на территоріяхъ національно-государственныхъ трёстовъ. Но если это такъ, если экспортъ капитала сулитъ новые неограниченные барыши, то ясно, что каждый національный капиталъ стремится обезпечить себѣ новыя поприща для эксплоатаціи и добивается концессіи—права постройки желѣзныхъ дорогъ, права разработки руды, устройства почтово-телеграфныхъ учрежденій и т. д., и т. д. А это, естественно, рождаетъ столкновенія между національно-государственными трёстами, — столкновенія, которыя выливаются въ имперіалистическія войны.

Такимъ образомъ, военныя столкновенія между отдѣльными странами въ эпоху финансоваго капитализма неизбѣжны. Они являются, какъ мы видѣли, слѣдствіемъ тѣхъ силъ, которыя двигаютъ современный капитализмъ. Но вѣдь указанныя столкновенія представляютъ собой нечто иное, какъ завершеніе конкуррентной борьбы—смѣну «мирнаго» соревнованія военнымъ. А разъ это такъ, то не могутъ ли національно государственные трёсты пріити къ соглашенію и подѣлить между собой міровой рынокъ товаровъ и капиталовъ, какъ это дѣлаютъ вступающія въ синдикатъ предпріятія внутри капиталистическихъ странъ? Положительный отвѣтъ какъ-будто подсказывается фактомъ существованія въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности международныхъ синдикатовъ. И тѣмъ не менѣе на вопросъ нужно отвѣтить отрицательно.

Въ самомъ дѣлѣ, главнымъ условіемъ, при которомъ становится возможнымъ синдицированіе, является приблизительно одинаковая экономическая сила для вступающихъ въ объединеніе предпріятій. Если какое-нибудь предпріятіе находится въ исключительно выгодныхъ условіяхъ, если оно обладаетъ, напримѣръ, рѣдкостнымъ патентомъ или даровой двигательной силой, то совершенно очевидно, оно воздержится отъ вступленія въ синдикатъ, который ограничилъ бы его свободу, отводя ему опредѣленный процентъ общей выработки объединенной отрасли промышленности (опредѣленную «квоту»). Такое предпріятіе предпочло бы остаться независимымъ. То же самое имѣетъ мѣсто по отношенію къ государствамъ или національно-государственнымъ трёстамъ, какъ мы ихъ назвали выше. Отдѣльнымъ странамъ есть смыслъ итти на соглашеніе въ томъ случаѣ, если онѣ обладаютъ болѣе или менѣе одинаковой хозяйственной структурой, т.-е. приблизительно одинаковымъ развитіемъ производительныхъ силъ. А разъ это такъ, то

Германіи незачѣмъ было «синдицироваться» съ Россіей и даже съ Франціей, странами сравнительно менѣе развитой техники. Кромѣ экономическаго равенства въ тѣсномъ смыслѣ этихъ словъ, для образованія соглашеній имѣетъ еще огромное значеніе равенство экономически-политическое, т.-е. равенство милитаристическихъ средствъ. Если А и В, двѣ страны, два національно-государственныхъ трѣста, экономически равносильны, но А въ военномъ отношеніи могущественнѣе, чѣмъ В, то оно предпочтетъ не синдицироваться съ послѣднимъ, а попросту поглотитъ его. Все это говоритъ за то, что путь къ образованію міроваго трѣста, который охватилъ бы все міровое хозяйство и противостоялъ бы единому пролетаріату, идетъ не черезъ мирныя соглашенія, а черезъ кровопролитнѣйшія войны, одинъ изъ образчиковъ которыхъ дала намъ военная катастрофа 1914—18 годовъ.

Но можетъ ли капитализмъ достигнуть своего логическаго завершенія—создать единое хозяйство, регулируемое и организуемое изъ единаго капиталистическаго центра? Вотъ вопросъ, на который необходимо отвѣтить.

6. Путь къ крушенію капиталистическаго хозяйства.

Являясь неизбѣжнымъ результатомъ гигантскаго развитія производительныхъ силъ, новѣйшій капитализмъ самъ налагаетъ путы на это развитіе. Въ самомъ дѣлѣ, какова самая могущественная пружина, движущая промышленность впередъ? Мы видѣли, что этой пружиной является необузданная конкурренція, царящая повсюду, гдѣ капитализмъ не вступилъ еще въ свою новѣйшую стадію. Въ этой конкурренціи побѣждаетъ тотъ, кто дешевле доставляетъ на рынокъ товары, а уменьшеніе издержекъ производства достигается прежде всего развитіемъ техники и увеличеніемъ количества производимыхъ товаровъ. Но если это такъ, то конкурренція является могущественнымъ стимуломъ расширенія производства и, слѣдовательно, роста производительныхъ силъ. Стоитъ только уничтожить конкурренцію, поставить промышленность въ монопольное положеніе, чтобы развитіе затормазилось, чтобы прогрессу техническихъ усовершенствованій былъ положенъ предѣлъ. Живой иллюстраціей этого положенія можетъ служить исторія нашей уральской промышленности въ первой половинѣ XIX вѣка. Еще въ 30-хъ годахъ Уралъ доставлялъ 12% всего міроваго производства чугуна, въ концѣ 50-хъ годовъ этотъ % упалъ до 4. Выплавка чугуна почти въ продолженіе всей первой половины XIX столѣтія держалась на мертвой точкѣ, она стояла на одномъ уровнѣ или, въ лучшемъ случаѣ, шла впередъ черепашьимъ шагомъ. Другая страна, Англія, за тотъ же періодъ увеличила производство чугуна въ 30 разъ; она стала вывозить этотъ продуктъ за границу въ огромныхъ количествахъ,

въ то время какъ Россія сократила свой заграничный отпускъ чугуна въ 4 раза. Это произошло потому, что наша уральская промышленность была изолирована отъ всего остального міра запрещеніемъ ввоза въ Россію чугуна и желѣза. Это запрещеніе спасло Уралъ отъ конкурренціи мірового рынка, создавъ ему монопольное положеніе. Внутри страны тоже не было конкурренціи, такъ какъ число заводовъ было сравнительно незначительно. Наши промышленники получали сказочные барыши (отъ 45—90%), и вполнѣ естественно, что имъ незачѣмъ было заботиться объ усовершенствованіи техники. Между тѣмъ англичане, движимые конкурренціей, использовали у себя всѣ новѣйшія изобрѣтенія, и за четверть вѣка удешевили производство чугуна на 60%.

Конкурренція является локомотивомъ капиталистическаго развитія. Если онъ прекращаетъ свое дѣйствіе, это развитіе останавливается, и капитализмъ переходитъ въ застойную форму. Такъ было съ уральской промышленностью, такъ происходитъ въ настоящее время со всѣмъ міровымъ капитализмомъ, ступившимъ на путь финансоваго капитализма съ его картелями, синдикатами и трестами. Конечно, все это происходитъ лишь отчасти, въ тенденціи, потому что, хотя конкурренція уничтожается внутри капиталистическихъ странъ, она остается, мы видѣли, вполнѣ реальнымъ фактомъ на міровомъ рынкѣ. Но такъ какъ подавляющая масса товаровъ идетъ на внутренній рынокъ, захваченный нѣсколькими капиталистическими гигантами, то пріостановка въ развитіи производительныхъ силъ должна становиться все болѣе и болѣе ощутимой. Величайшія изобрѣтенія все чаще и чаще остаются достояніемъ конторы купившаго ихъ банка или синдиката, въ процессъ производства вносится рутина, застой.

Но этотъ упадочный процессъ идетъ и изъ другого источника, изъ коренного измѣненія въ общественномъ сознаніи класса капиталистовъ. Было время, когда капиталистъ былъ синонимомъ дѣйственнаго, предпріимчиваго человѣка. Онъ самъ стоялъ во главѣ предпріятія, прилагалъ всѣ усилія, чтобы поднять его на максимальную высоту. Капиталистъ былъ не посторонним зрителемъ хозяйственной жизни, а стоялъ въ центрѣ процесса производства. Съ развитіемъ акціонерной формы предпріятій, составляющей основную предпосылку финансоваго капитализма, роль капиталиста мѣняется. Выступая въ качествѣ владѣльца акцій, онъ отрывается отъ процесса производства и не принимаетъ уже участія въ хозяйственной жизни. Вся сфера его дѣятельности сводится къ потребленію, къ заботѣ о болѣе полномъ удовлетвореніи своихъ изысканныхъ потребностей. Капиталистъ перестаетъ быть активнымъ факторомъ хозяйственной жизни. Онъ превращается въ человѣка, который занимается стрижкой купоновъ и полученіемъ дивидендовъ. Однимъ

словомъ, капиталистъ вырождается въ общественнаго паразита, какъ это нѣкогда имѣло мѣсто съ античнымъ рабовладѣльцемъ и крѣпостникомъ-феодаломъ. Капитализмъ въ его новѣйшей стадіи обнаруживаетъ признаки глубочайшей деградаціи,—деградаціи, въ которой кроется его неизбѣжное крушеніе.

Все это таится въ самомъ капитализмѣ. Все это, такъ сказать, пассивные факторы, приближающіе его къ смерти. Но есть факторъ неизмѣримо болѣе активный. Это крайнее, небывалое при господствѣ капитализма обостреніе классовыхъ противорѣчій.

Финансовый капитализмъ доводитъ до крайнихъ границъ эксплоатацію пролетаріата. Устанавливая картельныя цѣны на товары, цѣны далеко превосходящія ихъ трудовую стоимость, онъ уменьшаетъ реальную заработную плату рабочихъ. Доля рабочихъ въ общественномъ продуктѣ убываетъ еще скорѣе, чѣмъ при господствѣ свободной конкурренціи (см. гл. объ основныхъ тенденціяхъ развитія капитализма), пролетаризація мелкихъ товаропроизводителей идетъ бѣшенымъ темпомъ впередъ. Распредѣленіе создаваемыхъ благъ превращается въ вопросъ о реальномъ соотношеніи силъ двухъ классовъ капиталистическаго общества. Но этого мало. Имперіализмъ означаетъ міровой милитаризмъ и міровыя войны. Рѣки крови и невиданныя разрушенія способствуютъ проясненію классоваго сознанія пролетаріата, направляютъ его въ сторону дѣйственной борьбы за соціализмъ. Объективная неизбѣжность этого переворота становится все болѣе очевидной; вопросъ остается только относительно времени его наступленія;—т.-е. дѣло сводится къ вопросу объ исторической подготовкѣ пролетаріата.

Такъ «въ мощномъ столкновеніи враждебныхъ интересовъ, диктатура магнатовъ капитала превращается, наконецъ, въ диктатуру пролетаріата» (Гильфердингъ). «Бьетъ послѣдній часъ капиталистической частной собственности. Экспропріаторы экспропріируются» (Марксъ).

Идеологіи промышленнаго и финансоваго капитализма.

Въ первую, мануфактурную эпоху капитализма продолжалось высвобожденіе личности изъ-подъ опеки различныхъ авторитетовъ, уцѣлѣвшихъ отъ феодальной системы. Уничтожается крѣпостное право тамъ, гдѣ это еще не было сдѣлано; быстро уменьшается общественная сила и вліяніе церкви; окончательно теряютъ свое значеніе цехи; измѣняются, соотвѣтственно общему ходу вещей, и политическія формы: формы абсолютной монархіи частью смягчаются, принимая болѣе культурный оттѣнокъ («просвѣщенный деспотизмъ»), частью даже переходятъ въ конституціонныя и парламентарныя формы (обыкновенно путемъ народныхъ революцій). Все это вело къ одному: устранялись препятствія къ развитію индивидуальнаго хозяйства и отдѣльной личности. Быстрѣе, чѣмъ прежде, могли вырабатываться новыя общественныя формы жизни.

Возрастающее накопленіе богатствъ въ рукахъ тѣхъ классовъ, которымъ принадлежитъ организаторская дѣятельность (производственная и особенно распредѣлительная), само по себѣ давало очень многимъ представителямъ этихъ классовъ полную возможность посвящать свои силы умственному труду. Въ то же время, общее развитіе техники производства и техники сношеній и возрастающая сложность организаторской дѣятельности въ производствѣ порождали усиленный спросъ на умственный трудъ: капиталу нужны инженеры, ученые техники, научно-образованные моряки, бухгалтеры, экономисты и т. д.; государству нужны образованные чиновники, офицеры и т. п. Въ силу такихъ обстоятельствъ возникла и быстро росла буржуазная интеллигенція. Ея трудъ оплачивался хорошо, соотвѣтственно ея высокимъ потребностямъ и привиллегированному положенію. Отдаваясь исключительно умственному труду, она имѣетъ возможность высоко развить производительность труда въ своей области. Такимъ образомъ, верхніе слои общества, отъ землевладѣльцевъ до буржуазной интеллигенціи включительно, почти не встрѣчаютъ матеріальныхъ препятствій для своего развитія.

Въ то же время количество познавательнаго матеріала, который

возникаетъ изъ производственной жизни общества, чрезвычайно возрастало. Расширялась въ пространствѣ сфера производственной дѣятельности культурныхъ народовъ, захватывая все новыя и новыя области земного шара; энергичнѣе эксплоатировались естественныя богатства каждой данной области; то и другое непосредственно влечетъ за собою прогрессъ наукъ техническихъ. За нимъ въ своемъ развитіи слѣдуютъ неразрывно связанныя съ ними, представляющія изъ себя ихъ обобщеніе, науки естественныя. XVI, XVII и XVIII вѣка ознаменованы быстрымъ прогрессомъ математики, теоретической механики, физики, химіи, а потомъ и болѣе сложныхъ наукъ—біологическихъ. Развивающееся мореплаваніе оказало значительное вліяніе на прогрессъ всѣхъ вообще естественныхъ наукъ, облегчая для европейцевъ дѣло изученія природы различныхъ странъ; но особенно сильный толчокъ получила астрономія—наука, имѣющая громадное примѣненіе въ морскомъ дѣлѣ. Прогрессъ астрономіи былъ тѣсно связанъ съ изобрѣтеніемъ и улучшеніемъ оптическихъ инструментовъ, которое, въ свою очередь, значительно ускорило развитіе всѣхъ наукъ о живой природѣ, и т. д.

Вообще, различными путями прогрессъ техническій порождалъ необходимость и создавалъ возможность прогресса познавательнаго, который реально неотдѣлимъ отъ перваго, представляетъ его непосредственное продолженіе.

Прогрессъ познанія въ эпоху мануфактурнаго капитализма имѣетъ громадное значеніе для дальнѣйшаго развитія самого капитализма. Только на извѣстной стадіи развитія науки возможенъ переходъ отъ мануфактурнаго капитализма къ машинному.

Когда это произошло, то прогрессъ научныхъ знаній ускорился еще болѣе, не только благодаря стремительному росту и усложненію самого производства, но и благодаря тому, что научное изслѣдованіе преобразовывало свои формы и методы подъ вліяніемъ машиннаго производства. Лабораторіи, обсерваторіи, всякіе научные институты стали принимать характеръ крупныхъ предпріятій, съ массою ученыхъ и неученыхъ работниковъ, при сложномъ раздѣленіи труда между ними, съ примѣненіемъ сильныхъ и тонкихъ машинъ. Въ наше время открытія, изобрѣтенія обычно уже являются настоящими продуктами крупнаго производства, концентрированныхъ научно-трудовыхъ силъ и усовершенствованныхъ средствъ познанія. Новѣйшія капиталистическія объединенія—синдикаты, трёсты—большей частью имѣютъ у себя цѣлыя фабрики изобрѣтеній.

Естественно, что натуральный фетишизмъ теряетъ всякую почву: отъ него остаются лишь жалкіе обломки, главнымъ образомъ, въ отсталыхъ, и затѣмъ въ вырождающихся слояхъ общества.

Индивидуализмъ и товарный фетишизмъ завершаютъ свое развитіе въ средѣ буржуазныхъ классовъ; а къ концу эпохи самое развитіе идеологіи этихъ классовъ обнаруживаетъ значительный поворотъ.

Въ борьбѣ противъ авторитетовъ прошлаго, феодально-крѣпостническихъ пережитковъ, эти классы твердо выдвигали идеалъ индивидуальной свободы, въ первую очередь экономической, затѣмъ политической и идейной. Но эта свобода, которая и достигалась въ разной мѣрѣ буржуазными революціями, была лишь формальной; а на дѣлѣ она являлась свободой развитія для буржуазіи, но въ то же время свободой эксплоатаціи ею пролетаріата. Пролетаріатъ началъ борьбу за матеріальную свободу развитія для себя; и буржуазіи пришлось уже бороться за свое господство, за свою власть; на первый планъ для нея стали выступать авторитарныя стороны общественнаго строя, которыя сохранились въ видѣ капиталистическаго государства съ его бюрократіей и арміей, въ видѣ подчиненія рабочаго на фабрикѣ, хотя бы въ рамкахъ договора, и т. под. Тогда буржуазные классы становятся равнодушны къ идеалу свободы, и направляютъ усилія къ поддержанію авторитета, въ видѣ «порядка», охраняемаго милитаризмомъ.

Этотъ поворотъ совпадаетъ съ растущимъ вырожденіемъ класса капиталистовъ. Какъ мы знаемъ, въ позднѣйшихъ стадіяхъ капитализма онъ все болѣе слагаетъ свою прежнюю реально-организаторскую дѣятельность на плечи наемной интеллигенціи, все болѣе переходитъ къ рентьерско-акціонерному существованію, т.-е. соціально-паразитическимъ формамъ жизни.

Что касается рабочаго класса, то за періодъ мануфактуръ самостоятельнаго идеологическаго развитія у него почти не было; онъ и въ классъ еще не начиналъ тогда складываться. Низкая заработная плата громаднаго большинства рабочихъ, соотвѣтствующая неразвитымъ потребностямъ, почти не оставляла возможности развитія; однообразная, безсодержательная механическая работа притупляла способности. Но всего важнѣе было то разобщеніе, которое создавалось между рабочими крайней спеціализаціей ручного труда, его разнородностью, несходствомъ психическаго содержанія работъ. Рабочіе той эпохи не были способны организоваться для борьбы за общіе интересы, ибо интересы ихъ были разрознены. Этому способствовали и значительныя различія заработной платы между болѣе квалифицированными рабочими-спеціалистами. Объединенія въ тѣ времена возникали еще изрѣдка между мелкими производителями домашне-капиталистической промышленности, но у пролетаріевъ мануфактуръ союзовъ не было.

Машинное производство создало новыя отношенія и тенденціи. Замѣна детальнаго работника машиною переносила на машину большую и

худшую долю специализаціи. Машина придала исполнительскому, «физическому» труду характеръ труда организаторскаго—контроля, наблюденія, инициативнаго вмѣшательства, все это по отношенію къ машинѣ, которая выполняетъ механическую сторону работы, какъ прежде выполнялъ ее работникъ-человѣкъ. Отъ рабочаго теперь стала практически требоваться извѣстная интеллигентность, и тѣмъ болѣе высокая, чѣмъ совершеннѣе, сложнѣе, тоньше машина, которою онъ управляетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ развитое вниманіе и воля. Все это порождаетъ гораздо больше общаго между работниками, хотя бы и при разныхъ машинахъ. Въ то же время и переходъ отъ одной работы къ другой дѣлается все легче—время обученія для работника, уже имѣвшаго дѣло съ какой-нибудь машиной, во много разъ меньше, чѣмъ прежде для изученія новой ручной спеціальности; и такіе переходы становятся все чаще, все обычнѣе, подъ давленіемъ безработицы, а также благодаря введенію новыхъ машинъ. И различія заработной платы обнаруживаютъ, какъ было указано, тенденцію къ сглаживанію. Всѣ эти условія сближаютъ, сплачиваютъ рабочихъ, массами объединяемыхъ самымъ процессомъ производства, облегчаютъ ростъ сознанія общихъ интересовъ. Товарищеское сотрудничество мастерской расширяется въ боевое товарищество рабочихъ организацій. То и другое вмѣстѣ вырабатываетъ въ пролетаріяхъ **духъ коллектива**, а затѣмъ ведетъ къ оформленію **идеологіи трудового коллективизма**.

Этотъ коллективизмъ—новый культурный принципъ, выступающій на смѣну авторитету и индивидуализму, равно имъ обоимъ враждебный. Съ первымъ его сближаетъ стремленіе къ организованности, но рѣзко разъединяетъ сознательный, добровольный характеръ связи между людьми, отрицаніе неравенства и слѣпого подчиненія—элементовъ, всего болѣе чуждыхъ товарищескому сотрудничеству. Съ индивидуализмомъ родственную черту представляетъ тенденція къ равенству, идеалъ свободнаго развитія; но рѣзкое различіе въ томъ, что отвергается противоположеніе человѣка человѣку, автономія личнаго «я», какъ вполнѣ особаго центра интересовъ и стремленій: такимъ центромъ принимается трудовой коллективъ; а личность разсматривается, какъ живое звено его неразрывной связи.

Коллективизмъ означаетъ коренное преобразованіе мысли и воли трудящихся. Принципіально отвергая авторитарность, онъ отнимаетъ всякую почву у религіозныхъ чувствъ и идей; ставя на первомъ планѣ живую практику трудового коллектива, дѣлая ее мѣриломъ всѣхъ истинъ и всѣхъ оцѣнокъ, онъ такъ же глубоко подрываетъ основы всякой метафизики. Въ частности, для политической экономіи, какъ и для другихъ общественныхъ наукъ, эта точка зрѣнія послужила исходнымъ

пунктомъ величайшаго переворота: разоблачила товарный фетишизмъ, найдя подъ оболочкой цѣнности кристаллизованный коллективный трудъ, силу сотрудничества, скрытую отъ прежняго сознанія борьбою рынка; создало ученіе историческаго матеріализма о соціально-производственномъ процессѣ, какъ основѣ всего развитія общества, теорію борьбы классовъ, какъ группировокъ, обусловленныхъ отношеніемъ людей къ производству. Такова пролетарская идеологія—научный соціализмъ. Ея практическая сторона выражается въ борьбѣ за соціалистическій идеалъ.

Развитіе этой идеологіи происходитъ постепенно и съ колебаніями, но въ общемъ непрерывно ускоряется.

Соціалистическое общество.

Эпоха капитализма еще не завершилась; но неустойчивость ея отношеній уже выяснилась вполнѣ. Выяснились и коренныя противорѣчія этого строя, которыя все глубже его подрывають,—и силы развитія, которыя создають основы для иного строя. Намѣтилось, въ главныхъ чертахъ направленіе, по которому идетъ и это разрушеніе, и это развитіе. Такимъ образомъ, уже теперь можно сдѣлать выводы о томъ, каковъ будетъ новый строй, въ чемъ его основныя различія отъ нынѣшняго.

Можетъ показаться, что наука не имѣетъ права говорить о томъ, что еще не наступило, и чему не было точнаго примѣра въ прошломъ. Такая мысль очень ошибочна. Наука существуетъ именно для того, чтобы предвидѣть. Чему не было еще точнаго примѣра, того она не можетъ, разумѣется, предвидѣть вполнѣ точно. Но если въ общемъ извѣстно то, что есть, и извѣстно, въ какую сторону оно измѣняется, то наука должна сдѣлать выводъ о томъ, что изъ этого получится. Она должна сдѣлать этотъ выводъ для того, чтобы люди въ своихъ дѣйствіяхъ могли съ нимъ сообразоваться, чтобы они не тратили безплодно свои силы, дѣйствуя вопреки будущему, задерживая развитіе новыхъ формъ,—чтобы они могли сознательно работать для ускоренія и облегченія этого развитія.

Выводы общественной науки о будущемъ строѣ не могутъ быть вполнѣ точными, благодаря тому, что громадная сложность общественныхъ явленій не позволяетъ въ наше время охватывать ихъ во всей полнотѣ, со всѣми частностями, но только—въ общихъ чертахъ. Поэтому и картина новаго строя можетъ быть дана только въ еще болѣе общихъ чертахъ. Но онѣ-то и являются наиболѣе важными чертами, особенно для человѣка нашихъ дней.

Исторія древняго міра показываетъ, что человѣческія общества могутъ иногда итти назадъ, приходить въ упадокъ, разлагаться; исторія первобытнаго человѣчества, а также нѣкоторыхъ замкнутыхъ восточныхъ обществъ говоритъ о возможности долгаго застоя. Поэтому съ строго научной точки зрѣнія самый переходъ къ этимъ новымъ фор-

мамъ приходится принимать условно: новый, высшій строй явится въ томъ случаѣ, если общество будетъ итти впередъ въ своемъ развитіи, какъ шло впередъ до сихъ поръ. Но для застоя или деградаціи нужны достаточныя причины; въ жизни современнаго общества ихъ указать нельзя. Стать застойнымъ оно не можетъ при массѣ внутреннихъ противорѣчій, при порождаемомъ ими стремительномъ ходѣ жизни. Вызвать коренную деградацію эти противорѣчія могли бы только въ томъ случаѣ, если бы налицо не имѣлось достаточныхъ силъ и элементовъ для развитія; но они имѣются, и до сихъ поръ тѣ же общественныя противорѣчія развивали ихъ и умножали. Производительныя силы человѣчества растутъ, и только временно ослабляются даже такими соціальными катастрофами, какъ міровая война; растетъ и организуется громадный классъ общества, стремящійся осуществить новыя формы. Поэтому нѣтъ никакихъ серьезныхъ данныхъ, чтобы ожидать обратнаго движенія, деградаціи общества; неизмѣримо больше основаній думать, что оно продолжитъ свой путь и создастъ новый строй, разрѣшающій и уничтожающій противорѣчія капитализма.

1. Отношенія общества къ природѣ.

Развитіе машинной техники еще въ періодѣ капитализма пріобрѣтаетъ характеръ такой послѣдовательности и непрерывности, что становится вполнѣ возможнымъ опредѣлить тенденціи, а стало быть и дальнѣйшіе результаты этого развитія.

По отношенію къ первой части машины—источнику энергіи—такая тенденція уже была нами указана: переходъ отъ пара къ электричеству, самой гибкой, самой пластичной изъ силъ природы, которая можетъ легко получаться изъ всѣхъ другихъ и превращаться во всѣ другія, точно дѣлиться на части и передаваться на огромныя разстоянія. Къ необходимости перехода на электричество ведетъ и неизбѣжное истощеніе главныхъ источниковъ паровой силы—каменнаго угля и нефти; переходъ же этотъ дастъ возможность использовать и энергію всѣхъ водопадовъ, всякой текущей воды, даже, напр., морскихъ приливовъ, и непостоянную энергію вѣтра, которую можно собирать и накоплять при помощи аккумуляторовъ, и т. д. Намѣчается также новый, неизмѣримо богатый, безконечно превосходящій всѣ прежніе источникъ электрическихъ силъ—внутри-атомная энергія, заключающаяся во всякомъ веществѣ. Ея существованіе научно доказано, даже использованіе началось, хотя въ очень малыхъ размѣрахъ, тамъ, гдѣ она освобождается сама собою: свойства радія и другихъ, подобныхъ ему, распадающихся элементовъ. Но способовъ вообще планомѣрно освобождать эту энергію еще не найдено; новая, высшая научная техника,

вѣроятно, найдетъ ихъ, и объединенное человѣчество овладѣетъ неисчерпаемыми запасами стихійной силы.

По отношенію къ передаточному механизму мы также отмѣтили уже тенденцію къ автоматическому типу машины. За нимъ намѣчается типъ еще болѣе высокій, не только автоматически дѣйствующій, но и автоматически-регулирующійся. Его начало лежитъ въ возрастающемъ примѣненіи механическихъ регуляторовъ при нынѣшнихъ машинахъ—съ одной стороны, въ немногихъ уже созданныхъ военной техникой механизмахъ этого типа, какъ самодвижущіяся подводныя торпеды и воздушныя мины,—съ другой. При капитализмѣ подобныя машины едва ли могутъ найти примѣненіе въ мирномъ производствѣ: онѣ невыгодны съ точки зрѣнія прибыли, такъ какъ очень сложны и неизбѣжно дороги; количество рабочей силы, которое онѣ сберегаютъ по сравненію съ машинами прежняго типа, невелико, потому что и автоматическій механизмъ требуетъ ея очень мало; а зато работники при нихъ нужны болѣе высокой интеллигентности, плата которыхъ также должна быть выше, и сопротивленіе капиталу значительнѣе. Въ военномъ дѣлѣ вопроса о прибыли нѣтъ, поэтому тамъ нѣтъ и такихъ препятствій; при соціализмѣ вопросъ о прибыли отпадаетъ и для производства. Тамъ выступятъ на первый планъ техническія преимущества саморегулирующихся механизмовъ: они способны довести быстроту, и особенно точность работы до несравненно болѣе высокаго уровня, чѣмъ при регулированіи только при помощи человѣческихъ органовъ, дѣйствующихъ болѣе медленно и менѣе точно, подверженныхъ утомленію и ошибкамъ.

При этомъ количество машинъ и сумма развиваемой ими механической энергіи возрастаетъ въ такой колоссальной степени, что физическая энергія людей становится почти несоизмѣримо малою по сравненію съ этой громадной величиной. Силы природы выполняютъ для человѣка исполинскую работу,—послушные мертвые рабы, мощь которыхъ растетъ до безконечности.

Особенное значеніе для развитія новыхъ общественныхъ формъ имѣетъ техника сообщеній между людьми. Ея стремительный прогрессъ, наблюдаемый въ концѣ эпохи капитализма, явно направленъ къ тому, чтобы устранить всѣ препятствія, которыя ставятъ объединенію и сплоченію людей природа и пространство. Усовершенствованіе безпроволочнаго телеграфа и телефона создаетъ возможность для людей непосредственно сноситься на какихъ угодно разстояніяхъ и при какихъ угодно естественныхъ преградахъ. Возрастающая скорость всѣхъ способовъ передвиженія физически сближаетъ людей вмѣстѣ съ продуктами ихъ труда въ такой мѣрѣ, какъ не могли и мечтать прошлыя поколѣнія. А въ особенности, созданіе свободно управляемыхъ воз-

духоплавательныхъ аппаратовъ даетъ человѣческимъ отношеніямъ реальную независимость отъ географическихъ условій земной поверхности, отъ ея строенія и ея очертаній.

Дѣйствительная власть общества надъ природою, безпредѣльно развивающаяся на основѣ научно-организованной техники—такова первая характеристика коллективистическаго строя.

2. Общественныя отношенія производства.

Какъ мы видѣли, машинная техника въ періодѣ капитализма измѣняетъ формы сотрудничества въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, техническое раздѣленіе труда теряетъ характеръ «спеціализаціи», съуживающей и ограничивающей психику работника, и становится сходнымъ съ «простой коопераціей», въ которой работники выполняютъ однородную работу; при этомъ техническая «спеціализація» переносится съ человѣка на машину. Съ другой стороны, самыя рамки этого сотрудничества расширяются въ громадныхъ размѣрахъ: возникаютъ предпріятія, объединяющія въ одной организованной системѣ тысячи и десятки тысячъ работниковъ.

Обѣ эти тенденціи для новаго строя надо представить себѣ продолженными несравненно дальше, чѣмъ въ эпоху машиннаго капитализма. Различія профессіональной спеціализаціи должны свестись къ такой ничтожной величинѣ, что исчезаетъ окончательно то психическое разъединеніе, которое создается разнородностью трудовой жизни людей; связь взаимнаго ихъ пониманія и общенія безпрепятственно расширяется и упрочивается на основѣ дѣйствительной общности жизненнаго содержанія.

Въ то же время организованное трудовое объединеніе безпрерывно растетъ, группируя людей уже сотнями тысячъ и милліонами на одной общей трудовой задачѣ.

Изъ продолжающагося развитія этихъ двухъ прежнихъ тенденцій возникаютъ двѣ уже новыхъ особенности послѣ-капиталистическаго строя. Съ одной стороны, преодолѣвается и теряетъ значеніе послѣдняя, наиболѣе устойчивая форма спеціализаціи—раздѣленіе организатора и исполнителя. Съ другой стороны, всѣ трудовыя группировки людей становятся все болѣе подвижными, все болѣе текучими.

Хотя въ эпоху машиннаго капитализма исполнительскій трудъ при машинахъ уже приближается по своему характеру къ организаторскому труду, но все же различія между ними остается достаточно, а потому и обособленіе ролей организаторской и исполнительской не перестаетъ быть прочнымъ: самый опытный работникъ машиннаго производства все же далеко не то, что его директоръ, и не можетъ замѣнить этого

послѣдняго. Но дальнѣйшее повышеніе сложности и тонкости механизмовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общей интеллигентности работника должно подорвать это различіе. Съ переходомъ къ автоматическому регулированію работа простого рабочаго при нихъ все болѣе сближается по типу съ инженерской, все болѣе пріобрѣтаетъ характеръ лишь общаго наблюденія за исправностью дѣйствій различныхъ аппаратовъ, входящихъ въ составъ машины: механику нѣтъ надобности ежеминутно взглядывать на манометръ или на измѣритель тока и каждый разъ самому принимать мѣры къ установкѣ надлежащаго уровня давленія пара или силы тока, если въ машину включены регуляторы, автоматически поддерживающіе то и другое на установленной высотѣ; онъ долженъ только время отъ времени освѣдомляться, дѣйствуютъ ли самые регуляторы, и въ случаѣ надобности мѣнять ихъ установку, а также заботиться о быстромъ ихъ исправленіи въ случаѣ порчи и т. п. Но при этомъ все болѣе повышается уровень знанія, пониманія, сообразительности, общаго психическаго развитія, который требуется отъ работника; ему нужна уже не простая толковость и не простое практическое знакомство съ механизмомъ, а точное научно-техническое знаніе, какимъ теперь обладаютъ только интеллигенты-организаторы. Слѣдовательно, разница между «исполнителемъ» и «руководителемъ» должна тамъ свестись къ чисто-количественной разницѣ въ научно-технической подготовкѣ; рабочій просто слѣдуетъ указаніямъ болѣе свѣдущаго и опытнаго товарища, а не слѣпо подчиняется власти, опирающейся на недоступныя ему знанія. Создается постоянная возможность легкой замѣны любого организатора однимъ изъ исполнителей и обратно. Исчезаетъ трудовое неравенство этихъ двухъ типовъ, и они сливаются между собою.

Вмѣстѣ съ послѣдними остатками психической «спеціализаціи» устраняется всякая необходимость и всякая разумность прикрѣпленія опредѣленныхъ лицъ къ опредѣленной частной работѣ. Совершенно напротивъ, новыя формы труда требуютъ такой умственной гибкости и такой разносторонности опыта, для развитія и поддержанія которыхъ работникъ прямо-таки долженъ время отъ времени мѣнять работу, переходя отъ однихъ машинъ къ другимъ, отъ роли «организаторской» къ «исполнительской» и обратно. А несравненно болѣе быстрый, чѣмъ въ нашу эпоху, прогрессъ техники, съ постояннымъ усовершенствованіемъ машинъ и ихъ комбинацій, долженъ сдѣлать въ высокой степени подвижными, быстро измѣняющимися самыя группировки человѣческихъ силъ въ отдѣльныя трудовыя системы («предпріятія», какъ ихъ называютъ въ наше время).

Все это становится возможнымъ и осуществимымъ, благодаря тому, что производство въ цѣломъ организуется обществомъ со-

знательно и планомѣрно. На основѣ научнаго опыта и трудовой солидарности создается всеобщая, объединяющая организація труда; устраняется та анархія, которая въ эпоху капитализма разъединяетъ отдѣльныя предпріятія—безпощадной конкурренціей, и цѣлые общественные классы—суровою борьбой. Наука указываетъ путь къ такой организаціи, вырабатываетъ способы ея выполненія; объединенная сила сознательныхъ работниковъ ее осуществляетъ.

Масштабъ организаціи съ самаго начала долженъ быть міровой или близкій къ міровому, чтобы новое общество не зависѣло въ своемъ производствѣ и потребленіи отъ обмѣна со странами не вошедшими въ него: опытъ міровой войны и послѣдовавшихъ за нею революцій показалъ, что такая зависимость немедленно превратилась бы въ средство разрушенія новаго строя.

Типъ организаціи не можетъ быть инымъ, какъ централистическимъ,—но не въ смыслѣ стараго, авторитарнаго, а въ смыслѣ иного, научнаго централизма. Его центромъ должно являться гигантское статистическое бюро, на основаніи точныхъ расчетовъ распредѣляющее рабочія силы и средства труда.

Движущая сила организаціи—товарищеская дисциплина, вначалѣ, пока общество еще не все воспиталось въ духѣ коллективнаго труда, включающая элементы принужденія, а затѣмъ шагъ за шагомъ освобождающаяся отъ нихъ.

Въ этой новой системѣ производства каждый работникъ дѣйствительно равенъ другому работнику, какъ сознательные элементы единаго разумнаго цѣлаго; въ этой системѣ каждому даются всѣ условія чтобы съ наибольшей полнотой и всесторонностью развить свою трудовую силу и съ наибольшей цѣлесообразностью примѣнять ее въ пользу всѣхъ.

Итакъ, стройная организованность всей производственной системы, при величайшей подвижности ея элементовъ и ихъ группировокъ и при высокой психической однородности трудящихся, какъ всесторонне развитыхъ сознательныхъ работниковъ,—вотъ вторая характеристика соціалистическаго общества.

3. Распредѣленіе.

Распредѣленіе представляетъ вообще необходимую часть производственной системы, и въ своей организаціи всецѣло отъ нея зависитъ. Планомѣрная организація производства предполагаетъ такую же организацію распредѣленія. Верховнымъ организаторомъ и здѣсь и тамъ является само общество, какъ цѣлое: оно распредѣляетъ трудъ, оно соотвѣтственно этому распредѣляетъ и продукты труда. Это прямая

противоположность тому анархическому, неорганизованному распредѣленію, которое выражается въ обмѣнѣ и частной собственности, которое протекаетъ на почвѣ конкуренціи и грубой борьбы интересовъ.

Общественная организація производства и распредѣленія предполагаетъ, конечно, и общественную собственность на средства производства, и точно также на предметы потребленія, созданные общественнымъ трудомъ,—вплоть до момента передачи ихъ обществомъ отдѣльнымъ лицамъ для потребленія. Тамъ, въ области потребленія, которое по существу индивидуально, начинается «индивидуальная собственность». Она, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ капиталистической частной собственностью, которая прежде всего есть собственность частныхъ лицъ на средства производства, и не заключаетъ въ себѣ права работниковъ на необходимыя средства потребленія.

Принципъ распредѣленія прямо вытекаетъ изъ основъ организаціи сотрудничества. Если система производства организована такъ, что должна обезпечивать каждому члену общества полное и всестороннее развитіе силъ и цѣлесообразное ихъ примѣненіе на пользу всѣхъ, то система распредѣленія должна давать ему всѣ средства потребленія, какія ему необходимы и для этого развитія силъ, и для ихъ примѣненія. Что касается способа, которымъ достигается эта цѣль, то здѣсь также можно предвидѣть двѣ различныя фазы. Вначалѣ, пока размѣры производства еще не очень велики, а коллективизмъ еще недостаточно вошелъ въ плоть и кровь членовъ общества, такъ что и въ сотрудничествѣ еще должны сохраняться элементы принудительности, распредѣленіе служитъ и средствомъ дисциплины: каждый получаетъ для потребленія долю продуктовъ, соотвѣтствующую количеству труда, которое онъ далъ коллективу. Потомъ, когда ростъ производства сдѣлаетъ ненужной тщательную экономію продуктовъ, а развитіе духа трудового коллективизма—всякую принудительность, тогда и въ распредѣленіи установится полная свобода для работника потребителя: отдавая обществу все, что онъ можетъ дать ему по своимъ силамъ и способностямъ, онъ будетъ брать отъ него все нужное по своимъ потребностямъ.

Сложность новой организаціи распредѣленія, очевидно, должна быть громадна, и требуетъ такого развитія статистическаго и освѣдомляющаго аппарата, до какого нашей эпохѣ еще очень далеко. Однако, уже въ наше время складываются, въ самыхъ различныхъ областяхъ экономической жизни, различные элементы, которые должны послужить матеріаломъ для подобнаго аппарата: въ сферѣ банковаго и кредитнаго дѣла—агентуры и комитеты экспертовъ для выясненія положенія рынковъ, организація биржевая и т. под.; въ сферѣ рабочаго движенія—организація союзныхъ кассъ взаимопомощи, потребительныхъ обществъ; далѣе, сюда же относится организація государственнаго страхованія

и т. п. Но всѣ эти элементы должны существенно преобразиться, чтобы войти въ будущую систему распредѣленія, потому что теперь они всецѣло приспособлены къ анархической системѣ капитализма и подчинены ея формамъ. Это скорѣе разбросанные зародышевые прообразы будущей единой и стройной системы распредѣленія.

Итакъ, общественно-организованное товарищеское распредѣленіе на основѣ общественной собственности на всѣ средства производства—такова третья характеристика коллективистическаго строя.

4. Общественная идеологія.

Основнымъ строеніемъ новой общественной организаціи опредѣляется первая черта общественной психологіи, выступающей въ ея рамкахъ: высшая степень соціальности, духъ коллективизма. Трудовая сплоченность великой семьи человѣчества и коренная однородность развитія людей должны создать такую степень взаимнаго сочувствія и взаимнаго пониманія людей, на которую слабымъ указаніемъ является только современная солидарность сознательныхъ и борющихся элементовъ рабочаго класса—представителя будущаго общества въ настоящемъ. Человѣкъ, воспитанный эпохою ожесточенной конкурренціи, безпощадной экономической вражды людей, группъ и классовъ, не въ силахъ даже представить себѣ того высшаго развитія товарищеской связи людей, которое органически создастся изъ новыхъ трудовыхъ отношеній.

Изъ реальной власти общества надъ природой внѣшней и надъ своей собственной природою вытекаетъ другая черта идеологіи новаго міра—это отсутствіе всякаго фетишизма, чистота и ясность познанія, освобожденнаго отъ идоловъ мистики и призраковъ метафизики. Исчезаютъ послѣдніе слѣды фетишизма натуральнаго, отражающаго окончательно низвергнутое господство надъ человѣкомъ внѣшней природы; разрушается и искореняется до конца фетишизмъ соціальный, отражающій господство надъ человѣкомъ стихійныхъ силъ общественной природы, власть рынка и конкурренціи. Сознательно и планомѣрно организуя свою борьбу со стихіями природы и свои собственныя отношенія въ этой борьбѣ, общественный человѣкъ не нуждается въ кумирахъ, воплощающихъ чувство безпомощности передъ непреодолимыми силами окружающаго міра; непознанное для него перестаетъ быть непознаваемымъ, потому что процессъ познанія, организованный планомѣрно на почвѣ организованнаго труда, сопровождается сознаніемъ силы, чувствомъ побѣды, потому что въ жизненномъ опытѣ человѣка нѣтъ больше области, окруженной несокрушимою стѣною тайны. На-

ступаетъ царство науки, навсегда покончившей съ религіями и метафизикой.

Какъ результатъ соединенія обѣихъ указанныхъ чертъ общественной идеологіи выступаетъ третья черта—прогрессивное устраненіе принудительныхъ нормъ, и вообще элементовъ принужденія въ общественной жизни.

Жизненное значеніе всякихъ принудительныхъ нормъ—обычая, права, нравственности—заключается въ томъ, что онѣ регулируютъ жизненныя противорѣчія между людьми, группами, классами. Противорѣчія же эти сводятся къ борьбѣ, конкурренціи, враждѣ, насилію, и вытекаютъ изъ неорганизованности, анархичности общественнаго цѣлаго. Принудительныя нормы, которыя, частью стихійно, частью сознательно, вырабатываетъ общество въ борьбѣ съ этой неорганизованностью и этими противорѣчіями, становятся для людей внѣшней силой, которой они подчиняются; и въ качествѣ такой внѣшней силы, стоящей надъ человѣкомъ, нормы эти становятся фетишами, т.-е. извращенно представляются людямъ, какъ что-то высшее, требующее поклоненія или почитанія. Безъ этого фетишизма принудительныя нормы не имѣли бы той власти надъ людьми, какая необходима, чтобы сдерживать жизненныя противорѣчія. Натуральный фетишистъ приписываетъ власти, праву, нравственности происхожденіе божественное, представитель соціальнаго фетишизма—происхожденіе изъ самой «сущности вещей». То и другое означаетъ—высшее происхожденіе, абсолютное значеніе. Вѣруя въ такой высшій и абсолютный характеръ нормъ фетишистъ съ преданностью раба подчиняется имъ и поддерживаетъ ихъ.

Когда общество перестаетъ быть анархичнымъ и складывается въ гармоничныя формы стройной организаціи, тогда жизненныя противорѣчія въ его средѣ перестаютъ быть основнымъ и постояннымъ явленіемъ, остаются лишь частнымъ и случайнымъ. Принудительныя же нормы суть своего рода «законы» въ томъ смыслѣ, что они должны регулировать явленія повторяющіяся, вытекающія изъ самого строенія общества; очевидно, при новомъ строѣ онѣ утрачиваютъ свой смыслъ. Случайныя и частныя противорѣчія, при высокомъ развитіи соціальнаго чувства и при такомъ же высокомъ развитіи познанія, легко преодолѣваются людьми и безъ спеціальныхъ «законовъ», принудительно проводимыхъ «властью». Напр., если душевно-больной причиняетъ опасность и вредъ другимъ людямъ, то не требуется особыхъ «законовъ» и органовъ «власти», чтобы устранить такое противорѣчіе, но достаточно указаній науки, чтобы цѣлесообразно лѣчить человѣка, и соціальнаго чувства окружающихъ людей, чтобы, препятствуя проявленіямъ насилія съ его стороны, причинять ему также какъ можно меньше насилія.

Смыслъ принудительныхъ нормъ въ обществѣ высшаго типа теряется тѣмъ болѣе, что съ исчезновеніемъ соціальнаго фетишизма, съ ними связаннаго, онѣ теряютъ и свою «высшую» силу.

Ошибочно думаютъ тѣ, кто полагаютъ, что въ новомъ обществѣ должно сохраниться «государственное устройство», т.-е. правовая организація, потому что необходимы нѣкоторые принудительные законы, напр., законъ о томъ, чтобы каждый по стольку-то часовъ въ день работалъ для общества. Всякое государственное устройство есть организація классоваго господства, и оно невозможно тамъ, гдѣ нѣтъ классовъ. Что касается распредѣленія труда въ обществѣ, то оно при новомъ строѣ гарантируется, съ одной стороны, указаніями науки и ея выразителей, техническихъ организаторовъ труда, дѣйствующихъ только именемъ науки, но не именемъ власти, съ другой стороны—силою соціальнаго чувства, связывающаго людей въ одну трудовую семью искреннимъ стремленіемъ сдѣлать все для блага всѣхъ.

Только въ переходномъ періодѣ, когда еще сохраняются остатки классовыхъ противорѣчій прошлаго, мыслима государственная форма и для новаго общества—«государство будущаго». Но и это государство есть также организація классового господства, только—господства пролетаріата, класса, уничтожающаго раздѣленіе общества на классы, а съ этимъ раздѣленіемъ устраняющаго затѣмъ и государственную форму общества.

5. Силы развитія.

Новое общество основано не на мѣновомъ, а на натуральномъ хозяйствѣ. Между производствомъ и потребленіемъ продуктовъ не стоитъ рынокъ, покупка и продажа,—но только сознательно и планомѣрно организованное распредѣленіе.

Новое натуральное хозяйство отличается отъ стараго,—напр., первобытно-коммунистическаго,—тѣмъ, что оно охватываетъ собою не большую или маленькую общину, но цѣлое общество изъ сотенъ милліоновъ людей, а затѣмъ—все человѣчество.

Въ обществахъ съ мѣновымъ хозяйствомъ силы развитія—«относительное перенаселеніе», конкурренція, классовая борьба,—т.-е., въ сущности, внутреннія противорѣчія общественной жизни. Въ обществахъ натурально-хозяйственныхъ, разсмотрѣнныхъ нами выше—родовыхъ, феодальныхъ и т. под.—эти силы имѣютъ въ основѣ «абсолютное перенаселеніе», т.-е. внѣшнее противорѣчіе, противорѣчіе между обществомъ и природой, между возникающимъ изъ размноженія ростомъ потребности въ средствахъ жизни, и суммою этихъ средствъ, которую при данныхъ способахъ труда доставляетъ природа.

Въ новомъ натурально-хозяйственномъ обществѣ силы развитія ле-

жатъ опять во внѣшнемъ противорѣчіи—общества и природы, въ самомъ процессѣ борьбы общества съ природою. Здѣсь не требуется медленно дѣйствующей силы чрезмѣрнаго размноженія, чтобы человѣкъ совершенствовалъ далѣе свой трудъ и свое познаніе: потребности человѣчества растутъ въ самомъ процессѣ труда и опыта, каждая новая побѣда надъ природою и ея тайнами ставитъ новыя задачи и загадки въ высоко-организованной, гармоничной, чуткой ко всякому пробѣлу и противорѣчію психикѣ новаго человѣка. Власть надъ природою означаетъ постоянное накопленіе энергіи общества, усвояемой имъ изъ внѣшней природы. Накопляемая энергія ищетъ исхода, и находитъ его въ творчествѣ, въ созданіи новыхъ формъ труда и познанія.

Правда, не всегда накопленіе энергіи ведетъ къ творчеству—оно можетъ вести и къ вырожденію. Паразитическіе классы современнаго и прежнихъ обществъ, накопляя энергію за счетъ труда другихъ людей, ищутъ ей исхода не въ творчествѣ, а въ развратѣ, извращеніяхъ, въ утонченностяхъ потребленія; и это ведетъ къ ослабленію психики, къ упадку класса.—Но таковы только паразиты; они живутъ не въ сферѣ общественно-полезнаго труда, а почти исключительно въ сферѣ потребленія; естественно, что въ этой сферѣ они и ищутъ новыхъ формъ жизни—и находятъ ихъ въ утонченностяхъ и извращеніяхъ.—Такихъ паразитовъ соціалистическое общество не знаетъ; въ немъ всѣ—трудящіеся, и въ сферѣ труда они удовлетворяютъ жажду творчества, вытекающую изъ избытка энергіи. Они совершенствуютъ технику и познаніе,—а стало-быть и собственную природу.

Новыя силы развитія, рождающіяся изъ борьбы съ природою, изъ трудового опыта людей, дѣйствуютъ тѣмъ сильнѣе и быстрѣе, чѣмъ шире, сложнѣе, разностороннѣе этотъ опытъ. Поэтому въ новомъ обществѣ, съ его колоссальной широтой и сложностью системы труда, съ его громадной связностью, сближающей и объединяющей опытъ самыхъ различныхъ (при одинаковомъ уровнѣ развитія) человѣческихъ личностей, эти силы развитія должны создать такой стремительный прогрессъ, о которомъ мы не можемъ даже составить себѣ точнаго понятія. Гармоническій прогрессъ будущаго общества неизмѣримо интенсивнѣе, чѣмъ полустихійный, колеблющійся среди противорѣчій прогрессъ нашей эпохи.

Всѣ экономическія препятствія къ развитію устранены въ коллективистической системѣ. Такъ, распространеніе машинъ, которое при капитализмѣ находитъ границу въ прибыльности машинъ, тамъ зависитъ всецѣло отъ ихъ производительности. А мы уже видѣли, что машина, очень полезная для сбереженія труда, часто является весьма невыгодной съ точки зрѣнія капиталистической прибыли.

Въ соціалистическомъ обществѣ нѣтъ этой точки зрѣнія, нѣтъ и вытекающихъ изъ нея задержекъ.

Тѣ силы развитія, которыя господствуютъ на этой ступени, въ сущности, не новыя: онѣ дѣйствовали и всегда раньше. Но это дѣйствіе подавлялось въ натурально-хозяйственныхъ системахъ ихъ общимъ консерватизмомъ; при капитализмѣ же тѣмъ, что классы, присваивающіе себѣ продуктъ прибавочнаго труда, т.-е., основной источникъ энергіи для развитія общества, не находятся въ непосредственной борьбѣ съ природою, не ведутъ производства своими руками, а только черезъ другихъ, управляя ими, и слѣдовательно, остаются внѣ вліянія силъ, возникающихъ изъ этой борьбы.

При соціализмѣ же всей суммой прибавочнаго труда пользуется все общество, и каждый непосредственно участвуетъ въ борьбѣ съ природою. Поэтому основной, величайшій двигатель прогресса здѣсь дѣйствуетъ безпрепятственно и въ полной мѣрѣ, не черезъ избранное меньшинство, а черезъ все человѣчество; и скорость развитія должна непрерывно возрастать.

Итакъ, высшая мыслимая для насъ ступень власти надъ природою, организованности, соціальности, свободы, прогрессивности,—такова общая характеристика соціалистическаго строя.

Краткій указатель литературы.

1. **К. Марксъ.** Капиталъ, т. I, II и III, переводъ В. Базарова и И. Степанова. Къ нему введеніемъ могутъ служить двѣ книги:
2. **К. Каутскій.** Экономическое ученіе К. Маркса (существуетъ нѣсколько переводовъ).
3. **Г. Девиль.** Капиталъ. Изложеніе I т. „Капитала“ Маркса, переводъ И. Гольденберга.
4. **А. Богдановъ и И. Степановъ.** Курсъ политической экономіи, т. I.
5. **Тѣхъ же авторовъ.** Курсъ политической экономіи, т. II, ч. I, II и IV.
6. **И. Кулишеръ.** Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы.
7. **Гиббинсъ.** Промышленная исторія Англіи.
8. **Т. Роджерсъ.** Шесть вѣковъ труда и заработной платы.
9. **В. Зомбартъ.** Современный капитализмъ, переводъ В. Базарова и И. Степанова.
10. **Н. Рожковъ.** Городъ и деревня въ русской исторіи.
11. **М. Покровскій.** Очерки по исторіи русской культуры, т. I.
12. **В. Ильинъ.** Развитіе капитализма въ Россіи.
13. **М. Туганъ-Барановскій.** Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ, т. I.
14. **Н. Бухаринъ.** Политическая экономія рантье.
15. **Р. Гильфердингъ.** Финансовый капиталъ, переводъ И. Степанова.
16. **В. Ильинъ (Ленинъ).** Имперіализмъ, какъ новѣйшій этапъ капитализма.
17. **Н. Бухаринъ.** Міровое хозяйство и имперіализмъ.
18. **Г. Цыперовичъ.** Синдикаты и трёсты въ Россіи.
19. **А. Богдановъ.** Наука объ общественномъ сознаніи.
20. **К. Каутскій.** Предшественники новѣйшаго соціализма, т. и II, переводъ Базарова и Степанова.

Цѣна **70** руб.

Никѣмъ изъ книгопродавцевъ указанная на книгѣ цѣна не можетъ быть повышена.

Государственное Издательство.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

МОСКВА 1920.